

**ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ**

**ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА
ВРЕМЕН**

**ТОМ ШЕСТОЙ [153]
ДЕКАБРЬ 2013**

ISSN 2306-4978

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ — СВИДЕТЕЛЬНИЦА ВРЕМЕН

ТОМ ШЕСТОЙ [153]

МОСКВА, 2013

Редакция

А.Э. Титков	главный редактор, кандидат исторических наук
Д.В. Климов	зам. главного редактора, кандидат исторических наук
И.Я. Керемецкий	зам. главного редактора (художественный редактор), член Творческого союза художников России
Е.А. Радзиевская	ученый секретарь
Т. Лефюк	редактор английской версии

Редакционный совет

Председатель редакционного совета

Е.И. Пивовар	ректор РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
--------------	---

Члены редакционного совета

А.А. Горский	доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
С.В. Девятков	доктор исторических наук
С.М. Исхаков	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
И.В. Курукин	доктор исторических наук, профессор РГГУ
А.Э. Титков	кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

Компьютерный набор, верстка редакции. Дизайн Ю.В. Филимонов.

Подписано к печати 16.12.2013 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл.-печ. л. 27,3. Печать офсетная. Заказ № 98

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214

Тел. +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76

E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2012

Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета в ЗАО «Издательство ИКАР».

117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6

Тел.: +7 (495) 936-83-28, +7 (495) 978-35-99. Тел./факс: +7 (495) 330-89-77

www.ikar-publisher.ru

Журнал «Исторический вестник» издается
при поддержке компании ОАО «АК «Транснефть».

ISSN 2306-4978

ОТ РЕДАКЦИИ

Шестой номер «Исторического вестника», которым мы завершаем 2013 год, составлен по общеисторическому принципу. Тем не менее ряд материалов композиционно и тематически дополняют друг друга. В частности это статья Б.Н. Флори, посвященная посольству И.И. Чаадаева 1671 г. в Речь Посполитую, и исследование Я.А. Лазарева о роли резидентов при гетманском дворе на Украине в 10-е г. XVIII века. Общий контекст связан с демонстрацией осторожной, если не сказать настороженной политикой Москвы в этом регионе. В первом случае мы видим максимально аккуратную позицию русской дипломатии в части, касающейся исполнения договора от 1667 г. с Речью Посполитой о противодействии Османской империи в Восточной Европе. Раздираемая различными аристократическими партиями и колеблющаяся на грани гражданской войны, Польша не рассматривалась в Первопрестольной как реальный союзник. Более того, подчеркивалась позиция казачества Правобережья во главе с гетманом Дорошенко, готовым «дружить» с Османами и Крымом против поляков. Так же скептически оценивалась гетманская власть русскими резидентами и в начале XVIII в. Это был своего рода надоевший компромисс, вынуждавший сохранять форму гетманского управления Малороссией, омраченный к тому же неизбывными воспоминаниями о предательстве Мазепы. Характерно, что неуверенность Москвы в своих нынешних

восточноевропейских партнерах пережила века, что оказывает влияние на политику России в этом регионе и по сей день.

Еще одна «вечная» тема отражена в статье М.А. Киселева «Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII — первой четверти XVIII века». Автор поднимает важнейший для русской действительности и ментальности вопрос о наполнении понятий «государь — государство» и «царь — царство». В первом случае подразумевается «государь» как единоличный правитель и «государство» как территория, на которой он осуществляет свою единоличную власть. Признаки, безусловно, формальные. А вот о том, *какой* это государь, по справедливому замечанию М.А. Киселева, судили, как правило, при помощи категорий «царь и царство». И здесь на первый план выходит вопрос морального свойства: ведь если «государь» на Руси есть персонализированная квинтэссенция права, то «царь» являет собой степень соответствия обязательствам в отношении вверенного ему царства и, соответственно, народа. «Царь» — это идеальный образ, которому должен соответствовать правитель.

В общеисторическом контексте к теме значимости для России категорий попечения и справедливости примыкает исследование Д.О. Серова «Гвардейцы и фискалы Петра I в борьбе с лихоимцами и казнокрадами». Фискал — слово, обретшее в свое

время отрицательную коннотацию. И здесь стоит привести цитату из статьи: «На сегодня, однако, документально установлен единственный случай, когда должностное лицо фискальной службы было осуждено за необоснованное возбуждение уголовного дела. 25 ноября 1718 г. Особое судебное присутствие, состоявшее из глав и ассессоров “майорских” канцелярий, приговорило к смертной казни с конфискацией имущества фискала И.Д. Тарбеева, изобличенного в предъявлении генерал-майору Г.П. Чернышеву ложного обвинения во взяточничестве». Добавим к тому: с реальными мздоимцами, пребывавшими при государственных должностях, расправлялись не менее жестко. И это тоже было прямым царским делом.

В этом номере мы публикуем материал лучшего отечественного специалиста в области фалеристики В.А. Дурова об учреждении Ордена Св. Екатерины при Петре Первом. История этой награды связана с чуть было не ставшими трагическими для русской армии и самого царя событиями Прутского похода 1711 г.

Сложно, в ограниченном объеме редакционной статьи, отметить все, безусловно достойные материалы, публикуемые в текущем номере «Исторического вестника». Тем более, что необходимо рассказать читателям о планах редакции на 2014 г. Первый тематический блок будет связан с историей взаимодействия и взаимовлияния Руси, Польши и Литвы в XV–XVI вв. В это уникальное время, на фоне

складывавшихся государственных интересов, продолжала жить социальная традиция, опиравшаяся на общие исторические и культурные корни трех народов. Второй темой 2014 г. станет история зарождения и развития первой стадии глобального конфликта, именуемого ныне Первой мировой войной. А в завершение на страницах «Исторического вестника» мы рассмотрим историю непростых отношений Руси и Золотой Орды.

Номер выходит в свет в декабре. И пользуясь этим предновогодним поводом, редакция поздравляет товарищей по историческому цеху, оказавших нам в уходящем году неоценимое творческое содействие и моральную поддержку. Мы мысленно поднимаем бокал за наших единомышленников и друзей из АНО «Руниверс». Мы благодарим и поздравляем руководство и коллектив ОАО «АК «Транснефть». Без вашей веры и содействия, дорогие друзья и коллеги, «Исторический вестник» так и оставался бы атрибутом букинистических полок.

С Новым годом!

А.Э. Титков,

главный редактор журнала

«Исторический вестник»

СОДЕРЖАНИЕ

Б.Н. Флоря. Посольство И.И. Чаадаева в Речь Посполитую (1671 г.) и судьба русско-польского союза	8
М.А. Киселев. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII — первой четверти XVIII в.	18
Д.О. Серов. Гвардейцы и фискалы Петра I в борьбе с лихоимцами и казнокрадами	54
Я.А. Лазарев. «Глаза и руки ли государевы?» Роль резидентов при гетманском дворе в контексте российско-украинских отношений в 10-е гг. XVIII в.	82
А. Эркинов. Молитвы за и против царя	112
А.Н. Закатов Становление династии Романовых в изгнании	146

СООБЩЕНИЯ

Н.Н. Омонов. К вопросу о начальной истории русского права	238
В.А. Дуров. Орден Св. Екатерины (Свобождение) при Петре I	256
Н.А. Крылова. Из истории полицейской фотографии в России второй половины XIX — начала XX столетия	270

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Е.Ю. Наумов. В. Кивельсон. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2012.	296
---	-----

Б.Н. Флоря

ПОСОЛЬСТВО И.И. ЧААДАЕВА В РЕЧЬ ПОСПОЛИТУЮ (1671 Г.) И СУДЬБА РУССКО-ПОЛЬСКОГО СОЮЗА

а рубеже 60–70-х гг. XVII в. в Восточной Европе сложилось достаточно сложное и напряженное положение. В начале 1667 г. Андрусовский договор положил конец долголетней русско-польской борьбе за Украину. Левобережная Украина вошла в состав Русского государства, а Правобережная (на запад от Днепра) осталась в границах Речи Посполитой, но установления прочного мира в Восточной Европе Андрусовский договор не принес. Казачество Правобережья во главе с гетманом Петром Дорошенко, не желая подчиняться польской власти, искало поддержки сначала крымских татар, а затем их верховного сюзерена — султана. Обеспокоенные таким положением правящие круги Польско-Литовского государства искали поддержки России, которая также не была заинтересована в утверждении на землях Правобережной Украины крымского и османского влияния.

Как известно, в конце 1667 г. в Москве был заключен так называемый Московский договор о союзе между Россией и Речью Посполитой, направленный на борьбу с экспансией Османской империи и Крыма в Восточной Европе. По одному из условий этого договора царь должен был в случае необходимости «случать» «в Украине меж Днепром и Днестром» свою

25-тысячную армию с войсками Речи Посполитой¹. В 1672 г. опасность со стороны османов стала реальностью, и в Москву прибыло добиваться военной помощи «великое» посольство во главе с Яном Гнинским, но в новом договоре, заключенном в марте 1672 г., царь Алексей Михайлович обещал Речи Посполитой различное содействие, однако о посылке войск на помощь Речи Посполитой в нем ничего не говорилось².

Польский исследователь З. Вуйцик, специально изучавший русско-польские отношения этого времени, пришел к выводу, что русская сторона, считая свои южные границы обеспеченными благодаря миролюбивым заявлениям Стамбула и соответствующим статьям мирного договора 1670 г. с Крымом, сочла не отвечающим своим государственным интересам вмешательство в польско-османский конфликт, так как была заинтересована в ослаблении Речи Посполитой³.

Обращение к ряду материалов архива Посольского приказа, которые остались неизвестны польскому исследователю, показывает, что причины принятого русским правительством решения следует искать в иной плоскости.

Вопрос о выступлении против османов в выполнение обязательств, принятых по Московскому договору, встал перед московскими правящими кругами в декабре 1670 г., когда в Посольский приказ поступила грамота польского короля Михаила Вишневецкого⁴. В грамоте сообщалось, что султан «с великою силою на войну готовитца» и его войска уже собираются у южных границ Речи Посполитой. Грамота заканчивалась предложением соединить войска для совместного отпора «бусурманам».

Другие поступавшие в Москву известия также говорили о том, что опасность со стороны османов близка и реальна. В конце января 1671 г. в Москву приехал бежавший от правобережного гетмана Петра Дорошенко «комонный полковник» Игнатий Шульга. Он сообщил, что османские войска уже перешли Дунай «и нынешние весны конечно хотят итти в Польшу под Каменец Подолской воиною»⁵. Неудивительно, что в конце

¹ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2. М., 2001. С. 81.

² Там же. С. 99.

³ *Wójcik Z. Między traktatem Andruszowskim a wojna turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672.* Warszawa, 1968. S. 185–186, 244–245, 307.

⁴ Текст грамоты: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее — АЮЗР). Т 9. СПб., 1877. № 78. С. 311–312. О времени получения см.: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 79. (Соотношения России с Польшей) Кн. 135. Л. 109.

⁵ РГАДА. Ф. 210. (Разрядный приказ) Приказной стол. Стб. 424. Л. 19–20.

февраля 1671 г. царь Алексей Михайлович «сидел з бояры за посольскими делами»⁶. В итоге было принято решение отправить в Речь Посполитую «великих» послов, которые будут говорить о «турском деле»⁷.

Однако вскоре после принятия такого решения и сообщения о нем в Речь Посполитую произошло важное событие. Посланец левобережного гетмана Демьяна Многогрешного привез в Москву адресованное гетману Демьяну письмо Петра Дорошенко «за ево рукою и печатью». В письме, склоняя левобережного гетмана перейти на его сторону, Дорошенко писал, что он может рассчитывать на помощь не только со стороны султана, но и со стороны командующего польской армией гетмана Яна Собеского, с которым его связывает взаимное обязательство оказывать друг другу помощь против «каждого неприятеля на него наступаюцаго»⁸.

Это сообщение вызвало в Москве серьезное беспокойство. Сюда и ранее приходили сообщения о дружественных отношениях между Дорошенко и Собеским. Так, еще в 1668 г. шляхтич, бежавший из казацкого плена в Чигирине, сообщал, что Ян Собеский и Петр Дорошенко «договорились о том накрепко, что, сложась с татары, воевать Польшу»⁹. В Москву приходили и сообщения о том, что не только Ян Собеский, но и ряд других влиятельных сенаторов во главе с архиепископом гнезненским, недовольных выбором в короли Михаила Вишневецкого, не желают ему подчиняться¹⁰. Правда, находившийся в Москве в феврале 1671 г. польский посланник К. Чихровский заверял, что у короля с Яном Собеским «згода», и «иные сенаторы, которые в мысли были с Собеским, добились челом»¹¹, но пришедшее в Москву письмо Дорошенко ставило эти утверждения под сомнение.

На сей раз положение выглядело весьма серьезно. В подготавливавшемся наказе для мирных переговоров указывалось, что посланные на Украину русские войска окажутся в опасном положении, если их там встретят соединенные силы османов, Петра Дорошенко и коронной армии во главе с Собеским¹².

⁶ РГАДА. Ф. 79. 1671 г. № 11. Л. 2; Ф. 79. Кн. 137. Л. 13 об. — 14.

⁷ 24 февраля об этом было объявлено польскому посланнику К. Чихровскому — РГАДА. Ф. 79. Кн. 136. Л. 60 об.

⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 138. Л. 76 об. — 77 об.

⁹ АЮЗР. Т. 7. СПб., 1872. № 36. С. 104.

¹⁰ См. подробнее об этом: *Флоря Б.Н. «Измена» Яна Собеского и русско-польские отношения 1667–1673 гг. // Świat pogranicza. Warszawa, 2003.*

¹¹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 136. Л. 15–15 об.

¹² АЮЗР. Т. 9. № 90. С. 367, 369.

Гетман Демьян
Многогрешный.
Портрет XVIII в.

В этих условиях было принято решение, не дожидаясь будущих переговоров «великих» послов, направить в Речь Посполитую думного дворянина И.И. Чаадаева. 31 марта 1671 г. он представлялся царю («был у руки») перед отъездом¹³. Чаадаеву был вручен оригинал письма Дорошенко, он должен был показать его сенаторам и потребовать объяснений¹⁴. Одна из главных целей его миссии тем самым состояла в том, чтобы выяснить, объединит ли Речь Посполитая свои силы для борьбы с османской угрозой. Другой целью миссии должно было стать выяснение того, может ли Речь Посполитая рассчитывать на помощь каких-либо союзников. И.И. Чаадаев должен был выяснить, у каких государств Речь Посполитая хотела бы искать помощи против османов, и предложить совместные обращения к таким государствам. Ему даже было поручено «учинить с паны — рада договор на письме, к которым государем писать и о кое время посылке быть»¹⁵. Таким образом, в Москве серьезно обдумывали вопрос о совместных действиях обоих государств в борьбе с османской агрессией.

Миссии И.И. Чаадаева в Москве придавали важное значение. 10 мая по почте была отправлена грамота королю Михаилу с настойчивым предложением, чтобы комиссары Речи Посполитой не отправлялись на переговоры с «великими» послами, «не дождавсь отпуску от вашего королевского величества думного нашего дворянина»¹⁶.

Тем временем в Москву продолжали приходиться новые известия о развивающейся османской угрозе. В апреле 1671 г. пришли сообщения от

¹³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 138. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 77 об.

¹⁵ Там же. Л. 81.

¹⁶ Там же. Л. 92–95.

Гетман Петр Дорошенко.
 Портрет начала XIX в.

Ян Собеский.
 Портрет работы М. Баччарелли. XVIII в.

русского представителя в Крыму подьячего Г. Михайлова, что султан «посылает... своих пашей воию со многими люди под Каменеѹ Подолскою». Возможно, в походе примет участие сам султан. Крымский хан получил приказ присоединиться к этому войску¹⁷.

И.И. Чаадаев возвратился из Варшавы в 20-х числах сентября 1671 г.¹⁸ Сообщения, поступившие к этому времени в Москву, говорили, что на территории Правобережной Украины война уже фактически началась. И.И. Чаадаев стал свидетелем торжественного выезда короля Михаила 29 июля 1671 г. на войну, чтобы «казаков привести в послушанье»¹⁹. А из Крыма Г. Михайлов сообщал, что на помощь гетману Петру Дорошенко против поляков послан нуреддин Сафа-Гирей с войском²⁰.

В этих условиях И.И. Чаадаев естественно уделил большое внимание состоянию Речи Посполитой накануне вторжения османских войск. Выполняя данные ему указания, И.И. Чаадаев при встрече с сенаторами показал им письмо Петра Дорошенко, и они официально опровергли содержащиеся в нем утверждения о союзе между Дорошенко и Собеским²¹. Посланник, однако, заявил, что в Москве «ведомо и не по Дорошенковым письмам», что гетман Собеский и многие сенаторы «королевскому величеству и Речи Посполитой недоброхотны и явно о том пишут и печатают в курандах»²². Это беспрецедентное в практике межгосударственных отношений заяв-

¹⁷ РГАДА. Ф. 123 (Сношения с Крымом). Кн. 51. Л. 567.

¹⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 140. Л. 178 об.

¹⁹ Там же. Кн. 139. Л. 18, 105 об. — 107.

²⁰ РГАДА. Ф. 123. 1671 г. № 1. Л. 47–48, 68–69.

²¹ *Wójcik Z.* Op. cit. S. 268–270 (на основании польской записи переговоров).

²² РГАДА. Ф. 79. Кн. 139. Л. 61.

Ян Лещинский.
Гравюра XVII в.

Александр Любомирский.
Портрет XVII в.

ление показывает, как настойчиво посланник стремился выяснить, каково внутриполитическое положение в Речи Посполитой. Эти утверждения сенаторы также опровергли²³. В официальном ответе, врученном И.И. Чаадаеву 31 июля, указывалось, что «никакого замешания в Речи Посполитой не имеет»²⁴.

Однако у Чаадаева нашлись и другие источники информации. В своем статейном списке он привел список сенаторов, которые недовольны тем, что «король обран не по их воле», а они хотели бы видеть королем «француза Кондеуша». В их числе были люди, занимавшие самое высокое положение — архиепископ гнезненский М. Пражмовский, коронный канцлер Ян Лещинский, краковский воевода Александр Любомирский и ряд других духовных и светских сенаторов²⁵.

Эти сообщения ясно говорили о серьезном расколе в правящем слое Польско-Литовского государства и о силе и влиянии противостоявших королю и его сторонникам группировок знати. И.И. Чаадаев отметил, что раскол охватил и армию: «гетманы корунные Собеской и полной князь Дмитрий Збаражской (в действительности — Вишневецкий. — Б. Ф.) с войски своими в розни»²⁶.

Рассказывая об отъезде короля во Львов, И.И. Чаадаев отметил, что король направился на Украину, чтобы не допустить соединения войск враждебных государств «с своими недоброхотными»²⁷. Из этого следовало, что

²³ Там же. Л. 61–61 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 79. Кн. 138. Л. 127.

²⁵ Там же. Кн. 139. Л. 107 об. — 108.

²⁶ РГАДА. Ф. 79. Кн. 138. Л. 105 об. (отписка И.И. Чаадаева от 24 августа).

²⁷ Там же. Кн. 139. Л. 109.

вопреки сделанным заявлениям в королевском лагере серьезно опасаются соединения внутренней оппозиции с внешними силами.

И в своих отписках с дороги, и в статейном списке И.И. Чаадаев уделил внимание приходившим в Варшаву известиям о Собеском. Как сообщал посланник в отписке от 24 августа, великий гетман коронный «с частью войска пошел к Каменец Подольскому, и о том у них сумнение немалое, что в тот край гетман пошел»²⁸. В статейном списке он отметил, что от гетмана «чаяли большево замешанья» и у короля и его сторонников «печаль о том была великая»²⁹. Таким образом, король и его сторонники ждали от прихода Яна Собеского к Каменцу больших неприятностей. Так как Каменец Подольский был той крепостью, которую, по данным разных источников, хотели захватить османы, то очевидно (хотя Чаадаев об этом прямо не пишет), что гетмана подозревали в сговоре с врагом. Возникновение таких подозрений вполне понятно, так как Ян Собеский и близкие с ним сенаторы хотели возвести на польский трон французского принца, а Франция была старым, традиционным союзником Османской империи. На обратном пути из Варшавы И.И. Чаадаев узнал, что «гетмана Собеского в Каменец Подольской не пустили»³⁰. Таким образом, командующий польской армией не смог войти в важную пограничную крепость, вокруг которой в близком будущем должны были развернуться военные действия.

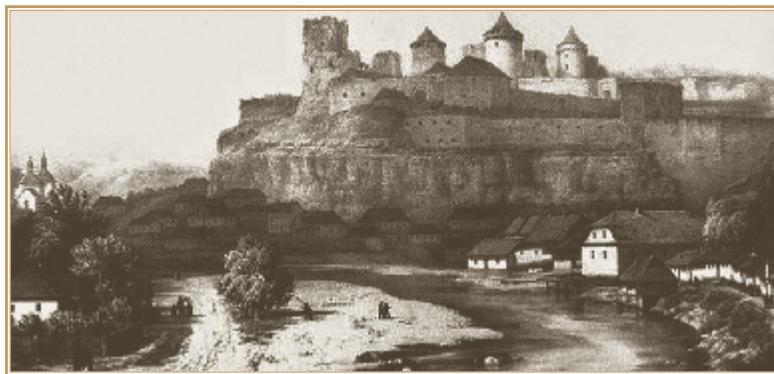
Наиболее важными для русских правящих кругов были сообщения И.И. Чаадаева, что в Речи Посполитой начинается гражданская война. Он сообщал, что сторонники короля хотят собрать в окружении выехавшего на Украину короля войско, «чтоб, случась войском, быть сейму в поле в обозе». Такое дворянское ополчение, объявив себя «конным сеймом» — высшим органом власти в государстве, могло бы расправиться с врагами короля, не считаясь с установленными нормами — «и чают конечно, что от шляхты Собески гетман згинет и иные единомышленники его»³¹. Хотя Чаадаев об этом не писал, было ясно, что Ян Собеский и его могущественные сторонники не будут спокойно ждать осуществления этих планов. Таким образом, в своих сообщениях И.И. Чаадаев дал весьма яркую и содержательную характеристику состояния страны, которой в ближайшем будущем предстояло отражать натиск такой могущественной державы, как Османская империя. Как бы предвидя последующие события, И.И. Чаадаев отметил,

²⁸ РГАДА. Ф. 79. Кн. 138. Л. 105 об.

²⁹ Там же. Кн. 139. Л. 110.

³⁰ РГАДА. Ф. 79. Кн. 138. Л. 106 об.; Кн. 139. Л. 110 об.

³¹ Там же. Кн. 139. Л. 109.

Каменец-Подольский на старинной гравюре

что, если король Речь Посполитую «в соединенье не приведет, и на весну чают к Каменцу везиря турецково со многими силами»³².

Выполняя свою миссию, И.И. Чаадаев на встрече с сенаторами 21 июля поднял вопрос о поисках союзников для борьбы с Крымом и Османской империей. Он отметил, что при заключении Московского договора послы Речи Посполитой обещали начать переговоры о присоединении к русско-польскому союзу других христианских государств, но в Москве остается неизвестным, что было сделано польско-литовскими политиками. От имени царя И.И. Чаадаев предлагал «общим советом... королей и государей христианских призывать» к борьбе с османами³³, но никакого ответа на это предложение он не получил.

Как видно из его отписок и статейного списка, никаких известий о союзниках Речи Посполитой в борьбе с османами И.И. Чаадаев в Москву не привез.

Выступление против османов в союзе со страной, находящейся в состоянии глубокого внутривосточного кризиса, где имелись дружественные османам могущественные силы, не без основания было оценено в Москве после знакомства с сообщениями И.И. Чаадаева, как дело рискованное и опасное. Как представляется, именно после этого на планах военно-политического союза с Речью Посполитой был поставлен крест.

В какой мере сообщения И.И. Чаадаева соответствовали действительности, не допустили ли, полагаясь на них, русские правящие круги ошибочных политических решений?

Хотя представления о дружеских отношениях Яна Собеского с Дорошенко и османами были, по-видимому, достаточно широко распространены, они не соответствовали действительности. В августе — сентябре 1671 г.

³² Там же. Л. 110 об.

³³ РГАДА. Ф. 79. Кн. 139. Л. 67–67 об.

он руководил военными действиями против казаков Дорошенко и поддерживавших их крымских татар³⁴.

Однако отзывы о Собеском, которые слышал И.И. Чаадаев, не были чем-то случайным. Они были отражением борьбы группировок господствующего класса Речи Посполитой, борьбы, которая к 1672 г. поднялась до опасной степени обострения. Столкновения вели к тому, что целый ряд сеймов был сорван и не было средств для снабжения армии. Я. Собеский с негодованием писал коронному подканцлеру А. Ольшовскому, что шляхта «хочет сидеть дома, налогов не платить, солдата не кормить, а Господь Бог хочет чтобы за нас воевал»³⁵. Армия была небольшой и голодала, не получая жалованья, а король побуждал солдат не подчиняться гетману и добился в этом некоторых успехов. Враждебные Собескому и его сторонникам планы, о которых сообщал И.И. Чаадаев, были реализованы во время вторжения османов, когда дворянское ополчение («посполитое рушение»), призванное для войны с османами, вместо того чтобы идти на войну, объявило себя «конным сеймом» и было провозглашено решение о лишении главных противников короля их должностей и отдаче их под суд, в их числе и гетмана, пытавшегося с небольшими силами защищать страну от османов³⁶.

В таких условиях Польско-Литовское государство не смогло оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления османам и вынуждено было согласиться на мир, продиктованный противником. Таким образом, несмотря на наличие ошибок, основные сообщения И.И. Чаадаева явились для русских политиков предостережением, правильность которого подтвердили последующие события.

Для союза двух держав Восточной Европы против Османской империи и Крыма существовали серьезные объективные предпосылки, но прошло много лет, прежде чем это произошло.

³⁴ *Wójcik Z. Jan Sobieski. Warszawa, 1983. S. 177–178.*

³⁵ Цит. по: *Korzson T. Dola i niedola Jana Sobieskiego (1620–1674). T. III. Kraków, 1898. S. 66.*

³⁶ *Wójcik Z. Jan Sobieski... S. 184–185, 187–188.*

Ключевые слова:

Речь Посполитая, Ян Собеский, русско-польские переговоры 1671 г.,
Османская империя

Boris N. Floria

IVAN CHAADAEV'S DIPLOMATIC MISSION TO RZECZPOSPOLITA POLSKA (1671)

and the further course of the Russian-Polish union Hein's
bodyguard DiAries

The article focuses upon the circumstances under which the negotiations between Russia and Rzeczpospolita regarding joint actions against Turkish-Tatar expansion to Ukraine were held. According to the so-called 1667 Moscow Treaty, the Russian Tsar was obliged to support Poland in case of Tatar or Turkish invasion with a twenty-five thousand man army. However news about the alliance between the Rzeczpospolita Crown Hetman John III Sobieski and the Ukrainian Right bank Hetman, Turkish vassal P. Doroshenko induced Moscow to send a Duma nobleman I.I. Chaadaev for a diplomatic mission to Warsaw. Chaadaev brought to Moscow information which revealed the existing rift within the ruling class of the Polish-Lithuanian State and the power of the nobility groups which opposed King Michael Vishnevetsky (Wisniowiecki). These inner conflicts disrupted a number of Sejms in a row, and thus no supplies were assigned for the army. The articles notes that Y. Sobieski with indignation wrote to the Crown Vice-Chancellor A. Olshevski: "Szlachta (Polish gentry) wants nothing but to sit at home, never pay taxes and never supply for the army, they want the God Lord to lead the war for them". In these circumstances the Russian Tsar and the Boyar Duma anticipated the possible alliance with Poland to be precarious and perilous, and renounced joint war actions. The situation in the region made the union of the two Eastern Europe states against The Ottoman Empire and Crimea to be the most obvious course of action, but it took a great deal of time until this action was actually established.

 Флоря Борис Николаевич

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник Института славяноведения

М.А. Киселев

ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА*

В современной российской историографии все большее признание и распространение получает такой методологический подход, как история понятий. По истории ключевых политических и социальных понятий проводятся конференции, издаются сборники статей¹ и монографии². При этом исследователи признают, что следует не просто писать историю отдельных понятий: конкретные политические и социальные понятия необходимо анализировать в их системных взаимос-

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0691 «Права, обязанности и статус дворянства в государственной политике, социальных представлениях и концепциях историко-политической мысли России XVIII в.».

¹ См., напр.: Исторические понятия и политические идеи в России. XVI—XX века. СПб., 2006; Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М., 2009; «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I—II. М., 2012; Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М., 2012.

² См., напр.: Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011; Хархордин О. Основные понятия российской политики. М., 2011.

взяях, в том числе — помещая их в социально-политический контекст эпохи³.

В настоящей статье исследуются взаимосвязи между понятиями, которые характеризовали форму организации верховной власти, и понятиями, которые описывали общественную иерархию в Российском государстве XVII — первой четверти XVIII века. Конечно, это тема для отдельного монографического исследования, так что настоящая статья скорее претендует на постановку проблемы, нежели на ее окончательное решение. При этом данное исследование ограничивается кругом источников, тем или иным образом связанных с правящей элитой Российского государства, так как народные представления о власти — это отдельная исследовательская проблема⁴.

I

Политическая практика и идеи, представления и понятия о власти, сопровождавшие становление Московской Руси, отсылали к наследственному единоличному правлению, для описания которого представителями элиты использовались прежде всего такие категории, как государь/государство⁵. Наличие государя — единоличного правителя — с XVI в. в Московском государстве рассматривалось в качестве должного и необходимого элемента устройства власти в стране. Одни из первых свидетельств такого рода относятся ко времени малолетства Ивана IV. В 1539 г. был зафиксирован следующий пересказ слов Петра Фрязина, касавшихся его мотива побега из Московского государства: «Государь нынешний мал остался, а бояре живут по своей воле, а от них великое насилие, а управы в земле никому нет, а про-

³ См., напр.: *Кром М.М.* Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России. XVI—XX века. СПб., 2006. С. 55; *Тимофеев Д.В.* В поисках новых подходов к изучению общественно-политических настроений в России первой четверти XIX века: опыт системного анализа истории понятий // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы. М., 2011.

⁴ См., напр.: *Чистов К.В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2011; *Лукин П.В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000.

⁵ См. наиболее важные работы об истории этих понятий: *Золтан А.* К предыстории русск. «государь» // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002; *Толстиков А.В.* Представления о государе и государстве в России второй половины XVI — первой половины XVII века // Одиссей. Человек в истории. 2002. М., 2002; *Кром М.М.* Указ. соч.; *Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г. К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. С. 184—207.

меж бояр великая рознь, того дея есми мыслил отъехати прочь, что в земле в Руской *великая мятеж и безгосударство* [выделено мной. — М. К.]»⁶.

Вопрос о том, зачем нужен государь, актуализировался в Смутное время. В утвержденной грамоте об избрании на царство Бориса Годунова от 1 августа 1598 г. указывалось, что после смерти царя Федора Ивановича царица Ирина, постригшись в монахини, своих подданных «оставили еси сирых, безгосударны и беспомощны, ... и великое ваше отечество Росийское государство небрегомо и беззаступно»⁷. В связи с избранием на царство Василия Шуйского необходимость для России государя объяснялась в документах Посольского приказа 1606–1607 гг. следующим образом: «Врази веры нашия и все пограничные государи услышат без государства великую Россию, и церкви в разорении будут, и люди все в расхищении, но ипаче же междуусобныя брани умножатца, не обыкоша Росийстии народи безгосударственны бивати»⁸. Свои аргументы о необходимости наличия государя приводили и представители Второго ополчения. Так, в грамоте в Соль Вычегодскую от 7 апреля 1612 г. князь Д.М. Пожарский призывал «советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разорение быти не безгосударным; чтоб нам, по совету всего государства, vybrати общим советом Государя, кого нам милосердный Бог, по праведному своему человеколюбию, даст; чтоб ... без Государя Московское государство до конца не разорилось». Необходимость государя подчеркивалась следующими вопросами: «Как нам ныне без Государя против общих врагов ... стоять? и как нам, без государя, о великих о государственных о земьских делех со окрестными государи ссылатись? и как государству нашему впредь стоять крепко и неподвижно?»⁹. Таким образом, к началу XVII в. представителями элиты признавалось, что для «крепкого и неподвижного» положения страны — своеобразного варианта общего блага — необходимо наличие государя. Одновременно признавалась и ненормальность для государства безгосударного состояния.

Наличие в стране единовластного правителя — государя — рассматривалось не только как норма политической жизни для России, но и как правильная универсальная форма организации власти. На это, в частности, ука-

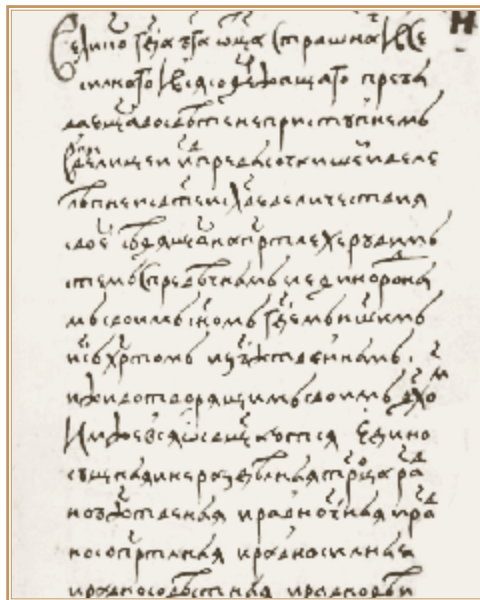
⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. 1334–1598. СПб., 1841. С. 203.

⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею. Т. II. 1598–1613. СПб., 1836. С. 20.

⁸ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906. С. 33.

⁹ Акты, собранные в библиотеках... С. 256 (346).

зывает грамота царя Алексея Михайловича от 11 февраля 1654 г. цинскому императору Шицзу. Так как у Московского государства не было традиций отношений с Китаем (не считая поездку томского казака И. Петлина в 1618–1619 гг.), российская сторона нашла необходимым охарактеризовать свое историческое и международное значение. Как результат, в грамоте был помещен следующий пассаж: «Имя их, великих государей, предков наших, во всех великих государствах славилось, и великие их государства Российские от года в год роспространялись, и многие окрестные великие государи христианские и мусульманские с ними, великими государи, ссы-

Начало
 утвержденной
 грамоты
 об избрании
 на царство
 Бориса Годунова.
 Соль-Вычегодский
 список.
 Начало XVII в.

лались, а иные от них, великих государей, помощи искали, а они, великие государи цари и великие князи российскийские ... многим великим государем и их государствам способствовали и помощь подавали»¹⁰. Понятия «государь» и «государство» имели универсальный и нормативный характер для описания политических единиц: для Московской Руси правильная форма организации власти предполагала наличие государя как единоличного правителя и государства как территории, на которой он осуществлял свою верховную власть.

Конечно, представители элиты Московского государства сталкивались с практикой, которая не укладывалась в их представления о единоличной

¹⁰ Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. I. 1608–1683. М., 1969. С. 166.

верховой власти государя в государстве. Это также касалось стран, где власть монарха была ограничена какими-либо институциями (Польско-Литовское государство, Англия) или вообще отсутствовала как таковая (Нидерланды, Швейцария). Например, в письме от 30 декабря 1642 г. А.Л. Ордина-Нащокина из Молдавии боярину Ф.И. Шереметьеву содержался следующий негативный пассаж о Польско-Литовском государстве: «Литовское государство безначально — главы нат собою не имеют: великие люди короля не слушают, а средние люди великих не блюдутца. И в таком де непостоянстве где быть правде?»¹¹ Факт включения такого высказывания в письмо свидетельствует, что для Ордина-Нащокина отсутствие сильной единоличной власти в государстве связывалось с внутренним неустройством и отсутствием правды, т.е. должного порядка отношений между людьми, гарантом и защитником которого в Московском государстве рассматривался монарх.

Приведем также примеры, связанные с русско-английскими отношениями. В 1570 г. Иван IV, высказывая претензии английской королеве Елизавете, что «у всех грамот печати разные», замечал: «То не государским обычаем, а таким грамотам во всех государствах не верят. У государей в государстве живет печат одна». Иван Грозный на этом не остановился и продолжил критику английских порядков: «Мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владееш и своей государской чести смотриш и своему государству прибытка... Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые, и о наших о государских головах и о чести о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков»¹². Из данных слов российского монарха можно сделать вывод о нормальности для него существования государств с государями, а также ненормальность вмешательства подданных в осуществление государем своей власти. В 1645 г. царский гонец Г.С. Дохтуров, прибыв в Англию, попал в более странное положение: страна находилась в состоянии гражданской войны, в которой парламент побеждал короля. В своих разговорах с английскими купцами гонец зафиксировал следующее: «А ныне вместо короля Лондоном и всею Аглинскою и Шкотцкою землею владеют парламент: изо всяких чинов выбраны люди». Одна из причин конфликта в пересказе Дохтурова была в том, что «королю похотелось владеть всем королевством по своей воле, как и *в-ыных государствах государи владеют своими*

¹¹ Галактионов И.В. Письма А.Л. Ордина-Нащокина Ф.И. Шереметьеву // Советское славяноведение. 1982. № 2. С. 81.

¹² Послания Ивана Грозного. М.-Л., 1951. С. 140, 142.

Казнь короля Карла I.
 Немецкая гравюра 1649 г.

государствы [выделено мной. — М. К.]. В связи с этим был воспроизведен следующий комментарий: «А здесь де искони земля вольная и прежние короли ничем не владели, а владели всем парламент, думные люди»¹³. Такая ситуация была зафиксирована в московском политическом глоссарии: привычная власть государей в государствах и непривычное господство думных.

Соответствующую оценку от имени Алексея Михайловича эти события получают уже после казни Карла I. В 1650 г. посланнику Карла II в Москве было заявлено: «Того города Лундона парламент и всякие люди не токмо прежнему государю вашему Карлусу королю ... злое дело убивство учинили, а ныне и сыну его ... нынешнему государю вашему Карлусу королю непослушны же и всякое зло делается от них лундонцов»¹⁴. Отметим, что московское правительство было ознакомлено с английской роялистской интерпретацией. В грамоте Карла II Алексею Михайловичу заявлялось, что мятежники стремятся «свергнуть саму монархию и вообще уничтожить королевскую власть как таковую (but also to overthrow Monarchy itself, and all Regal power)». Однако в истолковании российской стороны это звучало так: «Те изменники в Аглинской земле в волнованье пребывают и своими злыми вымыслами

¹³ Статейный список гонца Герасима Дохтурова, посланного в 1645 г. в Англию, с сообщением о воцарении Алексея Михайловича // *Рогинский З.И.* Поездка Герасима Семеновича Дохтурова в 1645–1646 гг. (из истории англо-русских отношений в период английской революции XVII века). Ярославль, 1959. С. 24–25.

¹⁴ Цит. по: *Рогинский З.И.* Миссия лорда Колпепера в Москву (из истории англо-русских отношений в период английской буржуазной революции XVII в.) // *Международные связи России в XVII–XVIII вв. (экономика, политика и культура)*. М., 1966. С. 93.

ищут ... всю б монархию разорить»¹⁵. Таким образом, если в грамоте английского короля-эмигранта было написано о ликвидации монархии как формы правления, то в Москве это было скорее воспринято по аналогии с государством, т.е. разорение территории, подвластной монарху.

В то же время следует отметить, что с немонархической формой правления представители московской элиты столкнулись еще раньше данного эпизода, при установлении дипломатических контактов с Нидерландской республикой, где высшим государственным органом были Генеральные штаты¹⁶. Конечно, в восприятии нидерландского республиканского опыта в России XVII в. присутствовала местная специфика. Так, в одной из русских космографий XVII в. политическому устройству Голландии была дана следующая характеристика: «Была прежде сего под властью Ишпанского короля, но для веры отступила и войну с государем своим 60 лет имеет. Сенаты или думные начальные землею владеют. В той земли суть и иные соединенные княжства или уделы, которые вместе за один стоят против Ишпанского короля»¹⁷. Государь присутствовал, хотя и специфическим образом: он был тем, с кем воюют. Тем не менее для Нидерландов к середине XVII в. факт существования республики во главе с коллективным органом власти был неоспорим. Как результат, в московской дипломатической практике понятие «статы» в середине XVII в. могло использоваться при описании государств с немонархической формой правления. Например, в 1655 г. при прибытии венецианского посла в Россию у него следовало узнать такую информацию: «Кто у них князь именем, или Статы?»¹⁸

Российские источники в 1654 г. следующим образом фиксируют обращение английского посла, отправленного Оливером Кромвелем к Алексею Михайловичу: «Хотя ныне в Английской земле и учинены статы ... однако государство ничем не убыло; испанский, французский и португальский короли и Венецианские статы воздают владетелю нашему честь так, как и при прежних королях»¹⁹. Показателен был также и перевод титула Кромвеля —

¹⁵ Там же. С. 100.

¹⁶ См.: Кордт В.А. Очерк сношений Московского государства с республикою Соединенных Нидерландов по 1631 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 116. СПб., 1902.

¹⁷ Козмография сиречь всемирное описание земель в едино пребывание и назнаменованье степенем во округах небесных // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 488.

¹⁸ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. X. СПб., 1871. Стб. 865 (далее — ПДС).

¹⁹ Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VI. Т. 11–12. История России с древнейших времен. М., 1991. С. 511.

«Lord Protector of the Commonwealth of England, Scotland, and Ireland, and the Dominions thereunto belonging». Для Алексея Михайловича он звучал как «владелец над статы Аглинской, Шотландской и Ирландской земель и государств, которья к ним пристали»²⁰.

Во второй половине XVII в. подобным образом с понятием «статы» использовалось и понятие «республика», точнее — полонизм «речь посполитая» (*лат. res publicae*). В «Космографии 1670 г.» описание немецких земель содержало следующий пассаж: «И иные города суть о себе

Подача челобитной.

Рисунок из альбома А. Мейерберга. XVII в.

волные, едва и цесарю повинуются, и для тое причины войны великие злые меж собою и своими начальными всегда войну вели, яко ж бяху шванцарове, которые укрепяся над своими г[осу]д[а]ри и выбили их **и сами речь посполитую назвали майстратус** [выделено нами. — М. К.]»²¹. Магистрат как орган управления оказался равен форме правления — республике. Схожую операцию московские переводчики, служившие в Посольском приказе, проделали и с английским парламентом. В переводе «курантов» 1669 г. содержалось следующее сообщение: «Из Аглинской

²⁰ Там же. С. 512. См. также: *Рогинский З.И.* Из истории англо-русских отношений в период протектората Кромвеля // *Новая и новейшая история.* 1958. № 5. С. 72.

²¹ *Космография 1670 г.* СПб., 1878—1881. С. 103—104. Отметим, что в московских дипломатических документах XVII в. использовалось понятие «вольный город», находившееся на периферии описаний отношений между государями и государствами (см., напр.: ПДС. Т. II. Стб. 241—242).

земли к нам пишут[,] что Речь Посполита [в оригинале «Parlament». — М. К.] дала королю ... рублев казенных д[е]н[е]г»²².

В связи с этим будет уместно указать на спор о церемониале дьяка И.М. Волкова с венецианским «приставом», произошедший в Венеции в 1687 г. Этот спор был запечатлен посланником в документации посольства, т.е. слова венецианского «пристава» им были переведены на понятный в Москве политический язык. Венецианский «пристав» замечал, что «Цар. де Вел-ва, и Цес. Вел-ва и иных ни которых государств посолские поведения обыкновению веницыйскому не образец, потому что В. Г-ри, их Цар. Вел-во, и Цес. Вел-во, и иные христианские государи имеют в своих государствах своих самодержавство, и что изволят, так чинить и повелевают, а в Венеции Речь Посполитая и свое поведение имеет, и что постановят, того князю пременить не возможно». Посланник, уже имея определенные представления о речах посполитых, отвечал: «А о том знает он посланник, что в Венеции Речь Посполитая ... только возможно ... учинить и пременение, ... и тому пример мочно взять из иных государств, где Речи Посполитые, как в государстве Корол. Вел-ва Полского, також и в Галанской земле»²³. Таким образом, здесь содержались указания и на значение понятия «самодержавство», т.е. на право принимать суверенные решения, и на речь посполитую как коллективный орган, который может ограничить власть правителя в государстве, лишив его таким образом самодержавства.

Государство, обозначавшее политическую и территориальную общность, управляемую государем, рассматривалось как универсальная и должная форма организации власти. Конечно, внешнеполитические реалии вносили свои коррективы, когда приходилось сталкиваться со странами, управляемыми коллективными органами (статами, речью посполитой), а не одним государем. Однако они оценивались скорее как аномалии и исключения на фоне нормы государства. Отметим, что это обстоятельство позволяет объяснить различия в процессе формирования современных понятий *state* и государство. К. Скиннер связал возникновение английского понятия *state* с обычаем «использовать термин *status* для классификации различных форм правления, описанных Аристотелем»²⁴. Для московского человека XVII в., не знакомого с Аристотелем, форма правления была только одна — государство, в связи с чем это понятие приобрело универсальное

²² Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1. М., 2009. С. 463. Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг.: Иностранные оригиналы к русским текстам. Ч. 2. М., 2008. С. 407.

²³ ПДС. Т. X. Стб. 1437–1438.

²⁴ Скиннер К. *The State* // Понятие государства в четырех языках. СПб.; М., 2002. С. 25.

Оливер Кромвель.
 Гравюра XVII в.

значение для описания политических реалий. Такая универсальность уже после постепенного распада концептуальной связи между государем и государством позволила последнему понятию сохранить свое ключевое место в российском политическом лексиконе до настоящего времени.

Однако понятия «государство» и «государь» были отнюдь не единственными и исчерпывающими категориями, которые использовались в Московском государстве при описании политических порядков. Был важен не только вопрос, является ли московский монарх государем, т.е. суверенным единовластным правителем. Было также важно и следующее: а какой он государь? На этот вопрос ответ давали, как правило, с помощью категорий «царь» и «царство».

II

Представления о царе — его обязанностях и функциях, а также правильной реализации его власти в царстве — занимали по сравнению с представлениями о государе и государстве, возможно, даже более важное положение в политической мысли Московского государства конца XV—XVII в.²⁵ О государе следовало беспокоиться в безгосударное время, а при его наличии — о его соответствии образу православного царя. В связи с этим показательным отображением отношений простого человека с властью в «Домострое» —

²⁵ См., напр.: Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М., 2006.

книге, ориентированной на повседневную жизнь подданного московского монарха. В этом сочинении понятие «государь» относилось к главе дома и семьи, т.е. к сфере частной жизни. В то же время книга содержала пятую главу «Како царя, или князя чтити, и повиноватися во всем им», открывавшуюся следующим предписанием: «Царя боися, и служи ему верою, и всегда о нем Бога моли, и ложно отнюдь не глаголи пред ним»²⁶. Также в главе 12 «Како мужу з женою и з домочадци в дому своем молитися Богу» было указано, что «всякому ж христианину» следует, помимо прочего, молиться «о царе и о царице, и о их чадах здравии, и о братии его, и о боярех, и о христоролюбивом воинстве, ... и о святительском ... чину ... и за вся христианы»²⁷. На вершине социальной иерархии был помещен верховный правитель, определяемый через понятие «царь», а не «государь». В определенной степени можно утверждать, что если понятие «государь» отсылало к единоличному правителю, то «царь» — к тому идеальному образу, которому должен был соответствовать этот правитель. Как результат, частновладельческие коннотации государя оказывались уравновешенными публичными обязанностями царя. Это проявлялось как при восхвалении власти, так и при ее критике. Например, князь Андрей Курбский, укоряя Ивана Грозного, писал: «А что воистинну сану царскому надлежит или достоин, сиречь суд праведный и оборона, се уже подобно исчезла»²⁸. Менее столетия спустя, в 1659 г., уже патриарх Никон высказывал царю Алексею Михайловичу: «Аще и царь еси велий, от Бога поставленный, но правды ради»²⁹.

В связи с этим укажем на следующий эксперимент с титулатурой, который предпринял Ажедмитрий I (1605–1606), попытавшись ввести в официальный политический язык Московского государства понятия «монарх» и «монархия». Следует отметить, что истории этих понятий в российском политическом языке XVI–XVII вв. уделяется весьма мало внимания. Показательно, что С.В. Польской без ссылок на какие-либо источники и исследования утверждает, что «греческое слово “μοναρχία” в XVII в. употреблялось прежде всего в церковной литературе»³⁰. Это очевидная ошибка: в церков-

²⁶ Домострой. СПб., 2007. С. 11.

²⁷ Там же. С. 19.

²⁸ Третье послание Курбского Ивану Грозному // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 115.

²⁹ Послание патриарха Никона об печатании на московском подворье его писем и бумаг // Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М., 2007. С. 391.

³⁰ Польской С.В. Концепт «монархия» и монархическая риторика в России XVIII века // Вестник РГГУ. Сер. «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2012. № 11 (91). С. 12.

Домострой.
 Фрагмент рукописи
 с заставкой

ной литературе православной традиции употреблялись прежде всего понятия «царь» и «царство». Одной из основных сфер, где представители московской элиты XVI — начала XVII в. могли не только сталкиваться с понятиями «монарх» и «монархия», но и использовать их, была дипломатическая переписка с европейскими государствами. Например, одна из польско-литовских грамот 1562 г. содержала упоминание «Жигмонта-Августа, ... короля полского, панующего уделы, монархиями, князства, панства»³¹. Письмо «цесарева посла» 1597 г. начиналось с обращения от имени «Пресветлейшего и Велеможнейшего и неодолимого Монарха Руделфа Второго»³². Кроме того, встречались случаи обращения к московскому царю как к монарху: Так, «цесарев посол» Миколай Варкач обращался к царю Федору Ивановичу, помимо прочего, как к «Великому Государю и Великой Монархе»³³, а в грамоте английского посла 1602 г. царь Борис Годунов был поименован в том числе как «mightie monarsh», в российском переводе — «превеликий монарх»³⁴. Как результат, к началу XVII в. в России такие понятия скорее воспринимались как часть специфической титулатуры европейских правителей, а не как универсальные категории политического языка.

Алжедмитрий I попытался изменить ситуацию, используя понятия «монарх» и «монархия» для самоописания своей власти. В своих посланиях

³¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1892. С. 81.

³² ПДС. Т. II. Стб. 549.

³³ ПДС. Т. I. Стб. 1238.

³⁴ Сборник Русского исторического общества. Т. 38. СПб., 1883. С. 415, 417.

к иностранным адресатам он на латыни именовал себя как «Монарх (Monarcha) Дмитрий Иванович... Цесарь и Великий Князь всея России, и всех Татарских Царств и иных многих Московской монархии (Monarchuae) покоренных областей Государь и Царь (Dominus et Rex)»³⁵. В русском варианте было использовано только понятие «Московская монархия», в то время как вместо «Монарха» использовалось более традиционное понятие «Самодержец»³⁶. Такие нововведения были обусловлены, прежде всего, личностью самого Лжедмитрия I, который, помимо знаний московских реалий, «вобрал в себя также иной опыт — западного государя»³⁷. Однако новация с титулом Лжедмитрия явно не получила поддержки и после его свержения была забыта. Сама же власть Лжедмитрия I в Московском государстве еще при его жизни оценивалась через традиционные категории царя и правды. Например, протопоп Благовещенского собора Московского Кремля Терентий в 1605 г. написал сочинение, предназначенное для Лжедмитрия I. Начало сочинения Терентия сопровождалось отсылкой к философу Платону. Как отмечает В.И. Ульяновский, «протопоп использовал “язык адресата”»: известно, что Самозванец блистал знаниями античной истории на заседаниях Боярской думы, в разговорах с окружением и пр. Истоки его познаний в этой области берут начало от культурно-просветительного кружка князя Острожского, при дворе которого Самозванец пробыл все лето 1602 г. Такое использование «языка адресата» для Терентия было, очевидно, способом привлечь внимание Лжедмитрия, чтобы затем перейти к разговору на политическом языке Московского государства: «Начав разговор на “языке адресата”, протопоп постоянно переводил внимание царя на “язык традиции”»³⁸. В итоге поучения Терентия для царя Дмитрия содержали пассажи следующего характера: «Слыш и вонми о боголюбивыи и премудрыи царю и разсудив царски душеполезная и вечная избери, а тленная и мимо текущая мира сего нивчтоже царю полагаи, зане преходна суть, но едина добродетел и правда пребывает во веки»³⁹. Таким образом, позиции царя на начало XVII в. были явно незыблемы, а монарх Лжедмитрий в своих новациях опережал свое время.

Источниками, откуда московская политическая мысль заимствовала идеи, понятия и представления о царе и царстве, являлись, как правило, тексты христианской традиции. Понятия «царь» и «царство» были тесно связаны с религиозной традицией и обладали соответствующими религи-

³⁵ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. М., 1819. С. 212.

³⁶ Там же. С. 221, 279.

³⁷ Ульяновский В.И. Смутное время. М., 2006. С. 345.

³⁸ Там же. С. 188.

³⁹ Цит. по: Там же. С. 198.

Ажедмитрий I.
 Гравюра XVII в.

озными коннотациями⁴⁰. Царь должен был осуществлять свое правление в соответствии с правдой, т.е. должным порядком отношений между людьми, предписываемым Божественным законом.

Одной из основных обязанностей царя согласно официальной идеологии Московского государства являлась забота о подданных, что получило отображение уже в «чине поставления на великое княжение» Дмитрия Ивановича 1498 г. В нем содержалось следующее поучение от имени митрополита: «Люби правду и милость и суд прав, имей попечение от сердца о всем православном христианстве»⁴¹. В чине венчания на царство Ивана IV в 1547 г. эта формулировка была несколько расширена: «Боляр же своих и велмож жалуй и бреги по их отечеству, к всем кнзем и кнжатам и детям боярским и ко всему хрстолюбивому воинству буди приступен и милостив и приветен по ц[а]рскому своему сану и чину, всех православных хр[и]сти-ян блюди и жалуй и попечение имей о них от всего сердца»⁴². Как отмечает Ю.М. Эскин, «эта формула повторяется практически без изменения в

⁴⁰ См., напр.: *Cherniavsky M. Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven and London, 1961*; *Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996.*

⁴¹ Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. Вып. III. М., 1987. С. 612.

⁴² Чин священного венчания на царство первого русского царя Иоанна Васильевича IV // *Барсов Е.В. Древне-русские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими оригиналами. М., 1883. С. 57.*

чинах венчания на царство Федора Ивановича, Бориса Годунова, Михаила Федоровича, видимо, как дань традиции она сохраняется и у последующих монархов до Ивана и Петра Алексеевича включительно»⁴³. Таким образом, уже на уровне официальной идеологии сам момент превращения государя в царя связывался с заботой о подвластных, которая, в свою очередь, оказывалась увязанной с определенной социальной иерархией. Это показывает, что политические понятия не жили своей особой, изолированной жизнью, они помещались и использовались в контексте определенных иерархически организованных социальных отношений.

В Московском государстве XV–XVII вв. пересечение представлений об организации власти — власти государя и царя — и представлений о правильном устройстве иерархии создавало поле взаимодействия и борьбы за ресурсы верховной власти по упорядочиванию общества. Универсальная забота правителя и его попечение о подданных в ситуации социального взаимодействия и дискуссий могли становиться объектом присвоения со стороны тех или иных акторов.

В официальных чинах венчания первыми претендентами на особое отношение со стороны царской власти оказались «боляры и велможы». Однако это была только одна из позиций, хоть и крайне влиятельных, связанных с обоснованием местнических практик⁴⁴. В общественно-политической мысли времени создания чина венчания на царство можно было обнаружить и иные представления. Например, в середине XVI в. Ермолай-Еразм соглашался с тем, что «во всех языцех, кроме русийского языка, не вемы правоверствующа царя». Однако из такого утверждения он делал следующий вывод: «Аще же убо верою прав ест, достоит ему нелестно снискати, разсмотря, яже ко благополучению всем сущим под ним, не единими велможами еже о управлении пещис, но и до последних. Велжожа бо сут потребни, но ни от коих же своих трудов доволствующесея. В начале же всего потребни сут ратаеве»⁴⁵. Примерно в то же время Иван Пересветов, довольно негативно настроенный по отношению к вельможам, полагал, что главным объектом заботы со стороны московского царя должны стать воины⁴⁶.

Обращение к царю о поддержании определенного иерархического порядка могло быть связано с конкретными интересами тех или иных со-

⁴³ Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 143.

⁴⁴ См. подробнее: Эскин Ю.М. Указ. соч.

⁴⁵ Ермолай-Еразм. Благохотящим царем правителница и землемерие // Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 гг. Вып. 33. Л., 1926. С. 193.

⁴⁶ Пересветов И.С. Сочинения. М.-Л., 1956. С. 239–240.

Портрет царя
 Алексея Михайловича.
 Неизвестный русский
 художник второй
 половины XVII века.
 Школа Оружейной
 палаты.

циальных групп. Так, примерно в 1660 г. представители провинциального дворянства подали на имя царя Алексея Михайловича челобитную о сыске и возврате им их крепостных, где просили принять меры по возвращению беглых. В заключение они просили: «Тем беглецом вели, государь, свой государев указ учинить по рассмотренью, чтоб Господь Бог наш тобою, великим государем, и рассмотрением исполнил в нас всякую правду». По мнению челобитчиков, такой указ был нужен, помимо прочего, «чтоб в твоей государеве державе вси люди Божии и твои государевы коиждо от великих и четырех чинов, освященныи, и служивыи, и торговьи, и земледельной, в своем уставе и в твоём царском повелении твердо и непоколебимо стояли, и ни един бы ни от единого ничим же обидим был»⁴⁷.

Целый ряд историков рассматривал формулировку челобитной о «четырех чинах» как выражение некоей теории сословного строя Московского государства⁴⁸. Однако при таком рассмотрении есть опасность проигнорировать

⁴⁷ Новосельский А.А. Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975. С. 312. О датировке челобитной см.: Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.-Л., 1962. С. 36.

⁴⁸ См., напр.: Сташевский Е.Д. Служилое сословие // Русская история в очерках и статьях. Т. III. Киев, 1912. С. 4—5; Новосельский А.А. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века // Труды Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Сборник статей. Вып. I. Памяти Александра Николаевича Савина. 1873—1923. М., 1926. С. 352; Маньков А.Г. Указ. соч. С. 40; Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 476.

прагматический аспект челобитья: просителей интересовала не иерархия как таковая, они не задавались абстрактной целью правильно описать сословную иерархию Московского царства. Итоговое прошение царю о поддержании должной иерархии было увязано с конкретным социальным требованием провинциального дворянства — возврата им их беглых крепостных. В результате этой связки просители стремились получить доступ к ресурсам своеобразного общего блага — универсальной заботы царя о подданных, представляя блюстителем интересов всего общества/государства, а не только своих частных интересов. Такой прием борьбы за свои интересы был доступен не только правящему классу: представители восставших низов XVII—XVIII вв. также обращались к образу царя для оправдания своих выступлений.

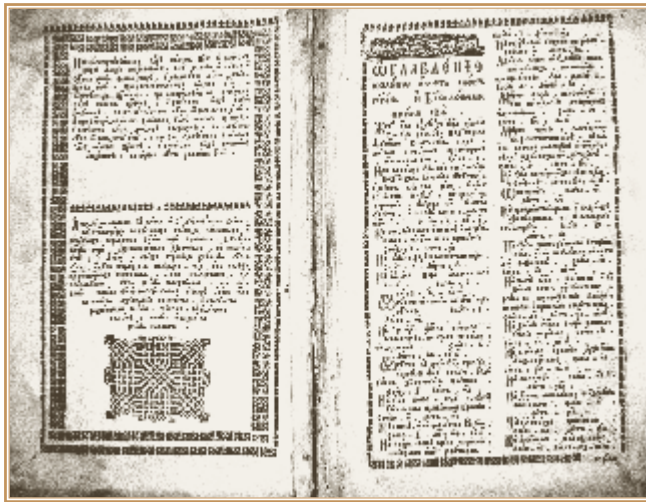
III

В Московском государстве в течение XVII в. происходили существенные сдвиги в области образования, где усиливались светские тенденции. В России все более активно используются тексты античной и византийской традиций, европейского Средневековья и раннего Нового времени. Прежде всего, это было связано с деятельностью выходцев из так называемых западнорусских земель (белорусских и украинских), а также представителей греческого духовенства, которые стали своеобразными посредниками между русской культурой и указанными традициями. Дополнительным каналом влияния были возраставшие контакты с выходцами из Западной Европы. Некоторые из представителей правящей и интеллектуальной элит России второй половины XVII в., овладевшие иностранными языками, могли уже непосредственно обращаться к соответствующим текстам. Посредством указанных возможностей представители элит знакомились с новыми представлениями и понятиями о власти, а также производили переоценку уже известных им понятий⁴⁹. В сфере описания организации власти это были понятия и представления о разных формах правления (классический вариант, античная триада — монархия, аристократия, демократия).

В качестве примера проникновения новых веяний можно указать на деятельность в Чудовом монастыре Москвы в 50–60-х гг. XVII в. пе-

⁴⁹ Киселев М.А. Правда и закон во второй половине XVII — первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // Понятия о России: К исторической семантике имперского периода. Т. I. М., 2012. С. 54–55; Киселева М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII — начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011.

реводческого кружка Епифания Славинецкого, ученого украинского монаха, прибывшего в Россию в конце 1649 г.⁵⁰ Еще до переезда в Россию Епифаний подготовил «Лексикон латинский», в котором были помещены статьи, связанные с характеристикой форм правления: «Aristocratia — княженачалство, demostatia — властительство людское, началство, владычество, oligarhia — немногих началство»⁵¹. В Москве Епифаний и его товарищи по кружку, среди которых был и монах Исайя, в середине 50-х гг. XVII в. помимо прочего работали над переводом географического сочинения Яна Блау «Theatrum orbis sive atlas novus». Как отмечала

Страница из сборника переводов Епифания Славинецкого.
 1665 г.

Н.А. Казакова, «наблюдения над текстом перевода свидетельствуют, что переводчики относились к своему труду с ответственностью и вдумчивостью». Это касалось и перевода «терминов, означавших форму государства». Так, «в посвященной Италии части третьего тома “Нового атласа” в заголовках дважды встречается термин “республика”: Liguria sive status reipublicae Genuensis, Respublica Lucensis... В русском переводе эти заголовки переданы следующим образом: “Лигурия или чин гражданства Генуенского”, “Гражданство Луценское”. Итак, оба раза Исайя перевел термин “республика” словом “гражданство”. В этой связи отметим, что русские послы, бывавшие в Италии в XVII в., Венецианскую республику

⁵⁰ См.: Румянцева В.С. Епифаний Славинецкий в Москве // Православие Украины и Московской Руси в XV—XVII веках: общее и различное. М., 2012.

⁵¹ Цит. по: Левочская А.С. Политический «словарь» Ю. Крижанича. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 14—15.

назвали “Речь посполитая Венитейская”, применяя для передачи термина “республика” его польскоязычную форму. Если русские послы употребляли польское словосочетание механически, не стремясь раскрыть самого понятия “республика”, то Исайя попытался это сделать... Исайя хотел сказать, что Лигурийская республика и Республика Лукка являются государствами, в которых власть принадлежит гражданам: так переводчик хотел раскрыть русскому читателю само понятие республики»⁵².

Очевидно, что данные сочинения давали новый инструментарий для осмысления политики российским читателям. В то же время деятельность авторов таких сочинений носила по преимуществу эрудитский, книжный характер: они использовали новые понятия и представления о власти, но не стремились их актуализировать в политической практике.

В качестве примера одной из первых попыток не только адаптации, но и актуализации новых идей, понятий и представлений об организации власти можно привести известное сочинение Юрия Крижанича «Razgowor ob wladatelistwu», написанное в Тобольске в 1660-е гг. и предназначенное для российской правящей элиты. В этом сочинении при рассуждении о том, «что русское правление лучше польского», Крижанич счел необходимым обратиться к глоссарию трех форм правления. При этом он представил это рассуждение как речь «царского думника» перед «народным сеймом», т.е. в виде публичного обращения, а не частного совета. Крижанич решил адаптировать античные понятия для русских читателей, для чего вместо слов «монархия», «аристократия» и «демократия» использовал такие определения, как «Самовластво», «Боярское правление» и «Общевластво, или Гражданское правление»: «Различны ... виды и способы правления, принятые у людей. А именно: самовластво, боярское правление и общевластво (или гражданское [в зачеркнутом варианте «посадское». — М. К.] правление)». Самой лучшей формой правления Крижанич провозглашал монархию: «Все эллинские философы и все наши христианские святые отцы восхваляют и считают наилучшим из них самовластво»⁵³. В качестве довода о том, что «самовластво» лучше иных форм правления, Крижанич привел следующие утверждения: 1) «при самовластве лучше ... соблюдается всеобщая

⁵² Казакова Н.А. Русский перевод XVII в. труда Блау «Theatrum orbis sive atlas novus» // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVII. Л., 1985. С. 167.

⁵³ В оригинале: «Razliczni ... iesut naczini i sposobi Wladania, koyimi se wladaiut lyudi. Rekszi Samowladstwo, Bolyarskoe wladanie, i Obcewladstwo, iliti Gra anskoe [в зачеркнутом варианте «Posadskoe». — М. К.] gospodarstwo. Iztich Samowladstwo prechwalaiut, i naihicze bit propowedaiut, wsi Jelinski filosofi, i wsi Christianski naszi sweti otci». Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 548, 201.

справедливость», 2) «при нем легче и лучше сохраняется покой и согласие в народе», 3) «лучше оберегает от опасностей», 4) «самовластво подобно власти Божией»⁵⁴. Уже при сравнении «русского правления» с «польским» Крижанич показывал преимущества монархии для всех основных сословных групп: в отличие от России, в Польше «ни одно сословие не может быть довольно своим жребием»⁵⁵.

В других частях сочинения Ю. Крижанич конкретизировал свои взгляды на взаимосвязь социального порядка и формы правления в государстве. Как и многие авторы своего времени, он исходил из необходимости иерархического устройства общества. Крижанич писал, что «сословия и разряды людей различны и складываются в соответствии с различными обязанностями людей»⁵⁶. По его мнению, «с точки зрения различных обязанностей людей существует три сословия, а именно: церковники, благородное сословие, простой народ»⁵⁷. Главной обязанностью «церковников», по Крижаничу, было «молиться Богу и заботиться о спасении душ», благородных — «объявлять волю царя остальным сословиям и вершить правление», а «простого народа» — «выполнять трудную работу и прислуживать». Над всей этой иерархией возвышалась фигура монарха: «Глава над всеми разрядами [ordines] — царь [Rex]». Принимая во внимание положение благородных, которые разделялись «на три разряда: князья, должностные лица, военачальники», — Крижанич счел необходимым дать дополнительный комментарий о политике монарха по отношению к ним: «Есть некоторые более высокие должности, которые не должны быть постоянными, так чтобы эту должность занимал кто-нибудь в течение всей жизни, но следует чаще менять таких высоких начальников и верховных вождей или полководцев». Это было необходимо, чтобы благородные не получили слишком больших привилегий, которые могли бы повлечь ограничение власти монарха. В качестве негативного примера Крижанич приводил опыт Германии: «Из-за того, что цари у них выборные, общественное устройство изменилось к худшему и могущество уменьшилось. Ибо те князья, кои добивались престола для того, чтобы их поставили царями, обещали благородному сосло-

⁵⁴ В оригинале: 1) «Obcaia Prawda bolye se izowerszaet», 2) «pokoy i zgoda narodnaia w nyem leglye i bolye se sochranyaet», 3) «supro strachotam sey sposob iest bezpeczalen», 4) «Samowladstwo iest Boziemiu wladaniu spodobno». Крижанич Ю. Указ. соч. С. 548, 201.

⁵⁵ В оригинале: «Nijedin stan lyudey nemozet bit swoyim zrebiem zadowolyen». Крижанич Ю. Указ. соч. С. 550, 204.

⁵⁶ В оригинале: «Status et ordines hominum sunt uarii, et constituntur ex uariis hominum officiis». Крижанич Ю. Указ. соч. С. 555, 209.

⁵⁷ В оригинале: «Consideratis igitur uariis hominum officiis: tres sunt status hominum: nempe. Ecclesiastici: Nobiles: Plebeij». Крижанич Ю. Указ. соч. С. 555, 209.

вию слишком большие и чрезмерные привилегии. Сперва дали им пожизненные должности и права, затем разрешили передавать это по наследству всем потомкам, и так немецкие цари сами себя лишили всякой власти»⁵⁸. При этом угрозой для власти монарха следовало скорее ожидать не от всех благородных, а от аристократии — князей и бояр: «Немецкие князья, владетели и бояре обрели настолько разнузданные свободы и вольности, что окончательно загубили все могущество и власть своих королей»⁵⁹.

В то же время при сохранении соответствующих prerogativ монарха благородные должны были составлять одну из главных или даже самую главную опору монархии. По этому поводу Крижанич заявлял от царского имени: «Мы считаем честь наших верных слуг — князей, владетелей, бояр и всяких дворян — своей честью и достоинством. Достоинство бояр возвышает достоинство короля». В связи с этим он, продолжая речь царя, указывал: «Будет хорошо и правильно даровать нарочитые права и возвысить честь наших верных слуг и дворян. Ибо, где владетели имеют подобающие им вольности, достоинство и преимущество над простыми людьми, там королевское достоинство бывает более высоким и более безопасным»⁶⁰. Затем, помимо прочего, Крижанич приводил как список необходимых prerogativ монарха, так и набор «привилегий, прав и достоинств», которые следовало «навек» даровать благородным⁶¹.

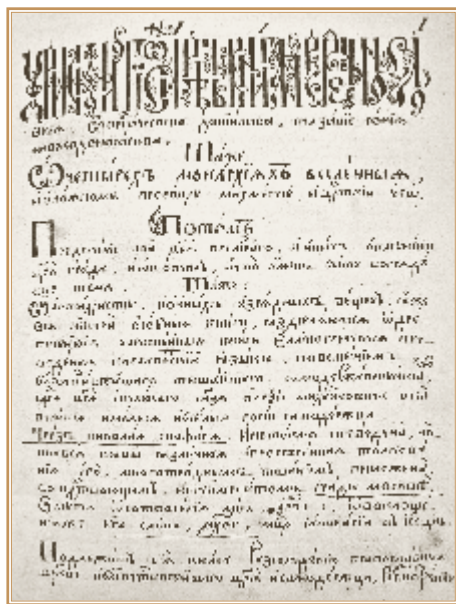
Характеризуя сочинение Ю. Крижанича, следует отметить, что он стремился дать целостную и связанную картину идеального общественного устройства. Более того, он желал, чтобы это устройство было воплощено в реальность в Московском царстве. Таким образом, Крижанич не только давал описание идеального порядка, но и претендовал на то, чтобы это описание стало руководством, программой политических действий. В центре такой программы он поместил представления о монархии как гаранте справедливости и общего блага для всех сословных групп. Однако главной опорой власти монарха оказывались благородные. Prerogativы монарха и их права переплетались и становились взаимозависимыми. Впрочем, мо-

⁵⁸ Крижанич Ю. Указ. соч. С. 555–556.

⁵⁹ В оригинале: «Nemecki knezi, wlasteli, i bolyari iasze si dobiwat razpust i slobod i wolynostey, na toliko da na konec wsu swoyich kralyew moc i oblast razwalfsze». Крижанич Ю. Указ. соч. С. 547, 200.

⁶⁰ В оригинале: «Mi naszich wernich slug, knezow, wlastelow, bolyar, i wsakich dworian czest, swoiu czest i precenbu bit poczitaem. Precenba bolyarskaia wozwiszaet kralyewskuiu precenbu. ... Gde bo wlasteli imaiut pristoinije sebye slobodi, precenbu i bolyszinu nad prostoe lyudstwo; tamo kralyewsakaia precenba iest bolye ukreplyena». Крижанич Ю. Указ. соч. С. 559, 258.

⁶¹ Там же. С. 600–607, 259–266.

Страница из
 «Хрисмологиона»
 Николая Спафария.
 Список с московской
 рукописи 1673 г.

нарху следовало не слишком расширять такие права, дабы не допустить превращения монархии в аристократию.

Конечно, в России второй половины XVII в. можно найти и менее масштабные по своему замыслу попытки актуализации представлений о форме правления, которые скорее претендовали не на переустройство существовавшего порядка, а на его поддержание и восхваление. В связи с этим следует указать на деятельность выходца из Молдавии Николая Спафария, служившего с начала 1670-х гг. в России в Посольском приказе. В «Арифмологии» он в духе справочника указывал на три формы правления: «Тричина градов: царственный, изрядный и народный»⁶². Более подробно на этой проблеме он остановился во введении к «Хрисмологиону», перевод которого был завершён к 1673 г. в рамках так называемой «издательской» деятельности Посольского приказа⁶³. В этом сочинении Спафарий кратко излагал концепцию четырех мировых монархий, связанную с толкованием пророчеств Даниила⁶⁴. Помимо прочего, он счел нужным остановиться на определении понятия монархия: «Монархия, от монос еллински, сиречь един сам. И архи, се есть начало или власть. И сие сложено имя бывает монархия, сиречь единоначалие. И знаменует то: яко в монархии един црь

⁶² Спафарий Н. Эстетические трактаты. Л., 1978. С. 105.

⁶³ См.: Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (к истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исследования и материалы. Вып. VIII. М., 1963.

⁶⁴ См.: Бобынэ Г.Е. Учение Н.Г. Милеску Спафария о четырех монархиях // Н.Г. Милеску Спафарий — ученый, мыслитель, государственный деятель. Кишинев, 1989.

или король сам владеет без клеветы». Далее автор, через ссылку на Ж. Бодена, упомянул также и другую форму правления — аристократию: «Мудрый Боден во книзе своей о художестве истории излагает, яко римское кесарство, иже ныне в немцах кесарь нарицается, несть монархия, но Аристократия, сиречь Благоначалие, понеже не от единого, но от многих и благих владеется. И не токмо Боден, но и инии мнози пишут, яко великий во ц[а]рех наш г[осу]д[а]рь российский и король шпанский более ц[а]рство имеют, нежели кесарь римский, сего ради им монархия приличествует, а не ему»⁶⁵. Этот прием был нужен Спафарию, чтобы доказать, что император Священной Римской империи не может претендовать на звание монарха и, следовательно, быть наследником четвертой — последней — мировой монархии. Как результат, настоящим наследником провозглашался российский царь. При этом парадокс отсылки на Ж. Бодена заключался в том, что последний подвергал жесткой критике концепцию четырех монархий⁶⁶. Впрочем, Спафарию было важно не реконструировать ход мыслей Бодена, а возвеличить настоящее состояние Московского царства, для чего Спафарий и актуализировал представления о формах правления.

Это касалось и другого сочинения Н. Спафария, подготовленного при участии дьяка Посольского приказа Петра Долгово и названного «Василиологион, се есть сочисление или описание всех ц[а]рей, иже бяху во всем мире доблественнейшии и мужественнейшии от начала мира даже до н[ы]не». В нем были помещены рассказы о наиболее выдающихся царях в мировой истории, «начинающее от первого единовладения в мире, или монархии ассирийския даже до нынешних текущих времен»: от Нина до Алексея Михайловича. Книга, по авторскому заявлению, была написана «не токмо множество побед во славных ц[а]рех показать, но наипаче бл[а]гое и прехвалное владение, се есть и бл[а]гоизбрание и бл[а]говладение и бл[а]го в нем скончание»⁶⁷. Тем не менее Спафарию пришлось затронуть вопрос о иной, неомонархической форме правления при изложении биографии Юлия Цезаря. Восхождение последнего к царской власти было изображено следующим образом: Цезарь «через многия чины римския постиже, и до чину воевод и диктаторов, диктатор же воевода от римлянов токмо тогда поставися, егда нужду велию от врагов имеша, и бе самодержец над всеми иными». Затем он после ряда войн «великую

⁶⁵ НИОР РГБ. Ф. 173.1. Д. 25. Л. 25 об.—26.

⁶⁶ См.: Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000. Гл. VII «Опровержение тех, кто отстаивает теории золотого века и четырех монархий».

⁶⁷ РГАДА. Ф. 135. Отд. V. Рубр. II. Д. 44. Л. 5 об.—6.

брань со Помпеиом Великим сотвори, ... понеже ревность бе между ими о монархии римской». В итоге Цезарь «победи и супостаты ц[а]рей, рече посполитую римскую и врагов своих домашних, и ради великаго его во своих гражданах м[и]л[о]с[е]рдия и великорадия именован быть от римлян о[те]ц[а] о[те]чества и вечный диктатор и первый от ч[е]л[о]в[е]ков, имя латинское император, гречески же автократор, се есть самодержец, себе восприя». Однако судьба была его печальна: «Видевше же потом римляня, наипаче воеводы, иже союзники бяху со Помпеиом, яко кесарь от рече посполитой премени римское началство во царьство, собращася ... язвami его ураниша и убиша». Тем не менее начало царству было положено. Это выразилось в том, что Цезарь «вместо сына своего остави на ц[а]рьство Отавиана Августа»⁶⁸. Конечно, в общем изложении историй царей этот эпизод перехода от республики к монархии был в целом второстепенен, и царь и царство официально продолжали быть главенствующими понятиями. Тем не менее это свидетельствовало о постепенной адаптации новых политических понятий. В связи с этим отметим, что «Василиологион» был поднесен Алексею Михайловичу 5 сентября 1674 г., и он указал подготовить «еще два экземпляра книги»⁶⁹.

Сам факт того, что «Хрисмологион» и «Василиологион» были не частными сочинениями, а частью официальной деятельности центрального административного учреждения, демонстрирует постепенное проникновение и актуализацию для правящей элиты новых представлений о формах власти. Об этом также свидетельствует документация сотрудника Посольского приказа А.А. Виниуса, сына обрусевшего нидерландского купца, впоследствии одного из соратников Петра I. Виниус в 1672–1674 гг. посетил ряд европейских стран с дипломатической миссией. В статейном списке, помимо прочего, он поместил ряд описаний политического строя современных европейских государств. Так, в разделе «О чине правления королевства Аглинского» Виниус писал: «Правление Аглинского королевства ... есть отчасти монархияльно, отчасти аристократно, отчасти же демократно. Монархияльно есть, потому что имеют агличаня короля, которой имеет отчасти в правлении силу и повеление, только не самовластно. Аристократно и демократно есть, потому [что] во время великих принадлежащих каких дел, вчатия войны или учинения миру или поборов каких денежных, и тогда король съзывает парламент. А тот парламент делится в два дома: единого имянуют вышным, другаго нижным домом. В вышнем собираются сена-

⁶⁸ Там же. Л. 75–77 об.

⁶⁹ Кудрявцев И.М. Указ. соч. С. 201.

торы и шляхта лутчия всей земли, в другом собираются старосты мирских людей всех городов и мест. И хотя что в вышнем доме и приговорят, однако же без позволения нижнего дома совершители то дело невозможно, потому что всякие денежные принадлежат к меньшему дому. И потому вышней дом может нарежися аристократия, а нижней — демократия». Фактически Виниус воспроизвел популярное в ренессансной Европе описание так называемой смешанной формы правления, т.е. организации власти в государстве, в которой сочетались элементы нескольких форм правления.

Отметим, что Виниус счел необходимым на полях рукописи дать следующие пояснения: «монархияльно» — «единовластно», «аристократно» — «правление первых людей», «демократно» — «народоправительно». Схожее пояснение Виниус сделал при описании политического строя Франции: «Правление Французского государства монархияльно или единовластно, потому что король самовластен и своим изволом во всяких государственных великих делах творит начало или скончание по своей воле»⁷⁰. Такие пояснения показывали, что понятия нуждались в переводе и адаптации в политическом языке Московского государства. Однако в данном случае важно не столько то, что Виниус знал о существовании форм правления, а также мог умело использовать соответствующие категории при анализе политического строя. Важно то, что он счел нужным привести такие описания в официальной документации посольства, т.е. уже рассчитывал на определенное понимание элиты Московского царства.

Немаловажно, что Виниус дал формам правления социальные характеристики, переводимые на язык Московского государства. «Первые люди» аристократии у Виниуса — это «сенаторы и шляхта лучшая», которые в России соотносились с «боярами» и верхушкой «дворянства»⁷¹. Для демократии понятие «народ» оказалось синонимичным выражению «мирские люди». «Мирской» у Виниуса следует понимать не в значении «светский», а как отсылку к организации податного населения Московского государства в тяглые общины-«миры», т.е. к простонародью. Таким образом, аристо-

⁷⁰ Цит. по: Казакова Н.А. А.А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672–1674 гг. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXXIX. Л., 1985. С. 359–360.

⁷¹ См.: Глушкина С.М. Общественная терминология в космографии 1637 г. // Ученые записки Псковского государственного педагогического института. Вып. II. Псков, 1954. С. 195, 209, 212–216; Иссерлин Е.М. Лексика русского литературного языка XVII века. М., 1961. С. 42–43; Киселев М.А. Развитие самосознания «дворянского сословия» в первой трети XVIII в. и междуцарствие 1730 г.: «шляхетство» или «фамильные и шляхетство» // Правящие элиты и дворянство России во время и после Петровских реформ (1682–1750). М., 2013. С. 299–301.

кратия ассоциировалась с возможностью принятия политических решений наследственной элитой, а демократия — с простым народом.

Приведенный материал позволяет сделать вывод о том, что во второй половине XVII в. происходила адаптация понятий и учений о формах правления — монархии, аристократии, демократии — в политических представлениях элиты Московского государства. Одним из основных ее механизмов были перевод основных понятий (монархия — «самовластво», «единовластво»; аристократия — «княженачальство», «боярское правление», «благоначалие», «правление первых людей»; демократия —

А. Виниус.
 Автопортрет. XVII в.

«властительство людское», «общевластво», «народоправительство»), так и их более развернутые характеристики и описания. Современное состояние Московского государства также получало оценку сквозь призму новых понятий: его начали относить к государствам с монархической формой правления. При этом, как следствие, происходила некоторая секуляризация представлений о верховной власти в России, на что указывал еще А.С. Лаппо-Данилевский⁷².

Уже во второй половине XVII в. были представлены разные формы актуализации политических понятий и представлений — от эрудитских и книжных, когда главной целью их использования была демонстрация

⁷² См.: Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главные моменты ее развития в России со времени смуты и до эпохи преобразований // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1914. № 12. С. 14 и след.

уровня знаний, и до включения этих понятий и представлений в политическую практику, которая преследовала не только цель восхваления существующего режима, но и содержала конкретные предложения по его реформе.

Использование новых понятий и представлений в рамках политической практики означало и их встраивание в контекст социальных отношений. Теперь можно было апеллировать уже не к царю, а к монарху и монархии, что, в свою очередь, предполагало определенное социальное устройство, отличное от немонархических форм правления. Как и царь, монарх мог дать несколько вариантов должных отношений в социальной иерархии. Для Ю. Крижанича монархия обеспечивала благо для всех сословий. При этом «благородные» — наследственная правящая элита — представлялись опорой монархии. Однако именно от них могла исходить угроза трансформации монархии в аристократию по образу Польши или Германии. В то же время, как показал Н. Спафарий — интеллектуал, находившийся на государственной службе, можно было просто восхвалять монархию как лучшую форму правления, самодостаточную в производстве блага для всех подданных. Таким образом, обращение к монархии могло содержать как апелляцию к ее социальной ангажированности — заботе о главной опоре политической организации, так и к ее социальному нейтралитету, равной заботе обо всех подданных.

IV

По мнению С.В. Польского, понятие «монархия» «в петровскую эпоху ... появляется на страницах переводных политических трактатов, проникает в официальные акты»⁷³. Данное мнение нуждается в корректировке: процесс проникновения таких понятий, как монарх и монархия, в официальные акты начался еще до правления Петра I, в царствование его брата Федора. В соборном деянии об уничтожении местничества от 12 января 1682 г. содержались следующие слова, вложенные в уста Федора Алексеевича: «Ведомо, ... како превышний Он, вся правяй и содержи, Монархом и всем человеком житии и пребывати благочестно и праведно повелевает»⁷⁴. Также послы Федора Алексеевича в споре с представителями «цесаря» утверждали, что российский монарх — это «Государь самодержавный и обладает

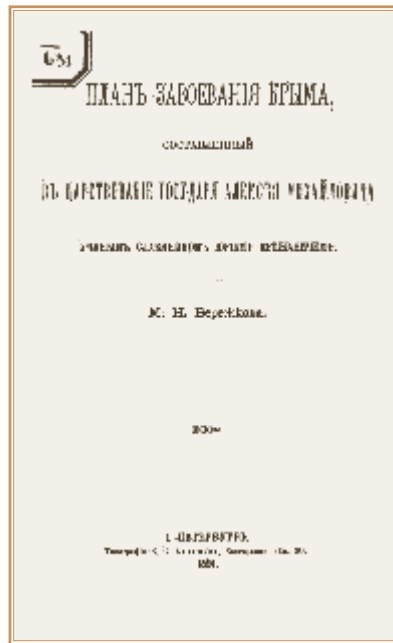
⁷³ Польской С.В. Указ. соч. С. 12.

⁷⁴ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 4. М., 1828. С. 398.

многими государствами и странами и служат ему, великому монарху, Цари и Царевичи»⁷⁵. В царствование Петра I эта тенденция усиливается, и такие понятия, как монарх и монархия, становятся к концу правления первого императора неотъемлемой частью политического языка, включая и его официальное измерение.

Важно отметить, что понятия «монарх» и «монархия» использовались как параллельно, так и во взаимосвязи с понятиями, описывавшими другие формы правления.

В качестве примера можно привести самого Петра I. В 1711 г. при составлении регламента Кригскомиссариату он включил слова про «по-

«План завоевания
 Крыма»
 Юрия Крижанича.
 Издание 1891 г.

вреждение высокого монаршего интересу и государственной тяжкой убыток»⁷⁶. В свою речь 22 октября 1721 г. он включил слова о том, что «не надлежит ослабеват в воинском деле, дабы с нами не так сталас, как ... с манархией греческою»⁷⁷. В то же время Петр при работе над «Гисторией Свейской войны», комментируя события 1714 г., собственноручно написал, что «правительство швецкое, не чая возвращения короля своего ис Турок,

⁷⁵ ПДС. Т. V. Стб. 1142.

⁷⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 2 (июль–декабрь 1711 года). М., 1964. С. 294.

⁷⁷ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. I. Акты о высших государственных установлениях. М.-Л., 1945. С. 156.

намерены были без оного мир учинить и республику»⁷⁸. Таким образом, сам Петр вполне осознанно и уверенно использовал понятия, характеризовавшие разные формы правления.

Представители российской политической элиты первой четверти XVIII в. (А.А. Матвеев, П.А. Толстой, князь Б.И. Куракин, П.П. Шафиров и др.) также активно использовали новые политические понятия в своей деятельности, как при описании иностранных, так и российских реалий⁷⁹. Например, князь Б.И. Куракин в составленном им в 1723 г. плане российской истории 1723 г. предусмотрел разделы «О республике Новогороцкой», «О республике Псковской», а также «О правлении, когда в суверанство почало приходить»⁸⁰, т.е. об установлении самодержавной монархии при Иване III.

Более того, уже в 1710-е гг. можно зафиксировать случаи, когда представители правящей элиты пытались использовать понятия, характеризовавшие формы правления, при отстаивании социальных интересов. Прежде всего, это относится к проектам русского агента в Англии Ф.С. Салтыкова, происходившего из старомосковского боярского рода.

Будучи в Англии, Ф.С. Салтыков в письме от 1 декабря 1712 г. сообщал Петру I: «В свободныя времена будучи здесь прилежно подумал выбрать из правления уставов здешняго Англинскаго Государства и прочих Европейских, которое приличествует токмо Самодержавствию, а не так как республикам или Парламенту»⁸¹. Петр в письме от 12 января 1713 г. благожелательно отреагировал на это предложение: «Правы, о которых вы писали, что вы выбрали из Англинских и прочих Европейских, которыя надлежит кроме Республик, пришлите к нам»⁸². Салтыков исполнил это повеление, прислав в 1713 г. так называемые «Пропозиции», т.е. предложения.

Во вводной части к своим предложениям он специально подчеркнул, что написал «о некоторых состоятельных которыя прилежно выбраны ис правления уставов разных, как аглинских, французских, германских, такожде и прочих Европских присудствуемых приличеству Самодержавия»⁸³. Главы с 1 по 7 были посвящены всем основным социальным слоям российского

⁷⁸ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 415; Вып. 2. М., 2004. С. 211.

⁷⁹ См., напр.: Русский дипломат во Франции (Записки Андрея Матвеева). Л., 1972. С. 191; Русский посол в Стамбуле (Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в.). М., 1985. С. 83, 89.

⁸⁰ Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. I. СПб., 1890. С. 79.

⁸¹ Собрание писем императора Петра I-го к разным лицам с ответами на оныя. Ч. II. СПб., 1829. С. 172.

⁸² Там же. Ч. I. С. 128.

⁸³ Пропозиции Федора Салтыкова. СПб., [1892]. С. 1.

общества, от духовенства (гл. 1) до крестьян (гл. 7). Вторая глава была посвящена «господам и дворянам». Можно предположить, что это была калька с английского «Lords and gentleman», что соответствовало российскому делению на «бояр и дворян». Впрочем, эти две категории Ф.С. Салтыков мог объединять общими понятиями «благородные и дворяне».

«Пропозиции» касательно благородных у Ф.С. Салтыкова были направлены на укрепление их социальных позиций. Он считал необходимым ввести единонаследие для недвижимого имущества по примеру «Великой Британии», в том числе видя в этом и выгоду для государственной казны: «Когда таких разделов вотчин по ровности сыном не будет, тогда время от времени богатеть будут дома прикуплением от мелких стежателей, а в платеже г[осу]д[а]р[с]т[в]енных будет менши недоимк». Право владения землей («вотчинами») он считал дворянской привилегией: «А ежели кто будучи ис простых чинов во всяких чинах градских и служилых придет в богатство, и тем не покупать дворянских стежательств, сиречь вотчин, понеже оное надлежит дворяном». Однако Салтыков допускал возможность получения недворянами благородства, для чего предлагал ввести процедуру аноблирования: «А буде кто похощет иметь дворянское стяжательство, сиречь вотчины, и ему прежде довлеет бит челом о том чтоб его убл[а]городить и дать бы ему на то жалованную грамоту и герб..., а за то его бл[а]городство и за его стяжательства брать в казну д[е]нги... и потом им и детям их иметь вотчины и достоинства дворянские». Кроме того, Салтыков предложил провести символическое разделение пространства страны: «Довлеет росписать во всех губерниях и городех волости, слободы, села и деревни, и росписав те обрацати по великости препорцьи в ландграфство, в маркизанство, в графство, в баронство, в господство и стяжательство». Возникшие в результате такой процедуры титулы (но не земли) он предлагал раздать, и «велеть стяжателем от оных стяжательств теми титулами писатся и гербами печататся как и в протчих европейских г[осу]д[а]р[с]т[в]ах, а не одного своего родного прозвища, а что б всякой стяжатель платил на год от своих достоинств по уставу»⁸⁴. Как явствовало из таких предложений, Салтыков стремился сочетать интересы благородных, чьи материальные и символические позиции укрепились бы после введения таких норм, с интересами государственной казны, которая бы получила дополнительные выплаты. Именно это он рассматривал как «приличествующее» для самодержавия, а не для республиканской формы правления.

Н.П. Павлов-Сильванский пришел к выводу, что в этих предложениях была «сословно-аристократическая тенденция..., отчасти скрытая, отчасти

⁸⁴ Там же. С. 4–14.

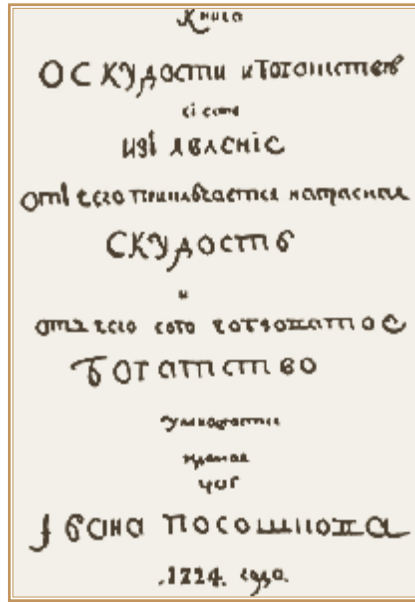
определенно выраженная»⁸⁵. Однако к такому выводу можно прийти, если считать монархию социально-нейтральной формой правления. Для Салтыкова, как ранее для Ю. Крижанича, монархия связывалась с определенной ангажированной политикой, направленной на поддержание ее социальных оснований, т.е. благородного дворянства. В связи с этим следует обратить внимание на проект Салтыкова 1714 г., который дополнял «Пропозиции». В нем Салтыков затронул проблему политики в отношении «Украины Черкасской», т.е. Гетманской Украины. Под впечатлением от измены гетмана И.С. Мазепы он предлагал «указать при нынешнем гетмане быть одной роте от кавалерии под образом вида гвардии его... а та-бы рота была выбрана из дворянских детей». Такая мера должна была, по мнению Салтыкова, уберечь от возможных измен. Необходимость привлечения именно дворянских детей он обосновал следующим образом: «Дворянские чины вернее и усмотрительнее всегда для своего дворянства, для своих сродственников, чтоб им не учинить пороку, а служить бы вернее в. в-ву и государству»⁸⁶.

В своих предложениях Салтыков не предлагал передать верховную власть или ее часть какому-либо органу, независимому от монарха, тем самым ограничив власть монарха. И здесь его нельзя заподозрить в аристократических тенденциях! Он предлагал меры по поддержке статуса и материального положения благородных, и это вполне укладывалось в его представления о монархии. Таким образом, предложения Салтыкова демонстрировали потенциал идеи монархического правления для поддержания или даже увеличения привилегий благородных. Дворяне были нужны монарху как наиболее верные слуги. Вполне было логично из этого сделать вывод, что монарху следует проводить благоприятную политику именно в отношении дворян.

Отметим, что потенциал обращения к монарху и монархии для защиты своих социальных интересов в петровское царствование оценили не только представители благородных дворян. Отзвуки нового политического лексикона дошли и до некоторых грамотных представителей податного населения. И.Т. Посошков в известном сочинении «Книга о скудости и богатстве», которое он желал в 1724 г. поднести Петру I, счел нужным указать, что «у иноземцов короли власти таковыя не имеют, яко народ, и того ради короли их не могут по своей воле что сотворити, но самовластны у них подданныя

⁸⁵ Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб., 1897. С. 26.

⁸⁶ Салтыков Ф. Изъявления прибыточныя государству, 1714 г. // Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч. С. 18.

И.Т. Посошков,
 «Книга о скудости
 и богатстве».
 Заглавная страница,
 1724 г.

их, а паче купецкие люди». В России же, по Посошкову, был «самый властительный и вцелый монарх, а не ористократ, ниже димократ»⁸⁷. При этом Посошков изображал российского монарха как гаранта социального порядка в государстве: «Аще ... с высоты Бог милостивно призрит, а с низоты императора нашего великаго изволение всеусердное произыдет, то не токмо едина царска сокровища со излишеством наполнятся, но и весь народ обогатится и вражды многия прекратятся»⁸⁸. Такая социально нейтральная характеристика российского монарха для Посошкова открывала возможность обращения к защите с его стороны. Например, он следующими словами характеризовал время, когда «наши монархи в купеческия дела не въступали, но управляли бояря»: «Приехав они, иноземцы, засунут сильным персонам подарок рублев во сто-другое, то за сто рублев зделают они, иноземцы, прибыли себе по миллиону, почему что бояре не ставили купечества ни в яишную скорлупу, бывало на грош все купечество променяют». Современную ситуацию, благодаря обращению к монарху, он оценивал более оптимистично: «А ныне, слава Богу, монарх наш вся сия разсмотрил и подлеть им уже некак, еже бы им по прежнему своему хотению уставить и на своем поставить»⁸⁹.

Появление в официальном политическом языке новых понятий и представлений также потребовало дополнительного обоснования су-

⁸⁷ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 239.

⁸⁸ Там же. С. 20.

⁸⁹ Там же. С. 123.

ществовавшего порядка. Если текстов восточной христианской традиции было вполне достаточно для утверждения власти царя, то для обоснования власти монарха их явно было недостаточно. Как следствие, при Петре I продолжила развиваться официальная апология монархии как формы правления.

Наиболее ярко эта тенденция получила выражение в сочинениях Феофана Прокоповича. Прежде всего, следует указать на «Слово похвальное в день рождения благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича», произнесенное в 1716 г. Повод для торжественной проповеди Прокоповичем был выбран более чем удачно: рождение наследника в монархии признавалось одним из ключевых политических событий, — и Прокопович обещал своим слушателям показать, «коликое счастье есть от царскаго чадородия государствам чина монаршескаго»⁹⁰. «Государства чина монаршескаго» — это государства с монархической формой правления. Важно, что такая формулировка создавала концептуальный разрыв между государством как политической общностью и единовластным государем как правителем такой общности. Таким образом, создавалась теоретическая возможность отделения государя от его государства. Государь во главе государства — фактически единственно правильная для Московского государства форма организации власти трансформировалась: монарх во главе государства — одна из возможных правильных форм организации власти.

О. Хархордин, рассуждая о специфике понятия государства, полагает, что «формирование понятия происходило за счет интерпретации “государства” как “отечества” (т.е. *dominium* интерпретировался как *patria*), в результате чего и осуществлялось его отделение от личности господаря»⁹¹. По нашему мнению, такой интерпретации было явно недостаточно: даже при таком служении был нужен государь, ибо это было необходимым условием должного состояния власти. Именно представление о различных формах правления как раз и позволяло помыслить государство без государя как одно из нормальных, допустимых состояний политической общности.

⁹⁰ Феофан Прокопович. Сочинения. М.-Л., 1961. С. 39. О. Хархордин, пытаясь объяснить отличия в формировании понятия «государство» в русском и английском языке, одно из своих объяснений свел к тому, что «русских слов, близких латинскому *status*, практически не существовало до XVIII в.» (Хархордин О. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках. СПб.; М., 2002. С. 191). Очевидно, что основой для такого вывода исследователя послужило слабое знание русских источников XVII в. Феофан Прокопович, как до него монах Исайя, без особых затруднений подобрал церковно-славянский аналог латинского *status* — чин.

⁹¹ Хархордин О. Что такое «государство»? С. 191.

Феофан Прокопович.
 Гравюра XVIII в.

Конечно, Феофан Прокопович явно не ставил перед собой такой разрушительной цели. Скорее наоборот, он пытался противостоять возможным негативным последствиям принятия определений «монарх» и «монархия» на официальном уровне. Ссылками на примеры из всемирной истории Прокопович доказывал, что монархическая форма правления — это лучшая форма политической организации. Рассуждая о «древней речи посполитой Римской», он утверждал: «Пришедши же в возраст ... мужеской, не возможе себе управити тонким оным демократии кормильцем: были мятежи лютыя... Домашнею Иулия и Помпея войною приходило до крайней пагубы, даже паки в вид монаршейский претворися. И от сего известно како здравейшее есть, паче инных, человеческому сожитию единовластное правление». Дополнительный акцент Прокопович сделал на преимуществах наследственной монархии: «Полезное есть правительство самодержжское наследуемое. Вопреки: коликим бедствием отверста стоит демократия и аристократия, подобнее и монархия не наследуемая, но по избранию от дому до дому преходящая»⁹². Таким образом, Прокопович, ангажированный верховной властью, а точнее — своим положением по отношению к верховной власти, следовал в русле трудов Н. Спафария, создавая концептуальные основы для легитимации монархической формы правления как наилучшего политического строя. Однако такая защита едва ли была социально нейтральной: будучи на службе у монарха и завися от его расположения, Прокопович фактически исполнял заказ правящей персоны.

⁹² Феофан Прокопович. Указ. соч. С. 39–41.

V

К моменту смерти Петра I российский государь для официального политического языка и для элиты окончательно стал монархом, потеснив царя. Насколько была принципиальна такая трансформация? Во-первых, она несла явное снижение сакральности при оценке власти государя. Во-вторых, понятие «монарх» было связано с монархией, являвшейся только одной из форм правления, а не единственно возможным способом организации власти. Теперь отсутствие государя в государстве могло стать не безгосударьем, а лишь другой формой правления. Именно это и стало решающим фактором в концептуальном отделении государя от государства в российском политическом языке XVIII в. Помимо прочего, одним из следствий такого отделения стало появление в XVIII в. сочинений, защищавших монархическую форму правления как наилучшую из существующих. Наконец, появление представлений и понятий о разных формах правления создавало новые возможности для их использования политическими акторами в отстаивании определенных социальных интересов: монархию можно было социально ангажировать, объявляя дворянство ее главной опорой, либо подчеркивать ее социальную нейтральность, ища защиты от чрезмерных притязаний дворянского сословия. Указанные трансформации элитарных политических представлений и политического языка в полной мере найдут отражение в событиях междуцарствия 1730 г. и их последующей оценке в XVIII в., начиная с Феофана Прокоповича и В.Н. Татищева: кризис 1730 г. был осмыслен не как безгосударное время, а как попытка установить республиканское/аристократическое правление, против которого выступил главный защитник монархии — благородное дворянство. И этот защитник рассчитывал получить от монархии соответствующую благодарность.

Ключевые слова:

история понятий, история политической мысли, государство, царь, дворянство

Mikhail A. Kiselev

FORM OF GOVERNMENT AND SOCIAL HIERARCHY IN RUSSIAN POLITICS OF THE XVII AND THE FIRST QUARTER OF THE XVIII CENTURIES

The article investigates the relationship between concepts that characterize a form of organization of supreme power and concepts that describe the social hierarchy in the Russian state during the XVII and the first quarter of the XVIII centuries. In Muscovite Russia, concepts of the sovereign and the state had universal and standard characters for the description of political units.

However, the concepts of the state and the sovereign were by no means the sole and exhaustive categories. It was important not only to ask the question — whether the Moscow monarch is the sovereign? i.e. the sovereign, absolute governor? — it was also important to ask — what is a sovereign? Answers to these questions were given by means of the categories — «tsar» and «tsardom».

In the second half of the XVII century, representatives of the elite of the Muscovite state adapted the concepts and doctrines of the forms of government — monarchy, aristocracy and democracy. The use of new concepts and ideas within political practices and their integration into the context of social relations meant that it was no longer possible to appeal directly to the tsar but rather to the monarch and the monarchy, which, in turn, implied a certain social structure different from non-monarchic forms of government.

By 1725, for the official political elite, the Russian sovereign finally became the monarch, surpassing the tsar.

 Киселев Михаил Александрович

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории
 и археологии УрО РАН, ассистент кафедры истории России
 Уральского федерального университета

Д. О. Серов

ГВАРДЕЙЦЫ И ФИСКАЛЫ ПЕТРА I В БОРЬБЕ С ЛИХОИМЦАМИ И КАЗНОКРАДАМИ

В череде административно-судебных преобразований первой четверти XVIII в., переиначивших устройство едва ли не всех звеньев государственного механизма России, особенное место заняло создание фискальской службы и «майорских» следственных канцелярий. Поныне не проясненная во всех деталях история бытия этих учреждений примечательна по нескольким обстоятельствам.

Во-первых, именно основание фискальской службы и «майорских» канцелярий означало появление в отечественном государственном аппарате принципиально важных сегментов — органов надзора и органов предварительного расследования. Во-вторых, именно фискальской службе и «майорским» канцеляриям довелось — в шаткой обстановке тяжелейшей войны и непрерывных реформ — принять на себя основную тяжесть борьбы с должностными преступлениями в нашей стране в 1710-е — начале 1720-х гг. Наконец, в-третьих, судьбы означенных учреждений оказались связаны незримыми, но прочными нитями.

Учредительным актом об основании фискальской службы России стала краткая приписка, собственноручно внесенная Петром I в уже подписанный им текст закона от 2 марта 1711 г. о полномочиях Сената: «Учинить

фискалоф во фсяких делех, а как быть им, пришетца известие»¹. Царь не забыл про обещание прислать «известие», «как быть» фискалам. Уже 5 марта 1711 г. был издан закон, в ст. 1 и 2 которого регламентировался порядок работы Сената, а в пространной ст. 3 — организация и полномочия новоучрежденной фискальской службы². Окончательно статус, полномочия и круг ведения службы были закреплены в особом законе от 17 марта 1714 г. «Указ о фискалах и о их должности и действии»³.

Со стороны организационной фискалы образовали собой трехуровневую вертикаль. Глава службы — обер-фискал — подчинялся непосредственно Правительствующему сенату. В более значительных городах (в первую очередь губернских и провинциальных) размещались провинциал-фискалы, в остальных — подчиненные им городовые фискалы. Создание специализированных территориальных органов центральных ведомств было мало знакомо отечественному государственному строительству прежних времен. В этом отношении предшественниками фискалов следует признать разве что подчиненных Разбойному приказу губных старост второй половины XVI — начала XVIII в. да поныне малоизученных ратушских надсмотрщиков 1700-х гг.

Из-за неувязок с назначением руководителя создание фискальской службы России началось фактически лишь в ноябре 1711 г., после определения в

¹ Законодательные акты Петра I / Сост. Н. А. Воскресенский. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 200. Традиция изучения фискальской службы протянулась со времени подготовки А.Д. Градовским магистерской диссертации «Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры», защищенной в Императорском Санкт-Петербургском университете в 1866 г. и изданной в том же году в виде монографии (Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С. 81–89, 99–100). Из последующих работ, посвященных службе, стоит отметить: Петровский С.А. О Сенате в царствование Петра Великого: историко-юридическое исследование. М., 1875. С. 98–157; Филиппов А.Н. Правительствующий Сенат в царствование Петра Великого // История Правительствующего Сената за двести лет 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 1. С. 178–202; Аншилогов Г.Н. Фискалитет при Петре I // Вестник МГУ. Сер. историко-филологическая. 1956. № 2. С. 63–80; Шестаков С.Е. Формирование института гражданских фискалов в России в первой трети XVIII в. // Реформы в России XVI–XIX вв.: сб. науч. трудов. М., 1992. С. 101–121; Платонова Н.В. Государственный контроль (фискалитет) в России в первой четверти XVIII в.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2000; Серов Д.О. Фискальская служба России: зигзаги исторического пути (1711–1729 гг.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Право. 2005. Т. 1. Вып. 1. С. 20–27. Затруднительно признать имеющей научное значение кандидатскую диссертацию А.Д. Паутова «Институт фискалов в России в первой трети XVIII в.», защищенную в 2007 г. в Омском государственном педагогическом университете. Представляющая собой по существу развернутый реферативный обзор, диссертация А.Д. Паутова явилась шагом назад в изучении темы по сравнению не только с вышеназванными работами XX — начала XXI в. (особенно с диссертационным исследованием Н.В. Платоновой), но и по сравнению с характеристикой фискалов в труде С.А. Петровского 1875 г.

² Законодательные акты Петра I. С. 204.

³ Там же. С. 333–335.

обер-фискалы стольника М.В. Желябужского. Процесс формирования службы в основном завершился к 1713 г. Согласно донесению Михаила Желябужского Сенату от 17 апреля 1713 г., на тот момент в центральном аппарате и территориальных органах службы числилось 153 фискала (без сведений по Санкт-Петербургской губернии)⁴. Соответственно, на должностях провинциал-фискалов состояло тогда 24 человека, на должностях городских фискалов — 129 человек. Из названного документа также явствует, что непосредственно при обер-фискале находилось два провинциал-фискала (А.Я. Нестеров и С.Н. Шепелев), в самой Москве — четверо провинциал-фискалов⁵.

Компетенция фискалов заключалась в первую очередь в выявлении любого нарушения закона — «всяких преступлений указам». Сообразно требованиям момента, особое внимание фискальским органам надлежало уделять обнаружению преступлений, по современной классификации, против интересов службы и против правосудия (получение взятки, казнокрадство, злоупотребление должностными полномочиями, вынесение заведомо неправосудного приговора).

Всю собранную информацию фискалы обязывались направлять на рассмотрение того судебного органа, в подведомственности которого находилось обличаемое лицо. Обращение фискала в какой-либо вышестоящий судебный орган воспрещалось. В качестве срока давности по преступлениям, выявляемым фискалами, согласно ст. 10 закона от 17 марта 1714 г., устанавливался 1700 г. Тем самым фискальская служба стала первым в нашей стране органом общего надзора за соблюдением законности.

Между тем, наряду с функцией надзора, законодатель придал фискальской службе еще три не менее важные линии компетенции. Во-первых, для установления события преступного деяния фискалы получили никогда прежде не закреплявшееся нормативно право осуществлять, в современном понимании, оперативно розыскную деятельность («тайно надсматривать»). Во-вторых, в ст. 4 закона от 17 марта 1714 г. оказалась специально прописана обязанность должностных лиц фискальской службы заниматься «выяснением» (выяснением обстоятельств) так называемых «безгласных дел» (термин, введенный, по всей видимости, самим Петром I) — т.е. тех дел, по которым отсутствовали челобитчики-заявители.

В-третьих, по закону от 5 марта 1711 г., обер-фискал обязывался «позвать» того, кто «неправду учинит пред Сенат, и тамо его обличать». Сходным образом, «проведывать и доносить и при суде обличать» предписы-

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. № 286. Л. 1–8 об.

⁵ Там же. Л. 1–1 об.

валось (уже всем фискалам) в ст. 4 базисного закона от 17 марта 1714 г. Иными словами, помимо общего надзора, законодатель возложил на фискальские органы полномочия возбуждать уголовные дела и собирать по ним доказательства, а также выступать с обвинением в суде от имени государства. Тем самым можно со всей определенностью констатировать, что отечественная фискальская служба с момента возникновения стала органом еще и уголовного преследования.

Нет сомнений, что именно в лице обязанных «взыскивать» «безгласные дела» фискалов Российское государство впервые начало играть активно-иницирующую роль в уголовном судопроизводстве. Соответственно, с учреждением фискальской службы пресекалась протянувшаяся со времен Киевской Руси традиция, по которой государство самоустранялось от выявления преступлений.

Для обеспечения эффективной деятельности фискальских органов законодатель предусмотрел как меры материального стимулирования (получение фискалами доли от взысканных в судебном порядке штрафов), так и независимость фискалов от региональной администрации. Особым именованным указом от 16 января 1712 г. устанавливалась полная независимость фискалов от местных административно-судебных органов⁶. С той же целью — повысить качество работы фискалов — допускалась и всесловность в подборе фискальских кадров. В самом деле, фискал-дворянин мог вызвать меньше доверия у крестьян и посадских, а значит, терял возможность полноценно «тайно надсматривать».

Расчет царя на создание эффективного надзорного ведомства на первых порах, несомненно, оправдался. По мере укомплектования фискальских штатов в судебные органы буквально хлынул поток разоблачительной, хотя и неоднородной по значимости информации. Так, согласно данным записной книги фискальских донесений 1713 г., только за июль—октябрь 1713 г. в канцелярию Сената поступили сообщения о 107 уголовных делах, возбужденных только московской фискальской службой⁷.

Как явствует из записной книги, в 1713 г. фискалы возбуждали дела по факту подпольной торговли медикаментами и по факту укрывательства от службы дворянского недоросля Евдокима Кишинского (который из страха попасть в армию «и имя свое переменял, и называется Федором»). Возбуждались дела по поводу «проведанных» эпизодов фальсификации документов в Поместном приказе и по поводу не явленного в таможенню товара в

⁶ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 4. № 2467. С. 777. В соответствии с данным указом из-под юрисдикции губернаторов выводились даже принадлежавшие фискалам-помещикам деревни.

⁷ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. № 89.

лавке «на Полянке», по поводу небрежного хранения запасов провианта в Козельске и по поводу взяточничества солигалицкого коменданта⁸.

Особенно значительных результатов фискальская служба добилась (вполне в соответствии с замыслом Петра I) в выявлении преступных деяний представителей государственного аппарата. Именно фискалы вскрыли в 1712–1714 гг. махинации служащих Мундирной канцелярии (имевшие последствием закупку для армии значительной партии негодных сапог, рубах и камзолов), разоблачили масштабные хищения казны в Военном приказе и в Санкт-Петербургской губернской канцелярии, многообразные злоупотребления белозерского коменданта В.Н. Римского-Корсакова и важского коменданта Д.А. Соловьева.

Но, может, все эти донесения являлись в массе своей вымыслом, может, фискалы возводили напраслину, клеветали на честных людей? Тем более что ответственности за ложные фискальские донесения (иными словами, за необоснованное возбуждение уголовного дела) первоначально не предусматривалось, таковая ответственность была введена только в ст. 5 и 6 закона от 17 марта 1714 г. Ведь не случайно же 17 марта 1712 г. в Успенском соборе Кремля фискалов принялся обличать сам местоблюститель патриаршего престола митрополит Стефан Яворский⁹. Быть может, правы те ученые авторы, которые писали о том, что фискалы «пользовались мрачной репутацией во всех слоях населения», что они «вызывали повсеместное недовольство в России»?¹⁰

На сегодня, однако, документально установлен единственный случай, когда должностное лицо фискальской службы было осуждено за необоснованное возбуждение уголовного дела. 25 ноября 1718 г. особое судебное присутствие, состоявшее из глав и ассессоров «майорских» канцелярий, приговорило к смертной казни с конфискацией имущества фискала И.Д. Тарбеева, изобличенного в предъявлении генерал-майору Г.П. Чернышеву ложного обвинения во взяточничестве¹¹. Антифискальский же пафос митрополита Стефана понять совсем затруднительно — учитывая тот факт, что в марте 1712 г. служба находилась еще в стадии становления, и мало кто из фискалов приступил к работе.

⁸ Там же. Л. 4, 16 об., 17, 19, 24 об., 37.

⁹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 30–31.

¹⁰ Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 459; Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 88.

¹¹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Кн. 5947. № 185. Л. 8–8 об. При утверждении приговора Петр I помиловал Ивана Тарбеева, заменив смертную казнь на вырезание ноздрей и пожизненную ссылку на каторгу (Там же).

Митрополит
Стефан Яворский.
Гравюра
Г.А. Афанасьева.
XIX в.

В действительности фискалы вызывали «повсеместное недовольство» разве что у привыкших к полной безнадзорности должностных лиц разных уровней. Как с присущей ему образностью отметил глубокий знаток эпохи М.М. Богословский, «присутствие фискала ощущалось административным персоналом как присутствие постороннего тела в организме, которое раздражало и тревожило, потому что лишало властную руку возможности с прежней развязностью совершать оба ее обычных движения, как для нанесения удара, так и для получения взятки»¹².

Со стороны крестьян и посадских отношение к фискалам было иным. Представляется неоспоримым, что весьма успешная — поначалу — деятельность фискальской службы обуславливалась, главным образом, той поддержкой, которую фискалы получили в широких слоях населения. Совершенно очевидно, что без содействия множества явных и тайных помощников было немыслимо собрать такой внушительный объем информации о нарушениях закона, как это удалось фискальской службе в первой половине 1710-х гг. В свою очередь, это содействие объяснялось тем, что, по верному суждению С.А. Петровского, фискалы в те годы явились для «бедных и угнетенных... оградой и щитом против их притеснителей»¹³. Не вызывает сомнений, что в условиях второго десятилетия XVIII в. именно представители фискальского надзора

¹² Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М., 1902. С. 304.

¹³ Петровский С.А. О Сенате... С. 149–150. Это суждение Сергея Петровского впоследствии пытался малоубедительно опровергнуть Г. Н. Анпилов (Анпилов Г. Н. Фискалитет при Петре I. С. 79).

ответили вопиющей потребности массы трудового люда в хоть какой-то защите от произвола и злоупотреблений чиновников и прочих «сильных персон».

Особенно высокой служебной активностью отличался в 1712–1715 гг. состоявший при обер-фискале провинциал-фискал А. Я. Нестеров, человек неординарного жизненного пути, бывший холоп думного дворянина Ф.Г. Хрущева, ставший впоследствии прибыльщиком, главой Ясачной канцелярии, а затем комиссаром Московской губернии¹⁴. Достаточно сказать, что из 107 упомянутых уголовных дел, возбужденных фискальской службой, поступивших в Сенат в июле–октябре 1713 г., по данным, собранным Алексеем Нестеровым, было возбуждено 62 дела (и еще 7 дел было возбуждено им совместно с иными фискалами).

Петр I уделял сведениям, полученным от фискалов, большое внимание. В 1713 г. царь даже вступил в личную переписку с Алексеем Нестеровым, направив ему три послания¹⁵. А в письме Сенату от 2 июня 1713 г. монарх пригрозил сенаторам, медлившим с рассмотрением дел по фискальским донесениям, смертной казнью¹⁶.

Не ограничиваясь выявлением криминальных деяний низших региональных администраторов и канцелярского персонала центральных ведомств, фискалы нередко возбуждали уголовные дела и против могущественных сановников. Так, с подачи А.Я. Нестерова началось расследование грандиозной «подрядной аферы», большинство фигурантов которой составляли высшие должностные лица (включая самого «полудержавного властелина» А.Д. Меншикова, а также сенаторов В.А. Апухтина и Г.И. Волконского)¹⁷.

Неудивительно поэтому, что чем дальше, тем больше деятельность фискалов начала встречать сопротивление со стороны чиновничества. Камнем преткновения явился в первую очередь вопрос о реализации добытой фискальским ведомством разоблачительной информации. Располагавшие судебными полномочиями органы власти нередко затягивали рассмотрение уголовных дел, возбужденных фискальской службой. Так, московский провинциал-фискал А.П. Ляпин сетовал в донесении Сенату от 27 января 1714 г., что «по их фискальским доношениям... чинитца медление... А ко-

¹⁴ Подробнее о биографии А.Я. Нестерова см.: Серов Д.О. Руководители фискальской службы России: линии судеб // Проблемы истории России: Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2011. Вып. 9. С. 145–146.

¹⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1992. Т. 13. Вып. 1. С. 130; Там же. М., 2003. Т. 13. Вып. 2. С. 50, 128–129.

¹⁶ Законодательные акты Петра I. С. 206–207.

¹⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 76 об. Подробнее о «подрядной афере» см.: Павленко Н.И. Петр Великий. С. 501–502; *Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power. 1671–1725. Cambridge University Press, 2001. P. 322–334.*

торые люди по оным их фискалским доношениям достойны бо суть возваны быти на суд, и таким продолжением чинитца им лгота...»¹⁸. Случалось, виновных попросту освобождали от наказания (как это было, например, с «обличонными ворами» из Мундирной канцелярии¹⁹).

Одна из наиболее острых проблем, с которой столкнулась фискальская служба в 1712–1714 гг., состояла в том, что в ведомстве обер-фискала накапливалось все больше сведений о нарушениях закона самими сенаторами. К тому же отдельные сенаторы стали все чаще выступать в защиту уличавшихся фискалами должностных лиц. Все это не могло не ухудшить

Светлейший князь
А.Д. Меншиков.
Портрет XVIII в.

отношений между Сенатом и фискальской службой. Уже в апреле 1712 г. обычно старавшийся не касаться «острых» тем и не конфликтовать с сенаторами обер-фискал Михаил Желябужский оказался вынужден (правда, не единолично, а совместно с А.Я. Нестеровым и С.Н. Шепелевым) обратиться к царю с жалобой на «господ Сената».

Выведенные из терпения обер-фискал «с товарищи» писали, в частности, что «когда приходим в Сенат з доношениями, и... от князь Якова Федоровича [Долгорукова] да от Григорья Племянникова безо всякой нашей вины бывает

¹⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 106. № 393. Л. 10.

¹⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 95. Л. 720–720 об. В частности, по данным экспертизы, из 8 тысяч подготовленных к отправке в армию пар сапог годных оказалось 152 пары. Изобличенные же в махинации служащие Мундирной канцелярии не только не понесли наказания, но и вскоре были восстановлены в прежних должностях.

к нам с непорядочным гордым гневом всякое немилосердие, еще ж и с непотребными укоризны и поношением позорным... В разные числа, ненавидя того нашего дела, Племянников называл нас, ставя ни во что, уличными судьями, а князь Яков Федорович антихристами и плутами»²⁰.

Подобный стиль обращения с руководством фискалов со стороны сенаторов Я.Ф. Долгорукова и Г.А. Племянникова представляется вполне объяснимым: их имена не раз «всплывали» в фискальских донесениях. И если Григорий Племянников (скончавшийся 7 июля 1713 г.) успел попасть в поле зрения фискалов в связи с единственным эпизодом о хищении двух артиллерийских орудий, попавших вместо Воронежа в поместье сенатора²¹, то князь Яков Долгоруков оказался замешан в куда более многочисленных эпизодах «повреждения государственного интереса». Как явствует из архивных материалов, фискалы выяснили, что этот почтенный старец (родившийся, по наиболее достоверным данным, в 1650 г.), будучи фактическим председателем Сената, оказывал покровительство ряду нечистых на руку предпринимателей и чиновников, отдавал в коммерческую «прокрутку» (причем неудачную) казенные деньги, приложил руку к расхищению выморочного имущества боярина А.С. Шеина, неустанно брал взятки²². Вот как после этого не назвать фискалов «антихристами»!

В подобных условиях не приходится удивляться, что Петр I взял под личный контроль расследование возбужденного по инициативе А.Я. Нестерова уголовного дела об упомянутой «подрядной афере». Разгневанный вскрывшимися эпизодами фальшивых подрядов царь взялся допрашивать высокопоставленных подследственных под пыткой. В итоге на дыбу попал близкий к Александру Меншикову Санкт-Петербургский вице-губернатор Я.Н. Римский-Корсаков, дважды пытали сенатора Г.И. Волконского²³.

Финал дела вышел для разоблаченных фискальской службой сановников драматичным. Вот как в «Походном журнале» Петра I была засвидетельствована состоявшаяся 6 апреля 1715 г. на Троицкой площади Санкт-Петербурга «эксекуция»: «И приведши их на площадь, где положена была плаха и топор, объявлен указ: сенаторам двум, Волконскому и Апухтину за вины их (что они, преступая присягу, подряжались сами чужими именами под правиянт и брали дорогую цену, и тем народу приключали тягость) указано

²⁰ Законодательные акты Петра I. С. 331.

²¹ *Антилов Г.Н.* Фискалитет при Петре I. С. 71; *Комолов Н.А.* Органы следствия, суда и надзора в российской провинции XVIII века: на материалах Белгородской и Воронежской губерний. Воронеж, 2007. С. 86.

²² РГАДА. Ф. 248. Кн. 51. Л. 49–49 об.; Там же. Ф. 11. № 371. Л. 5–8 об.

²³ Походный журнал 1714 года. СПб., 1854. С. 79, 144, 148.

Князь
Я.Ф. Долгоруков.
Портрет XVIII в.

их казнить смертью, однако от смерти освобождены, только за лживую их присягу обожжены у них языки, и имение их все взято на государя...»²⁴ Наряду с сенаторами различным телесным наказаниям подверглись 6 апреля 1715 г. еще несколько замешанных в подрядных махинациях должностных лиц, а также группа уличенных фискалами во взятках дьяков Военной канцелярии.

События 6 апреля 1715 г. знаменовали крупный успех инициатора расследования А. Я. Нестерова. Неслучайно уже на следующий день, 7 апреля 1715 г., был издан именной указ, согласно которому Алексей Нестеров занял давно заслуженный им пост обер-фискала. Прежний обер-фискал М.В. Желябужский был 15 апреля 1715 г. определен ландратом в Смоленск²⁵.

Став во главе фискальской службы, А.Я. Нестеров еще более активизировал ее работу. Под руководством и при непосредственном участии Алексея Яковлевича фискалы возбудили в 1715–1717 гг. такие резонансные уголовные дела, как о «преступлении указов» сенатором М.М. Самариным, губернаторами К.А. Нарышкиным и П.А. Голицыным, вице-губернаторами П.Е. Лодыженским, В.И. Гагариным и С.И. Путятиным, обер-штер-кригскомиссаром флота

²⁴ Походный журнал 1715 года. СПб., 1855. С. 13. Что касается присяги, из-за нарушения которой Г.И. Волконскому и В.А. Апухтину прижгли языки, то речь шла о присяге на верность государственной службе, собственноручно написанной Петром I и утвержденной 2 марта 1711 г. (Письма и бумаги... М., 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 98). Первое принятие этой присяги (сенаторами и главами губернских администраций) состоялось того же 2 марта 1711 г. в Успенском соборе Московского Кремля (Там же. С. 99). Григорию Волконскому и Василию Апухтину было вменено в вину, по всей очевидности, нарушение ст. 2 присяги — обязательства хранить «правду... в деле государственном».

²⁵ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / Под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1892. Т. 5. Кн. 1. С. 342.

Г.П. Чернышевым. Продолжился начатый еще в 1713–1714 гг. сбор информации о финансовых злоупотреблениях и взяточничестве А.Д. Меншикова, Я.Ф. Долгорукова, П.М. Апраксина (относившихся, главным образом, к его губернаторству в Казани), сибирского губернатора М.П. Гагарина, главы Мундирной канцелярии М.А. Головина, адмиралтейского советника А.В. Кикина.

Особенно примечательно сложилась история разоблачения фискальской службой многообразных криминальных деяний губернатора Матвея Гагарина. Человек не первой молодости (1658 г. р.), начавший карьеру с воеводств в Иркутске и Нерчинске, князь Матвей Петрович сумел в середине 1700-х гг. войти в ближайшее окружение Петра I, стал московским комендантом, главой Оружейной палаты и Сибирского приказа, а затем и первым губернатором Сибири. Попадавший под следствие (и даже взятый на некоторое время под стражу) еще в конце 1690-х гг. М.П. Гагарин впервые оказался в поле внимания Алексея Нестерова в 1712 г.²⁶ Именно тогда Алексей Яковлевич направил в Сенат ряд донесений о «многой напрасной раздаче» и хищении казны правителем Сибири. Эту информацию А.Я. Нестерова сенаторы, однако, проигнорировали.

В 1714 г. провинциал-фискал вновь принялся обличать сибирского губернатора. Не рассчитывая больше на Правительствующий сенат, Алексей Нестеров обратился напрямую к царю. На этот раз выдвинутые Алексеем Яковлевичем обвинения касались преимущественно теневых внешнеторговых операций М.П. Гагарина и его соратников. Для подтверждения этих обвинений А.Я. Нестеров предложил направить в Сибирь «верного человека» для осмотра и описи возвращавшегося из Китая купеческого каравана.

Эту информацию Алексея Нестерова Петр I воспринял со всей серьезностью. 7 декабря 1714 г. будущий император распорядился временно отстранить Матвея Гагарина от должности и вызвать его в Москву. Для выяснения обстоятельств «китайского торга» в Забайкалье был командирован гвардии капитан А.Л. Долгоруков.

Организованная по-военному четко, миссия Александра Долгорукова завершилась, однако, безрезультатно: досмотр остановленного на самой границе каравана не подтвердил сведений А.Я. Нестерова. 4 января 1716 г. царь восстановил М.П. Гагарина в должности и отпустил его обратно в Тобольск. Не успокоившись, теперь уже обер-фискал Алексей Нестеров подал новые донесения против Матвея Петровича, а заодно против А.Л. Долгорукова, обвинив гвардии капитана в небескорыстном потворстве губернатору.

²⁶ Об истории разоблачения М. П. Гагарина фискальской службой и о начальном этапе следствия по его делу см.: *Акишин М. О. Полицейское государство и сибирское общество. С. 142–147.*

К этому времени обер-фискалу стало поступать все больше информации от подчиненных. Особенно активную деятельность по выявлению злоупотреблений сибирской администрации развил бывший подьяк устюжского архиерея фискал Афанасий Фильшин. Именно А. Фильшин установил многие подробности о губернаторских махинациях с китайскими караванами, а впоследствии и о недобросовестном следствии Александра Долгорукова.

Однако какую бы ценную информацию ни добывали фискалы, какое бы упорство ни демонстрировал новый обер-фискал в доведении

Г. П. Чернышев.
Портрет XVIII в.

этой информации до царя и Сената, механизм реализации информации подобного рода по-прежнему раз за разом стопорился. Расследования уголовных дел по фискальским донесениям страдали излишней волокитой, приговоры по ним почти не выносились. Достаточно сказать, что к настоящему времени удалось выявить сведения лишь о пяти приговорах, вынесенных Сенатом за пятилетие 1713–1718 гг. по уголовным делам, возбужденным фискальской службой. Эти приговоры, вынесенные Сенатом, по-видимому, в середине 1715 г., царь утвердил 6 ноября 1715 г.²⁷

В итоге виновные замечали следы и еще больше утверждались в ощущении своей безнаказанности, потерпевшие и доносители отчаивались, фискалы теряли рвение к службе, осведомители теряли интерес к продол-

²⁷ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 10. Л. 40–40 об.

жению сотрудничества. Население исподволь, но необратимо начинало разочаровываться в органах фискальского надзора.

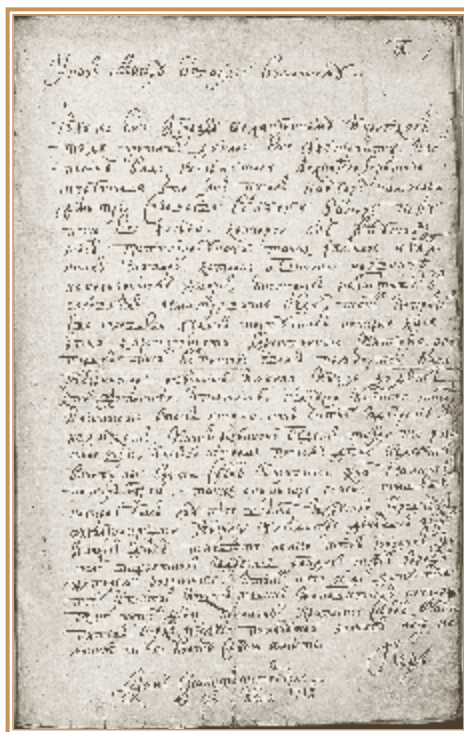
Особенно много проблем возникало с возбужденными фискальской службой уголовными делами против высокопоставленных должностных лиц. Именно проблема разбирательства подобных дел побудила Петра I создать подчиненные непосредственно верховной власти чрезвычайные следственные органы, призванные собрать необходимую доказательственную базу для последующего «безволокитного» рассмотрения дела в суде. Несколько позднее эти канцелярии стали, с легкой руки Петра I, именоваться «маюрскими» (майорскими)²⁸.

Первая из «майорских» канцелярий — ведения гвардии майора князя М.И. Волконского — была учреждена, по именному указу от 25 июля 1713 г., для работы на территории Архангелогородской губернии по рассмотрению обвинений против обер-комиссара Д.А. Соловьева и комиссара С.М. Акишева²⁹. Предыстория создания этой канцелярии столь малоизвестна, столь и примечательна.

Началось все с того, что 28 августа 1712 г. устюжские фискалы Федор Протопопов, Сила Смольников и Иван Оконнишников подали в Правительствующий сенат донесение о бесчинствах подьячих и солдат, направленных в Устюжский уезд для взыскания недоимок комиссаром С.М. Акишевым. Как сообщали фискалы, «они, подьячие и солдаты, приехав в волости и указов соуким не объявля, бьют без милости и тиранскими муками мучат: вешают в дыбы и на козле плетми свинцовыми бьют и огнем страшат. И в церковной трапезе батожьем и на козле бьют ругательски руки и ноги и зубы ломают. И многих жен за власы волочили и нагих девиц водили, также многих жен блудным во-

²⁸ Не вдаваясь на этих страницах в пространные историографические экскурсы, следует отметить, что научным первооткрывателем «майорских» канцелярий явился В.И. Веретенников, посвятивший им особую главу в монографии 1910 г. Впоследствии углубленные изыскания касательно организации и функционирования канцелярий возобновились уже в 1990-е — начале 2000-х гг. См.: *Веретенников В. И. История Тайной канцелярии Петровского времени*. Харьков, 1910. С. 28–75; *Бабич М. В. К истории государственных учреждений XVIII в.: «майорские канцелярии» // Отечественные архивы*. 2000. № 1. С. 21–31; *Она же. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени*. М., 2003. С. 36–68; *Серов Д. О. Гвардейцы-криминалисты Петра I: из истории организации и деятельности «майорских» следственных канцелярий (1713–1723 гг.) // Ораниенбаумские чтения: Сб. науч. статей и публикаций*. СПб., 2001. Вып. 1. С. 79–93; *Он же. Следственный аппарат России в первой четверти XVIII в.: зарождение, организация, функционирование // Юридическая теория и практика в истории и современной России: Сб. науч. статей*. М., 2010. С. 362–382.

²⁹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1 (подлинник указа); РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 5 (черновой отпуск указа); публикацию указа (по черновому отпуску) см.: *Письма и бумаги...* Т. 13. Вып. 2. С. 74–75.

Именной указ
от 25 июня 1713 г.
об основании
следственной
канцелярии
М.И. Волконского

ровством силно бесчестили»³⁰. Сам комиссар обвинялся фискалами в потворстве бесчинствам подчиненных, а также в вымогательстве взяток³¹.

Сенаторы не оставили донесение без внимания: уже 20 сентября 1712 г. состоялось решение об отстранении Семена Акишева от должности и о вызове его для допроса в Сенат. 25 сентября 1712 г. в Устюг за комиссаром выехал сенатский подьячий Евсевий Говорков.

Дальше события приняли неожиданный поворот: С.М. Акишев ехать в Москву отказался. Как сообщил в поданном 10 ноября 1712 г. «доезде» Е. Говорков, «он, комиссар, сказал, что к Москве не едет и указу не послушает, для того что отпущен от губернатора, а не от Сената... И он, подьячий, велел ево, комиссара, посланным драгунам взять. И он, комиссар, учинился государеву указу силен, от драгун отбился»³².

Крайне самоуверенное поведение Семена Акишева было неслучайным. Комиссар рассчитывал на поддержку губернского руководства. Благоволивший к Семену Матвеевичу вице-губернатор А.А. Курбатов, в самом деле, решительно вступился за подчиненного и отказался выслать его в Сенат. Одновременно в октябре 1712 г. вице-губернатор (ранее проигнорировав-

³⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 82. Л. 34.

³¹ Там же. Л. 33–45.

³² Там же. Л. 78, 100 об.–101.

ший обращения к нему фискалов) направил в Устюг для проведения собственного расследования представителей губернской администрации: дьяка Кузьму Перфильева и комиссара Ивана Кашинцова.

Иными словами, в ходе разгоревшегося вокруг С.М. Акишева бюрократического конфликта Алексей Курбатов отказался признать юрисдикционные полномочия Правительствующего сената по отношению к государственным гражданским служащим Архангелогородской губернии. Все, что сенаторы смогли противопоставить самовластию вице-губернатора — это отправку традиционного «сыщика». В XVII в. «сыщиками» именовали должностных лиц, посылаемых из Москвы либо для борьбы с разбоями, либо для поиска беглых, либо для аналогичного разбирательства обвинений, выдвинутых против местных администраторов. 19 июня 1713 г. Сенат определил подобным сыщиком стольника С.Е. Пашкова. В его задачу входило произвести досудебное разбирательство уголовного дела, возбужденного устюжскими фискалами против Семена Акишева.

Однако и Семену Пашкову не удалось преодолеть сопротивления губернских чиновников. Стольник был остановлен в Вологде ландрихтером И.Ф. Нахаловым, который отказался принять у него подорожную, не дал солдат для рассылок, а заодно воспрепятствовал аресту нескольких подозреваемых³³. К тому времени криминальные сюжеты, связанные с высокопоставленными должностными лицами Архангелогородской губернии, уже не исчерпывались делом С.М. Акишева.

В феврале 1713 г. А.А. Курбатов известил лично Петра I о крупномасштабных махинациях обер-комиссара Архангельска Дмитрия Соловьева при установлении цен на товары казенного экспорта. В последующих «отписках» вице-губернатор обвинил Д.А. Соловьева также в незаконной хлебной торговле и неуплате таможенных пошлин. По всей очевидности, Алексей Курбатов надеялся, что следствие по делу обер-комиссара будет поручено именно ему.

Однако Петр I не вдохновился идеей передать расследование особо важного уголовного дела региональному администратору, да еще в лице столь своеобразного вице-губернатора. Вместо этого законодатель пошел по пути трансформации традиционного отечественного института сыщиков. В итоге 25 июля 1713 г. была учреждена упомянутая следственная канцелярия М. И. Волконского.

В именном указе от 25 июля 1713 г. говорилось о том, что Михаилу Волконскому надлежало произвести исключительно досудебное разбира-

³³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 82. Л. 17–18 об., 49, 79–88, 89–94 об.; Доклады и приговоры... СПб., 1888. Т. 3. Кн. 2. С. 566.

Офицер
Семеновского полка.
Иллюстрация
из «Исторического
описания одежды
и вооружения
российских войск»
под редакцией
А.В. Висковатова. XIX в.

тельство обвинений против архангелогородских администраторов, а затем доставить само дело и тех, «которые тому делу будут виноваты», в Санкт-Петербург. В остальном деятельность М.И. Волконского никак не регламентировалась с процессуальной стороны — кроме закрепления за ним права самостоятельно принимать решения о пытке подсудимых. Из текста указа от 25 июля 1713 г. было неясно также, что за инстанция должна была впоследствии выносить приговор по делу: монарх, Правительствующий сенат или же какое-то иное судебное присутствие.

Деятельность канцелярии под руководством князя Михаила Волконского оказалась малоуспешной. Оперативно проведя разбирательство дела С.М. Акишева (в ходе которого в основном подтвердились отмеченные выше вопиющие эпизоды, установленные фискалами³⁴), Михаил Иванович активно взялся (в угоду одной из внутриправительственных группировок) за сбор материалов против вице-губернатора А.А. Курбатова и почти остановил расследование махинаций Д.А. Соловьева.

В конце 1713 г. провинциал-фискал А.Я. Нестеров направил Петру I донесение, в котором обвинил М.И. Волконского в «худых и указу противных делах», в частности во взятках с поморских жителей, выразив готовность в

³⁴ Некогда ощущавшему себя «хозяином» Устюжского уезда, грозившему фискалам, что он «ведит их шпагами колоть до смерти», Семену Акишеву довелось хлебнуть лиха за попустительское бесчинство подчиненных и вымогательство взяток. Как отмечено в одной из записей следственного дела, «...в третий застенок [он, С.М. Акишев,] приведен и ропрашиван, а не пытан, для того что был болен: преж застенка резался по горлу и по брюху в трех местах» (РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Кн. 193. Ч. 1. Л. 14; Там же. Ф. 248. Кн. 82. Л. 107 об.).

дальнейшем представить царю более подробные сведения, уличавшие гвардии майора. Резолюция Петра I была краткой: «Приготовляй к зиме»³⁵.

Неоднократно получавший от царя указания завершать расследование Михаил Волконский был, в конце концов, отозван в Санкт-Петербург достаточно резким письмом Петра I от 17 марта 1715 г.³⁶ Вскоре, именным указом от 27 января 1716 г., М.И. Волконский сам был отдан под следствие³⁷. История первой «майорской» канцелярии закончилась.

Петра I не смутила неудача с архангелогородской миссией Михаила Волконского. Наоборот, именно в середине 1710-х гг. будущий император окончательно утвердился в стремлении привлечь гвардейских офицеров — свой кадровый резерв, пригодный на все участки государственной работы — к исполнению поручений еще и юридического характера. Ставка Петра I на гвардейцев была понятна.

Поголовно лично известное царю гвардейское офицерство того времени являлось особой средой, сплоченной многолетними боевыми испытаниями в достаточно замкнутую корпорацию. По всей вероятности, Петр I полагал, что направленные на следственное поприще гвардейские офицеры окажутся вне пределов той системы взаимозависимостей и «взаимоповязанностей» столичной (и тем более региональной) бюрократии, которая была способна парализовать любое наступление на должностную преступность. По всей очевидности, царь рассчитывал, что гвардейцы будут устойчивы ко всякого рода неформальным влияниям и частным обращениям (а заодно и к попыткам подкупа), а потому смогут в сжатые сроки и с надлежащим качеством довести до суда уголовные дела, возбужденные фискалами.

В мае 1714 г. в Москву был командирован гвардии майор А.И. Ушаков, имевший между иного высочайшее поручение «зело тайно проведать... о денгах, которыя по зарукавьям текут», негласно проверить (по всей вероятности, в связи с донесениями А.Я. Нестерова) финансовую деятельность

³⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 15.

³⁶ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 46.

³⁷ Там же Л. 48. Примечательна характеристика, которую дал М.И. Волконскому лишившийся из-за него должности вице-губернатора Алексей Курбатов. Отличавшийся эмоциональностью Алексей Александрович обрисовал моральный облик гвардии майора в крайне мрачных тонах: «Он, Волконской, царского повеления нарядной преступник... указам его государевым непослушник, многих государственных интересов повредителям лукавой прикрыватель, и сам повредитель и хищник, многих напрасный разоритель и кровопийца и мститель злодейственный, вор и коварный составщик и лакомый мздоимец, и давно обыклый ябедник и ученик богопротивного волшебства, для которого держал он у себя бабу волшебницу» (РГАДА. Ф. 340. Оп. 1. Кн. 14539. Л. 235 об.).

ряда центральных ведомств и Московской губернской канцелярии³⁸. В середине того же 1714 г. для разбирательства упоминавшейся «подрядной аферы» в Санкт-Петербурге возникла канцелярия ведения гвардии майора В.В. Долгорукова, в июне 1715 г. для расследования нескольких уголовных дел, возбужденных фискалами, — канцелярия гвардии капитан-поручика И.Н. Плещеева, а несколько позднее — гвардии капитана И.С. Чебышова.

Сочтя опыт деятельности отмеченных канцелярий удачным (в наибольшей мере, вероятно, опыт работы канцелярии Василия Долгорукова), Петр I пришел к мнению о необходимости создать особую систему подобных органов расследования. Окончательное решение на этот счет царь принял, судя по всему, вскоре после возвращения из длительной зарубежной поездки, в начале ноября 1717 г. По крайней мере, как явствует из записной книги исходящей корреспонденции В.В. Долгорукова, 11 ноября 1717 г. будущий император указал вызвать в Санкт-Петербург 16 офицеров гвардейских полков, которые чуть менее месяца спустя получили назначения на руководящие должности в новоучрежденные следственные канцелярии³⁹.

9 декабря 1717 г. было образовано сразу шесть «майорских» следственных канцелярий: во главе с М.Я. Волковым, П.М. Голицыным, И.И. Дмитриевым-Мамоновым, С.А. Салтыковым, Г.Д. Юсуповым, а также Г.И. Кошелевым и Ф.Д. Вороновым (последняя была реорганизована из уже существовавшей с 1716 г. канцелярии под руководством тех же лиц)⁴⁰. Того же 9 декабря 1717 г. каждому из руководителей канцелярий были вручены подписанный царем типовой наказ и реестр подлежащих расследованию дел, возбужденных фискальской службой⁴¹.

В отличие от прежних следственных канцелярий, управлявшихся единолично, новые канцелярии получили коллегиальное устройство: при

³⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 19. В связи с исполнением этого поручения особой следственной канцелярии при Андрее Ушакове не сложилось.

³⁹ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Кн. 24. Л. 276 об.

⁴⁰ Собственно говоря, появление в лексиконе Петра I (как раз после 1717 г.) термина «маюрские канцелярии» было, несомненно, связано с тем обстоятельством, что руководителями четырех из шести вышеперечисленных канцелярий оказались военнослужащие в звании гвардии майора (М.Я. Волков, И.И. Дмитриев-Мамонов, С.А. Салтыков и Г.Д. Юсупов).

⁴¹ Из всех (как минимум шести) наказов, подписанных Петром I (заодно с реестрами дел) 9 декабря 1717 г., до настоящего времени сохранился единственный — врученный Г.И. Кошелеву и Ф.Д. Воронову: РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 68–68 об. Публикацию этого документа см.: «Розыскать накрепко, правдою, без всяких приказных крючков». Указы Петра I, Екатерины I и Сената в области судостроительства и уголовной политики. 1716–1726 гг. / Публ. Д. О. Серова // Исторический архив. 2000. № 6. С. 202.

руководители («презусе») состояли три или четыре «ассессора», младших участника следственного производства. Канцелярии новых органов расследования состояли обыкновенно из 10–14 служащих во главе с дьяком, временно откомандированных из различных центральных и местных органов власти. Состав следственных присутствий «майорских» канцелярий Петр I комплектовал почти исключительно из строевых офицеров гвардии. Из 39 лиц, занимавших должности презусов, ассессоров и глав единолично управлявшихся следственных канцелярий, 37 являлись офицерами гвардии в званиях от подпоручика до подполковника. Лишь двое руководителей «майорских» канцелярий (дьяк Ф.Д. Воронов и обер-секретарь А.Я. Щукин) были гражданскими лицами, никогда не состоявшими на воинской службе.

Из наказа от 9 декабря 1717 г. явствовало, что «майорские» канцелярии представляли собой подчиненные непосредственно царю временные органы, специализированные на проведении предварительного расследования, и только по делам, указанным в прилагавшемся реестре. Если же в ходе следствия вскрывались требовавшие выделения в особое производство эпизоды о «великих неправдах и граблении народа», то их предписывалось рассматривать в свободное от расследования основных дел время. Следствие должно было завершиться составлением своего рода обвинительного заключения («сентенции»).

В наказе закреплялось также право «майорской» канцелярии самостоятельно назначать пытки гражданским служащим в должности до вице-губернатора, а военнотружущим — в звании до младшего офицера. Соответственно, применение пытки в отношении младших офицеров должно было санкционироваться военным судом (!), а в отношении старших и высших офицеров и должностных лиц гражданской администрации от вице-губернатора и выше — самим монархом. За неправомерные следственные действия презусу и ассессорам грозило отнятие «живота и чести, ибо, — как добавлялось в наказе, — пример видите бывшего маеора Волхонского».

«Пример бывшего маеора Волхонского» главы новоявленных канцелярий могли, впрочем, «видеть» в прямом смысле слова. Дело в том, что 9 декабря 1717 г. руководитель первой «майорской» канцелярии был расстрелян⁴². Судя по всему, именно будущие презусы и ассессоры учрежденных 9 декабря 1717 г. следственных канцелярий и образовали военно-судебное присутствие, вынесшее смертный приговор уличенному в «неправдах» при проведении архангелогородского расследования М.И. Волконскому⁴³. Зная

⁴² Походный журнал 1717 года. СПб., 1855. С. 36.

⁴³ Состав инкриминированных М.И. Волконскому деяний на сегодня в полной мере не прояснен. Поиски материалов как следственного, как и судебного производств по делу Михаила Волконского, предпринятые автором в фондах трех федеральных архивов

особенности характера Петра I, можно с уверенностью предположить, что указы и реестры будущий император вручил «господам штаб- и обер-афицерам» либо непосредственно на месте казни Михаила Волконского, либо в первые часы после нее.

Что же касается дел, попавших в производство новых канцелярий, то в массе своей они возникли «по доношению фискалскому». Так, следственная канцелярия П.М. Голицына получила дела по обвинениям А.Д. Меншикова, А.В. Кикина, К.А. Нарышкина, С.И. Путятина, В.Н. Римского-Корсакова, следственная канцелярия М.Я. Волкова — дела Г.П. Чер-

С.А. Салтыков.
Портрет XVIII в.

нышева и В.И. Гагарина, следственная канцелярия С.А. Салтыкова — дела П.М. Апраксина и С.А. Колычева. К примеру, «полудержавный властелин» Александр Меншиков обвинялся в многочисленных эпизодах казнокрадства и злоупотребления должностными полномочиями, нижегородский вице-губернатор Семен Путятин — в неуказных сборах с жителей и в подрядных махинациях.

Дело столь длительно обличавшегося фискальской службой М.П. Гагарина оказалось (заодно с делом Я.Ф. Долгорукова) в производстве следственной

(РГАДА, РГВИА и РГИА), оказались к настоящему времени безрезультатными. Исходя из немалочисленных косвенных указаний источников, можно понять, что Михаил Волконский был обвинен в свертывании расследования против Д.А. Соловьева, в частичной фальсификации дела против А.А. Курбатова, а также во взятках с поморских жителей. Примечательно, что 11 марта 1718 г. Петр I указал (с оговоркой, «другим не в образце») вернуть матери и вдове князя Михаила Ивановича часть его конфискованной недвижимости (РГАДА. Ф. 248. Кн. 117. Л. 208–208 об.).

канцелярии ведения Ивана Дмитриева-Мамонова⁴⁴. Сам А.Я. Нестеров в составленном в июне 1722 г. «Реэстре делам, кои учинены в прибыль его императорскому величеству и всему государству Алексеем Нестеровым» резюмировал личный вклад в разоблачение вышеотмеченных лиц следующим образом: «И в новоопределенных маэорских канцеляриях показано доносами и обличениями [моими] за Гагариным и другими виноватыми... интересов немалыя тысящи, что уже в казну и сыскано, а иныя отыскивают»⁴⁵.

Надежды Петра I, что укомплектованные офицерами-фронтовиками «майорские» канцелярии станут могущественным и независимым органом предварительного расследования, вполне оправдались. Канцелярии быстро завоевали влияние в правительственной среде, стали приводить в настоящий трепет лихоимцев и казнокрадов даже из числа высоких должностных лиц. Так, когда в феврале 1719 г. бывший сенатор Петр Апраксин узнал, что его слуги в Санкт-Петербурге взяты под стражу в следственную канцелярию П.М. Голицына (ординарная предупредительная мера при неисполнении знатными «персонами» требований канцелярии), то у Петра Матвеевича случился инсульт⁴⁶.

Под давлением улик, собранных фискалами и подтвержденных следователями в гвардейских мундирах, подали царю повинные и бывший архангелогородский вице-губернатор А.А. Курбатов, и недавний «хозяин» Сибири Матвей Гагарин⁴⁷. Князь Матвей Петрович был впечатлен общением со следователями до такой степени, что и вовсе попросил высочайшего позволения определить его в монастырь⁴⁸. Вместе с тем нельзя не отметить, что на эффективность деятельности «майорских» канцелярий негативно влияли два обстоятельства: во-первых, сохранение почти всеми руководителями и всеми асессорами параллельных служебных обязанностей (что не позволяло им всецело заниматься следственной работой), а во-вторых, нередкие реорганизации канцелярий, сопровождавшиеся передачей дел от одного состава следователей другому.

Например, определенный в декабре 1717 г. асессором в следственную канцелярию ведения И.И. Дмитриева-Мамонова поручик И.И. Бахметев продолжил занимать строевую должность в 1-й роте Семеновского полка.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 51. Л. 30–31, 34 об.–36 об., 41–42; РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 69–69 об. А вот являвшееся близким ответвлением дела М.П. Гагарина трехэпизодное дело о недобросовестной описи китайского каравана А.Л. Долгоруковым Петр I отчего-то направил не в следственную канцелярию И.И. Дмитриева-Мамонова, а в канцелярию ведения Г.И. Кошелева и Ф.Д. Воронова (Там же. Л. 69).

⁴⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 58. Л. 75 об.–76.

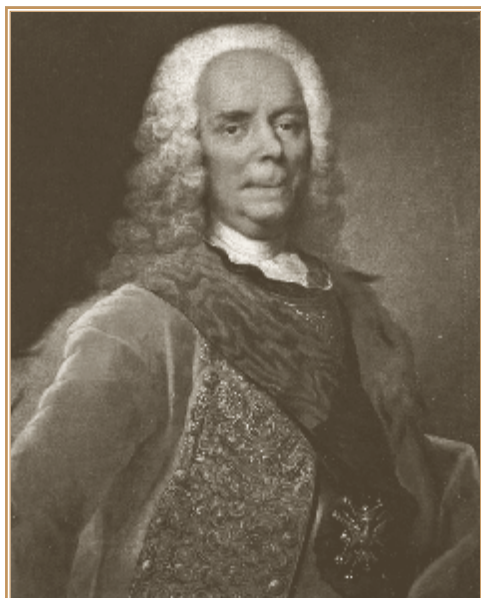
⁴⁶ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 41. Л. 465–465 об.

⁴⁷ Там же. Кн. 20. Л. 223; Там же. Кн. 94. Л. 438–441 об.

⁴⁸ Там же. Л. 55 об.

1 января 1721 г. (в самый разгар работы следственной канцелярии) Иван Бахметев был произведен в капитаны и назначен командиром 4-й роты того же полка⁴⁹. Неслучайно, описывая в челобитной в июне 1723 г. свои следственные заслуги, Иван Иванович оговорился, что «при следовании оных дел... всегда был неотлучен, кроме шведских военных походов»⁵⁰.

Что до перемен в составе следователей, то, скажем, возбужденное устюжскими фискалами еще в 1712 г. упоминавшееся дело комиссара С.М. Акишева расследовалось первоначально М.И. Волконским, а с января 1716 г. — Г.И. Кошелевым и Ф.Д. Вороновым. В феврале 1718 г. из расследования дела

Князь
В.В. Долгоруков.
Портрет работы
Г.Х. Грота. XVIII в.

выбыл Федор Воронов (попавший под суд по фальсифицированному обвинению в государственном преступлении), а в ноябре 1718 г. — Герасим Кошелев (получивший новое назначение). Зато с марта 1718 г. в отмеченном расследовании стали принимать участие определенные ассессорами следственной канцелярии Г.И. Кошелева гвардии подпоручики В.И. Иванов и В.Г. Языков.

Вместо Герасима Кошелева именным указом от 10 апреля 1719 г. презусом канцелярии был назначен гвардии майор М.А. Матюшкин. Наконец, по именному указу от 27 сентября 1720 г. ассессоры Василий Иванов и Василий Языков оказались заменены на А.Ф. Бредихина, А.И. Шаховского и А. Захарьина. В итоге, несмотря на то, что 18 декабря 1718 г. Петр I указал ускорить расследование дела Семена Акишева (с последующей передачей в

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2584. Оп. 1. № 43. Л. 20.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 65. Л. 97.

особое судебное присутствие, состоявшее из глав и ассессоров «майорских» канцелярий), это уголовное дело так и не дошло до суда⁵¹. Если же принять во внимание, что расследование дела С.М. Акишева было в действительности завершено еще Михаилом Волконским к июню 1714 г.⁵², то ситуация принимает вовсе фантазмагорический характер.

А вот возбужденное в 1714 г. московским фискалом М.А. Косым дело по обвинению комиссара П.И. Власова и дьяка П.К. Скурихина во взятках и хищении казенных средств на астрономическую сумму в 140 665 рублей рассматривалось первоначально в следственной канцелярии В.В. Долгорукова. Будучи временно перенесено (по именному указу от 13 марта 1716 г.) в следственную канцелярию Г.И. Кошелева и Ф.Д. Воронова, это уголовное дело было окончательно закреплено в ее производстве по реестру от 9 декабря 1717 г.⁵³ Затем, по именному указу от 3 декабря 1720 г., дело Петра Власова и Петра Скурихина было передано в специально организованную для его расследования следственную канцелярию И.И. Бутурлина⁵⁴. Единственным же судебным решением, вынесенным по этому делу, стал указ Петра I от 15 апреля 1724 г. об извлечении из могилы тела скончавшегося на свободе П.К. Скурихина и о подвешивании его «на железной цепи за Московью рекою на Болоте»⁵⁵.

Однако и в тех случаях, когда возбужденное фискалами дело расследовалось и передавалось в суд в относительно сжатые сроки, это отнюдь не гарантировало вынесение высокопоставленному фигуранту обвинительного приговора. Например, по успешно расследованному канцелярией И.И. Дмитриева-Мамонова упоминавшемуся эпизоду о неудачной «прокрутке» сенатором Яковом Долгоруковым 50 тысяч рублей из кассы Военной канцелярии через «китайский торг» сенатор был в 1718 г. предан Генеральному военному суду под председательством А.А. Вейде. Приговор по этому делу, однако, так и не состоялся, поскольку Петр I неожиданно остановил судебный процесс⁵⁶. В итоге замешанный во многих выявленных фискалами криминальных эпизодах Я.Ф. Долгоруков не понес никакой ответственности.

Более того: оказавшись подследственным (а затем и подсудимым), князь Яков Федорович никак не пострадал карьерно. Царь не вывел Якова Долгорукова из числа сенаторов, сохранил за ним пост президента новоучрежденной по образцу шведской Kammarrevisionen Ревизион-коллегии (на каковой

⁵¹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 108, 225, 203–212, 225, 406.

⁵² Там же. Л. 21.

⁵³ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 10. Л. 8; РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 27. Л. 69 об., 125–125 об.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 286. Кн. 2. Л. 166.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 703. Л. 133 об.–134.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 11. № 371. Л. 5–8 об.

Обер-офицер и штаб-офицер лейб-гвардии Преображенского полка.

Иллюстрация из «Исторического описания одежды и вооружения российских войск» под редакцией А.В. Висковатова. XIX в.

Я.Ф. Долгоруков был определен, что характерно, менее недели спустя после того, как попал под следствие канцелярии Ивана Дмитриева-Мамонова — 15 декабря 1717 г.⁵⁷). Если при этом вспомнить, что Ревизион-коллегия отвечала за финансовый контроль в стране, то ситуация приобретает отчетливо абсурдный оттенок. Вот уж, что называется, бросили щуку в реку... 20 июня 1720 г. сенатор, тайный советник и президент князь Яков Долгоруков отошел в благодати в мир иной в Санкт-Петербурге и был погребен с наивозможными почестями, в присутствии Петра I, в Александро-Невском монастыре⁵⁸.

В итоге из 14 фигурантов из числа высших должностных лиц, разоблаченных фискальской службой и оказавшихся под следствием «майорских» канцелярий, учрежденных 9 декабря 1717 г., были осуждены лишь М.П. Гагарин и Г.П. Чернышев (14% от числа подсудимых). Что касается Матвея Гагарина, то его дело, как уже упоминалось, попало в производство следственной канцелярии ведения И.И. Дмитриева-Мамонова (ассессоры И.М. Лихарев, Е.И. Пашков, А.Г. Шамордин, И.И. Бахметев). Прodelав во взаимодействии с фискальской службой огромную работу (в рамках которой в 1719 г. была даже организована поездка в Сибирь ассессоров Ивана Лихарева и Авраама Шамордина), канцелярия подтвердила и самостоятельно выявила множество эпизодов преступной деятельности как самого М.П. Гагарина, так и других сибирских администраторов.

11 января 1719 г. Матвей Гагарин был освобожден от должности губернатора и вскоре арестован. 11 марта 1721 г., ознакомившись с докладом

⁵⁷ Законодательные акты Петра I. С. 220.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 198. № 557. Л. 45–45 об.

Ивана Дмитриева-Мамонова об итогах расследования, Петр I распорядился предать М.П. Гагарина суду Правительствующего сената. Два дня спустя, 13 марта И.И. Дмитриев-Мамонов прибыл в Сенат и предъявил именной указ от 11 марта. Одновременно в сенатскую канцелярию были переданы развернутые выписки по девяти эпизодам казнокрадства, получения взяток и злоупотребления должностными полномочиями, в которых канцелярия Ивана Дмитриева-Мамонова изобличила князя Матвея Петровича.

Судебный процесс по делу бывшего сибирского губернатора не затянулся. Несмотря на то, что в именном указе от 11 марта 1721 г. ничего не говорилось о сроках рассмотрения дела, сенаторы, наскоро заслушав представленные следственной канцелярией документы, уже 14 марта приговорили Матвея Гагарина к смертной казни. Царь не пощадил давнего соратника, лаконично приписав ниже подписей сенаторов: «Быть по сенатскому приговору»⁵⁹. 16 марта 1721 г. М.П. Гагарин был повешен на Троицкой площади Санкт-Петербурга⁶⁰.

Больше повезло обер-штер-кригскомиссару флота генерал-майору Г.П. Чернышеву, заслуженному фронтовику, получившему пять ранений в боях Великой Северной войны. Будучи обвинен А.Я. Нестеровым в хищении казенного леса для постройки дома в Санкт-Петербурге и в использовании на строительстве дома солдат и каторжан, Григорий Чернышев попал в декабре 1717 г. под следствие, как упоминалось выше, канцелярии М.Я. Волкова (ассессоры А.П. Баскаков, Т.С. Тишин, С.А. Игнатъев). Проведенное в сжатые сроки расследование вполне подтвердило выдвинутые обер-фискалом обвинения.

6 октября 1718 г. особое судебное присутствие, состоявшее из глав и ассессоров «майорских» канцелярий, приговорило Г.П. Чернышева к лишению воинского звания и конфискации имущества. При утверждении приговора Петр I смягчил санкцию, назначив Григорию Петровичу арест на пять суток и штраф в размере троекратного жалованья солдат и половинного денежного содержания каторжников за то время, когда они незаконно использовались на строительстве генеральского дома. Как бы то ни было, благополучно сохранившему звание и карьеру Г.П. Чернышеву пришлось раскошелиться на внушительную сумму в 372 рубля, взысканных все той же следственной канцелярией ведения Михаила Волкова⁶¹.

⁵⁹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 17. Л. 1–3, 7–85 (выписки по эпизодам обвинений), 95–96 об. (подлинник приговора). Подлинник именного указа от 11 марта 1721 г. см.: РГАДА. Ф. 1451. Кн. 13. Л. 52; публикацию указа и приговора см.: Письма, указы и заметки Петра I / Под ред. А. Ф. Бычкова // Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 11. С. 420, 422–423.

⁶⁰ Походный журнал 1721 года. СПб., 1855. С. 27.

⁶¹ РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Кн. 5947. № 185. Л. 8 об.–9.

Впрочем, как со всей очевидностью явствует из архивных материалов, до приговора не дошли не только многие дела по обвинению «господ вышних командиров», а вообще большая часть уголовных дел, возбужденных фискалами и расследовавшихся «майорскими» канцеляриями. С рассмотрением потока фискальских донесений в равной мере не справлялись ни комендантские и губернские канцелярии в первой половине 1710-х гг., ни реформированные суды в первой половине 1720-х гг. Так, по состоянию на февраль 1723 г. в Воронежском надворном суде завершенных производством «фискальных дел» насчитывалось 28, а незавершенных — 189⁶². Учитывая, что в описываемое время в названном суде трудились четверо судей (включая действующего губернатора) и 14 канцелярских служащих и что суд разбирал еще и иные уголовные и гражданские дела, перспектива доведения до приговора отмеченного количества возбужденных фискалами дел терялась в тумане весьма отдаленного будущего.

В Юстиц-коллегии в мае 1723 г. было констатировано наличие 147 незавершенных производством уголовных дел, возбужденных фискальской службой (не считая еще 92 таковых дел, поступивших из Санкт-Петербургского надворного суда)⁶³. А когда в декабре 1724 г. Фискальская канцелярия истребовала в свое производство возбужденные фискалами дела, по которым не было вынесено судебных решений, то к ноябрю 1725 г. в канцелярию было прислано 762 подобных дела⁶⁴. В свою очередь, при передаче в сенатский архив в марте 1726 г. документации следственной канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова (впоследствии целиком погибшей в опустошительном пожаре в Москве 29 мая 1737 г.⁶⁵) было упомянуто о 182 не оконченных следствием уголовных делах⁶⁶.

Остается добавить, что век и фискальской службы, и «майорских» следственных канцелярий оказался недолог. Вначале настал черед «майорских» канцелярий, упраздненных по именному указу от 9 декабря 1723 г.⁶⁷ Ликвидация фискальской службы состоялась почти ровно шестью годами позже, 15 декабря 1729 г.⁶⁸

⁶² РГАДА. Ф. 285. Оп. 1. Кн. 5961. № 102. Л. 1 об.

⁶³ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Кн. 21643. Л. 162.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1949. Л. 116.

⁶⁵ Донесение о московском большом пожаре мая 29 1737 года / Публ. П. И. Иванова // ЧОИДР. 1858. Кн. 3. Смесь. С. 18.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1952. Л. 211.

⁶⁷ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Кн. 28. Л. 49; публикацию указа см.: «Розыскать накрепко, правдою...». С. 205.

⁶⁸ Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета. 1726—1730 гг. Т. 8 / Под ред. Н. Ф. Дубровина // Сб. РИО. СПб., 1898. Т. 101. С. 362—363.

Недолговечность этих учреждений была обусловлена отнюдь не их низкой эффективностью (и уж тем более не какой-то негативной общественной репутацией). Наоборот, как фискальская служба, так и «майорские» следственные канцелярии слишком опередили свое время, оказались слишком неорганичны даже реформированному государственному аппарату России. «Майорские» канцелярии — в случае преобразования их в постоянные учреждения (а заодно при условии окончательного выделения стадии предварительного расследования в отечественном уголовном процессе) — могли превратиться в одно из ключевых звеньев правоохранительной системы, наподобие института судебных следователей, существовавшего в нашей стране в 1860–1928 гг. Что касается фискальской службы, то с организационной и функциональной стороны типологически наиболее сходной с ней явилась прокуратура России — с объемом полномочий, которыми она располагала в 1928–2007 гг.

Огромное количество возбужденных фискалами и расследованных «майорскими» канцеляриями уголовных дел не дошло до приговора отнюдь не из-за саботажа чиновников или из-за фрагментарной неустойчивости политической воли главы государства (хотя в 1710-х — начале 1720-х гг. имело место и то и другое), а по причине объективной неспособности тогдашней судебной системы обеспечить надлежащее рассмотрение этих дел. Вместе с тем не вызывает сомнений, что, пусть и не реализовав заложенного в них правоохранительного потенциала, фискальская служба и следственные канцелярии внесли неотъемлемый вклад в обуздание лихоимцев и казнокрадов эпохи тогдашних реформ. И не вина фискалов и следователей-гвардейцев, что не в полной мере оказались воплощены в жизнь грозные строки, начертанные Петром I в далекой Франции 16 апреля 1717 г.: «Также в таких делех... о которых фискалы будут доносить, чтоб немедленная инквизиция была и экзекуция»⁶⁹.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 1451. Кн. 7. Л. 233; публикацию документа см.: Письма, указы и заметки Петра I. С. 348–349.

Ключевые слова:

Петр I, фискальская служба, «майорские» следственные канцелярии, Сенат, должностные преступления

Dmitriy O. Serov

THE FISCAL AND MILITARY PROCURACY CREATED BY PETER THE GREAT

in effort to stop extortioners (bribe takers) and embezzlers
of state property

The article examines the activity of the fiscality (taxation) and the procuracy of the Peter the Great epoch. Based on the vast archival materials the author presents the history of the process of formation of these two links in a single chain of state control Peter had created. Detailed descriptions of the fiscality (the fiscal service) structure and the issues this surveillance service was in charge of as well as the numbers of its corps are provided. Fiscals are shown to be not only the first regulatory authority in the history of the Russian state but also the first prosecuting institution. The author refutes a wide spread belief in historiography of the extremely negative attitude of contemporaries toward the fiscals for false delations. A detailed description of the process of formation and legal framework of the first military prosecution authority, headed by M.I. Volkonsky is presented. It is noted that the fiscals and military procuracy were ahead of their time. Even though major reforms were implemented into the Russian state mechanics, these institutions could not fit into the existing system and as a result could not fully realize their law enforcement potential.

 Серов Дмитрий Олегович

доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории
государства и права Новосибирского государственного университета
экономики и управления

Я.А. Лазарев

«ГЛАЗА И РУКИ ЛИ ГОСУДАРЕВЫ?»

Роль резидентов при гетманском дворе
в контексте российско-украинских отношений в 10-е гг. XVIII в.*

дин из своих концептуальных очерков П. Бурдьё (1980) начал со следующего пассажа: «Философия истории, которая запечатлена в самой обыденной практике повседневного языка и которая стремится к тому, чтобы слова, обозначающие институты и коллективы — Государство, Буржуазия, Патронат, Церковь, Семья, Правосудие, Школа — конституировались в исторические субъекты, способные формулировать и реализовывать собственные цели (“Государство — буржуазное — решает...”, “Школа — капиталистическая — исключает...”, “Церковь Франции борется...” и так далее), находит свое высшее воплощение в понятии Аппарата (устройства) с большой буквы, вновь вошедшем сегодня в моду в так называемых “концептуальных” речах. В качестве механического исполнителя исторической целесообразности Deus (Diabolus) in machina “Аппарат”... — божественная или адская машина, этот функционализм наилучшего и наихудшего толка, предрасположен к функ-

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет.) Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

ционированию как *Deus ex machina*, “пристанище для незнания”, конечная причина, способная — причем с наименьшими затратами — все оправдать, ничего не объясняя: следуя этой логике, являющейся не чем иным, как логикой мифологии, великие аллегорические образы господства не могут не вызвать в противовес себе лишь другие мифические персонификации, такие как Рабочий класс, Пролетариат, Трудящиеся или даже Борьба — олицетворение Социального движения и его мстительного гнева»¹.

Следуя такой версии «теологической философии истории», исследователь, занимающийся «высоким “теоретизированием”» и/или пытающийся описать историческую действительность, низводит «агентов до роли исполнителей, жертв или соучастников политики, запечатленной в Сущности аппаратов»². Таким образом, при минимальных интеллектуальных затратах ученый как бы «разрешает» существенные проблемы — но при этом отбрасывает необходимость кропотливой реконструкции мотиваций акторов исторического процесса, маскирует лакуны в источниковой базе, а главное — поддерживает определенный историографический порядок, продлевающий «жизнь» пустым концептам, мифам и фантомам³.

Одним из воплощений Аппарата, использующихся как первопричина всего и вся, можно признать такую социологическую категорию, как Империя. Особенно это касается негативных смыслов, которые мобилизуются при употреблении данной категории в контексте национальных историй. Вопреки совершенствованию методологий т.н. «имперских исследований»⁴, декларированию первостепенности источника над концепцией мы и ныне можем наблюдать торжество Империи в современных исследованиях. Характерным примером могут служить априорные выводы при изучении

¹ Бурдые П. Мертвый хватает живого: об отношениях между историей овеществленной и историей инкорпорированной // Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 265–266.

² Там же. С. 267.

³ В качестве примера критики подобного подхода, оперирующего большими мифологическими сущностями, не раскрывающими мотивации и действия акторов, укажем на рецензию историков УрФУ и ИИА УрО РАН (Екатеринбург), посвященную проблеме изучения дворянского сословия в России: Бугров К.Д., Киселев М.А., Соколов С.В. Нормативно-юридический подход к изучению дворянского сословия в России середины XVII — 1-й половины XIX в. (Рец. на кн.: Соколова С.Е. Институт сословных прав в официальной политической доктрине и законодательстве России середины XVII — первой половине XIX века (дворянство, купечество, духовенство). Екатеринбург, 2011) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 (Гуманитарные науки). 2013. № 2 (114). С. 240–244.

⁴ См., напр.: Герасимов И., Глебов С., Кусбер Я., Могильнер М., Новая имперская история и вызовы империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 396–412.

российско-украинских отношений первой четверти XVIII в. Империя и ее безгласные агенты становятся источником всех бед «украинской государственности», причиной измены гетмана И.С. Мазепы в 1708 г., уничтожения «украинской автономии»⁵. При этом трансляция очевидных «истин» может противоречить фактам, базироваться на крайне скудной источниковой базе и отличаться спорными реконструкциями⁶.

Отмеченная логика господства Империи удивительно легко ложится на схемы популярных ныне теорий становления военно-фискальных государств Нового времени, во многом базирующиеся на общих социологических категориях⁷. Господство нерелективной социологии приводит к тому, что в изучении наиболее сложного периода в российско-украинских отношениях воспроизводится как бы параллельная историческая действительность. В результате практически не происходит углубления источниковой базы, зато упрощается деятельность тех институций, что в историографической традиции оказали серьезное влияние на судьбу «украинской автономии».

К числу таковых с полным правом следует отнести институт резидентов при гетманском дворе, который возник в постмазепинское время. Начиная с работ классиков дореволюционной историографии, утверждалось, что введение этой институции было частью политики по ограничению «украинской автономии» и уничтожению власти гетманов; резиденты наделялись таким объемом полномочий, который якобы позволял им контролировать элиту Гетманской Украины⁸. Но для столь серьезных выводов относительно

⁵ См., напр: *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська державна ідея XVII—XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. Київ, 1997; *Горобець В.* «Волимо царя східного...». Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. —Київ, 2007; *Чухліб Т.В.* Секрети українського полівасалітету: Хмельницький — Дорошенко — Мазепа. Київ, 2011.

⁶ В качестве примера укажем на работу Т.Г. Таировой-Яковлевой 2011 г. и ее мифологический концепт «реформ 1707 г.», которые якобы стали причиной измены И.С. Мазепы (*Таирова-Яковлева Т.Г.* Иван Мазепа и Российская империя. М., 2011; подробный разбор данного концепта см.: *Киселев М.А., Лазарев Я.А.* Военно-административные преобразования в «Малой России» накануне шведского вторжения 1708 г. (в порядке дискуссии с Т.Г. Таировой-Яковлевой) // Единорог: материалы по военной истории Восточной Европы. Вып. III. (в печати).

⁷ Отталкиваясь лишь от работы З. Когуца, слабо подкрепленной источниками, один из отцов-основателей теории военно-фискального государства Ч. Тилли позволил себе заключить, что Петр I в отношении Гетманской Украины только тем и занимался, что выкачивал людские и материальные ресурсы (*Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990—1992 гг. / Пер. с англ. Т.Б. Менской М., 2009. С. 208).

⁸ *Бантъши-Каменский Д.Н.* История Малой России. Ч. 3. М., 1842. С. 122; *Соловьев С.М.* Сочинения: В 20 кн. Кн. VIII. Т. 14—15. М., 1991. С. 334; *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история Украины. М., 2001. С. 388; *Джиджора І.* Україна в перший половині XVIII віку. Київ. 1930. С. 124; *Дядиченко В.А.* Нариси суспільно-політичного устрою

статуса и деятельности резидентов использовались исключительно нормативные документы, определявшие компетентность резидентов.

Однако в фондах российских архивов отложился значительный массив «черновых писем» резидентов при гетманском дворе. В данной работе мы обратимся к тем «черновым письмам», что компактно отложились в РГАДА⁹ и НИОР РГБ¹⁰. К документам из этих архивов исследователи практически не обращались¹¹. Отмеченный массив «черновых писем» хронологически охватывает практически все второе десятилетие XVIII в. (1711–1719 гг.) и позволяет понять, как выстраивались на официальном и неофициальном уровне российско-украинские отношения в постмазепинское десятилетие, историографически определяемое как время репрессий в отношении украинской элиты и ограничения «украинской автономии».

По своему характеру «черновые письма» (так они были названы архивистами XVIII в.) резидентов представляют собой черновые и беловые копии аналитических донесений главам Посольского приказа / Коллегии иностранных дел — канцлеру Г.И. Головкину и подканцлеру П.П. Шафирову, с другой стороны — письма полуофициального характера к этим же персонам, а также к киевскому губернатору Д.М. Голицыну, видным военачальникам (К.М. Ренне, Б.П. Шереметеву, И.Б. Вейсбаху), секретарям Посольского

Лівобережної України кінця XVII ст. — початку XVIII ст. Київ, 1959. С. 193–194; *Слищан Б.Г.* Реформи местного управления // Очерки истории СССР. Период феодализма (Россия в первой четверти XVIII века: преобразования Петра I) / Под ред. Б.Б. Кафенгауза, Н.И. Павленко. М., 1954. С. 338; *Subtelny O.* Russia and the Ukraine: The Difference That Peter I Made // Russian review. Vol. 39. 1980. № 1. P. 11–12; *Горобець В.* Присмерк Гетьманщини: Україна в роки реформ Петра I. Київ, 1998. С. 64; *Он же.* «Волимо царя східного...». Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ, 2007. С. 282–283; *Гуржій О.* Гетьман Іван Скоропадський. Київ, 1998. С. 61, 63; Нариси з історії дипломатії України / Під ред. В.А. Смолія. Київ, 2001. С. 199; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. М., 1997. С. 415 и др.

⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 124. Оп. 1. 1710 г. Д. 4, 18; 1711 г. Д. 5, 20; 1712 г. Д. 10; 1713 г. Д. 4; 1714 г. Д. 3, 4; 1715 г. Д. 3, 4, 45; 1716 г. Д. 3, 4, 18; 1717 г. Д. 2, 3, 12; 1718 г. Д. 3; 1719 г. Д. 2, 3, 24.

¹⁰ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 204. Оп. 37. Д. 7.

¹¹ Незначительную часть «черновых писем» из НИОР РГБ ввел в научный оборот С.М. Соловьев (*Соловьев С.М.* Сочинения: В 20 кн. Кн. VIII. Т. 14–15. М., 1991. С. 566–568). В.Н. Горобець кратко упоминал о «черновых» письмах, но дальше общей характеристики содержания данного комплекса документов не пошел (*Горобець В.* Присмерк Гетьманщини: Україна в роки реформ Петра I. Київ, 1998. С. 64). Также определенное исключение составляет монография В.А. Артамонова, в которой исследователь, используя часть писем из РГАДА, рассмотрел роль резидентов в качестве информаторов по турецким делам (см.: *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990).

приказа, гетманам Войска Запорожского, представителям казацкой элиты и т. д. К сожалению, нам не удалось установить, где отложились оригиналы данных посланий, а также в каких фондах сохранились письма (и/или черновики) резидентов за начало¹² и конец 20-х — первую половину 30-х гг. XVIII в. Копии использованных нами «черновых писем», скорее всего, хранились в личной канцелярии резидентов, а затем были сданы в архив¹³.

Данный комплекс документов должен был стать (но до сих пор не стал) важнейшей документальной базой при реконструкции реальных отношений петровской администрации с элитой и населением Гетманской Украины, к анализу которых мы и приступим.

Появление института резидентов при гетманском дворе стало одним из следствий «кризиса доверия» со стороны царского правительства к элите Гетманской Украины после измены И.С. Мазепы. В связи с этим вполне закономерной стала отправка к гетману представителя российского царя. В источниках этот представитель мог именоваться как «резидент» / «министр при гетмане» / чиновник, находящийся «при господине гетмане ... для ево Великого Г[о]с[у]д[а]ря делех». Несмотря на устоявшуюся традицию, в историографии нет единого мнения относительно времени появления данной институции¹⁴.

¹² Стоит полагать, что данная институция была отменена с введением весной 1722 г. Малороссийской коллегии.

¹³ Об этом, на наш взгляд, свидетельствует указ Коллегии иностранных дел (упомянутый в сенатском приговоре от 28.06.1729 г.), по которому племянник резидента Ф.И. Протасьева — капрал Суздальского полка М. Протасьев — после смерти своего дяди (1725 г.) передал его бумаги в данное учреждение (РГАДА. Ф. 248. Оп. 29. Д. 1795. Л. 252–253).

¹⁴ Историк-любитель И.И. Голиков (1735–1801) полагал, что уже в июне 1709 г. при гетмане, «как-бы надзирателем его поступков», был определен кн. В.В. Долгорукий. Это утверждение повторил современный украинский историк В.Н. Горобец. Ошибочность подобных суждений позволяет понять обращение к публикациям и комментариям, содержащимся в 9-м томе «Писем бумаг» Петра I: при гетмане в качестве военного советника временно находился кн. Г.Ф. Долгорукий, который не обладал в отношении гетмана какими-либо надзорными функциями (см.: *Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам*. Т. XV. М., 1843. С. 12; *Горобец В. Присмерк Гетьманщини: Україна в роки реформ Петра I*. Київ, 1998. С. 60; *Он же*. «Волимо царя східного...». Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ, 2007. С. 279–280; *Письма и бумаги императора Петра Великого* (далее — ПБПВ). М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1. С. 204–205, 220; Там же. Т. IX. Вып. 2. С. 625, 776–777, 935, 968–969).

Князь
В.Л. Долгорукий.
Гравюра
Л. Серякова
с портрета
К. Бреже.
XIX в.

По нашему мнению, первым представителем царской власти при гетмане стал в 1709 г. ближний стольник А.П. Измайлов, который был посланником («министром») при датском дворе, однако был заменен В.Л. Долгоруким. Вероятно, в этом кадровом перемещении определенную роль сыграл дядя последнего — Г.Ф. Долгорукий, которого сам Измайлов просил «переменить от Дацкского двора»¹⁵.

В связи с определением к гетману А.П. Измайлова для него был подготовлен официальный наказ, «каким образом ему поступать в советах, находясь при гетмане», от 18 июля 1709 г. за подписью канцлера Г.И. Головкина. Наказ состоял из десяти пунктов, по которым А.П. Измайлов должен был «обще с господином гетманом»:

1. Охранять Гетманскую Украину от «возмущений» со стороны изменников и в случае чего писать в «Посольскую походную канцелярию» (п. 1).
2. Не допускать никаких контактов с Запорожской Сечью (п. 2).
3. С прибывшими посланцами к гетману поступать по указу царя, дополнительно отправив копии с их посланий (п. 3).
4. Смотреть за тем, чтобы гетман без монаршего указа и «общего совета» старшину со своих постов не снимал и не казнил (пп. 4, 6).
5. Составить ведомость всех изменнических «маетностей», причем без указа Петра гетману нельзя было жаловать и отбирать землевладения (п. 7).

¹⁵ ПБПВ. Т. VI. СПб., 1912. С. 328–329; История Свейской войны (Поденная записка Петра) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 2. М., 2004. С. 421.

6. Следить за тем, чтобы на «уряды» не назначались неподданные российского царя (в том числе поляки) (п. 8).
7. Объявить, что налогом в российскую казну «2 ефимка» облагались «в наказание той измене своей» города Полтавского полка, поддержавшие изменников (п. 9).
8. «Требовать» от гетмана и полковников «известия» о доходах, которые были при гетманах для «заплаты компанейским и сердюцким полкам», но так, чтобы «учинить порядок, без отягчения народа малороссийского» (п. 10)¹⁶.

Отметим, что в некоторых пунктах (пп. 3–6) делались пояснения: в соответствии с какими положениями «статей» прежних гетманов царский представитель при гетмане наделялся соответствующими полномочиями. На наш взгляд, подобные пояснения могут свидетельствовать о том, что Петр I и его окружение приступили к определенной ревизии тех оснований, на которых выстраивались взаимоотношения с верхушкой Войска Запорожского¹⁷. Помимо наказа, 27 июля 1709 г. в Киеве ближнему стольнику были даны «пункты секретные», подписанные Петром I, пребывавшим в Киеве с 22 июля по 15 августа¹⁸.

«Пункты секретные» предписывали «смотреть накрепко» за гетманом, старшиной, чтобы предупредить измену; в крайнем случае представитель царя мог взять под свою команду пехотные полки, до измены И.С. Мазепы подчинявшиеся гетману (п. 1). Второй пункт дополнял п. 10 «наказа»: «тайным обычаем» следить за тем, кто и какие доходы собирает на Гетманской Украине. По нашему мнению, на формулировку «тайным обычаем» повлияло не желание ввести сборы в российскую казну, а стремление добыть информацию, которую прямым способом получить было затруднительно. Скорее всего, в этой мысли Г.И. Головкина укрепляли допросы изменников-мазепинцев, проводившиеся как раз в июле 1709 г.¹⁹ По третьему пункту

¹⁶ Источники малороссийской истории. Ч. II. М., 1859. С. 228–230.

¹⁷ ПБПВ. Т. VIII. Вып. 2. М., 1951. С. 925–926. Не случайно в конце октября 1708 г. царь потребовал доставить ему из Москвы списки с гетманских «статей». В начале ноября того же года Петру сотрудниками Малороссийского приказа были отправлены списки «статей» Б. и Ю. Хмельницких, Д.И. Многогрешного, И.С. Самойловича, И.С. Мазепы, а также списки с жалованных грамот этим гетманам.

¹⁸ История Свейской войны (Поденная записка Петра) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 166–167, 320. Однако не представляется возможным уточнить степень участия царя в составлении секретных предписаний А.П. Измайлову. Мы склоняемся к авторству канцлера Г.И. Головкина как более сведущего в составлении подобного рода документов.

¹⁹ В одном из таких допросов канцелярист Григорий Григорьев показал значительные источники пополнения гетманского скарба. Согласно его словам, «на изменника Мазепу с Малороссийского краю збирано денежных доходов» более 130 тысяч «злотых» (подсчитано: ПБПВ. Т. IX. Вып. 2. М., 1952. С. 1151–1152).

указывалось смотреть за тем, кто из старшин и казаков «к стороне великого государя доброжелательны и какого уряду достойны» (п. 3)²⁰.

Ситуация с составлением подобных «секретных» документов для царского представителя на Гетманской Украине была нова, поэтому вполне вероятным образцом можно считать специальный наказ 1701 г. послу в Речи Посполитой Г.Ф. Долгорукому и «статьи тайные» послу в Турции П.А. Толстому 1702 г. Эти документы так же предусматривали сбор информации о «всяких тамошних ведомостях» и «тамошнем поведении», о государственных доходах; применительно к Польше послу поручалось «через сенаторей и ближних людей» воздействовать на польского короля в случае его сближения со шведами²¹.

Пребывание представителя царя при гетмане закреплялось одной грамотой и двумя указами, подписанными канцлером Г.И. Головкиным 30 и 31 июля 1709 г. соответственно. Грамота извещала гетмана о том, что к нему определяется ближний стольник и суздальский наместник А.П. Измайлов «для наших, великого государя, дел и советов... ради нынешних случаев и недавно бывшего в Малороссийском краю возмущения по измене Мазепиной и бунтовщиков запорожцев». А о конкретных «делах и советах» А.П. Измайлов должен был «...по наказу ему данному объявить» (выделено мной. — Я. Л.)²². Следовательно, российское правительство, с официальной точки зрения, не скрывало от гетмана причин введения данной институции и ее статуса.

Первый указ представлял собой резолюции на «статьи» гетмана от 17 июля²³. Согласно п. 6 резолюции, И.И. Скоропадскому следовало в случае «обид от войск великороссийских» сообщать ближнему стольнику А.П. Измайлову, а также киевскому воеводе Д.М. Голицыну, если конфликты происходили «в Киеве или вблизи оного». При наличии «обид» данные персоны должны были «по розыску <..> чинить справедливость». Одиннадцатый пункт резолюций напрямую к Измайлову не относится, но уточнял смысл п. 10 «наказа» и п. 2 «секретных пунктов»: из него следовало, что гетман должен прислать царю «известие, какие при прежних гетманах <..> были

²⁰ ПБПВ IX. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 313–314.

²¹ См.: История Свейской войны (Поденная записка Петра) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 2. М., 2004. С. 359–360; «Статьи тайные, по которым будучи при дворе салтанова величества, стольнику Петру Андреевичу Толстому чинить» // ПБПВ. Т. II. СПб., 1889. С. 30–38.

²² Там же. С. 320.

²³ Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 4. № 2235. С. 457–461; ПБПВ IX. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 321–326.

положены <..> налоги и подати и с чего»²⁴. Вторым указом был ответом на «меморию» гетмана, поданную генеральным писарем С. Савичем 27 июля 1709 г.²⁵, о подтверждении в том числе прав на булаву и «маетности», а также уплаты в гетманский скарб пошлин «великороссийскими» купцами.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники довольно фрагментарно освещают его деятельность А.П. Измайлова. В одном из писем к гетману П. П. Шафиров отмечал: «Уразумел я из письма его превосходительства министра (выделено мной. — Я. Л.) <..> господина Андрея Петровича Измайлова, что Ваше Сиятельство не оставил прошения моего, но пожаловал намерил мне к селу Понурицам и другое село Вербу отдати». В благодарность за оказанную услугу Шафиров уверял гетмана, что «должен до скончания жизни своя Вашему Сиятельству и все Вашей фамилии, такж и войску Запорожскому служить»²⁶. Из другого письма Д.М. Голицына тому же подканцлеру следовало, что ближний стольник участвовал вместе с киевским воеводой в проведении розыскных мероприятий в отношении подозреваемых в измене (Измайлов копировал для Голицына их письма)²⁷. За время своего пребывания при гетмане резидент, вероятно, составил опись землевладений «мазепинцев»²⁸.

В «черновых» письмах за 1711 г. преемника А.П. Измайлова — Ф.И. Протасьева — можно почерпнуть информацию, касающуюся содержания первого резидента. Гетман определил на содержание Измайлова деревню (50–70 дворов)²⁹. В черновиках писем подканцлеру П. П. Шафирову Протасьев отмечал экономическую непривлекательность владения, которое имело «земли и лесу малое число» и недостаточно хлеба для винокурения³⁰. Очевидно, оно не могло решить финансовых проблем, о которых Измайлов сообщал канцлеру Г.И. Головкину в 1710 г.³¹

В сентябре 1710 г. А.П. Измайлову была подготовлена замена в лице опытного дипломата (бывшего послом во Франции, Англии и Испании) думного дьяка А.А. Виниуса и стольника Ф.И. Протасьева³². С.М. Соловьев,

²⁴ Там же. С. 323, 325.

²⁵ Там же. Вып. 2. С. 1152.

²⁶ Материалы для Отечественной истории / Собр. М. Судиенко. Т. II. Киев, 1855. С. 303.

²⁷ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: новые источники по истории России эпохи Петра Великого: В 3 ч. / Изд. подгот. Т.А. Базарова, Ю.Б. Фомина. Ч. I. СПб., 2011. С. 217.

²⁸ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1711 г. Д. 5. Л. 76 об.

²⁹ Там же. Л. 37, 39 об.

³⁰ Там же. Л. 37, 67.

³¹ Там же. Оп. 1. 1710 г. Д. 4. Л. 1.

³² ПБПВ. Т. X. М., 1956. С. 331.

как и современные украинские историки, полагал, что причиной отстранения послужило подписание в том же месяце увещательной грамоты к запорожцам³³. В письме гетману от 30 сентября 1710 г. канцлер писал: «увещательной лист <..> был подписан не от одного Вашей Милости, но и от господина Измайлова, и то мне зело удивительно, чего ради то он учинил, ибо ему того чинить не надлежало. Но В. М., яко гетману войска Запорожскаго, таковые универсалы и протчия дела, надлежащая к управлению малороссийскаго народа, одному надлежит подписывать, а *министром е. ц. в. то чинить никогда не указано* (все выделено мной. — Я. Л.)»³⁴. В повелении царя к Протасьеву и Виниусу причина была сформулирована следующим образом: по «собственному прошению и нужд его домовых и скудости». На наш взгляд, финансовое положение резидента можно рассматривать как самостоятельную версию отсылки А.П. Измайлова³⁵, который, однако, оставался при гетмане по крайней мере до февраля 1711 г.³⁶

Изменения в нормативной базе, определяющей статус новых представителей царя при гетмане, коснулись только «секретных пунктов». В них добавились положения о том, что когда «явятца какие люди с доношением или каким доводом на гетмана, или кого из старшины <..> а взять их будет для гетмана подозрительно, то искать ему способу, чтоб их ему как-нибудь взять секретно, и расспрашивать буде невозможно в том месте, где гетман, то отослать куды в ближние государевы города, в которых обретаются воеводы»³⁷.

³³ См.: Соловьев С.М. Сочинения: В 20 кн. Кн. VIII. Т. 14–15. М., 1991. С. 335; Гуржий О. Гетьман Иван Скоропадский. Київ, 1998. С. 62; Горобець В.М. «Волимо царя східного...». Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ, 2007. С. 280.

³⁴ Материалы для Отечественной истории / Собр. М. Судиенко. Т. II. Киев, 1855. С. 160.

³⁵ Датский посланник Юст Юль, посетивший Глухов в июне 1711 г., сообщал, что причиной опалы Измайлова послужила его служебная халатность: он якобы упустил из-под стражи сторонника польского короля Станислава Лещинского, некоего «польского князя *Wieznowisky*» (князь М. Вишневецкий. — Я. Л.) (Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы (Юст Юль, Оттон Плейер). М., 2001. С. 286. За указание на данный фрагмент записок благодарю научного сотрудника Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург) М.А. Киселева. Эту информацию дипломата можно считать явно ошибочной. В письме Петру I от 6 апреля 1709 г. Меншиков сообщает из Харькова, что подскарбий Потей писал ему «будто Вышневецкие (Михаил и Януш. — Я. Л.) <..> хотят к нашей стороне возвратитца» (ПБПВ IX. Вып. 2. М., 1952. С. 807.). Таким образом, еще до своего назначения Измайлов не мог оказаться в опале.

³⁶ Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафировва: новые источники по истории России эпохи Петра Великого: В 3 ч. / Изд. подгот. Т.А. Базарова, Ю.Б. Фомина. Ч. I. СПб., 2011. С. 217–218.

³⁷ Цит. по: Горобець В. Присмерк Гетьманщини: Україна в роки реформ Петра I. Київ, 1998. С. 62.

В таком тандеме резиденты пробыли на Украине до декабря 1711 г., когда больной Виниус передал дела Протасьеву³⁸. В письме канцлеру Головкину от 20 июля 1711 г. Протасьев писал, что «волею Божьею г[оспо]д[и]н Вениус заболел и пришед да г[о]с[по]д[и]на гетмана объявил: ат поралежной болезни атнелас у него рука и ноги и в языке повредился гаразда, зело говарит тупа»³⁹. Однако благодаря «черновым» письмам Протасьева можно более-менее точно реконструировать то, как выстраивались взаимоотношения в тандеме и складывали связи с высшими «великороссийскими» и казацкими администраторами.

Резиденты сообщали канцлеру о положении дел в регионе, передвижении войск, высказывали свои мысли насчет возможного развития событий в случае прорыва крымских татар, передавали расспросные речи гетманских информаторов и сведения как о ситуации на Правобережье, так и в Запорожской Сечи, а также о настроениях в казацкой среде. Специфика военно-политического положения в регионе на 1711 г. заставляла резидентов выступать в роли оперативных информаторов для гетмана и российских военачальников⁴⁰. Наиболее часто подобную информацию резиденты отправляли киевскому губернатору Д.М. Голицыну⁴¹. Совместно с гетманом резиденты участвовали в допросе изменников-«мазепинцев»⁴². При этом они не имели своего штата курьеров, вся корреспонденция, в том числе и послания, содержащие конфиденциальную информацию, пересылалась посылными из состава солдатских или драгунских полков⁴³.

Также на основании «черновых» писем Ф.И. Протасьева можно видеть определенное разделение труда в деятельности резидентов. Протасьев постоянно находился при особе гетмана, который был в разъездах, а А.А. Виниус, как правило, пребывал в гетманской столице — Глухове, иногда выезжая для служебных дел в Киев. В своих письмах Протасьев уважительно обращался к старшему коллеге: «Государь мой Андрей Андреевич милостивой». Кроме того, Протасьев, как правило, дублировал А.А. Виниусу содержание своих писем канцлеру Г.И. Головкину; уведомлял коллегу о своих действиях, просьбах местной элиты, отчитывался в передаче писем канцлера гетма-

³⁸ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1711 г. Д. 5. Л. 93 об., 95; Там же. Д. 29. Л. 1; Юркин И.А. Андрей Андреевич Виниус (1641–1716). М., 2007. С. 333.

³⁹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1711 г. Д. 5. Л. 51 об.

⁴⁰ Там же. Л. 8–15, 22–45 и др.

⁴¹ См., напр.: Там же. Л. 25 об. — 26 и т. д.

⁴² Там же. Л. 83 об., 92.

⁴³ См., напр.: Там же. Л. 25 об.

ну⁴⁴. Влияние Виниуса Ф.И. Протасьев пытался использовать в своих личных интересах, заискивая перед секретарем Посольского приказа В.В. Степановым⁴⁵. Однако во взаимоотношениях двух резидентов не все было гладко.

В одном из писем середины марта 1711 г. Ф.И. Протасьев оправдывался перед киевским губернатором за задержку с отправкой письма, ссылаясь на то, что находился «в сумнении», так как хотел больше узнать о содержании «цедулы», касающейся дела некоего Велецкого. Этот документ был прислан А.А. Виниусу, но тот не считал нужным раскрыть Ф.И. Протасьеву его содержание⁴⁶. О другом подобном случае (когда Виниус передал ему на сло-

Гетман
И.И. Скоропадский.
Портрет XVIII в.

вах содержание письма канцлера о канцеляристе мазепинского преемника Ф. Орлика Мировиче, при этом само письмо не показал, но ознакомил с его содержанием гетмана и казацкую верхушку) Протасьев писал в зачеркнутом черновике письма Г.И. Головкину и «черновом» варианте послания подканцлеру П.П. Шафирову.

Протасьев хотел просить Головкина по таким вопросам «к аднаму ка мне писать», чтобы «по воле» канцлера он мог письма «спратат оная усмотря падобные ест, а не таким образом как господин Вениес ни с кем а том не советовав тот час <..> не токмо господину гетману и всем разгласил по

⁴⁴ См., напр.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1711 г. Д. 5. Л. 2–22 и др.

⁴⁵ Там же. Л. 9 об. Данный чиновник, будучи близким по службе к Г.И. Головкину, являлся важной персоной в структуре Посольского приказа (см. о нем краткую биографию: Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2007. С. 72).

⁴⁶ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1711 г. Д. 5. Л. 18.

истинне все прочитал»⁴⁷. Здесь же Протасьев добавлял о нестабильности своего положения, так как Вinius «хочет прасит к себе зятя б своево Калитина»⁴⁸. К сожалению, не представляется возможным уточнить, было ли отправлено и в каком варианте данное письмо. Возможно, резидент решил пойти по другому пути: донести обо всем заместителю Головкина — подканцлеру П.П. Шафирову.

В «черновом» варианте одного из писем подканцлеру Протасьев подробно пересказывал вышеприведенный случай, добавляя к этому, что гетман и его окружение в «немалой меня ненависти имеют и поставляют меня во всем себе подозрительным». По этой причине резидент не мог говорить «ныне ни о каких делах»⁴⁹. От себя Протасьев просил Шафирова взять его в «свою милость» или «определить где воля вашего сиятельства будет», так как «ныне при господине гетмане и кроме меня есть каму быть», имея в виду генерала И.И. Бутурлина и А.А. Виниуса. К этому стольник добавлял: «...мне государь при нем (Виниусе. — Я. А.) быть истинно кроме крайней моей какой [ги]бели иного ждатель нечего, на что его м[и]л[о]сть [еже]частно тшится. Хотя словами ко мне и милосердствует, а на сердце имеет на меня изрядную [не]м[и]л[о]сть»⁵⁰. Неизвестно, как сложилась бы карьера младшего резидента, если бы не болезнь Виниуса и возможная протекция со стороны подканцлера, которые способствовали иному исходу дела. На последнее, вполне вероятно, повлияла неформальная роль, которую играл Протасьев в отношении Головкина и Шафирова.

Канцлер через Протасьева организовывал покупку лошадей в Речи Посполитой и отслеживал их доставку⁵¹. Из черновика письма от 25 мая 1711 г. мы узнаем, что канцлер замыслил прибавить к своим владениям деревню, бывшую во временном пользовании экс-резидента А.П. Измайлова⁵². Со слов резидента, гетман хотел убедить Головкина в ее плохом состоянии — но вельможа все же добился ее пожалования⁵³.

⁴⁷ Там же. Л. 32–32 об.

⁴⁸ Стольник А.И. Калитин являлся не только зятем А.А. Виниуса, но и близким помощником по государственной службе. Кроме того, в доме своего зятя и под его присмотром А.А. Вinius, переживший всех своих детей, доживал последние дни (Об А.И. Калитине см.: *Козловский И.П.* Указ. соч. Т. I. С. 270, 278; *Кафенгауз Б.Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 112).

⁴⁹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1711 г. Д. 5. Л. 33 об.–34.

⁵⁰ Там же. Л. 34.

⁵¹ См.: Там же. Л. 10 и т.д.

⁵² Там же. Л. 37.

⁵³ Там же. Л. 67.

Г.И. Головкин.
Работа
неизвестного
мастера.
20-е гг. XVIII в.

Помимо этого, резидент мог оказывать давление на владельцев, которые по тем или иным причинам отказывались передавать / продавать свои землевладения. Например, резидент не раз писал полковнику Сумского слободского полка И.А. Кондратьеву об отдаче своему патрону хутора и мельницы, которыми полковник «владеет напрасно, и тем ево сиятельству немалую чинит обиду». Далее в «черновом» письме отмечалось, что при отрицательном ответе канцлер будет жаловаться самому Петру I⁵⁴.

Также резидент мог играть роль своеобразного надсмотрщика над «малороссийскими» и «великороссийскими» («белгородскими») вотчинами канцлера. На основании писем Г.И. Головкина резидент передавал распоряжения приказчикам канцлера, занимался подборкой персонала⁵⁵; сообщал о состоянии вотчин и лично инспектировал их состояние; давал советы по торговле; отчитывался «патрону» о доходах и расходах поместий⁵⁶. Кроме того, именно Протасьев передавал доходы с имений их хозяину: приказчик отправлял деньги в Глухов, где «с распискаю» вручал их жене резидента, а оттуда они направлялись в «дом» канцлера вместе с приходно-расходными книгами⁵⁷.

Подобные же услуги Протасьев оказывал подканцлеру; доходы с имений Шафирова тоже проходили через руки резидента и его жены⁵⁸.

⁵⁴ Там же. Л. 84а.

⁵⁵ Так, в одном из писем резидент обещал Г.И. Головкину подобрать в «Малороссийском крае» «добрых людей», так как от русских никакого добра не ждет, «кроме бездельного их к коросте своей» (РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1711 г. Д. 5. Л. 75 об.).

⁵⁶ Там же. Л. 32, 36 об. — 37, 62а, 75 об., 81, 92, 96.

⁵⁷ Там же. Л. 37, 85 об.

⁵⁸ Там же. Л. 15 об., 29, 37, 40, 81.

По просьбе своего «отца и патрона» резидент подавал гетману предложения о пожаловании деревень в «прибавку» к тем, что тот получил ранее. В этих письмах указывался желаемый источник расширения землевладений — «изменнические» маетности бывшего генерального обозного И.В. Ломиковского⁵⁹. Однако Протасьев, находившийся при гетмане у Новобогородицкой крепости, отмечал, что «за атлучением маим а таких деревнях (Ломиковского. — Я. Л.) уведомитца не мог», поэтому предлагал обратить внимание на другие «изменнические» владения. По мнению резидента, «на Украйне не малое число деревень изменнических, каторыи владеют напрасно дети их как Горленков, так и Ламиковского сын, каторыя деревни ведаю я, что отданы им па прашению мирагароцкаго полковника, что дети тех изменников ему зятья». К этому списку Протасьев добавлял также землевладения Г.П. Герцика⁶⁰, бывшего при Ф. Орлике генеральным есаулом⁶¹.

Из приведенного фрагмента видно, что знатные «великороссийские» персоны могли рассчитывать — с согласия гетмана — на пожалования из имений «мазепинцев», отписанных в царскую казну. Отметим, что данный земельный фонд не представлял собой строго контролируемое арестованное имущество. Благодаря родственным связям в казацкой элите иные родственники «мазепинцев» сохранили права владения.

Несмотря на то, что Ф.И. Протасьев был значимой фигурой, резидент испытывал серьезные сложности в адаптации к местным условиям. Выше мы отмечали непростой характер его взаимоотношений с А.А. Винусом, а также напряженное отношение к резиденту со стороны гетмана и его окружения; сложным оставалось и его материальное положение.

В упоминавшемся нами зачеркнутом черновике письма Г.И. Головкину резидент просил своего начальника «приказать быть при своей милости», иначе «в конце разарюся», так как свои «убогие крохи» все истратил. По этой причине Протасьев ходатайствовал, чтобы гетман «пожаловал бы ка мне деревню такую с каторой взяты была в предбудущей ход генваря 1 число денек, а кроме таго ничего с той деревни не имано: ни хлеба, ни мяса, ни сена»⁶². Такая просьба, на наш взгляд, была сделана не корысти ради. В черновике письма киевскому губернатору Д.М. Голицыну от 23 апреля 1711 г. резидент благодарил своего адресата за оказанную милость.

⁵⁹ Там же. Л. 33 об., 40. О И.В. Ломиковском см.: Павленко С. Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибіуники. Київ, 2004. С. 40–43.

⁶⁰ О нем см.: Там же. С. 111–112.

⁶¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1711 г. Д. 5. Л. 67 об.

⁶² Там же. Л. 32.

Гетман
Д.П. Апостол.
Портрет XVIII в.

Благодаря протекции Голицына переяславский комендант выдал Протасьеву «две четверти круп», так как ему «самая была нужда»⁶³.

Из текстов документов следовало, например, что будущий гетман Д.П. Апостол еще в чине миргородского полковника обращался через Протасьева к Виниусу с личными просьбами. В одной из них (март 1711 г.) полковник просил поспособствовать переезду своей дочери к отправленному в Москву опальному зятю, сыну бывшего прилуцкого полковника Д.Л. Горленко А.Д. Горленко, а также выхлопотать денег на их проживание⁶⁴. Неизвестно, как А.А. Виниус воспринял данную просьбу. Одно можно сказать точно — Ф.И. Протасьев убеждал Г. И. Головкина в ненадежности зятя Апостола⁶⁵.

Помимо Д.П. Апостола, за протекцией к резидентам обращались и другие представители казацкой элиты. В начале весны 1711 г. миргородский полковник вместе с полковниками Черниговского, Нежинского, Стародубского и Прилуцкого полков просили через гетмана у резидентов помощи в освобождении своих жен, находившихся в Глухове под своеобразным домашним арестом на случай нападения татар и орликовцев — что в итоге и удалось сделать в конце того же года⁶⁶. На основании этих документов можно видеть,

⁶³ Там же. Л. 27 об. — 28. К киевскому губернатору Ф.И. Протасьев обращался не случайно: резидент передавал Голицыну оперативную информацию, сообщал и о положении в «Малой России», кратко пересказывал содержание писем Г.И. Головкина; через протекцию губернатора Протасьев надеялся на «милость» в отношении своего родственника Степана Павлова (Там же. Л. 25 об. — 28 об., 30 об., 35, 42 об. — 43 об., 51–51 об., 103).

⁶⁴ РГАДА. Ф. 124. 1711 г. Д. 5. Л. 9–9 об.

⁶⁵ Там же. Л. 25.

⁶⁶ Там же. Л. 24 об., 71.

что в сложной военной обстановке постмазепинского времени российское правительство могло прибегать лишь к тактике своеобразного заложничества во избежание возможной измены со стороны казацкой элиты.

Несмотря на то, что в письмах резидентов за 1711 г. преобладала информация внешнеполитического и военного характера, некоторые из них могли представлять собой интересные аналитические зарисовки.

Так, в черновике одного из писем Д.М. Голицыну стольник Ф.И. Протасьев негативно отзывался о двух российских комендантах в Глухове. По поводу первого из них — подполковника Ямбургского полка — резидент отмечал, что тот был определен по приказу Виниуса, который дал ему некие «пункты», о содержании которых резидент только догадывался. Далее стольник отмечал, что комендант «непорядачна там поступает», так как голландец по национальности и «по руски ничего гаварить, ни писать не умеет»⁶⁷. Исходя из этого, резидент советовал переменить коменданта. Князь Б.И. Гагарин, вероятно, прибывший на смену этому коменданту, также получил в свой адрес изрядную долю критики.

Новоназначенный комендант вызвал недовольство со стороны гетмана и местного населения, что отмечал еще Юст Юль⁶⁸. В черновике письма от 12 июля 1711 г. резидент просил коменданта быть более умеренным в выборе мест для своего пребывания, а также не пытаться требовать от гетмана людскую силу на строительство глуховской крепости⁶⁹. Однако вскоре о возникшем конфликте летом 1711 г. резидент сообщил двум «сильным» персонам, Д.М. Голицыну и Г.И. Головкину, надеясь на обуздание служебного рвения Гагарина.

В «черновом» письме Д.М. Голицыну была описана суть конфликта. Приехав в Глухов, князь Б.И. Гагарин «так высоко поступает чтоб всех как г[о]с[поди]на гетмана, так и прочих привел да великаго сумнения, не оставил такого двара, каторой бы неперере[б]рал и переезжает з двара на двор». На-

⁶⁷ Там же. Л. 28 об.

⁶⁸ Юст Юль писал о глуховском начальнике: «Комендантом состоит русский князь Богдан Иванович Гагарин во главе гарнизона во 150 человек. (Гарнизон) русский, так как со времени заговора казаков при Мазепе, (направленного) против царя, царь не очень-то им доверяет. Между тем это служит причиною неудовольствия казаков против царя: будучи народом свободным, (они недовольны тем), что царь назначает в их крепости русских комендантов и занимает (онные) русскими солдатами» (Юль Ю. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы (Юст Юль, Оттон Плейер). М., 2001. С. 286). За указание на данный фрагмент записок благодарю научного сотрудника Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург) М.А. Киселева.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1711 г. Д. 5. Л. 41 об. — 42.

Город Глухов в середине XVIII в.
Рисунок-реконструкция Г. Логвина

ходившиеся при коменданте 30 драгун «позаймовали» квартиры «где, кто хочет», а «нескалька человек канцеляристов» делали «себе всякава удаволствования», чем, по мнению Ф.И. Протасьева, «немалае азлобления тамошним жителям учинят»⁷⁰.

В письме канцлеру резидент акцентировал внимание адресата не на действиях коменданта, а на реакции гетмана и старшины на факт назначения в глуховскую крепость коменданта. Со слов резидента, гетман говорил, что «при прежних гетманах в которых городех они гетманы имели резиденцию все никогда комендантов не было, а в которых малороссийских городех, как в Чернигове, так и в Нежине, и в Переяславле, как ныне, так и преж сего каменданты были. Однакож *кроме замков и великороссийских служивых людей тамошних городов над жителями никакого начальства не имели* (выделено мной. — Я. Л.)»⁷¹.

Далее резидент перечислял злоупотребления Б.И. Гагарина и его команды: московские подьячие требовали для себя не только провиант, но «и иных напитков», а также «до уряду глуховского» посылали свои письма, «просячи себе взятков денежных»⁷². По этой причине гетман «слезно о том просил», чтобы резидент и майор А.И. Ушаков написали Г.И. Головкину о злоупотреблениях Гагарина, так как последний, помимо прочего, требовал «позволения, чтоб малороссийским народом в нонешнюю пору делать ему

⁷⁰ Там же. Л. 43 об.

⁷¹ Там же. Л. 48–48 об.

⁷² Там же. Л. 48 об.

гварнизон глуховской», а также изъять пушки для «переливания»⁷³. В дальнейшем, несмотря на эти характеристики, Протасьев вынужден был иметь переписку с комендантом, передавать ему пакеты с письмами, сообщать новости о его семье⁷⁴.

На основании данных «черновых» писем можно сделать несколько интересных наблюдений. Резидент вряд ли мог выступать в роль чиновника, покрывавшего злоупотребления на Гетманской Украине «великороссийских» персон. Кроме того, резидент (прежде всего Протасьев) не обладал достаточным политическим весом для разрешения конфликтных ситуаций. Приводимые резидентом сведения показывают, что современники осознавали ограниченный характер присутствия царской администрации в «Малой России» как до, так и после измены И.С. Мазепы.

Как мы уже отмечали, в декабре 1711 г. Ф.И. Протасьев остался единственным резидентом при гетманском дворе⁷⁵. Как показывают его «черновые» письма, отмеченные нами функции резидента в последующие годы не претерпели каких-либо изменений. Резидент также выполнял роль информатора для Посольского приказа и «сильных» персон в регионе (например, киевского губернатора Д.М. Голицына, генерала К.М. Ренне, генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева, гетмана И.И. Скоропадского и т. д.), а также посредника в передаче жалоб своему начальству на «великороссийские» полки⁷⁶.

Не изменились и его неформальные услуги в адрес Г.И. Головкина и П.П. Шафирова⁷⁷. Более того, он лично регулировал земельные споры между своими начальниками⁷⁸. Однако на место резидента в таких взаимоотношениях стал претендовать глуховский комендант Б.И. Гагарин. На основании двух «черновых» писем к подканцлеру П.П. Шафирову можно предположить, что Гагарин получал «ведомости» от урядников Шафирова и также следил за его вотчинами⁷⁹.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. Л. 70 об., 72 об., 90 об.; Там же. 1713 г. Д. 4. Л. 97, 124; Там же. 1715 г. Д. 4. Л. 16, 28.

⁷⁵ 4 декабря 1711 г. Ф.И. Протасьев получил царский указ с приказанием А.А. Виниусу «за болезни ево ехат к Москве», а также принять у него имеющиеся дела и денежную казну. Однако Виниус не спешил передавать дела, отговариваясь тем, что указ не был прислан к нему. Неизвестно, чем было вызвано подобное решение: желанием соблюсти техническую формальность или скрыть какую-либо информацию, затрагивающую личные интересы. Только 13 декабря по царскому указу и письму Г.И. Головкина Виниус передал дела и «денежную казну» Протасьеву (Там же. 1711 г. Д. 5. Л. 90, 95 об., 99).

⁷⁶ Там же. 1713 г. Д. 4. Л. 3–5, 9–13 об., 18–20 и т. д.

⁷⁷ Там же. Л. 2 об., 5–6 об., 22, 48, 56, 59, 61 об., 62 об., 67, 102, 120 об.; Там же. 1715 г. Д. 4. Л. 72.

⁷⁸ Там же. 1713 г. Д. 4. Л. 21 об., 56 об. — 57, 59.

⁷⁹ Там же. Л. 62 об.; Там же. 1715 г. Д. 4. Л. 72.

Как нам известно, секретные инструкции предписывали резиденту «крепко» следить за гетманом и всячески «престерегать» измену. На деле же попытки так «секретно» поступать приводили иногда к курьезным ситуациям. Так, в письме из Глухова от 10 августа 1716 г. Ф.И. Протасьев жаловался, что российские командиры глуховского гарнизона «зело непорядочно поступают». В частности, жалоба касалась генерала А. Шарфа, который «меня послушать ни в чем не похочет а том чрез данашение мае вашему сиятельству известна <..> что он ни в каких делах *кроме господина гетмана* (выделено мной. — Я. А.) никаво слушать не хочет». Несмотря на данный Шарфом

Князь
Д.М. Голицын.
Портрет XVIII в.

приказ своим подчиненным, Протасьев просит канцлера дать указ: «Ежели от вашего сиятельства а том указу к ним не будет то он, господин Шарф, о чем я ему и писменно предлагаю, послушать меня не похочет»⁸⁰.

Ф.И. Протасьев совместно с глуховским комендантом и гетманом проводил следствие и вел допросы. Такие полномочия резиденту давались на основании дополнительных указов из Сената и от канцлера Головкина⁸¹. Резидент привлекался к рассмотрению тех дел, где упоминалась измена И.С. Мазепы (будь то обыкновенная ссора или донос), либо в случае нарушения царских указов, в том числе запрещающих какие-либо контакты с запорожцами.

Среди первой группы могли встречаться такие дела, как банальная ссора между новомлинским сотником Г. Шишкевичем и крещеным евреем,

⁸⁰ НИОР РГБ. Ф. 204. Оп. 37. Д. 7. Л. 29 об.

⁸¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1713 г. Д. 4. Л. 1 об.; ДППС. Т. II. 1712 г. Кн. II. С. 300–301.

якобы «фальшива» принявшим православие, чтобы избежать высылки из региона⁸². К более серьезным делам относились доносы. Здесь можно отметить большое дело протопопа / сотника Ф. Лисовского, который обвинял гетманского зятя гадяцкого полковника И. Черныша в конокрадстве, фальшивомонетничестве, а также нескольких жителей полка в измене⁸³. Резиденту доводилось и участвовать в рассмотрении доноса Д. Забелы на гетмана, где последний обвинялся в лоббировании интересов старшины, якобы замешанной в измене И.С. Мазепы⁸⁴.

Во вторую группу можно отнести дела, в которых рассматривали нарушения царских указов. Как правило, они касались контактов с Запорожской Сечью, что, впрочем, не запрещало «украинским купцам» торговать с Крымом «незаповеданными» товарами. В письмах резидент отмечал, что полковники и сотники смотрят сквозь пальцы на «своевольцев», которые ходят в «низовые днепровые речки» для рыбной ловли и торговли с запорожцами. Особенно это касалось Полтавского полка, где китайгородский сотник Марченко за деньги пропускал «своевольцев» на Сечь через кордоны полка⁸⁵. Кроме того, по челобитью полтавского полковника И. Черняка рассматривались схожие обвинения в адрес полкового судьи Петра Кованки, дозволявшего казакам совершать незаконный рыбный промысел⁸⁶.

Как следовало из «черновых» писем резидента за 1715 г., и сам полковник был нечист на руку: по приказам И. Черняка и его брата казаки ездили торговать в Сечь горилкой⁸⁷. В анализе рассмотренных выше дел резидент отмечал поразительную ситуацию. С одной стороны, есть налицо виновные полковники и сотники, которые «ни единого человека не престерегли и господину гетману а таких не объявляли». С другой — гетман при решении данных дел проявлял заметную пассивность. На доношения Протасьева о наказании ослушников гетман отговаривался тем,

⁸² Там же. Л. 114 об., 117 об.

⁸³ О Ф. Лисовском и его судебных тяжбах см. подробнее: Моравский С. Федор Лисовский, 1709–1722. (Очерк из внутренней истории Малороссии в 1-й пол. XVIII ст.) // КС. 1891. № 9. С. 427–454; Моравский С. Федор Лисовский, 1709–1722. (Очерк из внутренней истории Малороссии в 1-й пол. XVIII ст.) (окончание) // КС. 1891. № 10. С. 22–57.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1711 г. Д. 5. Л. 69–69 об., 72, 93 об.; Там же. 1712 г. Д. 10. Л. 1–10.

⁸⁵ Там же. 1713 г. Д. 4. Л. 115–119.

⁸⁶ Там же. Л. 119.

⁸⁷ Там же. 1715 г. Д. 4. Л. 48 об. Насколько можно судить, Черняк избежал какого-либо наказания, хотя еще в 1714 г. на него подавали жалобы старшины, казаки и посполи-тые. Однако царским указом от 31 марта 1715 г. он был прощен за верность в измену И.С. Мазепы (см.: Востоков А. Полтавский полковник Иван Черняк // КС. 1889. № 10. С. 1–17).

что «аб указе, что над такими чинить неоднократно писал» канцлеру, а по получении его все исполнит⁸⁸.

Во взаимоотношениях резидента с гетманом, казацкой и «великороссийскими» элитами после отъезда А.А. Виниуса также складываются неформальные отношения. В черновике письма от декабря 1713 г. резидент отмечал, что по его «представительству» гетман и его супруга писали канцлеру Г.И. Головкину о несоответствии занимаемым должностям лубенского и прилуцкого полковников, которым «у полков быть не потребна»: лубенский полковник — «мужик самый простой и непрасыпной пьяница», а прилуцкий — «безмерна стар уж ему болши ста лет и дела своево ничем управит не может». Со слов резидента, об этом уже доносил канцлеру Б.П. Шереметев. Однако если Головкин не «помилосердствует», то гетман просил («усердно сего требует») своему шурину глуховского полковничества при заметном расширении границ полка за счет Конотопской сотни, а также нескольких городов⁸⁹ Глуховской сотни Нежинского полка, так как данный полк имеет «кроме сих выше азначенных сотен болше всех на Украине полков». Резидент просил секретаря Посольского приказа В.В. Степанова: «улуча падобный час попроси милости у его высокографскаго сиятельства и подай ему г[о] с[по]д[и]ну сотнику руку помощи ради рабскова моево прашения»⁹⁰. После чего Протасьев уже писал самому Головкину о просьбе гетмана⁹¹. Данная акция возымела свое действие: в 1714 г. А. Маркович был назначен лубенским полковником. Кроме того, резидент по просьбе гетмана (1716 г.) отдавал указание «великороссийским» комиссарам до царского указа приостановить сборы провианта с местного населения за беглых⁹².

Резидент вел переписку не только с гетманом, но и с его женой. В одном из черновиков таких писем (весна 1718 г.) к «г[осу]д[а]р[ы]не матушке яснешевелможной госпоже пании гетмановой Анастасии Марковне» он докладывал о здоровье ее мужа и свата — П.А. Толстого⁹³. Несмотря на это, взаимоотношения с самим гетманом у резидента складывались весьма непросто.

Например, в черновике письма канцлеру Головкину от 22 февраля 1715 г. резидент сообщал о поступлении к нему челобитных, в которых можно видеть, «какия тягости исходят ат полковников и ат сотников ма-

⁸⁸ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1713 г. Д. 4. Л. 119 об.

⁸⁹ Воронеж, Короп, Старые и Новые Млины, Кролевец.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1713 г. Д. 4. Л. 64 об. — 66.

⁹¹ Там же. Л. 65.

⁹² Там же. Л. 110.

⁹³ Там же. 1718 г. Д. 3. Л. 15.

ларасийскому народу». Далее Протасьев шифром сообщал, что «кто ка мне придет адин а гетман а том уведает», то «з великай ненависти иметь будет и зело к тому абрашаецца немилостию каторыя са мною дружен»⁹⁴. К этому резидент добавлял, что «а ком ево велможности прашу что и мочна ему зделать», то он ничего не предпринимает, «подавая тако вид, чтобы никто меня ни а чем не прасил»⁹⁵. Это был не единственный пример.

Из черновика письма канцлеру от 22 апреля 1716 г. можно видеть, как гетман пренебрежительно относился к приставленному к нему резиденту. В этом документе Протасьев сообщал о том, что гетман без указа Петра I и совета с генеральной старшиной (то есть вопреки резолюциям на «просительные пункты») раздал «немалое число» «деревней и млинов» мазепинцев. Об этом стольник писал следующее: «А *господин гетман* краме аписных во всех полках мало меньше ста сел и деревень и млинов роздал, а *из отписных государь изменничвих сел да при бытия нашего немалое число роздаваша* (все выделено мной. — Я. Л.), а чаю а том да вашего сият[ельств]ва не писывал и хотя я ево вельможности в розговорех многократно а том предагал ежели похочет каму какие села дать данашивал бы ка двору ЦВ и он мне изволил говарить, ежели де спросят у меня каму за какия прислугия маетности каму давал всему де тот час пришлю ведение». На сделанное резидентом замечание Скоропадский «изволил мне сказать что присланные де ка мне те грамоты Царского Величества в каторых изоображено что мне содержаца на тех пунктах как постановлено при антицесарях маих еще от Богдана Хмельницкаго а все де бывшия переда мною гетманы каму хатели маетности давали и у других отнимали по своей воле не отписываясь ка двору Царского Величества, а ежели де мне отписыватца то правам нашим и волностям будет нарушение»⁹⁶. Кроме того, Протасьев по крайней мере до 1718 г. находился в зависимом положении от гетмана в вопросе получения подвод даже по особо важным делам⁹⁷. В такой ситуации гетман позволял себе спрашивать резидента о том, с «какими писмами» он отправлял подводы⁹⁸.

Таким образом, гетман по отношению к резиденту занимал довольно независимую позицию. При этом российский посланник мог лишь кон-

⁹⁴ Там же. 1715 г. Д. 4. Л. 42.

⁹⁵ Там же. Л. 42 об.

⁹⁶ НИОР РГБ. Ф. 204. Оп. 37. Д. 7. Л. 20 об.

⁹⁷ Данная ситуация отчасти была разрешена только в пунктах указа от 16 июля 1718 г.: в п. 8 — в случае «самых нужных делех» гетман должен давать имянные подорожные — и в п. 9 — использовать для посылок солдат или офицеров глуховского гарнизона, для чего «том Его Великого Государя грамоты к тем полковникам шарфу и еропкину с ним же отправлены» (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 120. Л. 308–308 об.).

⁹⁸ НИОР РГБ. Ф. 204. Оп. 37. Д. 7. Л. 32 об.

Гетман И.С. Мазепа.
Немецкая гравюра первой
половины XVIII в.

статировать подобное поведение главы Гетманской Украины, ожидая возможных санкций со стороны российского правительства.

Резидент не сосредоточивался только на взаимоотношениях с гетманом и его родней. Им предпринимались попытки наладить отношения с местной элитой. Из переписки с черниговским полковником П.Л. Полуботком мы узнаем, что резидент оказывал посреднические услуги в передаче прошения за его сестру, которая была замужем за «мазепинцем» Ф.И. Мировичем⁹⁹. Кроме того, к покровительству резидента прибегали и другие представители элиты Гетманщины. Так, стародубский полковник Л.И. Жоравка при участии Протасьева рассчитывал получить царские жалованные грамоты на купленные земельные владения¹⁰⁰, а М. Милорадович — сохранить свое полковничество в Гадяче, а также протекцию в урегулировании конфликтов с полковой элитой¹⁰¹.

Ф.И. Протасьев был довольно критически настроен в отношении местной элиты и сложившихся порядков самоуправления на Гетманской Украине, о чем и уведомлял своего начальника — Г.И. Головкина. В одном из «черновых» писем резидент приводил слова гетмана о том, что во всех полках «регенту ево» на полковых и сотенных урядах «подозрительных нет». В ответ на это Протасьев отмечал, что «палковники в полках своих во всякия уряды и в сотники выбирают по своей воле. А какова состояния тот каво

⁹⁹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1713 г. Д. 4. Л. 3.

¹⁰⁰ Там же. Л. 63–63 об., 64 об. — 65.

¹⁰¹ Там же. Л. 102; НИОР РГБ. Ф. 204. Оп. 37. Д. 7. Л. 7–7 об., 44–45.

аберут гаспадин гетман никогда не ведает, разве кто ис полковникав толка к нему атпишет, что ат какова уряду или с сотникав аднаво переменил, а другова наставил»¹⁰². По мысли резидента, такая ситуация может ставить под сомнение слова гетмана. В этом же письме резидент опровергал другое высказывание Скоропадского, якобы изложенное в одном из писем гетмана к канцлеру, что «бутта посполитаму маларасийскому народу ат палковникав и ат сотникав тягостей нет в работах и излишних паборав нет». По мнению резидента, гетман «непрестанна а том гаварит как нам, так и всем с кем увидитца из великароссийских асоб»¹⁰³. Протасьев же полагал, что «малороссийский народ» «весма абнищал и пришел да крайнева убожества» из-за действий казацкой верхушки (полковников и сотников)¹⁰⁴.

В том же документе резидент описывал следующие модели социального поведения представителей казацкой администрации: «...мочна видеть ежели каво из убогих апределит полковник в полкавую старшину или в сотники, то в год или в другой безмерна абогатитца <..> да возмутца дома превеликия, хутари и мелницы пребогатыя и всякова дамашнева заводу великае удаволство от куду ж ани такое богатство приабрегают ест ли не с таго ж поспалитаго народу. А гаспадин гетман канечно того не змотрет, да и смотреть у других заказывать ему невозможно для того от чево маларасийскому народу крайнее разарение»¹⁰⁵. Те же полковники, помимо прочего, отбирали по своей воле села, деревни и мелницы, «каторая приналежат в городех и в местечках к ратушам каму хатят атдают а у них атбирают» и «великаю прибыль палучают»¹⁰⁶.

Описываемая резидентом социальная картина была далека от идеалистических представлений о «Гетманской Украине», «Украинском гетманстве». Помимо этого, Ф.И. Протасьев приводил довольно интересные комментарии относительно правовых практик в регионе. По мнению резидента, гетман, принимая определенные решения, в своих письмах или при собрании народа и старшины «ссылаетца на прежния абыкнавения как бывала при прежних гетманах». Однако, кроме общих отсылок, эти «абыкнавения» никак не конкретизировались. По этой причине резидент предлагал Г.И. Головкину «те их прежния абыкнавения мочна им натставить (то есть упорядочить. — Я. Л.) и в пред оных на примере не выписывать а ест ли ва всех порядках станут ани так чинить как чини[ли] прежния гетманы кажетца мне что некарысна будет (то есть уменьшатся злоупо-

¹⁰² РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1715 г. Д. 4. Л. 42 об.

¹⁰³ Там же. Л. 43.

¹⁰⁴ Там же. Л. 43 об.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. Л. 44.

требления. — Я. Л.)»¹⁰⁷. Можно предположить, что не только резидент, но и российское правительство имели слабое представление о сложившихся правовых практиках в «Малой России». Вполне вероятно, что комментарии Ф.И. Протасьева послужили дополнительным аргументом для последующей кодификации «малороссийских прав».

Из «черновых» писем Ф.И. Протасьева от 22 апреля и 10 августа 1716 г. следует, что старшина была не заинтересована в повышенной боеготовности своих подразделений. В первом письме Ф.И. Протасьев приводил следующее: «все казаки каторые грунта свои имеют в маетностях Еноральной старшины в полковницких и в сотницких, так же и з знатных казаков каторыя при дворе гетманском милость обретают мало не все в мужицкая тяглость употреблены, а каторыя и не в мужиках, а в войсках отнедь не ходят все служат при панских их дворех, а ежели б каторой в подданстве жить и не похотел тем многия озлобления чинят притягая их в свое подданство»¹⁰⁸. Во втором письме резидент сообщал: «у всех енеральных особ у полковников и у сотников <..> в маетностяхих казаки грунта сваи имеют мало не всех оных в мужицкую тяглость притягнули а другия работали безмерна от них атягащены и хотя господину гетману многа а том и челобитныя бывають аднакож ево велможность мнитца мне что не хотя тем вышеозначенных персон азлобить в том им уступает»¹⁰⁹. По этой причине неудивительным выглядело снижение боеспособности казачьего войска на протяжении первой трети XVIII в.¹¹⁰

Надо сказать, что посреднические услуги резидент оказывал в «интересах» не только «малороссийских», но и «великороссийских» персон. Из «черновых» писем подканцлеру П.П. Шафирову и киевскому губернатору Д.М. Голицыну за 1713 г. видно, что резидент просил своих влиятельных адресатов оказать «милость» некоему капитану И. Кокошкину, приходившемуся шурином А.И. Ушакову¹¹¹. В особенности резидент просил обеспечить капитану безопасность во время его следования в Польшу для встречи с коронным гетманом А.Н. Синявским¹¹².

К посредничеству резидента прибегал и кабинет-секретарь Петра I А.И. Макаров. Он передавал резиденту указ царицы Екатерины Алексе-

¹⁰⁷ Там же. Л. 44 об.

¹⁰⁸ НИОР РГБ. Ф. 204. Оп. 37. Д. 7. Л. 19 об.

¹⁰⁹ Там же. Л. 30.

¹¹⁰ См., напр.: Сокирко О.Г. Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр. Київ, 2006; Репан О. Іржа на лезі: лівобережне козацтво і російсько-турецька війна 1735–1739 рр. Київ, 2009.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1713 г. Д. 4. Л. 56–56 об.

¹¹² Там же. Л. 57 об.

евны содержать «во ахранении» дома родителей и родственников певчих, находившихся при ее дворе¹¹³. Кроме контактов с данными персонами, Ф.И. Протасьев пытался налаживать контакты с секретарями Посольского приказа П.В. Курбатовым, М.П. Шафировым, М.Р. Ларионовым¹¹⁴, а также с П.А. Толстым и семейством Владиславичей-Рагузинских¹¹⁵.

Таким образом, выявленные нами документы демонстрируют довольно сложную картину взаимоотношений, которые выстраивались между резидентом и «сильными персонами». Благодаря «черновым» письмам мы можем судить не только о месте резидента в этой картине, но и о политике российского правительства в отношении населения Гетманской Украины. В частности, в этих документах приводится информация, позволяющая оценить масштабы репрессий в отношении родственников «мазепинцев».

В 1713 г. в преддверии вероятного нападения орликовцев, запорожцев и татар на южные границы Российского государства в Посольском приказе была подготовлена «роспись» родственников изменников. В этом небольшом списке фигурировали родственники соратников Ф. Орлика: мать, брат Семен с женой и детьми генерального есаула Ф.И. Мировича (замужем за одним из его сыновей была дочь И.В. Ломиковского), дочь и родной брат генерального писаря И.П. Максимовича, жены и дети братьев Герциков, жена сосланного в Архангельск сердюцкого полковника Я. Покатило, жена бывшего Лубенского полковника Д. Зеленского, жена и близкие сосланного в Сибирь генерального судьи В. Н. Чуйкевича, мать, жена бывшего прилуцкого полковника Д.Л. Горленко и др.¹¹⁶ Лиц, включенных в «роспись», предполагалось временно выслать в Москву. Из черновики писем Г.И. Головкину и Б.П. Шереметеву следовало, что не всех удалось собрать¹¹⁷, некоторые из родственников отличались очень плохим здоровьем¹¹⁸. Кроме того, за многих «под лишением живота своею» заступалась местная элита. Так, за жену Ф.И. Мировича заступался ее родной брат — черниговский полковник П.Л. Полуботок, за жен Д.Л. Горленко и В.Н. Чуйкевича давал слово сам гетман, а за сына И.В. Ломиковского миргородский полковник Д.П. Апостол, так как он приходился

¹¹³ Там же. Л. 67 об.

¹¹⁴ Там же. 1713 г. Д. 4. Л. 98–100; Там же. 1715 г. Д. 4. Л. 3–40 и т.д.

¹¹⁵ Там же. 1713 г. Д. 4. Л. 109, 110 об., 113, 121 об.–122; Там же. 1715 г. Д. 4. Л. 48 об., 69 об.

¹¹⁶ Там же. 1713 г. Д. 4. Л. 49–50, 54.

¹¹⁷ Например, жена Д.Л. Горленко находилась с мужем в «измене»; жена И.П. Максимовича умерла.

¹¹⁸ Например, жена Д. Зеленского была «баба зело старая», в столь же преклонном возрасте находилась супруга В.Н. Чуйкевича.

Киев на старинной гравюре

ему зятем. Свои прошения гетман с миргородским и черниговским полковниками подавали через резидента¹¹⁹. Кроме того, как писал резидент, гетман, ручаясь за родственников «мазепинцев», не собирался их отправлять до повторного указа Петра I, надеясь на его снисхождение¹²⁰.

Таким образом, подготовка данной акции показала не только малочисленность родственников «мазепинцев», но и серьезные защитные механизмы казацкой элиты, пронизанной родственными связями. Это не могло не учитывать российское правительство, что, вероятно, серьезно скорректировало намеченные планы. Однако даже первоначальный вариант «репрессий» не представлял собой кровавую расправу.

Приведенные выше фрагменты «черновых писем», к сожалению, охватывают лишь 10-е гг. XVIII в. Однако даже этот комплекс документов показывает гораздо более сложную картину пребывания резидентов при гетманском дворе, скрывавшуюся за покровами Империи, торжественными или сухими фразами официальных документов. Удивительна та легкость, с которой поколения исследователей наделяли данных царских представителей серьезными контролирующими функциями над элитой Гетманской Украины, вмешивающихся в любые внутренние вопросы. В то время как без должного внимания оставался практически нетронутым огромный комплекс документов, который и должен был раскрыть особенности деятельности резидентов.

В действительности представитель царя при гетмане не имел тех полномочий, которые ему приписывала историографическая традиция. По своим

¹¹⁹ РГАДА. Оп. 1. Д. 1713. Д. 4. Л. 55–58.

¹²⁰ Там же. Л. 58 об.

обязанностям резиденты при гетманском дворе были скорее советниками и информаторами, не обладая прерогативами исполнительной власти. К тому же российское правительство направляло к гетману, прежде всего, профессиональных дипломатов, а не администраторов или военных. Статус и возможности, которыми обладал резидент, не позволяли ему каким-либо образом ограничивать полномочия гетмана. Скорее наоборот, резидент мог зависеть от гетмана и должен был учитывать политические конъюнктуры. По этой причине в деятельности резидентов заметную роль играла не слежка за деятельностью гетмана и казацкой элиты, а выстраивание неформальных отношений с ними, в том числе доведение их личных интересов до высших кругов Российского государства. Также резидент являлся посредником в лоббировании интересов сильных «великороссийских» персон. Написанные резидентами аналитические обзоры особенностей местной политики не воплощались в какие-либо серьезные политические решения. Это, на наш взгляд, подчеркивает стремление российского правительства иметь на Гетманской Украине лояльную, пусть и коррумпированную элиту. Об этом мы можем говорить не только применительно к 10-м гг. XVIII в., но и в тот период, когда с восстановлением гетманства в 1727 г. была реанимирована практика назначения резидентов¹²¹.

По этой причине, отвечая на вопрос: кем являлись резиденты при гетманском дворе — глазами и руками ли государевыми? — с полной уверенностью можно сказать, что исключительно «глазами», которым только и оставалось, что фиксировать события из местной жизни.

¹²¹ О взаимоотношениях резидентов с гетманами после восстановления гетманства см., напр.: Лазарев Я.А. «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е — первой половине 30-х гг. XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / Отв. ред. серии А.В. Доронин; сост. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М., 2013. С. 425–432.

Ключевые слова:

Российская империя, Гетманская Украина, гетманы, резиденты при гетманском дворе, Петр I

Yakov A. Lazarev

«EYES AND HANDS OF THE SOVEREIGN?»: THE ROLE OF RESIDENTS AT THE HETMAN'S YARD IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-UKRAINIAN RELATIONS BETWEEN 1710 — 1719

This article reconstructs the activities of the residents of the Hetman's yard in the context of Russian-Ukrainian relations in the second decade of the XVIII century. The author analyzes the relationship between the resident representatives of the Russian and Ukrainian elites on the basis of draft and final copies of their letters that were compactly preserved in the Russian archives. This set of documents were not introduced into scientific circulation. Despite this fact, both Ukrainian and Russian historiography regarded the appearance of the residents as one of the major political decisions in limiting Ukrainian autonomy and the power of the Cossack Hetmans, while residents were granted with so much authority that it allegedly allowed them to control the elite of the Hetman's Ukraine. In fact, a representative of the Tsar at the Hetman did not have the powers to which he was attributed by historiographical tradition. According to his duties, residents were more counselors and informants. The status and opportunities that the residents possessed did not allow them to limit the power of the Hetman. In terms of the duty of the residents, their main role was not surveillance of the activities of the Hetman and the Cossack elite, but rather forming informal relations with them, including reporting their personal interests to the highest circles of the Russian state.

 Лазарев Яков Анатольевич

кандидат исторических наук, старший преподаватель,
Уральская государственная архитектурно-художественная академия

А. Эркинов

МОЛИТВЫ ЗА И ПРОТИВ ЦАРЯ

В последние годы все больше усиливается интерес к политической, общественной, экономической, культурной, духовной истории Среднеазиатского региона в конце XIX — начале XX в. Несмотря на ряд публикаций, появившихся в этот период, менее исследованной остается религиозно-духовная сфера местного населения.

Одним из ценных источников для изучения ее является такой самый распространенный в Средней Азии поэтический жанр, как мунаджат. Мунаджат (*араб.* — мольба к Богу, обращение, просьба, исповедь) как термин образован из арабского языка. Мунаджат, в широком смысле, означает тайное, мистическое общение с Всевышним. В нем содержится обращение к Богу с просьбой автора о прощении ему грехов. В отличие от традиционной, регламентированной мусульманской молитвы, составление или декламация этого вида поэзии не является предписанным ритуальным действием. Мунаджат, в отличие от намаза, — молитва необязательная, совершаемая в любое время, в любой форме и на любом языке. Этот вид молитвы, точнее мольбы-прошения, обращенной к Богу, иногда называют тайной молитвой. Со временем мунаджат становится одним из жанров религиозно-духовной мусульманской поэзии. Он широко рас-

пространился среди иранских и тюркских народов, позднее превратился в отдельный жанр персидской и тюркской поэзии исламского периода. С помощью этой молитвы верующие стремились выразить свои личные, общественные и политические проблемы. До настоящего времени мунаджат живет в том или ином виде среди населения Средней Азии как народная форма ислама.

Другим ценным источником для изучения духовно-религиозной сферы среднеазиатских мусульман рассматриваемого периода, могущим дать достоверное представление о том влиянии, которое оказывали изменявшиеся политические условия на психологию части местной мусульманской интеллигенции, является хутба (традиционное славословие в честь Бога, пророка Мухаммеда и правителя), предназначенные для пятничных молитв в Туркестане. Это особое отступление в пятничных молитвах, в котором возносятся хвала и здравницы в честь здравствующего правителя. В широком смысле хутба — способ выражения верноподданнических настроений.

Исследование мунаджата царского Туркестана было предпринято в начале XXI в.¹ Данная статья, продолжая эти изыскания, посвящена анализу нескольких религиозно-поэтических источников конца XIX — начала XX в., авторами которых являлись представители мусульманского населения Средней Азии.

Поэзия в Хивинском ханстве в конце XIX — начале XX в.

После захвата Хивы 29 мая 1873 г. ханство фактически превратилось в вассала Российской империи. 12 августа 1873 г. в Гандумкане, в летней резиденции Мухаммада Рахим хана II (1864–1910), был заключен мирный договор между Россией и Хивинским ханством. Хан признал себя покорным слугой российского императора. Россия, приняв над Хивинским ханством «покровительство», оберегает его от врагов², отмечалось в

¹ Данная публикация подготовлена на основе материалов, собранных в рамках проекта «Zerrspiegel» (См. подробнее: <<http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de>>) и частично опубликованных. См.: *Erkinov A. Praying for and against the Tsar, Prayers and Sermons in Russian-dominated Khiva and Tsarist Turkestan. Halle/Berlin, 2004; Эркинов А. Поездка А.Н. Самойловича в Хивинское ханство в 1908 году и оценка им литературной среды // II Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Сборник материалов. Ташкент, 2010. С. 116–126, 370–383.*

² *Тухтаметов Т.Г. Россия и Хива в конце XIX — начале XX в. Победа Хорезмской народной революции. М., 1969. С. 31–39.*

сочинении «Шаджара-йи Харазмшахи»³ хивинского придворного историка М. Байанӯ⁴.

При дворе Рахим-хана II постоянно находились политические представители России. Только с их разрешения правитель мог что-либо сделать во внешнеполитической деятельности. Это означало, что хан не обладал свободой действий как правитель, и это оказало отрицательное влияние на его настроение. Историки-современники Рахим-хана однозначно утверждали, что после 1873 г. он начал вести уединенную жизнь и не знал, чем заниматься ради своего утешения. В данной ситуации один из чиновников Хивинского двора, поэт и композитор Камил Хваразми (1825–1899), а также и другие придворные предложили хану устраивать поэтические и музыкальные вечера: «Мухаммад Рахим-хан II, когда в своем краю увидел другую превосходящую его силу, некоторое время был под плохим впечатлением от этого. Не мог найти занятие для утешения себя. Однако его окружение, особенно музыковед Пахлаванияз Мирзабаши, узнав состояние правителя, заинтересовал его в организации собраний»⁵. После этого Рахим-хан стал организовывать поэтические собрания при своем дворе. На этих вечерах читались стихи, устраивались поэтические состязания, звучала классическая традиционная музыка (макам). Многие придворные стали писать стихи. Эталоном в этой дворцовой культуре для Хивинского двора служила эпоха Тимуридов, точнее эпоха поздних Тимуридов, которая по существу была временем своеобразного культурного ренессанса.

Данную ситуацию можно условно назвать тимуридским маньеризмом в Хивинском дворе при Рахим-хане II. Тимуридский маньеризм — это интерес и подражание личности Амира Тимура (1370–1405) и Тимуридов, то есть некая имитация культурных моделей той эпохи. В этом прослеживается также и подспудное желание «воссоздать» эпоху Тимуридов, провозгласив себя их прямым или духовным преемником. Это стремление можно обнаружить также и в «манерном подражании» ключевым личностям эпохи Тимуридов, например, таким как Хусайн Байкара (1469–1501), и

³ Институт востоковедения Академии наук Республики Узбекистан (далее ИВАНРУ). Институтский рукописный фонд-1. № 9596 (Собрание восточных рукописей в 11 т. Т. 7. Ташкент, 1964. № 5031; *Байний М.Ю.* Шаджараи Харазмшохий. Тошкент, 1994. Б. 59).

⁴ *Муниров К.* Харазма тарихнавислик. Тошкент, 2002. Б. 52–60.

⁵ *Мулла Бекжон Р., Девонзода М.Ю.* Хоразм мусикий тарихчаси. Тошкент, 1998. Б. 12; *Полвонов Н.* Хива хонлигидаги ҳаракатлар ва сиёсий партиялар тарихи (Хоразм мисолида 1900–1924 йиллар). Тарих фанлари номзоди диссертацияси. Тошкент, 2005. Б. 41–42.

Мухаммад
Рахим-хан II.
Хива. Конец XIX в.

придворному поэту ‘Али Шир Нава’и. В период правления Байкары культура, в частности искусство, достигла своего апогея. ‘Али Шир Нава’и создал более 30 произведений, общий объем которых составляет примерно 20 современных томов. Нава’и писал на чагатайском языке, и его поэзия стала пиком чагатайской литературы и послужила образцом всем последующим эпохам, причем не только для чагатайской поэзии, но и для поэзии других тюркоязычных народов мусульманского Востока. При Байкаре жили и творили такие знаменитые представители искусства, как классик персидской литературы Абд ал-Рахман Джами (1414–1492), художник Камал ал-Дин Бехзад (1470–1506) и др. Период творчества Нава’и считался золотым веком для чагатайской литературы. В посттимуридский период эпоха Байкары рассматривалась как культурная модель для многих других династий и культурных центров. Начиная с конца XV в. подобный стиль подражания — тимуридский маньеризм существовал в Средней Азии, Турции и Иране. Даже первые Шайбаниды, противники Тимуридов, по-своему подражали им, продолжая их культурные традиции.

Рахим-хан сам очень хорошо разбирался в музыке. Видимо, он очень хотел, чтобы его вечера поэзии и музыки напоминали собрания Байкары. Дело дошло даже до того, что Рахим-хан заставлял своих придворных чиновников писать стихи, а если какой-нибудь чиновник не умел писать стихи, то, чтобы сохранить свой статус при дворе, он их покупал у других поэтов и подносил их правителю как свои⁶. Чем можно объяснить подобные

⁶ Азизов-Ходим Б.Т. Хоразм навозандалари. Тошкент, 1994. Б. 15–16.

старания хана во всем этом? Он хотел подражать тимуридскому правителю Байкаре и поэту 'Али Шир Нава'и. Соответственно, его среда по качеству тоже должна была соответствовать требованиям уровня эталона культурной среды Байкары. Рахим-хан ради демонстрации своей культурной мощи в своей среде стремился воссоздать и сохранить средневековые ценности. Ради этого он оставался традиционалистом и консерватором. Его дворцовая среда стала неким имитированием среды поздних Тимуридов. Культурную среду при дворе Рахим-хана II можно также назвать, хотя в упрощенном виде, неовариантом эпохи Байкары.

Между тем каким было отношение к русской власти в народе? Об этом, в частности, свидетельствует мунаджат на узбекском языке, переписанный в 1878 г., который хранится в Институте востоковедения Академии наук Республики Узбекистан⁷. Мунаджат, видимо, написан выходцем из простого народа (возможно, даже самим переписчиком рукописи), не обладающим в полной мере секретами художественного мастерства. Стих по стилю и жанру стоит много ниже поэтических мерок, принятых в придворной литературной среде Хивы. Он близок к фольклорной традиции: иногда встречаются неправильно расположенные рифмующиеся строки; отсутствуют традиционные образы придворной чагатайской поэзии. В целом, стиль автора близок к народным молитвенным текстам, которые использовали народные целители при лечении. В мунаджете автор, говоря о проблемах, которые возникают после захвата Хивы русскими войсками, полагался на их разрешение с помощью Всевышнего и «святых». Автор принимал превосходство русских войск как очевидный факт и не видел практического пути противостояния им. Следуя традиции, он не предлагал ничего лучшего, кроме как обратиться к Богу и «святым». При этом он использовал весь «пантеон святых» Хорезма, умоляя о поддержке Бога через всех «святых», почитаемых в Хиве. Произведение создано как отклик местного мусульманина на изменяющиеся обстоятельства при падении Хивы. В начале стихотворения анонимный автор утверждал, что писал свой мунаджат после захвата русскими войсками Хивы, где, вероятно, он и находился тогда. Автор просил Всевышнего освободить Хиву от врагов. Интересна реакция автора на фактическое «бездействие» почитаемых «святых», когда родину постигло такое несчастье. Местами он не скрывал своего изумления, не понимая, почему же «святые» не помогают мусульманам. Иногда автор даже задавался вопросом, хватит ли сил «святым» для предотвращения постигшей беды.

⁷ ИВАНРУ-1. № 1017/2. Л. 251a — 257a.

Тем не менее стихотворение заканчивалось в оптимистическом духе — автор с надеждой обращался к Ибадаллах ишану — одному из ведущих духовных авторитетов Хивы.

Какой же стала Хива спустя четверть века? В 1902 г. Хиву посетил В.Г. Ян, прославившийся позднее как автор исторических романов. Он в 1901–1904 гг. служил инспектором колодцев в Туркестане, изучая восточные языки и жизнь местного населения. В своей книге «Голубые дали Азии: Записки всадника» он описал свое посещение Хивы и встречу с Рахим-ханом II. О городе Хиве он пишет так: «Во времени моего приезда это был маленький грязный и пыльный город с лабиринтом узких кривых улочек, состоявших из одних стен, не имевших окон и выходивших на пустыри, базары, кладбища, окруженных осыпавшимися рвами и разваливающимися глинобитными стенами с башнями и воротами. В городе насчитывалось примерно десять тысяч жителей, десятков ханских дворцов, полсотни масжид и мадраса, несколько караван-сараяв и множество базарных лавок, мастерских ремесленников, торговых складов. Но напрасно было искать здесь школу или больницу, книжный магазин, театр или клуб. Хивинское ханство продолжало жить по своим феодальным законам и обычаям, лишь отчасти смягченным русским влиянием. Судьи, бии, казии и прочие представители феодалов отправляли суд быстро и несложно: все тяжбы решались по Чингизхановой “Ясе”, хотя великий завоеватель уже шесть столетий покоился в могиле. До прихода русских наказания оставались вполне в Чингизхановом вкусе: от битья палками, отсечения уха, пальца, ладони, руки и до отрубания головы...»⁸

В 1908 г. дворец хивинского правителя посетил российский ученый-тюрколог А.Н. Самойлович. Он осмотрел дворцовую библиотеку, описал культурную среду⁹. В Хиве он собрал разнообразные и ценные литературные и этнографические материалы, которые в дальнейшем опубликовал¹⁰.

⁸ Ян В.Г. Голубые дали Азии (http://www.erlib.com/Василий_Ян/Голубые_дали_Азии/4/).

⁹ Самойлович А.Н. Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханства в 1908 году // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. № 9. СПб., 1909. С. 1–15; Он же. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе II. Хивинские придворные книгохранилища и книгопечатня // Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1981. № 1. С. 74–82.

¹⁰ Самойлович А.Н. Хивинский рассказ про Анна-Мрат Бобу // Живая старина. Вып. 4. 1908; Он же. Из хивинских сказаний о животных // Живая старина. Вып. 3. СПб., 1910; Он же. Хивинская сатира на казак-киргизов. СПб., 1910; Он же. Шейбани-наме: Библиотеки Хивинского хана. СПб., 1910; Он же. Хронограмма Ахмед-Табиба на смерть его светлости сейид Мухаммад Рахим бахадыр хана и на воцарение его высочества сейид Эсфендияр Мухаммед бахадыр хана // Восточный сборник. Кн. 1. СПб., 1913. С. 165–182; и др.

В это время при Хивинском дворе поэтическим творчеством занимались более 30 поэтов, большая часть которых являлась чиновниками данного двора¹¹. Сам Рахим-хан II писал стихи под поэтическим псевдонимом (тахаллус) Фируз и даже составил свой собственный сборник поэзии (диван)¹².

После своего визита в Хиву Самойлович опубликовал рецензию, в которой он оценивал и описывал суть литографического издания «Маджма-йи си шу'ара шахи пайрави Фируз» («Собрание 30 царских поэтов, сопутствующих Фирузу») ¹³. Данная антология (байаз) была составлена в Хивинском ханстве при дворе Рахим-хана II в 1324/1906–1907 г. поэтом Ахмадом Табиби¹⁴. В сборнике были представлены образцы стихов более 30 поэтов. Эти стихи были написаны в стиле подражания (пайрав) стихам Рахим-хана II. Все стихи сборника были написаны на тюрки — чагатайском языке.

Рахим-хан приказал придворным поэтам создать ответы на свои 101 газели. Каждый из указанных 30 поэтов, исключая самого Рахим-хана, написал газели-подражания на его газели. Всего газелей-подражаний 2998. Общее количество газелей правителя и подражаний на них в этом сборнике поэтов составило 3099¹⁵. Поэты-подражатели являлись родственниками, принцами, государственными деятелями Хивинского двора или приближенными Рахим-хана II. В процессе подражания они должны были полностью соблюдать поэтический стиль каждого стиха своего правителя.

Самойлович наблюдал за хивинской литературной средой и в общих чертах критически оценил поэзию, создаваемую данной средой, как «ложноклассическую» и однообразную. Он с сожалением отмечал, что в новых исторических условиях, которые переживала Средняя Азия в начале XX в., при Хивинском дворе все еще имели место средневековые, давно изжившие ценности, и с беспокойством и даже с некоторой долей жалости смотрел на эту среду: «Моя беглая характеристика редактора “Собрания” объясняет, думается мне, хотя бы только отчасти, перечисленные выше внешние недостатки, очевидно, нелюбовно исполненного издания, а за-

¹¹ Hofman H.F. Turkish Literature a bio-bibliographical survey. Section III. Part I. Vol. 3. Utrecht, 1969. P. 54–63; Vol. 6. P. 27–32; Eckmann J. Die tschaghataische Literatur // Philologiae Turcicae Fundamenta. Vol. II. Wiesbaden, 1964. S. 390–391.

¹² См.: Феруз М.Р. Элга шоху ишкка кул. Девон. Тошкент, 1994.

¹³ Самойлович А.Н. Собрание 30 царских поэтов, сопутствующих Фирузу. Хива, 1909 г. 1638 стр. in folio // Записки восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 19. СПб., 1909. С. 0198–0209.

¹⁴ Табиби Ахмад (1868–1910) — хивинский министр (вазир), поэт.

¹⁵ Ўзбек адабиёти тарихи. IV жилд. Тошкент, 1978. Б. 21–22.

А.Н. Самойлович.
1930-е гг.

тем указывает истинную цену тех сердечных признаний Ахмада Табиби, которыми пересыпано مجمع.¹⁶ В отрицательном отношении Ахмада Табиби и некоторых других хивинцев и вообще среднеазиатцев, современных среднеазиатцев, к современной среднеазиатско-турецкой стихотворной литературе, действительно рабски, безлично, мертво воспроизводящей поэтические сочинения золотого века джагатайской литературы, я склонен видеть залог недалекого наступления и в консервативной Средней Азии новой литературной эры, которая уже наступила или зарождается в других мусульманско-турецких странах и областях. Можно ожидать при этом, что процветание молодой, живой, близкой народу по языку и содержанию поэзии уже не будет более зависеть от поддержки и поощрения отдельных высоких особ, так как всенародная слава и сочувствие, а не служебная карьера и придворные подачки будут воодушевлять и питать жрецов новой поэзии»¹⁷.

При встрече с Самойловичем Табиби утверждал, что придворные поэты-подражатели любят подражать и стихам тюркского классика 'Али Шир Нава'и¹⁸. Хотя, подчеркнул он, ни один из них не обладает талантом Нава'и. После этой встречи Самойлович написал о том, что в Средней Азии наступила

¹⁶ Имеется в виду литографическое издание: Маджмаи си шуара шахи пайрави Фируз. Хива, 1324 [1907] // ИВАНРУ. Фонд литографии. № 27.

¹⁷ Самойлович А.Н. Собрание 30 царских поэтов... С. 0200.

¹⁸ Subtelny M.E. Mir 'Ali Shir Nawa'i. Encyclopedia of Islam. New edition. Leiden-London. Vol. VII. P. 91–95.

эпоха обновлений¹⁹. Несмотря на то, что Табиби, являясь главой поэтов Хивинского двора, сам критически относился к чагатайской поэзии, Табиби сам творил в ее традициях. В этой связи представляет интерес и оценка придворной культурной среды самим поэтом Табиби. Вот описания Самойловичем Табиби: «О возникновении и содержании “Собрания”, написанного на несколько подновленном, но все же обилующем архаизмами, классическом для Средней Азии языке — джагатайском, говорится в предисловии... редактором издания... Этот хивинец, с которым я имел весной 1908 г. не одну приятную встречу в столице Хивинского ханства, имеет 30 с лишним лет от роду и является личностью довольно интересной... Поэт уклонился, по его рассказам, от усвоения полного курса мусульманских наук в медресе из-за свободомысленного на них взгляда; он вкусил некоторую толику европейских знаний, которые проникают в Хиву, помимо непосредственного общения хивинцев с русскими, немцами — колонистами, татарами, еще и через татарские и османские книги, журналы и газеты нового направления. Врачует Ахмад Табиб по мусульманскому методу, усовершенствоваться в котором он имел случай в Мешхеде, куда ездил по поручению своего владетелина за лекарственными снадобьями, но тайно, по-видимому, хивинский лейб-медик над своей наукой посмеивается. Такого же, насколько я заметил, отношение редактора “Собрания” и к родной среднеазиатской литературе в ее теперешнем, доживающем свой бесконечно долгий и неизменно однообразный век виде; и в области литературы этот не единственный представитель молодой Хивы несомненно тяготеет, хотя пока только платонически, в сторону новейших произведений, переводных и оригинальных, османских, турецко-казанских. Твердо помню скучно-презрительное выражение лица поэта, когда он характеризовал мне своих по перу: “Для всех их образцом служит Мир-Али-Шир Неваи, но никто из них, конечно, не обладает его талантами!”²⁰. Так, он критиковал однообразие в поэзии своей среды, хотя сам являлся автором пяти объемных сборников поэзии (диван), в которых приведены его же стихи, написанные в традиционном стиле, как и полагалось по меркам восточной поэзии²¹.

Среда Мухаммада Рахим-хана II, который в течение 46 лет находился у власти, была традиционной и в некотором роде консервативной. Вместе с тем при нем процветали искусство, культура и литература. По его приказу

¹⁹ Самойлович А.Н. Краткий отчет о поездке в Ташкент и Бухару и в Хивинское ханство в 1908 году... С. 7.

²⁰ Самойлович А.Н. Собрание 30 царских поэтов... С. 0198.

²¹ Хивинские литографические издания поэзии А. Табиби: *Табиби*. Диван. Хива, 1909; *Табиби*. Диван. Хива, 1910; *Фанихўжаев* Ф. Табибий (хаёти ва ижоди). Тошкент, 1978.

Асфандияр-хан.
С.-Петербург.
Зимний сад
Малого Эрмитажа.
21 февраля 1913 г.

были переписаны более тысячи рукописей и более ста произведений переведены на чагатайский язык. Хивинская дворцовая библиотека насчитывала несколько тысяч книг. При его дворе творчеством занимались десятки интеллектуалов, которые одновременно сочетали в себе поэтов, каллиграфов, переводчиков, историков и т.д. В основе подражания эпохе Нава'и лежали политические мотивы.

Одним из главных факторов традиционности хивинской литературной среды была политическая стратегия Рахим-хана II, основанная на тимуридском маньеризме. Не являясь свободным в своих политических действиях, особенно во внешней политике, Рахим-хан II стал уделять большое внимание внутренней политике через усиление культуры при своем дворе. Для данного процесса в качестве образца была избрана эпоха поздних Тимуридов. Поэзия Хивинского двора в начале XX в. продолжала традиции поэзии 'Али Шир Нава'и — традиции эпохи Средних веков, золотого века чагатайской литературы. Сборник стихов «Собрание 30 царских поэтов, сопутствующих Фирузу» являлся в широком смысле своеобразным протестом Рахим-хана II против своего политического положения.

В 1910 г., после смерти Рахим-хана II, хивинский трон занял его сын Асфандияр-хан, правивший до 1918 г.

Сразу после этого в ханстве были осуществлены ширококомасштабные реформы. Асфандияр-хан, как отмечал В.Г. Ян, свободно говорил по-русски, учился в России и жаловался ему на то, что после Петербурга ему не нравятся местные хивинские жилища, и говорил, что «намерен заняться

просвещением», построить себе «русский дом с печами и окнами». Впоследствии во дворе ханского дворца действительно был построен «русский дом», куда переселился наследник, ставший ханом, но дальше этого деяния любовь к просвещению Асфандияра не пошла²².

Белый царь/падишах

В отличие от Хивинского ханства, которое хотя и было вассалом Российской империи, но сохраняло относительную независимость, в Туркестанском генерал-губернаторстве ситуация складывалась иная. Начиная с конца XIX в., здесь стали проявляться реформистские взгляды и перемены в обществе. Это в первую очередь прослеживается во взглядах и деятельности туркестанских реформаторов-джадидов. Они объединили восточные (мусульманские) и западные достижения и ценности, из которых были намерены создать новый вид культуры. Одновременно сохранились и традиционные течения в обществе, продолжающиеся веками. Реформаторы открыли новометодные школы, где изучались светские предметы вместе с богословскими. Но вне реформаторских обновлений, к которым стремились осознанно, стали меняться и традиционные жанры средневековой мусульманской литературы, например мунаджат. В них стали «находить» новые возможности для общества.

В условиях Туркестанского генерал-губернаторства в мунаджат меняется направление просьб. Народы Туркестана стали свыкаться с империей, а русского царя (его в Средней Азии Российского звали «ак пашша» — белый государь) стали воспринимать как главу своего мусульманского государства — падишаха. И через традиционные литературные жанры мусульмане стремились поддержать правителя, несмотря на то, что он не являлся мусульманином. К примеру, после восстания под предводительством Мухаммад ‘Али халифа, известного под именем Дукчи-ишан (1852–1898), Николаю II местное население (Коканда, Оша, Ошского уезда) представляло так называемые «Адреса» с восхвалениями генерал-губернатора Туркестана и критикой Дукчи-ишана. Эти «Адреса» были опубликованы на узбекском и русском языках²³.

Такое же положение было в 1904–1905 гг., когда Россия вела войну с Японией. В этот период в прессе Туркестана появился ряд узбекских стихо-

²² Ян В.Г. Указ. соч.

²³ Туркистан вилайатининг газити. 1898. № 35; Туркестанские ведомости. 1898. № 64.

творений, где поддерживается Российское государство и восхваляется император²⁴: «Благопожелание Ошского волостного управителя русскому воинству», «Благопожелание государю императору»²⁵. Вслед за ними 29 июля 1904 г. в официальной газете на узбекском языке «Туркистан вилайатининг газити» (Туркестанская туземная газета) опубликован мунаджат народного поэта из Ошской волости Мулла Умар Узак Имам Назар угли Факири, посвященный Русско-японской войне (см. приложение 1). В нем автор просил Всевышнего, чтобы он поддержал русского царя и способствовал его победе над врагом.

Примерно через 25 лет после стихотворения, созданного в 1878 г. в Хиве, просьба к Богу в мунаджате «Мощью своей уничтожь неверного!» менялась на противоположную. Мусульманский поэт из Туркестанского генерал-губернаторства теперь просил: «Хар афатингдин асра ул падишахимизни!» (Спаси от всяких напастей нашего падишаха!) (в Русско-японской войне). Авторами перечисленных стихотворений являлись непрофессиональные поэты из народа, псевдонимы которых не встречаются в известных нам источниках. Это чувствуется и по невысокому художественному уровню стихов. Эти мунаджаты по своему духу очень близки к русскому «Боже, царя храни!». То есть царским властям удалось найти параллельный жанр в среде мусульман, который очень соответствовал официозу.

В стихотворении автор просил Бога поддержать русского царя, сохранить от его же (Божьей) кары, называл царя своим покровителем и падишахом мусульман: в его лице мусульмане видели своего правителя. В мунаджате не приводилось имя русского государя, упоминался только А.Н. Куропаткин, который участвовал в завоевании Средней Азии, а позднее стал генерал-губернатором Туркестана (1916–1917 гг.). В 1898–1904 гг. Куропаткин был военным министром Российской империи, с 13 октября 1904 г. по 3 марта 1905 г. командовал вооруженными силами на театре военных действий. После поражения в войне его объявили главным виновником и отстранили от должности. Мунаджат написан 29 июля 1904 г., то есть тогда, когда Куропаткин был военным министром России. Как на главнокомандующего автор смотрел на него с надеждою. Япония и японцы представлены врагами России, да и жителей Туркестана. Выражена просьба к Богу, чтобы он обеспечил победу

²⁴ Жалолов А., Узганбоев Х. Узбек маърифатпарварлик адабиётининг тараккиётида вақтли матбуотнинг урни («Туркистон вилоятининг газети», «Тараккий», «Самарқанд», «Садои Туркистон» кунномалари асосида). Тошкент, 1993. Б. 28–30.

²⁵ Туркистан вилайатининг газити. 1904. № 24, 25.

государю. Конечно, автор из народа не вник в политическую суть событий войны России с Японией. Но для него существовала одна истина — правитель есть гарант стабильности и спокойствия государства. Нужно было поддержать русского царя — фактического правителя над мусульманами Туркестана. Конечно, стихотворение вполне могло быть плодом заказа властей. Но нельзя упускать из виду и встречное движение самих мусульман, для которых сохранение харизматической личности было превыше всего.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Стихи, посвященные Русско-японской войне,
 Мулла ‘Умар Узак Имам Назар угли Факири,
 жителя местности Ташлау²⁶,
 находящегося в Ошском уезде Ошской волости²⁷

Господь, даруй здравие нашему властелину,
 Нашему заботливому покровителю,
 Нашему сведущему, который привел в порядок весь мир,
 Спаси от всяких напастей своих нашего падишаха!
 (Он) осведомлен о состоянии каждой сироты, каждой вдовы,
 каждого несчастного,
 Справедливость его есть преграда всякому гнету,
 Врагам его ниспошли несчетные беды,
 Спаси от всяких напастей своих нашего падишаха!
 Говорят, на воде дал поражающий (врага) бой
 Господин Куропаткин, крепко повязав пояс свой,
 Войска российские хотят захватить Японию,
 Спаси от всяких напастей своих нашего падишаха!
 Войскам России даруй победу,
 Тяготы и страдания ниспошли японским полчищам,
 Молния беды да настигнет вредителей мира,
 Спаси от всяких напастей своих нашего падишаха!
 Да покажет Россия японцам свой поражающий удар,

²⁶ Ташлакский район в настоящее время относится к Республике Узбекистан.

²⁷ Ош — название города и области Республики Киргизия.

Господи, благослови, да захватит она города (японские),
Да будет она благоденствовать в мире,
Спаси от всяких напастей своих нашего падишаха!
Всегда молятся (за Россию) жители Оша и Андижана,
Народ Маргилана, Коканда и Намангана,
О Господь, прими мольбы подвластного Туркестана,
Спаси от всяких напастей своих нашего падишаха!
Авось Господь мой благосклонную милость России
Дарует, окажет милость, примет мольбы мусульман,
И просьбу Факири исполнит Он,
Спаси от всяких напастей своих нашего падишаха!

Молитвы за Александра III и Николая II

Если мунаджат был глубоко личной (тайной) молитвой, осуществление которой зависело от самой личности их автора, то хутба — мусульманская молитва — официально предназначена для широких масс. Хутбы стали своеобразным политическим и идеологическим инструментом в политике генерал-губернаторов Туркестанского края. Царская администрация создала свои варианты хутб, где легитимным правителем над мусульманами объявлялись российские императоры.

Одним из экспертов в этой ситуации был педагог Н.П. Остроумов, который окончил Казанскую духовную академию по Противомусульманскому отделению (1866–1870). В 1877 г. переехал в Ташкент. Но здесь миссионерством не занимался, ибо царские власти решили не вести в Туркестанском крае миссионерской деятельности. В качестве краеведа Остроумов изучал многие стороны мусульманской жизни. Он опубликовал ряд трудов по исламу и культуре тюркских народов, в частности узбеков. Он не забывал и свою бывшую профессию: в 1885–1886 гг. издал перевод Евангелия на узбекском языке. Тогда же он написал полемическую работу, в которой критиковал Коран — «Коран и прогресс». Работал учителем, затем директором Туркестанской учительской семинарии. Одновременно в 1883–1917 гг. являлся редактором «Туркестанской туземной газеты», вице-председателем Туркестанского кружка любителей археологии в 1895–1917 гг. Он хорошо знал местные языки и обычаи и пользовался большим уважением среди местного населения. Остроумов — фигура сложная и противоречивая. Он не был ученым академического склада, был провинциальным востоковедом. Известный востоковед И.Ю. Крачковский

оценил его как «крупного ученого местного края», а В.В. Бартольд назвал «патриархом туркестановедения»²⁸.

В фонде Остроумова в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан хранится текст хутбы на узбекском языке²⁹, написанной на имя Александра III после образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г.

Одно из дел в фонде называется «Молитва за русского царя в Туркестане»³⁰. Именно в этом деле обнаружен автограф Остроумова — «Очерк о хутба за русского царя». В нем он рассказал историю чтения, перевода на «сартовский» (узбекский) язык и особенности названной хутбы.

Важное политическое значение хутба обрела благодаря одному ее пункту: в молитве за верующих полагалось упомянуть имя здравствующего халифа, позднее правителя государства. Во второй половине IX в. отдельные правители добились упоминания своего имени после имени халифа. С тех пор упоминание в хутбах стало одним из основных внешних признаков независимости правителя. Исходя из этого, каждый правитель, после восшествия на престол, старался через хутбу закрепить законную основу своей власти, таким путем он поддерживал свой авторитет.

В принципе принято произносить хутбу на арабском языке. Но встречался отход от этой традиции среди мусульман вне пределов арабских стран. Русская администрация учитывала то, что, несмотря на сильную религиозность местного населения, люди не понимали религиозные исламские (священные) тексты на арабском языке. И, соответственно, не вникали в их смысл. Царская администрация воспользовалась этим религиозно-духовным жанром, создав свои образцы на местном языке. Это были тексты, посредством которых легче было легитимировать собственное присутствие среди местных мусульман. Кроме того, данный жанр имел прямой политический контекст, ставя вопрос о правящем государе.

Еще одно обстоятельство, которое сразу бросается в глаза. Объект хутбы — русский император. К тому же в туркестанских хутбах нужно было молиться также и за семью императора — за жену и сына. Таким образом, царские власти хотели воспитать чувство уважения ко всему дому Романовых.

²⁸ Историография общественных наук в Узбекистане. Ташкент, 1974. С. 260–261.

²⁹ Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее ЦГАРУз). Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 34. Л. 19.

³⁰ Там же. Д. 88. Л. 1–9.

Остроумов хорошо понимал, что представленный в администрацию текст хутбы не соответствует ни менталитету местных верующих, ни тем более тому «политическому и духовному статусу», каким надеялся русский государь. Поэтому с помощью своих друзей-мусульман из местной интеллигенции он предложил другой вариант текста, более соответствующий восприятию мусульман. Все это было осуществлено с согласия туркестанского генерал-губернатора А.Б. Вревского (1889–1898).

Критикуя уже существовавший текст хутбы, Остроумов предложил свой вариант, который должен был «более соответствовать духу мусульман» (см. приложение 2, хутба № 1).

По поводу практического применения данной хутбы, точнее о том, что она читалась в мечетях и в русско-туземных школах, веских доказательств не имеется. Остроумов сомневался в этом и утверждал, что она читалась только в русско-туземных школах, где учились дети мусульман, из которых готовились переводчики. Но, одновременно, не отрицал факт применения хутбы на татарском языке в мадрасах края. В первой половине 1890-х гг. производилась инспекция мусульманских школ. За время этой инспекции учебной администрации удалось осуществить только одно изменение — ввести в мадрасах чтение «Молитвы за царя» на узбекском языке (вместо татарского)³².

В 1894 г. на российский трон взошел Николай II. Вскоре после этого на страницах газеты «Туркистан вилайатининг газити» 25 ноября 1894 г. появилась новая хутба, уже переделанная на имя нового царя (см. приложение 2, хутба № 2). И после текста приводилась запись о ее назначении: «Для обязательного совершения в мечетях Туркестанского края и в русско-туземных школах в высокаторжественные дни».

С образованием Туркестанского генерал-губернаторства мунаджат стал расширять свое содержание: традиционно описываемые личные проблемы, в разрешении которых автор просил помощи у Бога, стали отходить на второй план. В них стали отражаться бытовые, общественные и даже политические проблемы. В начале XX в. мунаджат становился своеобразным политическим резонансом на те или иные бурные события в царском Туркестане, отражая политику царской администрации в этом крае.

Народы Средней Азии веками жили при монархических режимах. И хутба на имя правителя для их менталитета была естественной формой

³² Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924). М., 1960. С. 74.

легитимации (или освящения) существующей власти. Несмотря на то, что новая власть — власть иноверцев, это обстоятельство не помешало большинству мусульман воспринимать русского царя как «своего» правителя вплоть до падения династии Романовых в результате Февральской революции 1917 г. в Российской империи.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Очерк Н.П. Остроумова

«История “молитвы за царя”, предназначенной для чтения в ташкентских мечетях и в русско-туземных школах»³³

Поводом к настоящему очерку послужили следующие факты:

В среду, 3 марта 1892 г., я прочитал в № 9 «Туркестанских ведомостей» заметку такого содержания: «Господин главный начальник края³⁴ изволили признать необходимым, чтобы в мусульманских мечетях Туркестанского края, в высокаторжественные дни: восшествия на престол Его Императорского Величества, в дни рождений их императорских величеств и государя наследника, а также в день Нового года по мусульманскому летоисчислению, прихожанами возносились молитвы о здравии и долголетии их императорских величеств и государя наследника — цесаревича. Текст этой молитвы, выработанный съездом народных судей³⁵ города Ташкента и утвержденный господином главным начальником Туркестанского края, следующий:

“Боже мой! Помоги, окажи милость Его Величеству государю нашему Александру Александровичу³⁶ с его супругой великой государыней Марией Федоровной³⁷ и наследнику государю — цесаревичу Николаю Александровичу³⁸ и остальным августейшим детям его. Аминь.

Боже мой! Сделай царя всем его подданным милостивым и дай царствовать ему над нами постоянно. Аминь.

³³ Настоящий очерк составлен в 1930 г. на основании записей в моем дневнике и нескольких изданий и статей, написанных в XX столетии. *Прим. Н.П. Остроумова.*

³⁴ Барон Александр Борисович Вревский. *Прим. Н.П. Остроумова.*

³⁵ Имеется в виду казийский суд.

³⁶ Александр III (1845–1894) — российский император (1881–1894).

³⁷ Мария Федоровна — супруга Александра III.

³⁸ Николай Александрович Романов (1868–1918) — российский император (1894–1917).

Боже мой! Сохрани царя и супругу его с августейшей семьей от бед небесных и земных, от зависти и покушений людских. Аминь.

Боже мой! Продли жизнь царя и дай Ему и роду Его вечно царствовать над нами. Аминь.

Боже мой! Да будут для нас дни Их рождений и вступления на престол священными. Аминь.

Боже мой! Сохрани также его знатных министров, сподвижников преданных, верноподанных хранителей государства, и дай ему постоянную победу над врагами. Аминь.

Боже мой! Да действуют выборные его правители его повелением. Аминь.

Боже мой! Да просвещаются под его разумным правлением все: большие и малые, мужчины и женщины. Аминь”».

Меня заинтересовало это распоряжение барона Вревского, а некоторые выражения написанного текста молитвы вызвали недоумения, о которых я сообщил главному инспектору училищ для доклада генерал-губернатору. Соглашаясь принципиально с основной идеей упомянутого распоряжения, я разъяснил Керенскому³⁹, что в Коране вообще не рекомендуются мусульманам доброжелательные и дружелюбные отношения к христианам⁴⁰ и что поэтому необходимо осторожнее относиться к религиозному чувству туземцев, покоренных оружием неверных и уже проявивших свое недовольство продолжением русского господства в Средней Азии, особенно после присоединения Ферганы к России⁴¹. С этой же точки зрения я считал неубедительным принуждать туземцев к молитвенным воззваниям о вечном царствовании над ними русского царя и о постоянной победе его над

³⁹ Ф.М. Керенский (1849–1912) — в 1889–1910 гг. главный инспектор училищ Туркестанского края, известный общественный деятель.

⁴⁰ «Верующие! Не берите в друзья себе ни иудеев, ни назарян» (христиан), глава 5, статья 56. И в другой главе Корана «Верующие не должны брать себе в друзья неверных, миную верующих: а кто будет делать это, тому не будет защиты от Бога» (глава 3, статья 27, тоже в главе 4, статья 143). Эти и другие воззвания против неверных были высказаны Мохаммедом по отношению к его современникам; но позднее мусульмане ссылались на эти изречения, когда возникал вопрос об отношениях верующих к неверным, как это проявлялось в первые века ислама и после во времена столкновений мусульманских государей не только с христианскими, но и вообще с неверными, как указывалось в сборнике материалов В. Тизенгаузена, относящихся к истории Золотой Орды (С.-Петербург, 1884 г., том 1, стр. 98 и следующие), и других известных арабских авторов, приводящихся в том же сборнике. *Прим. Н.П. Остроумова.*

⁴¹ Подразумевается вооруженное восстание ферганских туземцев на русский военный лагерь в Андижане в мае 1898 г. См. в брошюре П. Галузо «Туркестан — колония» (Москва, 1929 г.). *Прим. Н.П. Остроумова.*

врагами, в первом ряду которых стояли мусульманские соседние ханства в Средней Азии. Афганский хан Абдурахман⁴² пользовался поддержкой туркестанской администрации и клялся генералу Кауфману⁴³ как претендент на афганский престол, а когда завладел Афганистаном, то никакого благожелательства к русским не обнаруживал (смотрите его записки в русском переводе полковника Грулева⁴⁴). В Коране запрещается мусульманам не только дружить с неверными и не любить их, хотя бы они (?...) родственниками (глава 58, статья 22⁴⁵), но предписывалось быть жестокими к ним, воевать с ними и избивать их беспощадно, чтобы не было соблазна для мусульман от неверных в единого Бога и потомка его Мохаммеда. В этом отношении заслуживают внимания два следующих изречения: «Господь наш! Не возлагай на нас того, что нам не по силам. Пощади нас, прости и помилуй нас. Ты — наш покровитель, даруй нам победу над народами неверующими» (глава 2, статья 286). В другом изречении говорится: «Мы (последователи ислама) далеки от вас (неверных); между нами и вами великая вражда и ненависть навсегда, до той поры, пока вы не уверуете в Бога, который един» (глава 60, статья 4).

Ввиду приведенных изречений, я удивлен, как могли официальные представители ислама, кадии⁴⁶ ввести в текст молитвы за русского царя прошение о даровании ему постоянной победы над врагами... Оставаясь при своем сомнении в искренности сочиненной (кем?) молитвы за русского царя, я чувствую себя в неловком положении, потому что был обязан, по должности редактора туземной газеты, перевести упомянутую молитву на местное наречие⁴⁷ и напечатанный в газете перевод разослать в медресе и должностным туземцам через канцелярии уездных начальников. Таким образом, я становлюсь в невыгодном положении участника в распростра-

⁴² Абд ал-Рахман — амир Афганистана (1880–1901), долго жил в России.

⁴³ К.П. Кауфман фон (1818–1882) — генерал-губернатор Туркестанского края (1867–1882).

⁴⁴ Здесь речь идет о переводе на русский язык книги 'Абд ал-Рахмана, о его воспоминаниях (см.: Абдурахман-хан эмир Афганистана. Автобиография Абдурахман-хан эмира Афганистана. Издано Султаном Магомед-ханом. Пер. с англ. М. Грулева. Т. 1–2. СПб., 1901). Грулев — полковник Генерального штаба русской армии, автор книги «Соперничество России и Англии в Средней Азии» (СПб., 1909).

⁴⁵ Остроумов приводит общий смысл суры. Некоторые места этой цитаты невозможно прочитать. Часть суры, на которую обратил внимание Остроумов, выглядит так: «Ты не увидишь, чтобы люди, верующие в Бога и последний день, любили тех, которые противятся Богу и посланнику Его, хотя бы это были отцы их, или дети их, или братья их, или какие-либо родственники их» (Коран. Казань, 1907).

⁴⁶ То есть кади — мусульманский судья, осуществляющий правосудие на основе шариата.

⁴⁷ То есть на узбекский язык.

нении неудачного распоряжения главного начальника края относительно молитвы, содержание которой не выражает, по моему убеждению, действительных чувств туземцев. При этом я имел в виду неудачную попытку предшественника барона Вревского, генерал-губернатора Розенбаха⁴⁸ прочитать молитву за царя по казанскому сборнику (Хутбалык⁴⁹) в мечети Ходжи-Ахрара⁵⁰ 29 июня 1888 г.⁵¹

Сообщенные мной Керенскому сведения он доложил барону Вревскому, который согласился на изменение утвержденного им текста молитвы, одобренного кадиями. Керенский поручил мне составить другой текст молитвы, перевести измененный текст и, при одобрении его местными кадиями, представить на распоряжение генерал-губернатора. Составленный мной новый текст молитвы за царя был переведен при участии моего сотрудника по газете, бывшего кадия Саттархана Абдугафарова⁵². Перевод был одобрен ташкентским кадием Мухиддином-ходжой⁵³ 24 апреля 1892 г. (см. подробности в записях моего дневника⁵⁴). После этого молитва за царя и царствующий Дом в новой редакции была напечатана и в отдельных оттисках разослана в туркестанские медресе, должностным туземцам в русско-туземные школы для чтения в соответствующие выходные и праздничные дни. Учащиеся в русско-туземных школах (сыновья ташкентских туземцев) заучили текст этой молитвы, как обыкновенную хрестоматийную статью, как и русский народный гимн⁵⁵, и читали ее хором (речитативом) при посещении школ русскими начальствующими лицами, особенно на выпускных экзаменах, посещаемых генерал-губернатором, областным

⁴⁸ Н.О. Розенбах — генерал-губернатор Туркестанского края (1884–1888).

⁴⁹ «Хутбалык» — книга (руководство) по хутбам, изданная в Казани на татарском языке.

⁵⁰ Ходжа-Ахрар (1404–1490) — приближенный тимуридских правителей, правивших в Самарканде во второй половине XV в., видный представитель ветви суфизма — накшбандия. Мечеть находится в Ташкенте.

⁵¹ Поводом к этому послужила официальная передача генерала Розенбаха представителям туземного населения названной мечети после ее перестройки на деньги, пожертвованные государем Александром III через Бухарского эмира по случаю коронации. Описание этой передачи было напечатано в «Туркестанских ведомостях» (№ 33 от 23 августа 1888 г.) в стиле казенного (правительственного) сообщения, не дающего действительной картины выдающегося события в жизни ташкентских туземцев. *Прим. Н.П. Остроумова.*

⁵² С. Абдугафаров (1843–1901) — туркестанский просветитель, историк.

⁵³ Мухиддин-ходжа (1840–1902) — знаменитый кади из Ташкента, близко знаком с Остроумовым.

⁵⁴ В фонде Остроумова имеются его дневники до 1894 г., но записи после 17 апреля 1892 г. до 1 января 1893 г. отсутствуют.

⁵⁵ Имеется в виду официальный гимн царской России «Боже, царя храни!».

Ташкент. Открытка начала XX в.

губернатором, начальником города, представителями учебных заведений и туземным населением и родителями учащихся. Но читалась ли эта молитва в мечетях в пятницу и в царские дни — я сомневаюсь, хотя представители туземцев на военных парадах в так называемые «царские дни» обыкновенно заявляли генерал-губернаторам, что в эти дни (а именно говорили, что всегда) молитва читалась в мечетях за царя и царствующий Дом (смотрите в записях моего дневника⁵⁶).

Казалось бы, что вопрос об установлении молитвы за царя исчерпан. Но нашим корреспондентом, прикрывшим свою личность буквой Д., была напечатана в № 109 газеты «Русская жизнь» от 23 апреля 1892 г. заметка под заголовком «Молитва за царя в Туркестане» следующего содержания:

«В № 5780 “Нового времени” (1 апреля) сообщается, что туркестанский генерал-губернатор распорядился, чтобы в мечетях края, в высокаторжественные дни, а также в день Нового года, прихожане возносили молитвы о здравии их величеств и наследника цесаревича. Газета прибавляет, что текст молитвы выработан съездом народных судей города Ташкента и утвержден генерал-губернатором.

Сообщение это не совсем верно и требует поправки. Такое распоряжение сделано было еще в 1888 г. и именно при следующих обстоятельствах. Во время коронации (1883 г.) эмир Бухарский⁵⁷ поднес государю императору

⁵⁶ Определить эти записи не удалось.

⁵⁷ ‘Абд ал-Ахад хан (1859–1910) — эмир Бухарский в 1885–1910 гг.

ру подарок в 30 000 рублей бухарскою монетою. Государю было благоугодно приказать употребить эти деньги на нужды Туркестанского края — и во исполнение сей монаршей воли местная власть распорядилась обратить эту сумму на возобновление некоторых особенно почитаемых мечетей. Таким образом была возобновлена единственная по своей величественности мечеть Султан-Азрет⁵⁸ в городе Туркестане, затем починены старинная мечеть в селе Зангиата⁵⁹ (15 верст от Ташкента) и заново перестроена мечеть Ходжа Ахрар⁶⁰ в Ташкенте. После перестройки последняя мечеть получила в народе название «Царской»⁶¹. 29 июля 1888 г. бывший туркестанский генерал-губернатор Розенбах при несколько торжественной обстановке передал эту мечеть муллам и кадиям и того же числа была произнесена в мечети молитва за царя, наследника и весь царствующий Дом.

Насколько мне известно, молитва эта не была никем сочинена, а форма ее оказалась в законе и потребовалось только перевести ее с казанского татарского наречия на сартовский язык. Затем молитва эта произносилась каждый мусульманский праздник (пятница).

Может быть, распоряжение о том, чтобы в мечетях молились за царя, было делом и ранее 1888 г., но об этом мне неизвестно. Д.»

В добавление к напечатанной заметке другой мусульманин написал мне краткое разъяснение в защиту мусульман внутренней России, которые, как помнится автору записки, нашли обязательной молитву каждую пятницу в мечети за его императорское величество. Вот это разъяснение:

اعوذ بالله من الشيطان الرجيم واطيعو الرسول و الوال الامر

«О, будьте вы покорными и верными Богу, Пророку Его, повелителя вашим и правительству»⁶².

В книге шариата сказано, что шариат повелевает любить родину, которая кормит и быть... (без различия нации и веры), который охраняет. Сие последнее указание шариата российские улемы толкуют и объясня-

⁵⁸ Ходжа Ахмад Йасави (?–1166) — знаменитый мистик, основатель тариката йасавийа. Масджид (точнее мавзолей) на месте его захоронения построен в 1389 г.

⁵⁹ Занги-ата (?–1258) — суфийский святой ордена йасавийа. Масджид и мавзолей Занги-ата находятся в 16 км к югу от Ташкента.

⁶⁰ То есть масджид под названием Ходжа Ахрар.

⁶¹ Удивительный факт: получив перестроенный масджид Ходжа Ахрара, верующие и имам масджиды должны были каким-то образом благодарить пожертвовавшего огромную сумму на восстановление масджиды. Возможно, поэтому масджид в честь своего благоустроителя получил название «Царский».

⁶² Автор, разъясняя, пытался привести арабский текст Корана (глава 4, статья 62), но почему-то не вписал последних слов «из вас», то есть из мусульман. Он же не указал, где в шариате говорится об обязательности (для) мусульман молиться за иноверных правителей... Прим. Н.П. Остроумова. Им дается неполный текст суры из Корана (4:62).

ют различно, и мне помнится, молиться за русского царя они нашли обязательным, почему в России, в каждой мечети, еженедельно в пятницу после праздничной молитвы (джума) мулла приглашает всех молящихся в мечети молиться за Его Императорское Величество, тем и оканчивается моление.

Печатную заметку корреспондента Д. и рукописное объяснение другого мусульманина я считаю неудовлетворительным, потому что она не устанавливает точного ответа на главный вопрос: кто и когда впервые подал российским и туркестанским мусульманам мысль об обязательности для них молитвы за русского царя, несмотря на его иноверие. Автор печатной заметки Д. говорит, что «эта молитва не была никем сочинена (!), а форма ее оказалась в законе», но он не указывает в каком законе и не поясняет, согласован ли с узаконением в законе формой молитвы текст, составленный ташкентскими кадиями... Автор присланной мне записки пытался привести в переводе стих Корана (4 глава, 62 статья), но выпустил конечное местоимение «из вас», подлинная форма этого стиха в русском переводе читается так: «Верующие! Повинуйтесь Богу, повинуйтесь посланнику сему и тем из вас, которые имеют власть». Это означает, что мусульманам было заповедано в Коране повиноваться, кроме Бога и Мохаммеда, и властителям-мусульманам, но без местоимения «из вас» смысл приведенного изречения меняется в том смысле, что первым мусульманам было заповедано повиноваться вообще властителям, относящимся к их религии. Поэтому-то российские улемы различно толковали и объясняли предписания шариата о любви к родине и признали обязательным для мусульман молитвы за русского царя. Но это объяснение находится в противоречии с буквальным смыслом изречения Корана, мусульманские публицисты ссылаются на этот текст в доказательство лояльности российских подданных мусульман, как это было в 1898 г., когда генерал-губернатор Духовской⁶³ производил расследование беспримерного нападения ферганцев на андижанский лагерь⁶⁴. Когда я указал в печатной записке на пропуск в напечатанном в газете Гаспринского⁶⁵ упомянутом тексте Корана (4:62) местоимения «из вас», кавказский муфтий⁶⁶ написал генералу Духовскому о своем недовольстве по поводу моей записки,

⁶³ С.М. Духовской — генерал-губернатор Туркестанского края (1898–1901).

⁶⁴ Имеется в виду Андижанское восстание 1898 г.

⁶⁵ И. Гаспринский (1851–1914) — основатель реформаторского движения джадидов в Российской империи. Здесь имеется в виду газета, печатавшаяся под его редакцией, «Тарджеман» (с 1883 г.).

⁶⁶ Имеется в виду Г. Гаибов (1830–1917) — Закавказский муфтий в 1881–1917 гг.

ссылаясь на орденский знак первой степени, пожалованный ему государем за верность службе.

Корреспондент Д., рассказав о том, что молитва за царя, за наследника и за весь царственный Дом была впервые произнесена 29 июля 1888 г. в мечети Ходжи Ахрара, в присутствии генерал-губернатора Розенбаха и других начальствующих лиц города Ташкента, упомянутых в № 33 «Туркестанских ведомостей» за 1888 г.⁶⁷ и затем (будто бы) произносимых каждую пятницу (подразумевается в ташкентских соборных мечетях). «Может быть», прибавляет корреспондент Д., распоряжения о чтении молитвы за царя в ташкентских мечетях делались и ранее 1888 г., но ему (корреспонденту) об этом не известно... Как старожил Ташкента, я могу сообщить по этому поводу следующее: «Когда к первому туркестанскому генерал-губернатору Кауфману обратились ташкентские туземцы с просьбой дать им одну пушку для выстрелов в первый день главного мусульманского праздника (идуль-фитр) с целью возвещения об окончании 30-дневного поста в месяц рамазан, генерал Кауфман ответил, что не может удовлетворить их просьбу, потому что пушки имеют другие назначения, не имеющие ничего общего с религиозным культом туземцев. Туземцы находчиво согласились на свое подданство русскому царю, о благоденствии которого они молятся в мечетях... На это генерал ответил им, что молиться о благоденствии русского государя похвально, потому что его царственные распоряжения направлены на благо его подданных — туркестанских туземцев, пользующихся наступившим в Туркестане внутренним умиротворением, безопасностью и неприкосновенностью религиозного, семейного и общественного быта, что способствует и материальному благосостоянию туземцев. Но, прибавил генерал, если туземцы и не будут молиться за общего нашего государя, то он не принуждает к этому, потому что в России у русского государя есть много миллионов — единоверцев молитвенников... После этого туземцы не возобновляли своей просьбы о разрешении им стрелять из царских пушек в день главного мусульманского праздника и генерал Кауфман не настаивал на их молитвах за царя в мечетях, предоставляя это их личному усердию. Мой приезд в Ташкент в конце августа 1877 г. совпал с наступлением мусульманского поста, кажется, в начале сентября⁶⁸. Я первую неделю бывал у генерала с докладами по учебному ведомству накануне пятницы (в четверг) и ни-

⁶⁷ Я там же был на этом торжестве и заявляю, что написанное в № 33 «Туркестанских ведомостей» описание этого события носит характер казенного сообщения. *Прим. Н.П. Остроумова.*

⁶⁸ В 1877 г. мусульманский пост начался 9 сентября (в первый день месяца рамадан).

Коканд. Прием хлопка. Фотография начала XX в.

когда не слышал от него, что в пятницу ташкентские мусульмане произносят в мечетях общую молитву за русского государя. Также и во время исполнения должности генералами Колпаковским⁶⁹ и Абрамовым⁷⁰ и при генерале Черняеве⁷¹ я не слышал об этом. Но в 1888 г. при генерале Розенбахе в первый раз обратился ко мне начальник города Ташкента, полковник Путинцев⁷², с приказанием генерала рассмотреть известный в Казани сборник “Хутбалык”, в котором напечатаны пятничные славословия (хутбы), произносимые в татарских мечетях по окончании пятничного молитвословия. В этих хутбах прославляется единобожие и испрашивается благословение Божие пророку Мохаммеду и его семейству, а затем и царствующему государю, упоминается, к какому именно государю (падишаху) благословия хутбы относятся, может быть, к турецкому султану или к бывшему золотоордынскому хану, так как это дело было в обычае у хана Узбека⁷³. Повод к рассмотрению “Хутбалыка” был необыкновенный:

⁶⁹ Г.А. Колпаковский (?–1896) — генерал от инфантерии, военный губернатор Семиреченской области, в 1881–1882 гг. замещал заболевшего Кауфмана, первого туркестанского генерал-губернатора.

⁷⁰ А.К. Абрамов (?–1886) — генерал-лейтенант, герой туркестанских походов, дважды георгиевский кавалер. В 1868 г. назначен первым военным губернатором Самарканда.

⁷¹ М.Г. Черняев (1828–1898) — генерал-лейтенант, возглавлял русские войска при взятии Ташкента (1865 г.), военный губернатор Туркестанского края (1865–1866), генерал-губернатор Туркестанского края (1882–1884).

⁷² С.Р. Путинцев — полковник артиллерии, градоначальник Ташкента (1883–1892).

⁷³ Узбек-хан — правитель Золотой Орды (1312–1342). Ввел ислам в качестве государственной религии.

генерал Розенбах задумал отметить приближающийся день именин своей супруги Ольги Ивановны (11 июля 1888 г.) двумя торжествами — сразу новым освещением отстроенного военного собора и особым торжеством в туземном городе по случаю передачи туземному населению восстановленной на царские средства соборной (пятничной) мечети Ходжи Ахрара. Соединение этих двух торжеств было задумано широко и идейно — объединить торжество двух религиозных культов, как доказательство веротерпимости русского управления в Туркестане. Для освящения русского собора в Ташкенте из Верного⁷⁴ прибыл епископ Неофит⁷⁵, а для передачи туземцам восстановленной мечети было задумано особое торжество с прочтением молитвы за царя и со выставлением в мечети царского портрета. Книжка “Хутбалык” обновлена малиновым бархатом, а в текст хутбы вписаны имена государя и наследника. Но задуманный генерал-губернатором план соединения двух религиозных торжеств в день именин его супруги не состоялся: 11 июля было совершено епископом Неофитом освящение военного собора, а освящение восстановленной мечети в туземном городе было отложено по неизвестному мне соображению, может быть из неисправности, в избежание злоязычной болтовни ташкентских шутников. Так называемое освящение Ходжи-Ахрарской мечети, по неизвестным мне мотивам, было отложено и состоялось 29 июля при обстановке, не особенно торжественной, а в официальном описании этого торжества (№ 33 “Туркестанские ведомости”) было сглажено по казанскому шаблону. И после того генерал Розенбах никогда не вспоминал об неудавшейся попытке соединить два совершенно различных события — одно православно-церковное, а другое только административное и ничего общего с мусульманским культом не имевшее⁷⁶. Не справлялся генерал Розенбах и о том, читается ли в пятницы в ташкентских мечетях хутба за русского государя и за царствующий Дом России.

⁷⁴ Верный — название города Алматы до 1921 г.

⁷⁵ Неофит (Неводчиков) — церковный деятель, в 1883–1892 гг. был третьим по счету епископом Туркестанским и Ташкентским.

⁷⁶ Достаточно иметь при этом в виду, что имам Ходжи-Ахрарской мечети, представленный ему в непривычной роли — читать хутбу за иноверного государя, а заместитель имама, когда читал казанскую хутбу, так потел и так коверкал, читая собственные имена государя и наследника, что даже генерал Розенбах улыбался. До того была непривычна и комична эта сцена, что говорить о других распоряжениях местным русским правительством относительно молитвы за царя, предполагаемых корреспондентом Д., излишне. А последовавшие в 1892 г. холерный бунт в Ташкенте и нападение ферганских туземцев на русский лагерь в 1898 г. доказывают, что туркестанские туземцы нисколько не солидарны с молитвой за царя и за царское правительство, что согласно с учением Корана (глава 4, статья...). *Прим. Н.П. Остроумова.*

Так продолжалось до 1892 г., когда барону Вревскому кто-то напомнил о молитве за русского царя, новый текст которой был неудачно выработан съездом казиев⁷⁷ в Ташкенте и одобрен бароном уже в новой редакции, как сказано выше. В этой последней редакции молитва за русского царя и за российский царствующий Дом читалась не в мусульманских мадрасах и мечетях, а в русско-туземных школах и на умонастроение туземных мусульман влияния не оказывала. Учащиеся в мадрасах муллы не считали себя обязанными запомнить даже только имена царствующей в России фамилии, а «Последнее слово» багдадского шейха Европе⁷⁸ показало, что христианским народам нет оснований надеяться на установление прочных дружественных отношений к мусульманам. Пробужденное революцией 1917 г. национальное самосознание мусульман России и Туркестана не удовлетворилось формой союзных республик и побуждало передовых инородцев-мусульман к тайной организации пантюркистских и панисламистских государств, как это известно из сообщений о политическом процессе Касымова⁷⁹ в Средней Азии и Султан-Галиева⁸⁰ во внутренней

⁷⁷ В соответствии с официальным «Положением об управлении Туркестанского края» (раздел 2, глава III, § 230, 237, 241, 243, 244–251), важные судебные постановления, касающиеся мусульман, должны были выносить не единоличные народные судьи (кади), а съезды судей или чрезвычайные съезды судей. Так, туркестанский генерал-губернатор 16 декабря 1891 г. дал указание «сделать распоряжение о том, чтобы препровождаемый при сем в копии текст молитвословия о здравии и долголетию государя императора, государыни императрицы, наследника цесаревича и всего царствующего дома, выработанный съездом казиев г.Ташкента и одобренный господином главным начальником края, был принят к обязательному совершению при богослужениях в мусульманских мечетях вверенного Вам города» (ЦГАРУз. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3275. Л. 7).

⁷⁸ Здесь речь идет о работе Абд ал-Хакка «Последнее слово ислама Европе», опубликованной в конце XIX в. и обильно цитировавшейся в книге Остроумова «Коран и прогресс» (1901).

⁷⁹ Имеется в виду устроенная советской властью в 1929–1930 гг. кампания, целью которой было обвинить и утратить местную интеллигенцию Узбекистана. Во главе «касымовщины» якобы стоял С. Касымов — председатель Верховного суда Узбекской ССР. В 1929 г. он был арестован и обвинен в попытке организации националистической партии. Вместе с ним были обвинены и другие высокопоставленные чиновники Узбекской ССР. Впоследствии по этим ложным обвинениям они были расстреляны в качестве врагов народа.

⁸⁰ М. Султан-Галиев (1892–1940) — в 1918–1920 гг. председатель Центральной мусульманской военной коллегии при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР, в 1919–1921 гг. председатель Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), основатель и руководитель Российской мусульманской коммунистической партии. Арестован в 1923 г., исключен из ВКП(б). В 1928 г. арестовывается повторно и приговаривается к расстрелу, который впоследствии заменяется десятью годами лагерей. В 1934 г. освобожден, в 1937 г. снова арестован. Расстрелян в 1940 г. Реабилитирован посмертно.

России (в Башкирии). На основании изложенных фактов естественно я пришел к заключению, что сама основная идея молитвы за иноверных царей и власти не сродни мусульманам и была заповедана апостолом Павлом в следующих выражениях: «И так, прежде всего прошу совершить молитвы, прощения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли истины» (Первое послание, глава 2, статья 1–4). Иисус: «Великая душа да будет показана высшим властям: ибо сия власть не от Бога; существующая же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение» (Послание к римлянам, глава 13, статья 1–2). Это предписание Христа апостолам относительно повиновения властям и молитв за них распространено по всему миру и находит подтверждение у немусульманских народов, когда эти народы вступили в общение с христианами. Для туземцев Средней Азии должен представлять интерес такой факт, что христианский обычай молиться за власти был известен Чингисхану⁸¹ и его потомкам. Академик В. В. Бартольд в своей статье «История тюрко-монгольских народов» (Ташкент, 1928 г. страница 16)⁸² говорит, что христианство, может быть, при участии уйгуров получило в XIII в. широкое распространение в Монголии. Согласно с этим предположением академика Бартольда, мы находим в сборнике законов Чингисхана «Яса»⁸³ или «Ясак» определенное указание на обычай молитвы христианским духовенством за царя.

В указе Чингисхана, данном на имя главы тибетского религиозного учения в 1223 г., говорится: «Светлейшее повеление царя Чингиза, повеление начальникам всех мест. Какие есть у Цю-шен-сяня скиты и дома подвижничества, в них ежедневно читающие священные книги и молящиеся небу пусть молятся о долгоденствии царя на многие лета»...

В 1270 г. хан Менгу-Тимур⁸⁴ писал в указе относительно духовенства на Руси: «Все... принадлежит Богу и сами они Божьи. Да помолятся они о нас».

⁸¹ Чингисхан (1155–1227) — основатель и великий хан Монгольской империи (с 1206).

⁸² Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 205.

⁸³ Свод законов-установлений, объявленный, когда Чингисхан был избран правителем (1206). Тексты данных законов дошли в отрывках.

⁸⁴ Менгу-Тимур (? — ок. 1282) — хан Золотой Орды (1266–1280).

Хан Берке⁸⁵, брат Батые⁸⁶, отпустил на храм ростовского митрополита Кирилла⁸⁷ годовой оброк со всей Ростовской земли за то, что по всему Ростову пели молитвы о здравии ханского сына, который действительно выздоровел.

По молитвам митрополита Московского Алексия⁸⁸, Ханьена ... (Тайдула, жена хана Джанибека⁸⁹, сына Узбек-хана) была исцелена от смерти и за это брала многих русских под свою защиту⁹⁰.

В «Сборнике материалов, относящихся к истории Золотой Орды», изданном В. Тизенгаузеном в 1884 г. в Петербурге, встречаются упоминания о молитве за царствующими мусульманскими халифами, султанами, ханами. Так, в хронике секретаря египетского султана Бейбарса⁹¹, казия Ибн Абдузахира⁹² (умер в 1293 г. христианской эры) рассказывается, что султан Бейбарс полюбил Берке, монгольского хана Золотой Орды, и молился о победе его над неприятелями (стр. 57) и что в пятницу 7 июня 1263 г. (по христианскому летоисчислению) аббасидский халиф Альхаким би-амриллах⁹³ прочитал молитву за султана Египта и за ордынского хана Берке (стр. 58). Египетский султан написал, чтобы за хана Берке молились в Мекке, Медине и Иерусалиме, когда после хана Берке будет в этих священных городах и чтобы в эктении⁹⁴ (хутбе?) поминали Берке после султана (стр. 61–62). В хронике Эль-Муфадала⁹⁵ упоминается, что во всех владениях хана Узбека (потомка Берке) с амвонов молились молитвой за египетского султана Эль-малика Эн насыра⁹⁶ после молитвы за татарского царя Узбека (стр. 198). В хронике Ибн-Батуты⁹⁷ (умер

⁸⁵ Берке (1209–1266) — хан Золотой Орды (1257–1266), младший брат Батые.

⁸⁶ Бату (в русской традиции Батый) (ок. 1209—1255/1256) — хан Золотой Орды (1243–1255), внук Чингисхана.

⁸⁷ Кирилл — митрополит в 1249–1281 гг.

⁸⁸ Алексий (?–1378) — митрополит с 1354 г.

⁸⁹ Джанибек (?–1357) — хан Золотой Орды (с 1342 г.).

⁹⁰ Книга доктора Эленжен Хара-даван «Чингис-хан как полководец и его наследие», Белград, 1929 г., стр. 213–214. *Прим. Н.П. Остроумова.*

⁹¹ Ал-Малик ал-Захир Рукн ал-Дин Байбарс ал-Бундукдари (1260–1277) — правитель государства мамлюков.

⁹² Мухи-ал-Дин Абу-л-фаол Абдаллах ибн 'Абд ал-Захир — автор хроники «Сийрат ал-малик ал-Захир» («Жизнеописание ал-Малик ал-Захира»).

⁹³ Ал-Хаким би-амриллах — аббасидский халиф (XIII в.).

⁹⁴ Ектеня — часть православного богослужения (от греч. «усердие»).

⁹⁵ Ал-Муфадал ибн Аби-л-фада'ил — арабский писатель, автор хроники.

⁹⁶ Салах ал-Дин ал-Малик ал-Насир (1138–1193) — основатель династии айюбидов (1171–1250). Правитель Египта с 1171 г.

⁹⁷ Ибн Баттута (1304–1377) — знаменитый арабский путешественник.

в 1347 г. христианской эры) рассказано, что когда (Ибн-Батута) был в гостях у азовского эмира⁹⁸, то после угощения чтец произнес по-арабски красноречивую проповедь об молящихся за Узбека-хана⁹⁹, за азовского эмира и за присутствующих (стр. 285). Но в опубликованных хрониках арабских путешественников по владениям золотоордынских ханов не упоминается о молитве мусульман за московских князей. И тем более нельзя предположить, чтобы казанские, астраханские и крымские татары после покорения их русскими иноверцами молятся за своих покорителей потому, что они были неверными, а за неверных в Коране молитв не произносилось.

Хутба № 1

Молитва за его величество государя императора¹⁰⁰

Спаси, Господи, и помилуй великого государя императора нашего Александра Александровича, дражайшую супругу его императрицу Марию Федоровну и государя великого, императорского наследника престола — цесаревича Николая Александровича и весь его августейший Дом многие года под сенью своей. Даруй этим миродержцам здравие и спасение, ниспошли благоденствие и во всех делах их благое поспешение.

Ниспошли, Господи, благословение на царствование государя императора нашего, помоги ему побеждать врагов Русского государства и устрашать злодеев, оказывать милости добрым, благодетельствовать бедным и бедствующим, быть отцом, радующимся о благоденствии всех своих поданных.

Даруй, Боже, и всем нам в царствование государя императора нашего здравие и мир, благорастворение воздуха и обилие вод, благостный дождь и плодородие земли и благословение этой и иной жизни.

Аминь, о Боже, Владыка мира!

Эта молитва согласно приказу его превосходительства господина генерал-губернатора Туркестана барона Вревского должна быть прочитана во всех мусульманских масджидях Туркестанского края в указанные высокочестивые дни.

⁹⁸ Мухаммад Хваджа ал-Харазми — правитель азовской части Золотой Орды.

⁹⁹ Это происходило в 1333 г.

¹⁰⁰ Заголовок документа.

Хутба № 2
 Молитва за государя¹⁰¹

Спаси, Господи, и помилуй государя императора нашего Николая Александровича, государыню императрицу Александру Федоровну, мать Его Величества императрицу Марию Федоровну, наследника цесаревича великого князя Георгия Александровича и весь августейший Дом на многие лета. Даруй им здравие и спасение, благоденствие и во всех делах их благое поспешение.

Текст с молитвой, опубликованный 8 мая 1892 г.
 в «Туркестанской туземной газете»

Ниспошли, Господи, благословение на царствование государя императора нашего, помоги ему побеждать врагов Русского государства и устранивать злодеев, оказывать милости добрым, благодетельствовать бедным и бедствующим, быть отцом, радующимся о благоденствии всех своих подданных.

Даруй, Боже, и всем нам в царствование государя императора нашего здравие и мир, благорастворение воздуха, плодородие земли и все необходимое в этой временной и будущей жизни.

Аминь.

¹⁰¹ Заголовок документа.

Эта молитва печатается в газете по приказанию Его Высокопревосходительства, господина туркестанского генерал-губернатора, для обязательного совершения в мечетях Туркестанского края и в русско-гуземных школах в высокаторжественные дни.

Высокаторжественные дни следующие: 23 апреля, 6 и 25 мая, 22 июля, 21 октября, 14 и 26 ноября, 6 декабря.

Ключевые слова:

Российская империя, Александр III, Николай II, Рахим-хан II, Алишер Нава'и, Хивинское ханство, Туркестанское генерал-губернаторство, А.Н. Самойлович, Н.П. Остроумов

Aftandil Erkinov

PRAYERS FOR AND AGAINST THE TSAR

Prayers and sermons, formal as well as informal, can serve as important source for public opinion, spontaneous as well as elicited, in pre-modern societies. This paper offers some examples, taken from Turkestan following the Russian conquest in second part of the 19th c.

Two prayers, one written probably immediately after the conquest, the other during the Russo-Japanese war, are published here in the Russian original. Sermons and Friday sermons in particular, mention the name of the ruler, and of course it was a problem how non-Muslim rulers should be treated in this respect. Two versions of an officially drafted Friday sermon in favor of the Tsar are published here in the Russian original, along with an essay by the journalist and politician N. Ostroumov (written in 1930) found in the Tashkent archive in which he discusses the history and significance of the these sermons.

 Эркинов Афтандил

доктор филологических наук, Ташкентский государственный
институт востоковедения

А.Н. Закатов

СТАНОВЛЕНИЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ В ИЗГНАНИИ

(Продолжение. Начало см. в т. 3)

Получив рескрипт Кирилла Владимировича от 22 декабря 1921 г., Н.Е. Марков ознакомил с его содержанием членов Высшего монархического совета (ВМС). Для монархистов это было законным и логичным завершением неопределенной ситуации, порожденной революционным хаосом. Монархическое движение получало легитимного возглавителя, в лице которого возникал центр единения для всех, оставшихся верными присяге и Основным законам Российской империи. Общественный орган — Высший монархический совет, конечно же, обязан был согласовывать свою деятельность с указаниями великого князя или самораспуститься. Но ни то ни другое не устраивало членов ВМС.

5/18 января 1922 г. Н.Е. Марков направил Кириллу Владимировичу ответ¹, надеясь убедить его отказаться от решения принять на себя блюстительство престола. Аргументация, содержащаяся в этом письме, раскрывает подлинные мотивы ВМС. Как и во многих письмах и заявлениях этой

¹ АРИД, Ф. 8. Оп. 1. Д. 6. Письмо председателя ВМС Н.Е. Маркова великому князю Кириллу Владимировичу. Берлин, 5/18 января 1922 г. Подлинник.

Великий
князь Кирилл
Владимирович

организации, из первоначальных правильных тезисов здесь следуют совершенно неожиданные и противоречивые выводы.

Следует отметить, что Н.Е. Марков начал с признания от имени ВМС юридических прав Кирилла Владимировича²: «Не присваивая себе права решающего истолкования Основных законов Империи и порядка престолонаследия³, Высший монархический совет **отнюдь не ставит законные права Вашего Императорского Высочества под какое-либо сомнение** (выделено мной. — А. З.)».

«Но не в принципиальном праве, — пишет далее председатель ВМС, — а в реальном осуществлении сего права усматриваем мы чрезвычайную трудность положения».

Чрезвычайная трудность положения династии, ее главы и вообще монархистов после победившей революции очевидна для всех — и для друзей, и для врагов и равнодушных. Но в чем же конкретно, по мнению ВМС, эта трудность заключается, и каким образом он намерен ее преодолеть?

В письме Н.Е. Маркова указывается на появление и развитие псевдомонархического течения и содержится заверение, что ВМС с этим

² Это является одним из подтверждений факта, что не сомнения в правах Кирилла Владимировича породили оппозицию ему со стороны ВМС, а, наоборот, нежелание подчиняться законному главе династии заставило членов ВМС и их единомышленников изобретать псевдоюридическую и политическую аргументацию, призванную подорвать авторитет великого князя и распространять в среде монархистов недоверие к его статусу.

³ Это право, как понимал и Н.Е. Марков, принадлежит исключительно главе Российского императорского дома.

течением борется: «Прошло всего только семь месяцев с тех пор, как в Рейхенгалле было произнесено — впервые после революции слово монархия. На Карловацком церковном соборе было произнесено второе слово — Династия Романовых. Против Династии Романовых на Соборе и, в особенности, после Собора было поднято сильное и грозное движение, движение по сей день развивающееся. Это движение имеет корни в самой России и находит сильную поддержку в тех людях, которые стремятся к монархии новой, отнюдь не легитимной, к монархии, волею народа установленной. Высший монархический совет все силы напрягает на борьбу с этим опасным течением и на внедрение в умы правильных легитимных понятий».

Казалось бы, анализ ситуации верен и установки ВМС вполне легитимны. Но дальше в письме Н.Е. Маркова начинаются рассуждения, сомнительные не только с точки зрения монархического менталитета, но и с позиций простой политической целесообразности: «Пока эта работа не закончена, пока в умах большинства не укрепится идея необходимости для России именно легитимной, а не какой-либо иной монархии, до тех пор мы считаем в высшей степени опасным давать поводы к столкновению еще неокрепшего легитимного сознания с распространенными предубеждениями или пристрастным отношением к лицам царствующей Династии.

Ваше Императорское Высочество! В тяжелое, полное смуты и дерзаний революционное время недостаточно **иметь за себя Закон и Право** (выделено мной. — А. З.), жизненно необходимо также учитывать настроения действующих сил, считаться с реальной обстановкой данной исторической минуты. Пока эти настроения не переменятся, пока эта обстановка не будет надлежаще подготовлена, предложенное Вашим Императорским Высочеством осуществление своего права не получит необходимой реальной поддержки. На основании вышеизложенных соображений Высший монархический совет вменяет себе в прямой долг предостеречь Ваше Императорское Высочество от преждевременного выступления, обреченного в данных условиях на полный неуспех, а делу легитимной монархии грозящего расколом и тяжкими ударами».

Если сформулировать положения письма Н.Е. Маркова в сжатой форме, то Кириллу Владимировичу предлагалось ждать, когда ВМС подготовит почву для торжества легитимного принципа. Но кто мог гарантировать, что в условиях пассивности императорского дома идеи легитимизма овладеют умами соотечественников? Как мог старший в порядке наследия член династии согласиться на фактическую бездеятельность, предоставив судьбу

Н.Е. Марков

монархии посторонним людям? Если в годы Гражданской войны молчание Романовых было закономерным следствием нежелания участвовать в братоубийственной бойне, то после установления богоборческого тоталитарного республиканского режима императорский дом не мог устраниваться от деятельной защиты идеала легитимной монархии, если имел хотя бы малейшую надежду на возможность ее восстановления. И если бы он пошел по пути, рекомендованному ВМС, то даже на монархическом поле полностью развязал бы руки сторонникам узурпаторской «новой монархии» бонапартистского типа. А если предположить такую маловероятную вещь, что ВМС или кому-то другому все-таки удалось бы убедить значительную часть народа в истинности именно легитимно-монархического мировоззрения, то сразу же встал бы вполне справедливый вопрос: «А где же до сих пор были носители легитимной власти и почему они ничего не делали, чтобы донести до соотечественников свои принципы и объединить их? Ждали, пока другие сделают за них всю работу, а теперь пришли на готовое и желают властвовать?»

Кирилл Владимирович не считал себя вправе уклониться от исполнения долга, возлагаемого на него законами и продиктованного сложившейся ситуацией. Он понимал сложность положения и предполагал усиление противодействия всех враждебных легитимизму сил. В Высшем монархическом совете великий князь еще видел потенциальную опору династии. Он не собирался становиться его марионеткой, но был готов к поиску и выработке взаимоприемлемых форм сотрудничества. Однако его склонность

к компромиссам, проявленная на первых порах, скорее, привела к теоретическим и практическим ошибкам в собственной деятельности, которые потом пришлось исправлять.

Даже некоторые недоброжелатели императорской семьи признают, что если бы Кирилл Владимирович в самом начале 1920-х гг. вел себя решительнее, то еще I Всезарубежный церковный собор, скорее всего, признал бы его императором⁴, и обратного пути ни у кого бы уже не было. Но менталитет великого князя, мягкость его характера, сомнения в точности сведений о гибели Николая II, его сына и брата, уважение к старшим по возрасту выжившим родственникам не позволили ему выступить в тот момент. В дальнейшем он никогда об этом не жалел, потому что в противном случае пошел бы против своей совести. Однако из-за промедления Кирилл Владимирович упустил время и дал возможность развиться антилегитимистской пропаганде. Кроме того, в своих собственных заявлениях и практических шагах он сделал несколько серьезных уступок идеологии «непредрешенчества», что дезориентировало многих сторонников легитимизма и дало козыри в руки его противников.

Когда Кирилл Владимирович, полностью разочаровавшись в «отцах» Рейхенгалльского съезда и убедившись в двуличности ВМС, начнет действовать без оглядки на запутанную идеологию и личные комплексы «вождей» и «вождиков», следуя только собственному пониманию своих прав и обязанностей, легитимистское движение прочно встанет на ноги. Ему не удастся объединить всю эмиграцию — сейчас, с высоты прошедших лет, мы понимаем, что этого в полной мере не удалось бы сделать никому. Но, по крайней мере, внутри себя «Государево освободительное движение» (как оно в то время именовалось) обретет идеологическую стройность, логичность, необходимый уровень пассионарности, подлинную внепартийность, способность к разумной эволюции при сохранении базовых ценностей и обращенность в будущее.

Противники не раз упрекали Кирилла Владимировича в том, что он действовал «несвоевременно», «не посоветовавшись с другими», «не учитывая обстоятельств» и т.п. Но эти обвинения были неизбежны в любом

⁴ «Случись такое на Карловацком Соброре 1921 года, — пишет не отличающийся симпатиями к династии и монархистам г-н А.А. Кострюков, имея в виду манифест Кирилла Владимировича 31августа/13 сентября 1924 года о принятии им императорского титула, — Кирилл Владимирович был бы, наверное, провозглашен императором» (*Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона*. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. С. 206).

Генерал-лейтенант
К.В. Сахаров

случае, так как в эмиграции существовали самые разнообразные, зачастую взаимоисключающие мнения.

Для объединения (не достижения полного единомыслия, что являлось заведомой утопией, а именно объединения разных политических и общественных течений) необходимо было признать как аксиому, что старший в династическом отношении член императорского дома по праву рождения является бесспорным главой и символом борьбы за традиционные российские ценности. Не Кирилл Владимирович должен был приспособляться к установкам ВМС и любых других монархических организаций, а, наоборот, они должны были ориентироваться на его позицию. В противном случае они могли именоваться как угодно, но только не монархическими.

Но в ВМС придерживались иного мнения. К тому же там все больше набирали силу откровенные антилегитимисты вроде Н.Д. Тальберга и А.Н. Крупенского, взявшие курс на «непредрешенчество».

8 февраля 1922 г. Кирилл Владимирович поручил генерал-лейтенанту К.В. Сахарову передать Н.Е. Маркову, что на данном этапе он предлагает ВМС «незримое, но фактическое возглавление и руководство»⁵. Вероятно, этой формулировкой великий князь хотел установить баланс между правильной иерархией в руководстве «единым монархическим фронтом» и сохранением до поры до времени внешней самостоятельности ВМС. Кирилл

⁵ АРИД, Ф. 8. Оп. 1. Д. 6. Письмо великого князя Кирилла Владимировича генерал-лейтенанту К.В. Сахарову. Канны, 8 февраля 1922 г. Заверенная копия.

Владимирович считал, что ВМС не должен проводить «никаких важных коренных мероприятий» без его «согласия и ведома».

Планируемая Кириллом Владимировичем модель взаимоотношений могла бы некоторое время просуществовать только в том случае, если бы ВМС состоял из убежденных легитимистов. Эта конструкция предполагала величайшую деликатность и ответственность обеих сторон на основе полного взаимного доверия. В реально же существовавших условиях подобное предложение со стороны великого князя было чрезвычайной наивностью. Любой предложенный компромисс члены ВМС рассматривали как проявление слабости. И они немедленно перешли в наступление.

24 февраля 1922 г. в беседе с генералом К.В. Сахаровым в присутствии Н.Д. Тальберга, идеолога ВМС, Н.Е. Марков категорически отверг идею «незримого возглавления»⁶. В сущности, в этой части он был во многом прав. Действительно, «незримое возглавление реально неосуществимо, ибо для того, чтобы даваемые великим князем Высшему монархическому совету указания действительно были исполнены монархистами, необходимо будет ссылаться на волю Возглавителя, а такие ссылки сразу превратят незримое в общеизвестное».

Возглавление, по мнению Н.Е. Маркова, также не могло носить закрытый характер, поскольку ВМС предполагал для борьбы с большевиками «совершать займы у иностранцев, заключать необходимые формальные договоры, готовить войска», что невозможно осуществлять без конкретного лидера.

Из этих аргументов, казалось бы, проистекал закономерный вывод, что Кирилл Владимирович должен был открыто возглавить монархическое движение, не прибегая ни к каким политическим ухищрениям. Ведь если «незримое руководство» создавало неудобства, то отсутствие всякого руководства тем более вело к тяжким последствиям. Но дело-то в том и заключалось, что ВМС не желал иметь никакого руководства, видя в роли единственного руководителя самого себя.

Вопреки своему же собственному изначальному утверждению, что Высший монархический совет отнюдь не ставит законные права Кирилла Владимировича «под какое-либо сомнение» и что великий князь «имеет за себя Закон и Право», Н.Е. Марков заговорил о том, что убеждения «в бесспорном законном праве Великого Князя на Всероссийский Престол»

⁶ АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6. «Запись сущности ответов, полученных от председателя Высшего Монархического Совета Н.Е. Маркова в разговоре с генерал-лейтенантом [К.В.] Сахаровым 24-го Февраля 1922-го [года] в присутствии управляющего делами Совета Н.Д. Тальберга». Берлин, 12/25 февраля 1922 г. Копия.

«нет не только в массе, не только среди большинства монархических организаций, но не достигнуто в сем отношении даже в среде самого Высшего Монархического Совета». Поэтому якобы «преждевременное возглавление привело бы лишь к публичным протестам и к обвинению Высш[его] Монархического Совета в самоуправстве, расколу и распаду объединения и, несомненно, лишило бы Высший Монархический Совет доверия и влияния на массу монархистов».

Вопрос о возглавлении великим князем Кириллом Владимировичем монархического движения предлагалось отсрочить до второго обще-

Великий князь
Николай Николаевич

нархического съезда, а пока «подготавливать общественное мнение в смысле укрепления начал легитимизма и подчинения закону и надлежащего разъяснения оно».

На практике оказалось, что позиция ВМС была не только противоречивой, но лицемерной и провокационной. Г.К. Граф, будущий начальник Канцелярии Кирилла Владимировича, а в 1922 г. лишь рядовой участник монархического объединения в Баварии, свидетельствует: «В дальнейшем стало выясняться, что ВМС подготавливает выступление великого князя Николая Николаевича и поэтому нарочно задерживает выступление Кирилла Владимировича, так как сам Николай Николаевич еще не решается выступить»⁷.

⁷ Граф Г.К. На службе императорскому дому России. 1917–1941. Воспоминания. СПб.: Изд-во БЛИЦ, 2004. С. 51.

Великий князь Кирил Владимирович с супругой великой княгиней Викторией Феодоровной

Н.Е. Марков и его единомышленники отдавали предпочтение Николаю Николаевичу, потому что при его «возглавлении» весь монархический спектр эмиграции (составлявший ее большинство) оставался бы в ведении ВМС. Любой орган, стоящий между легитимным государем, каковым являлся Кирил Владимирович, и монархистами, носит подчиненный характер, осуществляет свои полномочия только с санкции главы императорского дома и может в любой момент быть им упразднен. А вот в отсутствие легитимного государя, при «вожде», не обладающем легитимными правами на престол, как Николай Николаевич, в рамках «непредрешенческой» коалиции монархисты превращаются в одну из политических партий, которая остается под властью органа, созданного Рейхенгалльским съездом, то есть Высшего монархического совета. Именно поэтому Н.Е. Марков с такой горячностью убеждал Кирилла Владимировича не заявлять о своих законных правах и оставлять вопрос о возглавлении династии открытым.

Кирил Владимирович не знал обо всех мотивах и намерениях ВМС, но понял, что дальнейший диалог с этой организацией теряет смысл. 13/26 февраля 1922 г. он телеграфировал Н.Е. Маркову: «Grace à Votre reponse me voyant dans l'impossibilité de m'entendre avec le haut conseil regrette de devoir desormais me passer de Votre concours dans le grand travail qui je fait»⁸.

Рядом с Кириллом Владимировичем и его супругой Викторией Феодоровной в то время сформировался «ближний круг» советников и по-

⁸ «Благодаря Вашему ответу, видя невозможность взаимопонимания с высшим советом, сожалею, что должен отныне обходиться без Вашего содействия в большой работе, которую я делаю». АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д. 6. Телеграмма великого князя Кирилла Владимировича председателю ВМС Н.Е. Маркову. Копия.

Великий князь Кирилл Владимирович с супругой великой княгиней Викторией Феодоровной в эмиграции

мощников. В него входили генерал-лейтенант В.В. Бискупский, камергер В.П. Мятлев, генерал-лейтенант К.В. Сахаров, бывший товарищ председателя Государственной думы граф В.А. Бобринский. Существенную роль среди этого окружения в то время играл постоянно проживавший в Будапеште князь Д.П. Голицын-Муравлин, имевший авторитет в среде эмиграции и связи с венгерскими властями. Он был писателем и считался наиболее способным к подготовке проектов публичных документов и деклараций. Впрочем, избранный им стиль придавал первым обращениям великого князя Кирилла Владимировича то чересчур высокопарный, то нарочито простонародный характер, изобиловал сложными словесными конструкциями и цветистыми оборотами при дефиците содержательной части. Через некоторое время от услуг князя Д.П. Голицына-Муравлина пришлось отказаться, так как Кирилл Владимирович не любил излишней вычурности, неестественности и пустословия в составляемых по его указаниям проектах.

Спустя семь месяцев после первого объявления о намерении возглавить монархическое движение, 26 июля/8 августа 1922 г. великий князь Кирилл Владимирович наконец подписал подготовленный в соответствии с его указаниями князем Д.П. Голицыным-Муравлиным манифест о принятии на себя блюстительства государева престола.

В первой части манифеста констатировался факт разрушения исторической России в результате революции. При этом великий князь Кирилл Владимирович не оставлял надежду на ее возрождение: «Русский Народ! С того губительного дня, когда Пресветлый Государь Император Николай Александрович, обманутый предателями, покинул Всероссийский Престол, наша дорогая Родина извела непосильные страдания, познала позор

порабощения чуждою ненавистною силою, увидела алтари свои оскверненными и, окровавленная, обнищала. С вершины могущества и славы Россия низринулась в темноту. Но сила духа народного непобедима, основа русской мощи жива. Во всех русских сердцах горит яркая вера в возрождение России, в близкое торжество русской народной правды».

Кирилл Владимирович не признавал законности акта отречения Николая II и считал, что в случае своего спасения он должен вернуться на престол: «Мы уповаем на то, что жив государь Николай Александрович и что весть об его убиении распространена теми, для коих его спасение было угрозою. Не может наше сердце отказаться от надежды на то, что вернется он, пресветлый, к престолу своему».

Появление государя, если он выжил, увязывалось с освобождением России от коммунистического режима: «Но для нас ясно, что впредь до освобождения русского народа от злобного гнета Ему нет возможности открыто воссиять».

Далее следовала фраза, явно идущая вразрез с принципом легитимизма: «Если же Всевышнему не угодно, чтобы его императорское величество или наследник цесаревич Алексей Николаевич дожили до близкого уже дня избавления России от бесчестного ига, — то Всероссийский земский собор возвестит нам, кому на Руси быть законным государем». Понять этот пассаж можно, только принимая во внимание общий фон настроений, имевших место в русской эмиграции.

Не только у противников легитимизма, но и у самого Кирилла Владимировича и его окружения сохранялись тогда еще «соборные» иллюзии — надежды на то, что в России можно будет созвать полноценный Земский собор по образцу соборов XVI—XVII вв., который не будет выбирать форму правления и личность государя, а, прежде чем перейти к вопросам государственного обустройства, провозгласит восстановление законной монархической государственности и призовет на престол то единственное лицо, на которое указывает закон о престолонаследии⁹. Кирилл Владимирович имел в виду решение всенародным собранием конкретного правового вопроса, связанного с законным престолонаследием. В указанной фразе манифеста не случайно не упомянут великий князь Михаил Александрович, судьба которого на тот момент была совершенно неизвестна. Предполагая, что родной брат Николая II, может быть, жив, Кирилл Владимирович был готов «стать в ряды верноподданных» и «положить к его стопам» свои деяния,

⁹ Как показало время, эти надежды были абсолютно тщетны хотя бы ввиду уничтожения революцией сословного строя, без которого немислим созыв Земского собора.

Князь
Д.П. Голицын-
Муравлин

но считал полезным, чтобы Земский собор (или иной полномочный орган) дал правовую оценку акту Михаила Александровича от 3/16 марта 1917 г. и порожденной им и последующими событиями ситуации. То есть, говоря о самом Николае II и его наследнике Алексее Николаевиче, никаких сомнений в их правах и обсуждения этих прав он вообще не допускал. Но в отношении Михаила Александровича, прямо нарушившего своим актом 3 марта 1917 г. статьи 4¹⁰, 25¹¹ и 53¹² Основных государственных законов Российской империи, женатого морганатическим браком и не имевшего по этой причине династического потомства, некоторые сомнения распространялись непредрешенческими эмигрантскими кругами, заинтересованными в создании атмосферы мнимой неясности вопроса о престолонаследии. Хотя сам Кирилл Владимирович не разделял этих сомнений, он знал, что определенные политические силы выдвигают псевдоюридическую аргументацию и против Михаила Александровича, и против него самого и его братьев, и против некоторых других членов императорского дома, а

¹⁰ Статья 4: «Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает».

¹¹ Статья 25: Императорский всероссийский престол есть наследственный в ныне благополучно царствующем императорском доме».

¹² Статья 53: «По кончине императора наследник его вступает на престол силою самого закона о наследии, присваивающего ему сие право. Вступление на престол императора считается со дня кончины его предшественника». Здесь необходимо учитывать, что Основные законы Российской империи не предусматривали отречения царствующего императора, но таковое отречение является столь же окончательным и невозвратным обстоятельством, как и кончина.

поэтому готов был предоставить окончательное решение вопроса о законном престолонаследии полномочному, беспристрастному и справедливому народному собранию¹³.

Далее в манифесте 26 июля/8 августа 1922 г. приводилась аргументация в пользу провозглашения блюстительства престола: «До того же времени, когда, изволением Господним и на счастье возрожденной Родины нашей, законный государь возьмет нас под благостную десницу Свою, русские люди не могут оставаться более без возглавителя их трудов, ко спасению Родины направленных. И те наши соотечественники, которые на родных пространствах испытывают великие мучения и чья мужественная работа по обслуживанию родного дела выдвигается на первое место в русском сердце, — и те из нас, для коих вынужденная разлука с Родиной тяжкое горе, все одинаково ищут водительства, объединения трудовых усилий и избавления от страданий. И те, и другие трудами на пользу России принесли и принесут великую пользу делу русскому. Всем нам нужна свободная Россия, восстановление русской славы и гордости народной возрождение. Посему, и за отсутствием сведений о спасении великого князя Михаила Александровича, я, как старший в порядке престолонаследия член императорского дома, считаю долгом взять на себя возглавление Русских освободительных усилий в качестве блюстителя государева престола, впредь до той поры, когда весть о злодейском убиении государя императора Николая Александровича и наследника цесаревича Алексея Николаевича будет опровергнута, или, если сей надежде не суждено осуществиться, впредь до того дня, когда Земский собор провозгласит законного государя»¹⁴.

Одновременно Кирилл Владимирович опубликовал обращение «К российскому воинству», содержащее первоосновы его концепции национального примирения. Ключевой мыслью, сформулированной князем Д.П. Голицыным-Муравлиным, но полностью отражавшей убеждение Кирилла Владимировича, была следующая:

«Нет двух Русских армий!

Имеется по обе стороны рубежа Российского единая Русская армия, беззаветно преданная России, ее вековым устоям, ее исконным целям.

¹³ Когда, с одной стороны, стало доподлинно известно, что всё мужское потомство императора Александра III казнено большевиками, а с другой — обнаружилась полная невозможность ни в России, ни даже в эмиграции созвать собрание, хотя бы отдаленно напоминающее Земский собор, великий князь Кирилл Владимирович полностью избавился от «соборной» химеры и принял, в соответствии с законом о престолонаследии, титул императора всероссийского в изгнании.

¹⁴ *Граф Г.К. Августейший блюститель государева престола государь великий князь Кирилл Владимирович. Мюнхен, 1922. С. 25–27.*

Она спасет нашу многострадальную Родину».

Рабоче-крестьянская Красная армия признавалась Кириллом Владимировичем неотъемлемой частью вооруженных сил России, на которые он возлагал главные надежды в деле освобождения России от большевизма.

Великий князь Кирилл Владимирович сделал жест и в сторону великого князя Николая Николаевича, оставляя для него возможность в любой момент возглавить основную силу русского зарубежья: «Молю Бога о том, чтобы просьбе моей вняв, верховное главнокомандование над русской армией принял его императорское высочество великий князь Николай Николаевич; а до тех пор надлежащие указания будут ей преподаны мною при участии испытанных и доблестных военачальников, уже заслуживших благодарность России»¹⁵.

С юридической точки зрения учреждение Кириллом Владимировичем «блюстителства государева престола» было совершено по примеру и с преимуществами учреждения правительства, предусмотренного в статьях 41–52 Основных государственных законов.

Противники легитимизма заявляли, что в законах отсутствует термин «блюститель государева престола» и что акт великого князя Кирилла Владимировича произволен, так как осуществлен в иных условиях, чем предусматривают статьи 41–52. Это, конечно же, было очередным образчиком антидинастической демагогии.

Действительно, буквально учреждение правительства в российских законах предусмотрено только на период несовершеннолетия царствующего императора. В статьях 41–52 ничего не говорится, например, о безумии или иных формах недееспособности монарха, или, тем более, о его безвестном отсутствии. Но совершенно ясно, что если одна из подобных ситуаций случается, из нее нужно найти выход, и он может быть только один — учреждение правительства по примеру и с преимуществами (то есть по аналогии) правительства, предусмотренного в статьях 41–52. В какие формы облечь эти юридические нормы и какую использовать терминологию — эти вопросы входят исключительно в компетенцию царствующего императора или, в случае отсутствия государя либо его полной недееспособности, того лица, которое является его непосредственным преемником и хотя бы временно замещает его.

В 1922 г. имело место не несовершеннолетие императора, а его, как предполагалось, временное отсутствие с возможностью появления в

¹⁵ Там же.

будущем. Поэтому буквально применить статьи 41–52 было невозможно. В связи с этим использование титула «правитель» Кирилл Владимирович признал неуместным, чтобы избежать обвинений со стороны противников в подмене понятий и нарушении буквы закона. Титул «блюстителя государева престола» достаточно полно выражал смысл статуса, который принимал великий князь как старший в династическом смысле член дома Романовых, местопребывание которого известно. В нем заключалась и идея защиты прав потомков Александра III, если они выжили, и идея хранения всего комплекса духовных и социокультурных ценностей, связанных с понятием престола, до тех пор, пока ситуация с престолонаследием станет полностью ясной и определенной¹⁶.

Оба обращения от 26 июля/8 августа 1922 г. были обнародованы в печати и направлены персонально видным деятелям русской эмиграции. Некоторым из них великий князь Кирилл Владимирович телеграфировал лично. «Я, как блюститель государева престола, неизменно рассчитываю на Ваше творческое сотрудничество, единодушие в великом деле спасения России. Высылаю манифест. Уважающий Вас Кирилл»¹⁷. Такую телеграмму 11 августа 1922 г. получил генерал барон П.Н. фон Врангель. Ряду других лидеров эмиграции были направлены аналогичные тексты.

Рассмотрим наиболее типичные ответы и отклики политических деятелей русского зарубежья на акт Кирилла Владимировича, показывающие процесс кристаллизации легитимистского и антилегитимистского общественно-политических течений.

Главнокомандующий Русской армией генерал барон П.Н. фон Врангель ответил великому князю Кириллу Владимировичу 15 августа 1922 г. Он выразил «всепреданнейшую благодарность» за оказанное ему внимание, вкратце описал свою «борьбу против поработителей России», в кото-

¹⁶ Впрочем, некоторые наиболее последовательные легитимисты продолжали считать, что термин «правитель» был бы уместнее и традиционнее, а наименование «блюститель» и, тем более, апелляция к будущему «Земскому собору» — суть уступки антилегитимистам. Например, сенатор Н.Н. Корево в письме великому князю Андрею Владимировичу от 27 июля 1924 г. по поводу некоторых ошибочных мнений и не вполне верных трактовок законов писал: «Должен признаться, что в качестве легитимиста я предпочел бы видеть не блюстителя, а правителя, каковым был, например, в малолетство Людовика XVII его дядя, будущий король Людовик XVIII. Равным образом, в качестве легитимиста, предпочел бы умолчание о Земском Соборе. Может быть, некоторые выражения акта 26 июля 1922 [года] дают повод к неправильным толкованиям».

¹⁷ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2. На чужбине. М.: Гея, 1998. С. 662; ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 203. Л. 110. Сообщение ВМС № 1369 от 6/19 августа 1922 г.

Генерал-лейтенант
барон П.Н. Врангель
с супругой.
Константинополь.
1921 г.

рой «Господь не дал нам победы», отметил свою роль в обеспечении «трудо-вой жизни за рубежом» подчиненных ему военнотружущих «в ожидании лучших дней, когда служба их вновь понадобится России» и затем отказал блюстителю престола в сотрудничестве, мотивируя это своей «непредрешенческой» позицией¹⁸.

П.Н. Врангель и другие вожди Белого движения упрекали Кирилла Владимировича, что он будто бы «предрешает» монархию, не считаясь с волей народа. Но что означает слово «предрешение»? Если — насильственное навязывание, то Кирилл Владимирович изначально был принципиальным противником какого-либо принуждения, отвергал возможность реставрации монархии путем вторжения извне с иностранной помощью и рассчитывал только на свержение тоталитарного режима и восстановление исторического государственного строя самим народом. Но как могла бы возникнуть хотя бы гипотетическая возможность возвращения народа к монархии, если бы глава династии, живой символ и носитель монархической идеи, не «предрешал» этот строй в идейной области — не в порядке навязывания, а в порядке проповеди его духовной ценности и практических преимуществ?

Это уже не говоря о том, что любой лидер в процессе политической борьбы никак не мог избежать «предрешения». Если бы Гражданская война

¹⁸ АРИД, Ф. 8. Оп. 1. Д. 7. Письмо генерал-лейтенанта барона П.Н. фон Врангеля блюстителю государева престола великому князю Кириллу Владимировичу. Сремские Карловцы, 15 августа 1922 г. Подлинник.

возобновилась и большевистский режим был бы свергнут, то реальными оказались бы три возможности: либо приход к власти либерального республиканского режима вроде Временного правительства, либо установление военной диктатуры (или ее разновидности — узурпаторской псевдомонархии), либо реставрация легитимной монархии. Предоставляя возможность избрать очередное Учредительное собрание в истерзанной стране на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, белые лидеры отдали бы свою победу на откуп политическим партиям, уже один раз доведшим Россию до катастрофы 1917 г. Установив диктатуру или бонапартистскую нелегитимную монархию (что они, скорее всего, и сделали бы), они прибегли бы к самой крайней форме «предрешения», и тогда вся их прежняя «непредрешенная» идеология оказалась бы несусветным лицемерием и обманом. А если выход был бы найден в реставрации легитимной монархии, то это только подтвердило бы правоту идейного «предрешения» великого князя Кирилла Владимировича.

Понятно, что П.Н. Врангель опасался внесения в военную среду политических противостояний. Но Кирилл Владимирович также отвергал вовлечение армии в партийные дразги. В своем циркуляре от 12 октября 1923 г. он дал развернутый ответ на запросы со стороны обратившихся к нему чинов Русской армии, как им относиться к начальникам, сохранившим свои части за границей, и как согласовать аполитичность с участием воинских чинов в различных эмигрантских организациях.

По обоснованному мнению Кирилла Владимировича, власть военачальников не распространялась далее их частей. Чины этих частей, пока они сохраняются, естественно, были обязаны подчиняться своим начальникам. Но никаких оснований для претензий некоторых военных деятелей на власть над всей военной эмиграцией не существовало.

«Единственная политика солдат: верность заветам присяги и законопослушность», — справедливо отмечал блюститель престола¹⁹.

Непричастность к внешней политике, по его убеждению, заключается в сохранении русскости и неучастии в международных политических движениях и в ориентациях на ту или иную страну. Борьба за освобождение России «от врагов внутренних» является долгом солдат, поэтому не может считаться политикой. Для этого допустимо объединяться в союзы. Также не возбуждается создавать союзы взаимопомощи.

¹⁹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 2. Несбывшиеся надежды... 1923 г. М.: Триада-Х, 2001. С. 59; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 336. Л. 286–287. Циркуляр великого князя Кирилла Владимировича № 4804. Сен-Бриак, 12 октября 1923 г.

Состояние вне военной службы в эмиграции может быть приравнено к пребыванию в запасе, поэтому нет препятствий для членства и в невоенных объединениях.

«Не подобает русскому воину участвовать в борьбе политических партий, — говорится в Циркуляре Кирилла Владимировича. — Эта борьба есть плод недомыслия и бессердечия, ибо нет смысла в этих пререканиях по вопросам, неразрешимым в настоящее время, и жестоко среди этих пререканий отводить взор от страданий России. Военному более чем кому-либо другому понятно, что лишь объединенные усилия увенчаются успехом»²⁰.

Генерал от кавалерии
П.Н. Краснов
в эмиграции

Кирилл Владимирович был согласен с «непредрешенцами» в том, что ни одна из партий не может навязывать ни армии, ни всей эмиграции, ни, тем более, всему российскому народу своих программ. Но он был убежден, что для выхода из смуты, порожденной революцией и Гражданской войной, необходимо восстановление базовых российских ценностей, общих для всех политических течений, за исключением откровенно разрушительных. Естественно, он считал, что идея легитимной монархии — это не одна из партийных доктрин, а фундаментальная основа государственного и общественного строя России.

Упрекать главу династии в идейном «предрешении» монархии было не более логично, чем обвинять православную церковь в «предрешении» православных духовных основ восстановленной традиционной

²⁰ Там же.

государственности. Ведь, следуя логике «непредрешенцев», народ может выбрать и другую веру, и секуляризм. Но православная церковь, отказавшаяся от проповеди христианских идеалов в жизни государства и общества, как и династия, отказавшаяся от монархического идеала государства-семьи во главе с природным наследственным отцом нации, потеряли бы всякий смысл бытия и всякую перспективу.

Однако «непредрешенчество» в эмигрантской среде настолько прочно вошло в моду, что на логику мало кто обращал внимание.

Популярный в среде казачества генерал от кавалерии П.Н. Краснов ушел от поддержки блюстителя престола весьма виртуозно, вполне в духе «верноподданных телеграмм» командующих фронтами Николаю II от 2 марта 1917 г. с требованием его отречения: «ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, Да поможет Вам Господь Бог в принятом Вами на себя тяжелом и страшном деле. Будучи хорошо ознакомлен со взглядами и настроениями Казаков, как за границей, так и в Советской республике (? — А. З.), считаю священным долгом своим доложить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, что я почти уверен, что казаки готовы принять водительство ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, но я боюсь, что в данное время будет невозможно собрать их около имени ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА. Примите уверения в моей совершенной преданности, с которой остаюсь Вашего Императорского Высочества всепокорный слуга П. Краснов»²¹. Таким образом, не подвергая сомнению права Кирилла Владимировича и признавая, что он принял на себя «тяжелое и страшное дело», П.Н. Краснов ограничился ритуальным пожеланием помощи Божией, а сам уклонился от личной ответственности перед законным главой династии, ссылаясь на свое субъективное мнение относительно настроений казачества.

Любопытно письмо герцога Георгия Лейхтенбергского²², узнавшего о принятии Кириллом Владимировичем блюстительства престола от П.Н. Краснова. Это послание — на первый взгляд искреннее, но сумбурное, было охарактеризовано Кириллом Владимировичем как «комическое»²³.

²¹ АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д. 7. Письмо генерала от кавалерии П.Н. Краснова блюстителю государева престола великому князю Кириллу Владимировичу. Обербайерн, 12 августа 1922 г.

²² Там же. Письмо герцога Георгия Николаевича Лейхтенбергского принца Богарне блюстителю государева престола великому князю Кириллу Владимировичу. Замок Сеон. Бавария, 28 июля / 10 августа 1922 г.

²³ Именно это слово великий князь написал на конверте, в котором пришло письмо герцога Георгия Николаевича.

Однако в нем содержатся гипотезы, получившие потом развитие не только в голове у герцога, но распространившиеся в разных слоях эмиграции.

Георгий Николаевич, который, как в свое время и граф Л.Н. Толстой, «не мог молчать», начал с утверждения, что личность Кирилла Владимировича, по его мнению, непопулярна, а права на престол небесспорны. Вслед за этим он высказал парадоксальную мысль, что якобы «и духовенство, и

Герцог
Г.Н. Лейхтенбергский

народ скорее признают царя, не имеющего никаких прав, чем царя с сомнительными правами». В чем «сомнительность» прав Кирилла Владимировича, герцог, правда, не указал. Причин мнимой «непопулярности» он также предпочел «не касаться», утверждая, что это «было бы слишком тяжело». Можно предположить, что здесь имелись в виду уже получившие распространение клеветнические слухи о «красном банте» 1 марта 1917 г. Ничего иного, способного бросить серьезную тень на репутацию Кирилла Владимировича и помешать его «популярности», по большому счету, не придумали до сих пор. Он был известен как герой Русско-японской войны. Перипетии, вызванные его браком с Викторией Феодоровной,

скорее, породили к нему сочувствие в обществе. После урегулирования семейного конфликта в 1907 г. никаких скандалов, связанных с его именем, не было. В военно-морской среде он был любим, среди сухопутных офицеров — вполне уважаем. Ни в каких политических крайностях — ни консервативного, ни либерального толка замечен не был. Но если даже герцог Лейхтенбергский искренно поверил, что Кирилл Владимирович надел на мундир красный бант и поддержал революцию в феврале 1917 г., то совершенно непонятны выраженные им в письме восторг и преклонение перед великим князем Николаем Николаевичем. Ведь уже тогда все доподлинно знали, да и сам Николай Николаевич никогда не отрицал, что он совершил поступок, несоизмеримо более тяжкий, чем то, что (по большей части голословно) приписывалось Кириллу Владимировичу. Возможно, Кирилл Владимирович, будучи в эпицентре революции, и допустил какие-то тактические ошибки в своем политическом лавировании с целью воспрепятствовать эскалации беспорядков в Петрограде. Но Николай Николаевич, находясь тогда в безопасности, откровенно изменил присяге государю и самой идее монархии, сначала потребовав от своего племянника Николая II отречения, а потом присягнув некоему «новому государственному строю», еще до какого-либо решения Учредительного собрания об образе правления.

Однако герцог Лейхтенбергский в роли блюстителя престола видел именно великого князя Николая Николаевича, пользующегося будто бы «огромной популярностью как во всех кругах эмиграции, так и в России, и даже среди Красной армии». Верховное главнокомандование, предложенное Кириллом Владимировичем Николаю Николаевичу, по мнению Георгия Николаевича, являлось «слишком малым». «Вооруженных сил нет, — писал герцог, — и для того, чтобы их создать, нужно иметь в своих руках полную мочь, полную доверенность на работу и деятельность по всем отраслям управления, права диктаторские. Вряд ли Его Императорское Высочество согласится принять такие права из Ваших рук, а без его участия дело Ваше не может иметь успеха». Решение вопроса Георгий Николаевич усматривал в такой династической комбинации: Кирилл Владимирович должен был, по мысли герцога Лейхтенбергского, отречься от своих прав в пользу сына — пятилетнего князя императорской крови Владимира Кирилловича (права которого герцог не подвергал никакому сомнению) при опеке матери великой княгини Виктории Феодоровны и регентстве великого князя Николая Николаевича, которые занялись бы воспитанием юного государя и «подготовкой его для занятия покрытого терниями Трона грядущей России».

Несмотря на фантастичность и утопичность этой идеи герцога Лейхтенбергского²⁴, у нее нашлись адепты даже в среде лиц, достаточно близких к великому князю Кириллу Владимировичу. Разумеется, такой вариант был совершенно популистским, его мнимая эффектность скоро утратила бы привлекательность, а Кирилл Владимирович остался бы в истории как дезертир, переложивший ответственность на маленького сына и отдавшего его в угоду переменчивых настроений толпы в руки честолюбивого и неразборчивого в средствах родственника. Кроме того, вряд ли сам Николай Николаевич согласился бы на регентство при Владимире Кирилловиче. В роли императора, причем абсолютного, он видел только себя, хотя из тактических соображений и взял на вооружение лозунги «непредрепшенцев».

Интереснее тезис герцога Лейхтенбергского о больших шансах признания «царя, не имеющего никаких прав, чем царя с сомнительными правами». Говорить от лица «духовенства и народа» России из своего баварского поместья Сеон Георгий Николаевич вряд ли имел основания и право. Но для некоторого контингента эта позиция, при ее полной абсурдности²⁵, действительно, показалась привлекательной, ибо создавала почву для идейного оправдания самоволия и узурпации власти. При желании, статус любого человека можно подвергнуть сомнению. О том, как это делалось в отношении Кирилла Владимировича и чего стоили эти попытки, рассказывалось в первой части настоящей статьи. Но если бы Кирилл Владимирович самоустранился или исчез, следующий в порядке наследования неизбежно получил бы свою порцию утверждений о его «несоответствии» положению государя. И даже Николай Николаевич был интересен антилегитимистам только как альтернатива законному главе императорского дома²⁶. Если бы очередь престолонаследия дошла до него в определенном законом порядке и он стал бы легитимным государем, ему бы сразу припомнили и женитьбу его и его родного брата Петра на двух родных сестрах Анастасии и Милице

²⁴ В 1927 г. склонный к авантюрам герцог Г.Н. Лейхтенбергский открыто поддержит самозванку Чайковскую, выдававшую себя за чудесно спасшуюся великую княжну Анастасию Николаевну, поселив ее в своем имении Сеон и пропагандируя ее болезненные фантазии.

²⁵ Если, для сравнительного анализа, перенести подобную логику на религиозную почву, то придется признать, что малейшие сомнения в полном соответствии православным канонам законно рукоположенного священника делают предпочтительным уход из церкви и принятие духовного руководства со стороны откровенного самосвята.

²⁶ В данном случае напрашивается аналогия с «орлеанизмом» во Франции XIX в., когда для низложения законного короля Карла X использовали не полностью чуждого династии узурпатора, а лицо из младшей ветви королевской фамилии, не имевшее в тот момент законных прав на престол — принца Луи Филиппа Орлеанского.

Черногорских (что прямо и безоговорочно запрещено 54-м Правилom VI Вселенского собора), и настояния подписать манифест 17 октября 1905 г., и роль в появлении при дворе Г.Е. Распутина (а потом участие в его травле, направленной, на самом деле, против царской семьи), и неудачи и непомерные жертвы первого года Первой мировой войны, и почти открытое участие в обсуждении возможностей низложения Николая II (после отстранения от верховного главнокомандования в августе 1915 г.), и требование отречения императора в марте 1917 г., и аморальное поведение и психическую неуравновешенность его отца великого князя Николая Николаевича Старшего, и еще массу других подлинных и мнимых прегрешений его самого и всего его рода. Антилегитимистов не устраивали не конкретные лица, а САМ ФАКТ существования законного государя.

Особую активность в оспаривании действий Кирилла Владимировича проявил Высший монархический совет, состоявший из откровенных противников легитимизма и из колеблющихся и имеющих в этом вопросе запутанные представления. Общая линия, которую избрал ВМС, заключалась в максимальном противодействии блюстителю престола всеми возможными способами — от лицемерных хитросплетений до прямого вредительства. Изучая ретроспективно шаги ВМС, можно без труда убедиться в крайней неискренности его позиции.

После обнародования акта великого князя Кирилла Владимировича о принятии им на себя блюстительства государева престола и обращения к Красной армии от 26 июля/8 августа 1922 г. ВМС разослал циркуляр с обоими текстами, сопроводив их своим комментарием. В этом комментарии сообщалось, что Рейхенгалльский съезд признал невозможным разрешить вопрос о престолонаследии и, сформировав ВМС, поручил ему обратиться к вдовствующей императрице Марии Феодоровне с просьбой указать лицо, которое должно быть блюстителем престола и возглавителем монархического движения вплоть до воцарения законного государя²⁷.

Выбор, павший на великого князя Николая Николаевича, обосновывался как раз тем, что он есть «лицо из состава императорского дома, не стоящее в ряду ближайших правопреемников на императорский престол и обладающее широкой известностью в народе и в войсках»²⁸, к которому Рейхенгалльский съезд обратился с ходатайством «о восприятии на себя

²⁷ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2. На чужбине. М.: Гея, 1998. С. 313; ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 203. Л. 21–24. Сообщение ВМС № 1369 от 6/19 августа 1922 г.

²⁸ Там же.

Император
Александр III
с супругой Марией
Феодоровной в Дании.
1892 г.

сего подвига — возвращения России ее законного государя»²⁹. Обращения Кирилла Владимировича были охарактеризованы как «вызванные патриотической решимостью принять на себя жертвенный труд по спасению великой Родины»³⁰.

Казалось бы, чего еще нужно? Императрица Мария Феодоровна жила в своем иллюзорном мире и не желала в него никого допускать. Она уверила себя, что ее сыновья и внук спаслись, и не была способна принимать никакие решения, которые хотя бы косвенно подтверждали возможность их гибели.

Великий князь Николай Николаевич не внял ходатайству и совершенно не собирался брать на себя «подвиг возвращения России ее законного государя». Становилось видно невооруженным глазом, что он набивает себе цену в расчете самому получить всю полноту власти без всякой оглядки на Основные государственные законы.

А «ближайший правопреемник» Кирилл Владимирович, у которого в монархической системе ценностей, во всяком случае, безусловно, было несоизмеримо больше прав, чем у любого съезда или совета, принял решение лично взять на себя ответственность за судьбу престола, руководствуясь «патриотической решимостью взять на себя жертвенный труд».

Единственным правильным для монархистов решением — и с точки зрения легитимизма, и с точки зрения политического прагматизма — было

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

бы признать эти акты и приложить усилия к сплочению вокруг блюстителя государева престола всех монархических сил. Однако ВМС, сразу же после реверансов в сторону Кирилла Владимировича, заявил о том, что его обращения от 8 июля 1922 г. «создали непримиримое противоположение со всеми предшествующими действиями Высшего монархического совета, основанными на постановлениях рейхенгалльского съезда»³¹. Поэтому «единственным выходом» ВМС признал немедленный созыв съезда уполномоченных представителей монархических организаций для обсуждения дальнейших действий и призвал к саботажу по отношению к деятельности Кирилла Владимировича, по крайней мере, до этого собрания.

Объективно оценивая ситуацию, следует прийти к выводу, что вовсе не акты Кирилла Владимировича, а именно двуличная политика ВМС и его единомышленников по династическому вопросу создала раскол в монархическом движении. ВМС был, по сути, демократически образованной организацией, подчинение которой основывалось исключительно на добровольности, и никоим образом не на каких-либо законных основаниях. Князь Д.П. Голицын-Муравлин, являвшийся уполномоченным ВМС в Венгрии, 1 августа 1922 г. вполне обоснованно заявил, что ВМС пережил срок своих полномочий, является частным определенно партийным установлением и не может быть источником властных распоряжений³². Барон П.Н. фон Врангель, которого с верхушкой ВМС роднила приверженность «непредрешенчеству», тоже считал этот орган «общественным и частным учреждением»³³, каковым он, безусловно, и был в действительности. Что касается старшего по порядку первородства члена императорского дома, то его полномочия были четко прописаны в Основных государственных законах, обязательных, по крайней мере, для тех, кто декларировал свою приверженность законной монархии. Дезавуировать эти полномочия мог бы лишь кто-либо из более старших в порядке престолонаследия лиц, если бы он появился.

Совещание Высшего монархического совета и некоторых лидеров подведомственных ему организаций, прошедшее в Париже 16–22 ноября 1922 г., иногда именуемое «съездом», уточнило и утвердило «непредрешен-

³¹ Там же.

³² Действительно, годовой срок полномочий ВМС, установленный Рейхенгалльским съездом, истек в июне 1922 г.

³³ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 2. Несбывшиеся надежды... 1923 г. М.: Триада-Х, 2001. С. 23; ЦА ФСБ РФ. Ф. 5955. Оп. 1. Д. 10. Л. 60–61. Письмо генерала П.Н. Врангеля сенатору Н.Н. Чебышеву, Сремские Карловцы, 23 марта 1923 г.

ческую» программу ВМС, окончательно и официально перешедшего в оппозицию Кириллу Владимировичу:

«1. Право распоряжения блюстительством Императорского Престола принадлежит Императорскому Дому. Это право является неразрешенным и невоплощенным впредь до решения по этому вопросу Императорской Фамилии.

2. Следует всемерно стремиться к возглавлению монархического движения Великим Князем Николаем Николаевичем.

3. В настоящее время за границей невозможно разрешить вопроса о наследовании престола. Ибо нет вполне достоверных сведений о судьбе Государя Императора и Его Августейших Сына и Брата, а действующие Основные Законы допускают различные толкования, подлежащие разрешению компетентным государственным учреждением.

4. В согласии с предшествующими постановлениями совещание признает, что непререкаемый высший авторитет во всем монархическом движении принадлежит Миропомазанной Государыне Марии Феодоровне»³⁴.

Каждый из тезисов этой программы ВМС не только не имел никаких оснований в законах и не содержал ссылки ни на единую конкретную норму права, но, как показал ход дальнейших событий, был несбыточным даже в рамках идеологии и практики «непредрешенчества».

Никакого права «распоряжения блюстительством Императорского Престола» за всем императорским домом нигде не зафиксировано. Коллективное блюстительство императорской фамилии не предусматривалось законами, и если и могло иметь место, то только с согласия своего старшего по первородству члена. Но для осуществления такого блюстительства императорская фамилия должна была иметь возможность как минимум периодически собираться, что исключалось обстоятельствами жизни в изгнании. Этот пункт был необоснован юридически и заведомо нереализуем практически, и члены совещания ВМС прекрасно это понимали.

Великий князь Николай Николаевич пока не давал ответа на призывы стать «вождем», и никто не мог знать, сколько нужно этого ждать и имеет ли, вообще, смысл. Почему в таких условиях следовало с маниакальной настойчивостью стремиться к возглавлению им монархического движения, игнорируя старшего по первородству члена династии, готового к активной деятельности, ВМС не пояснил.

Вопрос о наследовании престола до получения «достоверных сведений о судьбе Государя Императора и Его Августейших Сына и Брата» не решал

³⁴ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 9. Л. 744–746.

окончательно и сам Кирилл Владимирович, что было специально и подробно оговорено в его акте о принятии бюстительства престола. Что касается заявления, что «действующие Основные Законы допускают различные толкования» в части престолонаследия, то это было совершенно необоснованное утверждение, так как 15 статей (25–39) главы второй «О порядке наследия престола» сформулированы предельно четко, во исполнение главной задачи закона императора Павла I — «дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать»³⁵. Согласно этому закону право на возглавление династии и, соответственно, на престол в случае его восстановления неотъемлемо принадлежит старшему в порядке первородства члену императорского дома, для которого не существует никаких дополнительных условий, кроме исповедования им православия³⁶.

Что касается вдовствующей императрицы, то ее личный авторитет, безусловно, был чрезвычайно высок. Но никакой компетенцией изменять существующие законы престолонаследия императрица Мария Феодоровна, разумеется, не обладала.

Однако набор лозунгов ноябрьского совещания в Париже внес сумбур и смятение в стан монархистов и помешал их реальному сплочению под твердым и единым руководством. Неудивительно, что заявления Высшего монархического совета вызвали нескрываемую радость в антимонархических кругах. Их с удовольствием в полном виде растиражировали левые газеты³⁷. Уже в том же ноябре 1922 г. кадет В.А. Маклаков, вплоть до 1924 г.³⁸ формально занимавший должность посла Временного правительства во Франции, писал бывшему послу Временного правительства в США Б.А. Бахметеву о «съезде ВМС» в Париже, обсуждавшем вопрос «как покончить с Кириллом». В.А. Маклаков выражал уверенность, что постановление этого собрания объявить о непредрешенческой позиции в отношении престолонаследия и не признавать бюстительство «справедливо рассматривается, как совершенное крушение авантюры с Кириллом»³⁹.

³⁵ Полное собрание законов Российской империи. № 17910.

³⁶ Подробнее см.: *Иоанн (Максимович), еп.* Происхождение Закона о престолонаследии в России. — Подольск, 1994; *Корево Н.Н.* Императорский всероссийский престол. Наследование престола по Основным государственным законам. Справка по некоторым вопросам, касающимся престолонаследия. 2-е изд. М.: Литера-2000, 2001; Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 443.

³⁷ См., напр.: Последние новости. 1922. 12 декабря. № 812.

³⁸ Когда Франция и СССР заключили дипломатические отношения.

³⁹ «Совершенно лично и доверительно!»; Б.А. Бахметьев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3 т. Т. 2. Сентябрь 1921 — май 1923 / Под ред. О. Будницкого. М.: РОС-ПЭН, 2002. С. 378. Письмо В.А. Маклакова Б.А. Бахметьеву из Парижа, ноябрь 1922 г.

Злорадство В.А. Маклакова не оправдалось. Никакого «крушения» и «ликвидации» легитимизма не произошло. Но, тем не менее, республиканцы испытали чувство глубокого удовлетворения от созданного ВМС раскола в рядах монархистов.

В.А. Маклаков отметил также определившуюся тенденцию белого «непредрешенчества»: «В окружении Врангеля есть явное отчуждение от монархических претендентов, от Кирилла и Дмитрия, но тяготение к Николаю Николаевичу, который по-прежнему не идет ни на какие комбинации, пока его не позовут из России»⁴⁰.

В.А. Маклаков

Последовательные монархисты отреагировали на циркуляр ВМС совершенно логично и убедительно, указывая на явное попрание закона и к тому же буквы и духа решений Рейхенгалльского съезда, не подвергавшего сомнению принцип легитимизма. Одним из наиболее ярких примеров аргументированного ответа является письмо Совета общества русских монархистов в Греции, направленное в Совет монархических объединений в Турции⁴¹.

Значительная часть монархических организаций отвергла незаконные претензии явно превысившего свои полномочия и нарушившего прежние установки ВМС. В некоторых организациях произошло разделение на легитимистскую и непредрешенческую части. Стали появляться и новые легитимистские группы. Две крупные организации — образо-

⁴⁰ Там же. С. 521. Письмо В.А. Маклакова Б.А. Бахметьеву из Парижа, 5 апреля 1923 г.

⁴¹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2. На чужбине. М.: Гея, 1998. С. 680; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 434. Л. 46–46 об. Письмо Совета общества русских монархистов в Греции № 64 в ВМС от 30 октября 1922 г.

вавшийся летом 1923 г. Союз «Молодая Россия» (будущая Партия младороссов) и «Союз русских государевых людей» — твердо придерживались легитимизма.

Но часть монархических организаций была дезориентирована позицией ВМС, и с этого времени единство монархической части русской эмиграции было бесповоротно нарушено.

До сих пор приходится встречаться с совершенно безосновательными обвинениями в адрес Кирилла Владимировича, что именно его действия якобы привели к расколу⁴². На самом деле, во-первых, он действовал абсолютно в рамках закона. Во-вторых, даже с точки зрения чисто политических соображений, реализация им своих прав и переход к активной деятельности начался тогда, когда великий князь Николай Николаевич упорно уклонялся от принятия на себя роли лидера антибольшевистского сопротивления. Так что вовсе не Кирилл Владимирович выступил «в противовес» Николаю Николаевичу (которого он постоянно призывал к сотрудничеству, изъявляя полную готовность предоставить ему самое высокое и почетное место в потенциальном едином движении), а наоборот, Николай Николаевич и его сторонники, сначала закулисно, а потом и открыто служили «противовесом» легитимности, воплощаемой законным наследником всероссийских императоров.

Первоиерарх Русской православной церкви за границей митрополит Антоний (Храповицкий), полностью перешедший на позиции легитимизма лишь в 1929 г., пытался играть роль посредника между Кириллом Владимировичем и Николаем Николаевичем. В 1922 г. митрополит намеревался навсегда удалиться на Афон и посвятить остаток жизни молитве и аскетич-

⁴² Удивительно, что даже составители добротного археографического издания «Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX в. Документы и материалы» вопреки очевидным фактам и ими же самими опубликованным документам пишут в предисловии к 5-му тому: «Итогом действий великого князя Кирилла Владимировича стал раскол не только всей монархической эмиграции в целом, но и военной ее части. Отныне она стала делиться на “кирилловцев” и “николаевцев”, между которыми развернулась острая борьба» (Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 5. Раскол. 1924–1925 гг. М.: РГГУ, 2010. С. 6). Решительно непонятно, почему авторы предисловия считают раскол «итогом действий» Кирилла Владимировича, а не, наоборот, Николая Николаевича и его симпатизантов. Очевидно, причина заключается в том же, что заставило их быть столь невнимательными, чтобы, например, упустить из виду, что Корпус императорских армии и флота был учрежден Кириллом Владимировичем на несколько месяцев раньше создания генералом бароном П.Н. Врангелем Русского общевоинского союза (КИАФ был образован 30 апреля 1924 г., а РОВС — 1 сентября 1924 г.). Столь грубая фактическая ошибка (Там же) и основанные на ней ложные выводы свидетельствуют о явной необъективности, так как трудно заподозрить составителей сборника в непрофессионализме.

Митрополит
Антоний
(Храповицкий)

ческой практике⁴³. Свою ноябрьскую поездку в Париж, Антиб и Канны для собеседований с лидерами монархистов и примирительных бесед с обоими великими князьями и последовавшую переписку по этому поводу Антоний (Храповицкий) видел тогда «как последнюю свою службу Царю и Отечеству»⁴⁴. Поэтому он отдавался этому делу всей душой.

В своем письме от 15/29 декабря 1922 г. митрополит Антоний делился с Кириллом Владимировичем соображениями, которые не успел или еще не мог доложить при личной встрече в ноябре. Ссылаясь на мнение Архирейского синода и на свои личные впечатления, Антоний (Храповицкий) высказал ряд предположений.

Митрополит продолжал считать, что между Кириллом Владимировичем и Николаем Николаевичем «злые люди старались сеять вражду».

По словам митрополита Антония, адресованным великому князю Кириллу Владимировичу, «Великий Князь НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ не выразил нежелания с Вами видеться, но ему казалось, будто ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО сами этого не искали соответствующим способом, т[о] е[сть] непосредственным обращением к Своему Дяде. Я же докладывал ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ, что теперь, при возрождении Монархической России отнестись отрицательно к выступлению Высочайшей Особы значит уже охлаждать

⁴³ Его мечте не суждено было сбыться из-за антирусской настроенности афонского Кинота (Совета монастырей).

⁴⁴ АРИД, Ф. 8. Оп. 1. Д. 7. Письмо митрополита Антония (Храповицкого) блюстителю государева престола великому князю Кириллу Владимировичу. Сремские Карловцы, 15/29 декабря 1922 г.

патриотическое чувство. Высшее Монархическое Собрание в Париже не дерзнуло сказать что-либо отрицательное о Манифесте 26 июля»⁴⁵.

Антоний (Храповицкий) пытался убедить Николая Николаевича, «что объединение обоих Великих Князей было бы спасением России».

Подводя итог своим рассуждениям, митрополит Антоний призывал великого князя Кирилла Владимировича: «Вот почему соглашение двух Князей ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ, члены которой все дороги всякому истинно русскому человеку, является необходимым условием для возрождения России. Если ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО соизволите сделать попытку к личному свиданию с Великим Князем НИКОЛАЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ, т[о] е[сть] испросить у него согласия принять Вас для примирительных объяснений, то этот небольшой Ваш подвиг будет великим для России. Я же одновременно пишу к ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ о том же, и если это благое соглашение состоится, то Вы развяжете совесть у всех, кто еще до Вашего манифеста обращался к Великому Князю с ходатайством, как и 8 русских Иерархов в прошлом году, и множества мирян, военных и штатских, а Россия будет спасена. — ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО! Вы оба стоите пред взором 200 миллионов русского народа; да не омрачатся они тоской разочарования, но да просветятся радостным чувством светлой надежды!»⁴⁶

Из письма митрополита Антония следует, что он, в общем, положительно оценивал принятие Кириллом Владимировичем блюстительства престола и считал возможным достижение компромисса на взаимоприемлемой основе между верными Кириллу Владимировичу легитимистами и ориентирующимися на Николая Николаевича вождистами. Митрополит признавал, что в основе позиции сторонников Николая Николаевича лежат правовой нигилизм и недостаток здравого смысла, но считал, что эти качества присущи в целом русскому народу: русские — «ни практики, ни юристы». Да и сам владыка демонстрировал откровенное пренебрежение к династическому праву и предубеждение к его создателю императору Павлу I, при котором, по мнению Антония (Храповицкого), имело место «полное немецкое засилье»⁴⁷.

Побуждения митрополита Антония, несомненно, были самыми благими и искренними, но его наивность в мирских делах и своеобразные

⁴⁵ То есть об акте от 26 июля/8 августа 1922 г. о принятии великим князем Кириллом Владимировичем на себя блюстительства государева престола.

⁴⁶ АРИД, Ф. 8. Оп. 1. Д. 7. Письмо митрополита Антония (Храповицкого) блюстителю государева престола великому князю Кириллу Владимировичу. Сремские Карловцы, 15/29 декабря 1922 г.

⁴⁷ Что не соответствует действительности.

представления в области права и истории позволили «непредрешенцам» довольно долго удерживать владыку в колеблющемся и противоречивом положении. Получив отказ Кинота в дозволении ему поселиться на Афоне и вернувшись к управлению Зарубежной церковью, Антоний (Храповицкий) вплоть до смерти великого князя Николая Николаевича продолжал лавировать между «вождем» и законным главой дома Романовых, периодически обращаясь к совсем уже фантастическим гипотезам — то оправдывая лиц, распускавших заведомо ложные слухи о «чудесном спасении» Николая II⁴⁸, то мечтая о возможности незаконного провозглашения царем кого-нибудь из младших членов династии (князя Романа Петровича или князя Никиту Александровича)⁴⁹.

Однако противоестественность такого состояния явно тяготила митрополита. Выходя за хронологические рамки настоящей статьи, отметим, что практически сразу после смерти Николая Николаевича в январе 1929 г. председатель Архиерейского синода Русской православной церкви за границей направил Кириллу Владимировичу письмо с изъявлением верноподданнических чувств⁵⁰.

14/27 октября 1929 г. митрополит Антоний выпустил публичное воззвание: «Отцы и братие, умоляю Вас, отрекитесь окончательно от треклятой революции против Бога и царя и предайтесь во Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа законному царю нашему Кириллу Владимировичу и законному наследнику его Владимиру Кирилловичу»⁵¹. Став последовательным легитимистом, он уже не проявлял никаких колебаний вплоть до своей смерти в 1936 г. Сохранилась обширная переписка председателя Архиерейского синода с Кириллом Владимировичем и Канцелярией Его Императорского Величества⁵².

⁴⁸ Письмо митрополита Антония (Храповицкого) графу Ю.П. Граббе, 11 февраля 1927 г. // Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь, 1988. С. 199.

⁴⁹ Письмо митрополита Антония (Храповицкого) Н.М. Котляревскому, 22 декабря 1927 г. // Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь, 1988. С. 207; Письмо митрополита Антония (Храповицкого) Н.М. Котляревскому, 31 марта 1928 г. // Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь, 1988. С. 209.

⁵⁰ Обращение председателя Архиерейского синода Русской православной церкви за границей митрополита Антония к императору в изгнании Кириллу Владимировичу с изъявлением верноподданнических чувств. Рукопись. Белград, 10/23 января 1929 г. АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д. 72; Штандарт. 1929, Май—июнь. № 3. С. 8–9 (Шанхай).

⁵¹ Царский вестник. 1929. 14/27 октября. Белград.

⁵² АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д. 72.

Также митрополит Антоний осуждал архиереев, не желавших в полной мере признать права Кирилла Владимировича⁵³.

За Антонием (Храповицким) в 1929 г. последовали многие «рейхенгалльцы». Однако в наиболее сложные годы становления (1922–1924 гг.) легитимистское движение получало удары со всех сторон и сталкивалось с упрямой непримиримостью значительной части русских эмигрантов.

Великий князь Николай Николаевич, не имевший никакой собственной позитивной программы, с удовольствием играл роль живого знамени «непредрешенчества».

Уверяя в ноябре 1922 г. митрополита Антония (Храповицкого) в своей принципиальной готовности к встрече с Кириллом Владимировичем при условии личного к нему обращения, Николай Николаевич лицемерил. Кирилл Владимирович, проявляя смирение, к которому призывал митрополит, дважды лично писал двоюродному дяде⁵⁴. На первое письмо с предложением созвать и возглавить семейный совет никакого ответа не последовало. Во втором письме, направленном 21 августа 1923 г., Кирилл Владимирович писал «дорогому дяде»: «Широко объяввшее Русских людей стремление возвратить Россию на исторический путь Империи неопровержимо. Также с полной определенностью можно установить, что в Русских сердцах живы чувства верности и преданности нашему Дому.

Наш Дом нужен России. Я никогда не взял бы на себя указывать Тебе на наш долг служения Родине, но позволяю себе высказать, что выполнить это служение мы можем только при нашем объединении снова в одно целое.

<...> Прошу Тебя поверить, что мною руководит исключительно пламенное желание сделать всё для спасения Родины и сознание, что только объединение нашего Дома может ускорить конец терзаниям России»⁵⁵.

Таким образом, Кирилл Владимирович высказал свою убежденность, что многие соотечественники стремятся к восстановлению монархии и

⁵³ «Владыка Анастасий продолжает называть его (Кирилла Владимировича. — А. З.) Великим князем по своей уклончивости. Однако я опасаясь, что он перехитрил самого себя, как лисица, которая мудрила, мудрила и откусила себе хвост». Письмо митрополита Антония (Храповицкого) архиепископу бывш. Челябинскому Гавриилу (Чепуру). Б/д, не ранее марта 1931 г. // Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Нью-Йорк: Свято-Троицкий монастырь, 1988. С. 217.

⁵⁴ Помимо открытой публичной просьбы принять командование над вооруженными силами, высказанной в обращении к армии от 26 июля/8 августа 1922 г.

⁵⁵ Сборник Высочайших актов и исторических материалов. Ко дню годовщины издания Его Императорским Величеством Государем Императором Кириллом I Манифеста 31 Августа 1924 г. София: Издание Представительства Его Императорского Величества в Царстве Болгарском, 1925. С. 27–28.

сохраняют преданность легитимному императорскому дому. В связи с этим он полагал, что и русские, и симпатизирующие им и способные оказать помощь иностранцы ожидают от династии возглавления освободительного движения. Естественно, любая руководящая роль дома Романовых как институции была возможна только при условии его внутреннего единства. Ни словом не упоминая о своем династическом старшинстве и блюстительстве престола, Кирилл Владимирович сделал акцент на возрастном старшинстве Николая Николаевича и на его назначении на пост Верховного главнокомандующего Николаем II и предложил ему, по сути дела, ведущую роль председателя Семейного совета императорского дома. Идею создания такого совета для «посильного содействия в рассмотрении разрешаемых государственных вопросов» Кирилл Владимирович в свое время поддержал еще до революции в проекте тронной речи, представленном им Николаю II 12 февраля 1917 г.⁵⁶ Ныне, в условиях изгнания, создание Семейного совета представлялось ему еще более актуальным.

Ради достижения единства династии Кирилл Владимирович шел на максимальные уступки. Его письмо Николаю Николаевичу от 21 августа 1923 г. можно расценить едва ли не как готовность фактически отказаться от блюстительства престола, если не навсегда, то на весьма длительный срок. Ведь если бы Николай Николаевич согласился на предложение Кирилла Владимировича, принял обязанности созывать Семейный совет и председательствовать в нем и занял конструктивную арбитражную позицию, то реальное руководство деятельностью императорского дома как семейной корпорации перешло бы в его руки, причем, скорее всего, пожизненно. У Кирилла Владимировича, как старшего в порядке первородства, остались бы чисто символические функции, а реальное блюстительство осуществлялось бы председателем Семейного совета. Для этого Николаю Николаевичу нужно было только иметь в сознании и душе то, что хотел так или иначе «соблюсти» Кирилл Владимирович: монархические идеалы и признание незыблемости правовых основ императорского дома. Но суть проблемы заключалась в том, что эти принципы были для Николая Николаевича неприемлемы.

Каковы были его подлинные взгляды и чего он желал, никто так до конца и не смог выяснить. Республиканец В.А. Маклаков писал своему единомышленнику Б.А. Бахметьеву: «несомненно одно: что он не идет

⁵⁶ ГАРФ Ф. 601. Оп. 1. Д. 2088. Л. 2–4 об.

заодно с Кириллом»⁵⁷. Этим, по большому счету, и исчерпывалась «программа» Николая Николаевича.

На письмо Кирилла Владимировича от 21 августа 1923 г. Николай Николаевич лично отвечать вновь не стал, но косвенный ответ, подписанный братом Николая Николаевича великим князем Петром 30 августа 1923 г., все-таки пришел. «Дорогой Кирилл, — писал Петр Николаевич, — я должен, к сожалению, заявить Тебе, что не сочувствую предложению Твоему созвать семейный совет, так как он, по моему мнению, может только привести к новому доказательству розни наших взглядов и принципов.

Мне известно содержание Твоего письма к моему брату; его очень удивило, что Ты опять обратился к нему с предложением председательствовать на семейном совете, хотя Тебе известно, что он его считает бесполезным. Тебе также известно его мнение, как должны были бы вести себя члены нашей семьи в тяжелую эпоху разрухи нашей многострадальной Родины»⁵⁸.

Петр Николаевич уклонился от аргументирования позиции по поводу «бесполезности» Семейного совета. Остается только предполагать, что же было, по его мнению, такого непримиримого в среде членов императорской фамилии, что их собрание могло «только привести к новому доказательству розни взглядов и принципов»?

Казалось бы, у членов императорского дома существует прочная платформа для единства взглядов и принципов в самом главном: приверженность монархическому мировоззрению и династическое право. Именно эти фундаментальные основы являются необходимыми факторами бытия династии как институции. Без них ее существование просто теряет смысл, и это понятно каждому здравомыслящему человеку, независимо от того, республиканец он сам или монархист. Без династических законов императорский дом из регламентированной историческим правом семейной корпорации превращается в обычный знатный род, а без твердой приверженности монархическому принципу утрачивает всякое общественно-историческое значение даже в этом дезорганизованном состоянии⁵⁹. Все же остальные вопросы, касающиеся степени участия династии в политической жизни, методов

⁵⁷ «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметьев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3 т. Т. 2. Сентябрь 1921 — май 1923 / Под ред. О. Будницкого. М.: РОС-ПЭН, 2002. С. 559. Письмо В.А. Маклакова Б.А. Бахметьеву из Парижа, 17 мая 1923 г.

⁵⁸ Сборник Высочайших актов и исторических материалов. Ко дню годовщины издания Его Императорским Величеством Государем Императором Кириллом I Манифеста 31 Августа 1924 г. София: Издание Представительства Его Императорского Величества в Царстве Болгарском, 1925. С. 28–29.

⁵⁹ Императорский дом, отказавшийся от идеи монархии, так же невозможен, как невозможна церковь, отказавшаяся от веры в Бога.

Великий князь
Петр Николаевич

деятельности в различных обстоятельствах и любых других проблем, могут решаться путем обсуждения и достижения консенсуса. Но великих князей Николая и Петра Николаевичей, а также сына последнего, князя Романа Петровича, очевидно, не устраивала как раз необходимость признавать фундаментальные ценности династии. А без этого они оказались бы в Совете в меньшинстве, и очень скоро выяснилось бы, что Николай Николаевич не способен объединить не только всю эмиграцию, но даже 15 своих родственников⁶⁰. Поэтому гораздо выгоднее было оставлять все династические вопросы в подвешенном состоянии и заниматься демагогией.

Совершенно очевидно, что без наличия императорского дома как институции и без его четкой идейной позиции народ, в любом случае, лишался, даже гипотетически, права принять решение «может ли ему сослужить службу Дом Романовых». Если Российского императорского дома, как такового, нет, а есть только разобщенные члены семьи Романовых, и если у них нет общих ценностей, то о какой «службе дома» можно говорить?

Позиция Николая и Петра Николаевичей, хотели они этого сознательно или нет, неумолимо вела к тому, чтобы Российский императорский дом Романовых прекратил свое существование. Однако, и с точки зрения взглядов сторонников Николая Николаевича, ответ Петра Николаевича на письмо Кирилла Владимировича также вызывает недоумение.

⁶⁰ Трое из выживших 19 членов дома Романовых мужского пола (князя императорской крови Владимир Кириллович, Всеволод Иоаннович и Василий Александрович) были еще несовершеннолетними, поэтому не имели права участвовать в обсуждениях.

Начиная с Рейхенгалльского съезда, «николаевцы» самых разных политических оттенков носились с идеей «возглавления» Николаем Николаевичем всей эмиграции, а в перспективе, и всей антикоммунистической борьбы. Но если для «члена семьи Романовых» необходимо «стоять вне всяких партий, союзов и политических агитаций, в какой бы форме они ни проявлялись», то письмо Петра Николаевича должно восприниматься как отказ от «возглавления» Николаем Николаевичем любой политической борьбы. Именно «его мнение» будто бы «всецело разделял» Петр Николаевич.

Если бы эти слова на самом деле являлись мнением Николая Николаевича, то ВМС, П.Н. Врангель и все прочие «непредрешенцы» должны были немедленно начать искать себе нового «вождя». Ведь Николай Николаевич, по словам его брата, собирался сидеть и ждать, когда «Господь укажет во благовремени Народу Русскому способ как восстановить закон и порядок Русского Государства». Но ориентированные на Николая Николаевича «партии и союзы», ни в чем не меняя своих установок и не ожидая, в то же время, божественных указаний, как ни в чем не бывало продолжали свою «политическую агитацию». В конце концов, сам «вождь» ввязался в их деятельность уже лично и непосредственно. Правда, двойные стандарты старого великого князя повредили не только легитимистам, но и николаевцам. Очень скоро наиболее честные и здравомыслящие из них убедились, что их вождь не имеет за душой ничего, кроме безграничного самомнения и беспринципности, а к созидательной деятельности совершенно неспособен⁶¹.

В свете дальнейших событий становится понятно, почему Николай Николаевич предоставил право отвечать на письмо Кирилла Владимировича своему брату. Напрашивается мысль, что он поступил так не только из-за завышенной самооценки, но, прежде всего, в связи с твердым намерением заняться самостоятельной активной политической деятельностью и нежеланием связывать себя какими бы то ни было обязательствами перед императорским домом (даже в негативном для Кирилла Владимировича духе). Ну а Петр Николаевич всегда отличался апатичностью, и вправду, сохранял аполитичность. В случае чего можно было сказать, что его письмо Кириллу Владимировичу просто не совсем удачно сформулировано, а имелось в виду совсем другое.

⁶¹ «Приходится окончательно прийти к заключению, что можно рассчитывать только на собственные силы. На [великом] К[нязе] [Николае Николаевиче] надо поставить крест. В связи с этим придется и работу вести по иному, а следовательно, вероятно, и место жительства переменить» (Письмо П.Н. Врангеля его жене от 14 января 1926 г. / *Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля: неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х гг.* СПб., 1996. С. 54).

27 сентября 1923 г. Кирилл Владимирович подписал в Сен-Бриаке циркуляр № 4732, комментирующий его переписку с Николаем и Петром Николаевичами. Изложив основную суть переписки, Кирилл Владимирович заявил: «Оставаясь неизменно почитателем Моего Августейшего Дяди, я, однако, держусь иного взгляда. Если естественно, что Народ Русский, томясь под властью насильников, в лице лучших сынов Родины напрягает все свои старания к избавлению России от власти коммунистов, то не может Императорский Дом остаться безучастным к тем многочисленным призывам, которые к нему обращены с просьбой возглавить Русские освободительные усилия. Мой долг, как Старшего в Роде, повелевает мне твердо и открыто стоять на взятом мною пути и вместе с Вами и с теми, кто за мной следует, исчерпать без остатка все возможности для восстановления честного Русского Имени и благополучия России»⁶².

По поводу того, насколько «многочисленными» были призывы к императорскому дому «с просьбой возглавить Русские освободительные усилия», можно высказать скептические замечания. Любая проповедь и пропаганда редко обходятся без определенного рода преувеличений. Но некоторый избыток пафосности не лишает значения и логичности главную мысль циркуляра о том, что императорский дом не может под прикрытием «аполитичности» оставаться безучастным к страданиям своего народа и должен «исчерпать без остатка все возможности» послужить своей стране.

Последней попыткой объединения всей императорской фамилии под руководством великого князя Николая Николаевича стало совещание членов Российского императорского дома в Париже 12/25 ноября 1923 г., проведенное по инициативе великого князя Александра Михайловича на его квартире в доме 10 по улице Анри Мартин. В совещании приняли непосредственное участие сам Александр Михайлович, а также великие князья Кирилл Владимирович, Андрей Владимирович и Дмитрий Павлович и князья императорской крови Гавриил Константинович и Феодор Александрович. Великий князь Борис Владимирович не смог присутствовать, но передал свой голос Дмитрию Павловичу. Также Александр Михайлович заявил, что он полноправно представляет четырех своих отсутствующих совершеннолетних сыновей (Андрея, Никиту, Дмитрия и Ростислава). Таким образом, на совещании имела место попытка выработки общего мнения 11 совершеннолетних членов династии мужского пола⁶³.

⁶² Обращение В[еликого] К[нязя] Кирилла Владимировича // Вера и верность. 1923. 13/26 ноября.

⁶³ На тот момент трое членов династии мужского пола были несовершеннолетними: князь Владимир Кириллович, князь Всеволод Иоаннович и князь Василий Александрович.

Александр Михайлович председательствовал, как инициатор встречи и старший по возрасту из присутствующих. Он открыл совещание докладом о том, что Кирилл Владимирович просил его обсудить с Николаем Николаевичем вопрос о Семейном совете и настоять на его созыве. В ответ на письмо Александра Михайловича Николай Николаевич послал к нему своего адъютанта барона А.И. Сталя с поручением изложить свою точку зрения об отсутствии необходимости Семейного совета.

Не желая обсуждать такие вопросы с посторонними лицами, Александр Михайлович решил вызвать «вождя» на откровенность другим способом. Он попросил Николая Николаевича встретиться с ним «по вопросу об авиации», и когда тот согласился его принять с визитом, изложил ему свою точку зрения о полезности Семейного совета.

Николай Николаевич разнервничался и начал говорить, что он «берет на себя всю ответственность за несозыв Сем[ейного] Сов[ета], возлагая одинаково всю ответственность на тех, кто бы против его желания такой Сов[ет] собрал бы». По поводу своего собственного выступления Николай Николаевич, явно страдающий мегаломанией, заявил, что даст ответ, «когда он получит полное убеждение, что того хочет сама Россия, причем тут не подразумевается открытый плебисцит, а внутреннее убеждение (sic! — А. З.). Одной эмиграции Н[иколай] Н[иколаевич] не послушается».

Но, несмотря на нежелание Николая Николаевича созывать Семейный совет, сам Александр Михайлович «полагал, однако, полезным частный обмен мнений между членами семьи, для чего и просил всех собраться».

По смыслу резолюций совещания 12/25 ноября 1923 г., императорский дом пока уклонялся от подчинения старшему в порядке первородства Кириллу Владимировичу и выводил внутрдинастическую дисциплину и иерархию за рамки обсуждения. В то же время предполагалось политическое подчинение Николаю Николаевичу — не как члену династии, а как вождю и Верховному главнокомандующему. Но, одновременно, его статус члена императорского дома, со всем комплексом присущих этому званию прав и обязанностей, не забывался, а подчинение ему членов императорского дома обуславливалось его публичной декларацией в верности идеалу монархии. Без этого условия, равно как без настоящей народной (а не партийной) природы главенства Николая Николаевича, решения совещания утрачивали всякое значение.

вич. Вне участия в совещании, таким образом, оставались только пять из шестнадцати совершеннолетних — князь Георгий Константинович, великие князья Николай и Петр Николаевич, князь Роман Петрович и великий князь Михаил Михайлович.

Великий князь
Андрей
Владимирович

Императорский дом не отрекался от монархической идеи и требовал того же от Николая Николаевича, хотя и предполагал, что народ может «не пожелать» восстановления монархии. Однако сам Николай Николаевич должен был объявить во всеуслышание, что он лично стремится к возрождению базовых ценностей дореволюционной России и, следовательно, к реставрации православной легитимной наследственной монархии.

Разумеется, запротоколированные резолюции обрели бы силу только в случае согласия Николая Николаевича, которого, естественно, не последовало. Лозунг «За Веру, Царя и Отечество» отнюдь не входил в планы «вождя», и он с необычайной легкостью «пренебрегал» любыми «величинами», кроме своих собственных интересов.

Великий князь Андрей Владимирович, кратко застенографировавший встречи 25–27 ноября 1923 г., утверждал: «В общем совещание носило самое сердечное настроение, всеобщее стремление найти выходы и прийти друг другу на помощь. По вопросу о том, что говорить, было решено подчеркнуть отсутствие недоразумений среди И[мператорской] Ф[амилии] о принятии всеми Б[люстительства] П[рестола] и о поддержке Н[иколая] Н[иколаевича] при условии принятия им лозунга “За Веру, Царя и Отечество”»⁶⁴.

Но на следующий день, 26 ноября, радужное настроение было несколько омрачено. У Александра Михайловича собрались Кирилл Владимирович и Андрей Владимирович, но на этот раз к ним присоединилась супруга Ки-

⁶⁴ АРИД, Ф. 7. Оп. 1. Д. 41. Л. 319–322; Андрей Владимирович, вел. кн. Заметки по поводу Семейного совещания в Париже. Ноябрь 1923 г.

рилла Виктория Феодоровна. Внучки английской королевы Виктории всегда были тверже характером, чем их мужья. Как и Александра Феодоровна в отношении Николая II, так и ее кузина Виктория Феодоровна в отношении Кирилла Владимировича считали, что их долг стоять на страже интересов своих супругов и не давать им отступать. Во всех ли случаях это было правильно, однозначно судить невозможно. Но в рассматриваемой нами ситуации время подтвердило правоту Виктории Феодоровны.

Александр Михайлович зачитал проект письма Николаю Николаевичу. Ознакомившись с текстом, Виктория Феодоровна заявила, что, по ее мнению, это «вовсе не решение вопроса, что теперь все ждут определенного ответа, кто старший, а поэтому следует включить в текст признание нами всеми прав К[ирилла] В[ладимировича] и его поддержать». Александр Михайлович попытался убедить Викторию Феодоровну, что такое упоминание является излишним, так как никто не отрицает прав Кирилла Владимировича. На это Виктория Феодоровна ответила, что права ее мужа необоснованно оспариваются, и привела примеры. Александр Михайлович продолжал уговаривать, что письмо Николаю Николаевичу — это не декларация, а частное обращение, в котором содержатся только те пункты, которые ни у кого не вызывают споров. Виктория Феодоровна, уже наученная горьким опытом и предвидевшая, что всё «частное» моментально станет публичным⁶⁵, сказала, что «пока семья определенно не укажет, кто старший в роде, споры не прекратятся»⁶⁶. Она считала, что если бы все члены семьи бескомпромиссно исполнили бы свой долг перед старшим в роде, Николаю Николаевичу тоже пришлось бы умерить свои амбиции. Далее спор развернулся вокруг политического главенства в монархическом движении. Александр Михайлович полагал, что роль законного наследника должна быть пассивной, а Виктория Феодоровна — что он является естественным реальным главой освободительной борьбы и не может сидеть сложа руки.

Всё окончилось тем, что Кирилл Владимирович и Виктория Феодоровна удалились, оставив Александра Михайловича и Андрея Владимировича обескураженными. Конечно, те добавления к письму, на которых настаивала Виктория Феодоровна, делали затею с обращением к Николаю Николаевичу заведомо непродуктивной. Стоило подумать о каком-то компромиссе, но в тот момент решения найдено не было. Слегка забегаая вперед скажем,

⁶⁵ Что и произошло в тот же день. См. далее.

⁶⁶ АРИД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 41. Л. 323; Андрей Владимирович, вел. кн. Заметки по поводу Семейного совещания в Париже. Ноябрь 1923 г.

что компромисс подскажет сама жизнь, благодаря утечке информации о совещании в прессу.

27 ноября, когда предполагался новый сбор всех участников совещания у Александра Михайловича, на рю Анри Мартин прибыли только Андрей Владимирович и Гавриил Константинович. Александр Михайлович связался с Кириллом Владимировичем по телефону. Тот не приехал, но прислал письмо, в котором выразил мнение, что, поскольку «несмотря на все его обращения к Н[иколаю] Н[иколаевичу] таковые оставлены без ответа, он находит для себя неудобным снова подписывать ему письмо, не будучи

Великий князь
Гавриил
Константинович

уверенным, что Н[иколай] Н[иколаевич] это примет»⁶⁷. Но сами принятые решения Кирилл Владимирович не оспаривал, что позволило Александру Михайловичу отправить все письма за подписями остальных и разослать протокол совещания⁶⁸.

⁶⁷ АРИД, Ф. 7. Оп. 1. Д. 41. Л. 324.

⁶⁸ Утверждения некоторых исследователей (напр., *Сергин А.В.* Монархические организации русской эмиграции в Европе в 1919—1933 годах. Структура. Идеология, Деятельность. Диссертация на (...) канд. ист. наук. М.: МПГУ, 2010. С. 257), что якобы Кирилл Владимирович на совещании в ноябре 1923 г. временно «отказался от борьбы за престол перед угрозой полицейского и судебного преследования в Германии», вызванного будто бы его причастностью к подготовке «пивного путча», лишены какого-либо подтверждения историческими источниками. Многие русские эмигранты в Германии, в том числе и великий князь, допрашивались следственными властями в связи с попыткой переворота в Мюнхене, но даже генерал В.В. Бискупский, непосредственно связанный с М.Э. фон Шойбнер-Рихтером и другими участниками заговора А. Гитлера, не подвергся «полицейскому и судебному преследованию».

Несомненно, на Кирилла Владимировича оказала влияние его супруга. Было это полезно или же вредно? Могла ли инициатива Александра Михайловича воплотиться в жизнь, если бы Кирилл Владимирович подписал документы совещания? Скорее всего, нет. В данном случае подпись Кирилла Владимировича стала бы для него не актом смирения, а бессмысленным унижением и поводом к упрекам в непоследовательности. Вся комбинация имела бы перспективу, если бы с Николаем Николаевичем были проведены предварительные консультации, и он дал бы твердые гарантии, что готов принять поддержку императорской фамилии и возглавить ее политически на таких условиях.

Сведения о совещании моментально просочились в прессу. Уже на следующий день после первого собрания, а именно 26 ноября, когда еще никакие документы не были подготовлены и подписаны, в парижском выпуске газеты «Нью-Йорк геральд» появилась статья «Родственники царя встретились здесь на семейном совете» с подзаголовком «Оставшиеся в живых Романовы обсуждали вопросы, относящиеся к возглавлению Реставрационного движения»⁶⁹.

О том, кто, пользуясь нынешней терминологией, «слил» эту информацию, остается только догадываться. Но есть веские основания полагать, что корреспондент получил довольно точные сведения от одного из присутствовавших на собрании.

Великий князь Александр Михайлович стремился к компромиссу с Николаем Николаевичем и был готов оказывать давление на Кирилла Владимировича. Он остался недоволен вмешательством Виктории Феодоровны. Также он продолжал пока настаивать на понравившемся ему варианте урегулирования конфликта между легитимистами и «николаевцами». Но он был честным и искренним человеком, помнил о данных им Кириллу Владимировичу заверениях в своем личном твердом легитимизме и не хотел прослыть предателем. Кроме того, он чувствовал свою ответственность как зачинатель совещания, породившего новый выпад в адрес Кирилла Владимировича. Всё это побудило Александра Михайловича написать в редакцию парижского издания «Нью-Йорк геральд» письмо, которое не позволило использовать в антилегитимистских целях информацию о встречах 25–27 ноября 1923 г. и составленную там резолюцию.

«В Вашей газете от 26 Ноября, — заявил Александр Михайлович, — я прочел статью, озаглавленную: “Царская Фамилия собралась в Париже на Семейный Совет”. Это неточно, вот почему я посылаю Вам это письмо для

⁶⁹ The New York Herald. Paris. 1923. 26 November.

Великий князь
Александр
Михайлович

того, чтобы раз навсегда пресечь ложные слухи, распространяемые лицами, сеющими раздор и пытающимися истолковать во зло самые чистые намерения. Никакого Семейного совета не было. Такой Совет потребовал бы сбора всей Царской Фамилии, рассеянной по Европе, что было бы ныне неуместно и несвоевременно. В действительности же было следующее: ввиду присутствия в Париже нескольких Членов нашей Семьи, мы собрались вместе, дабы найти способ положить предел сплетням относительно разногласий и недоверия друг к другу между нами, что является измышлением злонамеренных лиц».

Далее Александр Михайлович перечислил пять взаимосвязанных пунктов, единых для преобладающего большинства членов императорского дома.

В первую очередь необходимость борьбы с коммунизмом обосновывалась его богоборческим, антихристианским характером.

По данным Александра Михайловича, большевиков в России было «4 человека на 1000 душ населения».

В следующих четырех пунктах давалась, по сути, легитимистская интерпретация «непредрешенчества», очищенная от демагогических наслоений и призванная примирить признание права народа определять собственную судьбу с принципом легитимитета.

Освобождение России произойдет только изнутри: «Когда Русский народ придет к глубокому убеждению, что продление большевистского владычества равносильно постоянному рабству и нескончаемому горю, он должен будет сам свергнуть эту власть и решить, какой ему нужен государственный строй».

Расчет на иностранную интервенцию недопустим, и ни у кого из членов императорской фамилии в этом смысле нет ориентации ни на Германию, ни на Францию.

Допустимо наличие «вождя» помимо законного наследника и императорского дома в целом, но не вопреки им: «Мы все готовы служить нашей Родине и отдать ей нашу жизнь, если народ пожелает нашего служения ему, но не иначе и при условии, что народ будет следовать за вождем и поддерживать его. Этот вождь должен олицетворять идеалы русского народа».

Факт гибели мужских потомков Александра III еще не установлен, но в случае их смерти законным наследником является Кирилл Владимирович: «С строго государственной и юридической точки зрения, мы не имеем права считать семью Царя, а также Великого Князя Михаила погибшими. С другой стороны, если они не находятся в живых, то вопрос о престолонаследовании (в случае восстановления монархии) не вызывает среди нас ни малейших разногласий, так как российские основные законы с полной ясностью указывают, что право на престол принадлежит старшему члену нашей семьи, каковым является в настоящее время Великий Князь Кирилл»⁷⁰.

29 ноября 1923 г. письмо великого князя Александра Михайловича было напечатано в «Нью-Йорк геральд». Легитимисты перевели его и распространили в русской прессе. В конечном итоге вышло, что из-за продолжавшегося упрямства Николая Николаевича само совещание 25–27 ноября 1923 г., вообще-то неблагоприятное для Кирилла Владимировича, не привело ровно ни к каким результатам, но в распоряжении легитимистского движения оказался ценный публичный документ, свидетельствующий, что право Кирилла на престолонаследие не подвергается сомнению большей частью совершеннолетних членов императорского дома. То, чего не смогла добиться Виктория Феодоровна на квартире у Александра Михайловича 26 ноября, произошло, если можно так выразиться, само собой.

Великий князь Николай Николаевич, естественно, никоим образом не собирался действовать в рамках идей, разработанных совещанием 25 ноября 1923 г. Вдовствующая императрица Мария Феодоровна через дочь великую княгиню Ксению Александровну (супругу Александра Михайловича) ответила лишь спустя полмесяца, 13 декабря 1923 г.: «Нахожу всё правиль-

⁷⁰ The New York Herald. Paris. 1923. 29 November.

но. Напиши, пожалуйста, Сандро⁷¹, и скажи, что я одобряю их решение»⁷². Но весь проект к тому времени был уже похоронен.

Постоянный отказ великого князя Николая Николаевича от чрезвычайно компромиссных предложений не оставил великому князю Кириллу Владимировичу никакой иной возможности, как только продолжать осуществлять свои права и обязанности в полном объеме, не перекладывая ни на кого ответственность, постепенно освобождаясь от чуждых легитимизму тенденций, навязываемых ему соглашателями, и выработывая самостоятельную линию деятельности. В этом смысле для легитимного движения позиция Николая Николаевича сослужила хорошую службу.

Отголоском проектов Кирилла Владимировича и Александра Михайловича, предложенных ради объединения основных политических сил эмиграции, как и следовало ожидать, стали только слухи, что блюститель государева престола все-таки капитулировал перед натиском «непредрешенцев» и передал свои прерогативы «всей императорской фамилии». Окончательно убедившись в бесплодности любых шагов доброй воли по отношению к Николаю Николаевичу, которые не приносили никаких плодов и только оборачивались против их инициаторов, Кирилл Владимирович 12 декабря 1923 г. подписал в Ницце циркуляр № 5114: «На поступающие ко мне запросы о том, соответствует ли действительности известие, будто бы я отказался от Блюстительства Российского Государева Престола, передав Блюстительство всей Императорской Фамилии, разъясняю Вам следующее.

Мне действительно было сделано такое предложение, но остановиться на нем я не мог.

Я не могу отказаться от долга, возложенного на меня Основными Законами, в соблюдении которых я дал присягу. И никто не может снять с меня ответственности, завещанной мне Предками моими, Государями Российскими.

Совершенно ясно, что Блюстительство Российского Престола лежит на всем нашем Доме в лице старшего по первородству. Этот долг не может быть возложен на Императорскую Фамилию мной, но он возложен на Дом Романовых Основными Законами.

Начало первородства установлено Основными Законами, как порядок преемственности. Закону этому принадлежит исключительная важность. Свято соблюдать его дают особую клятву все Члены Императорской Фамилии и даже Император и Императрица, на престол вступающие.

⁷¹ То есть Александру Михайловичу.

⁷² АРИД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 41. Л. 318.

Объясняйте это сомневающимся с спокойствием и терпеливостью, памятуя, что даже самые простые и понятные вещи надо разъяснять»⁷³.

Этот циркуляр определенно обозначил правовую позицию великого князя Кирилла Владимировича, которая с тех пор не подвергалась никакой эрозии, вызванной политическими причинами. Готовность к диалогу и разумным соглашениям оставалась, но они признавались допустимыми только в том случае, если ни на йоту не противоречили династическим законам и продиктованному ими долгу⁷⁴.

Фраза циркуляра № 5114 о том, что «Блюстительство Российского Престола лежит на всем нашем Доме в лице старшего по первородству» подвела черту под утопическим планом создать из императорской фамилии некий коллегиальный руководящий орган без определяемого законом главы. Действительно, императорский дом не только мог, но и обязан был блюсти свои мировоззренческие и правовые основы. Но это необходимо подразумевало подчинение его членов законному главе императорской фамилии, который «есть на всегдашнее время попечитель и покровитель оной»⁷⁵ и которому каждый член императорского дома «обязуется совершенным почетом, повиновением, послушанием и подданством»⁷⁶.

Тем не менее в общественном сознании от позиции членов императорского дома зависело очень многое. Идея создания некоего совещательного династического органа при государе в качестве площадки для обсуждений и с целью упорядочения участия совершеннолетних великих князей и князей императорской крови в общественно-политической деятельности существовала еще до революции. В частности, создание Семейного совета было рекомендовано императору Николаю II совещанием великих князей, созванным им в 1911 г. Великий князь Кирилл Владимирович, как уже говорилось, поддерживал этот проект. Вплоть до получения письма великого князя Петра Николаевича он верил, что Семейный совет можно создать и

⁷³ Сборник Высочайших актов и исторических материалов. Ко дню годовщины издания Его Императорским Величеством Государем Императором Кириллом I Манифеста 31 Августа 1924 г. София: Издание Представительства Его Императорского Величества в Царстве Болгарском, 1925. С. 30–31.

⁷⁴ Когда после смерти Николая Николаевича ВМС начал осуществлять зондаж о восстановлении отношений с главой династии, эту позицию очень точно сформулировал начальник Канцелярии Его Императорского Величества капитан Г.К. Граф в письме генералу Г.Д. Ивицкому от 29 января 1929 г.: «Особой радости, если ВМС присоединится к нам, не будет, и ни на какие компромиссы с ним Е[го] В[еличество] не пойдет. Вообще, тактика остается прежней — всем рады, но никого не зазываем и на компромиссы не идем» (АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д. 109. Письмо № 129).

⁷⁵ Статья 219 Основных законов Российской империи.

⁷⁶ Статья 220 Основных законов Российской империи.

в эмиграции, причем был готов предоставить ему гораздо более широкие права, чем полагалось в соответствии со строгой буквой закона.

Уклонение Николая Николаевича от предложения Кирилла Владимировича созвать и возглавить Семейный совет похоронило данный замысел (скорее всего, к счастью для легитимистского движения). Но императорский дом продолжал существовать, и каждый из его членов должен был определиться относительно конфликта позиций Кирилла Владимировича и Николая Николаевича. За Кирилла Владимировича были его законные династические права в силу старшинства по первородству, а за Николая Николаевича — старшинство по возрасту и большая известность по причине пребывания в должности Верховного главнокомандующего российской армией во время Первой мировой войны.

В изгнании оказались потомки пяти ветвей дома Романовых. Старшей была линия Владимировичей — потомков третьего сына Александра II великого князя Владимира Александровича (1847–1909)⁷⁷. За ним следовала линия пятого сына Александра II великого князя Павла Александровича (1860–1919)⁷⁸. Третьей шла линия второго сына Николая I великого князя Константина Николаевича (1827–1892)⁷⁹. Четвертой — линия третьего сына Николая I великого князя Николая Николаевича Старшего (1831–1891)⁸⁰. Пятой — линия четвертого сына Николая I великого князя Михаила Николаевича (1832–1909)⁸¹.

Непосредственно вслед за Кириллом Владимировичем и его пятилетним сыном Владимиром Кирилловичем в порядке престолонаследия шел великий князь Борис Владимирович. На момент революции 1917 г. он в чине генерал-майора занимал пост походного атамана всех казачьих войск.

⁷⁷ 1) великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938), 2) князь (с 1924 г. — великий князь) Владимир Кириллович (1917–1992), 3) великий князь Борис Владимирович (1877–1943), 4) великий князь Андрей Владимирович (1879–1956).

⁷⁸ 5) великий князь Дмитрий Павлович (1891–1942).

⁷⁹ 6) князь императорской крови Всеволод Иоаннович (1914–1973), 7) князь императорской крови (с 1939 — великий князь) Гавриил Константинович (1887–1955), 8) князь императорской крови Георгий Константинович (1903–1938).

⁸⁰ 9) великий князь Николай Николаевич Младший (1856–1929), 10) великий князь Петр Николаевич (1864–1931), 11) князь императорской крови Роман Петрович (1896–1978).

⁸¹ 12) великий князь Михаил Михайлович (1861–1929), 13) великий князь Александр Михайлович (1866–1933), 14) князь императорской крови Андрей Александрович (1897–1981), 15) князь императорской крови Федор Александрович (1898–1968), 16) князь императорской крови Никита Александрович (1900–1974), 17) князь императорской крови Дмитрий Александрович (1901–1980), 18) князь императорской крови Ростислав Александрович (1902–1978), 19) князь императорской крови Василий Александрович (1907–1989).

Великий князь Борис Владимирович оказался единственным из членов династии, которого арестовало еще Временное правительство, не простившее ему порыв броситься на защиту «кузена Ники» в февральско-мартовские дни 1917 г. Правда, в июне его освободили, и в сентябре он уехал в Кисловодск к матери великой княгине Марии Павловне. В августе 1918 г. Бориса Владимировича вместе с братом Андреем Владимировичем арестовали большевики, но им удалось сбежать в Кабарду. С сентября 1918 г. Борис и Андрей жили в Анапе, потом вернулись в Кисловодск. Борис Владимирович эмигрировал в 1919 г. и тогда же вступил в морганатический брак с З.С. Рашевской (урожд. Елисеевой). Он полностью ушел в частную жизнь. Кирилл Владимирович крайне отрицательно отнесся к браку своего брата, и Борис Владимирович ни тогда, ни в дальнейшем даже не пытался получить от него согласие на этот союз. Несмотря на личные добрые отношения, братья общались довольно редко из-за неприятия Кириллом Владимировичем супруги Бориса Владимировича и ее родни. Никакой общественной активности Борис Владимирович до самой смерти не проявлял, деятельной поддержки своему брату не оказывал, но права его всецело признавал⁸².

Гораздо более ответственно подходил к своим обязанностям члена императорского дома следующий в очереди наследования великий князь Андрей Владимирович. Он окончил с серебряной медалью Александровскую военно-юридическую академию и еще до революции стяжал звание семейного юриста. В 1906–1912 гг. Андрей Владимирович участвовал в работе высочайше учрежденного Совещания по вопросу о порядке изменения Учреждения о императорской фамилии. В 1911 г. он стал сенатором, не присутствующим в департаменте Правительствующего сената. С сентября 1914 г. состоял при штабе Северо-Западного фронта, в мае 1915 г. был назначен командующим лейб-гвардии Конноартиллерийской бригады и произведен в генерал-майоры Свиты его величества. В феврале 1917 г. Андрей находился вместе с матерью в Кисловодске. В августе 1918 г. большевики арестовали великого князя в Пятигорске. Вместе с братом Борисом Андрей бежал в Кабарду, затем жил в Анапе. В мае 1919 г., после того как большевики были временно выбиты с Северного Кавказа, он вернулся в Кисловодск, а в 1920 г. эмигрировал из Новороссийска в Константинополь, откуда отбыл во Францию, где поселился в Кап д'Ай. В 1921 г. в Каннах Андрей Владимирович вступил в морганатический брак с балериной

⁸² После смерти Кирилла Владимировича Борис Владимирович стал прямым наследником своего племянника Владимира Кирилловича. Его членство в созданном тогда при Владимире Кирилловиче Совете императорского дома было довольно формальным. Борис Владимирович скончался в Париже во время немецкой оккупации 9 ноября 1943 г.

М.Ф. Кшесинской. На любой брачный союз члена императорского дома в силу статьи 183 Основных законов Российской империи необходимо получение согласия главы династии. Великий князь Андрей признавал важность соблюдения фамильных установлений, но вопрос о главенстве в то время еще не был ясен. Тогда Андрей обратился к брату Кириллу, как к старшему члену династии, пребывание которого известно, и облек свое прошение в деликатную форму, «прося совета», какую фамилию могла бы носить его жена. Кирилл Владимирович столь же деликатно, еще не в качестве главы дома, а просто как старший брат, ответил Андрею: «Так как я знаю, что Го-

Великий князь
Борис Владимирович

сударь Император дал сыну Твоей жены фамилию Красинский, я не вижу препятствий к тому, чтобы жена Твоя носила фамилию Княгини Красинской»⁸³. На основании этого письма от 16/29 апреля 1921 г. российское консульство в Ницце выписало паспорт М.Ф. Кшесинской на имя княгини М.Ф. Красинской. В 1928 г. Андрей Владимирович официально получил от Кирилла Владимировича, уже как от императора в изгнании, для супруги и ее сына Владимира (признанного Андреем Владимировичем своим) титул княгини и князя Красинских, а в 1935 г. — титул светлейших княгини и князя Романовских-Красинских. Тем не менее взаимоотношения с Кириллом Владимировичем у Андрея Владимировича были отнюдь не гладкими. По многим вопросам они имели разногласия, и споры случались резкие. При составлении своего политического завещания Кирилл Владимирович

⁸³ АРИД, Ф. 7. Оп. 2. Д. 48.

проявил гораздо больше доверия кузену Дмитрию Павловичу, чем родному брату Андрею Владимировичу⁸⁴. Однако Андрей с самого начала всецело признавал законные права старшего брата и деятельно защищал их, понимая, что отрицание принципа легитимизма ведет к уничтожению императорского дома как такового⁸⁵.

Пятый в порядке престолонаследия великий князь Дмитрий Павлович, сын расстрелянного большевиками великого князя Павла Александровича, избежал той же страшной участи, скорее всего, благодаря наказанию, наложенному на него Николаем II за участие в убийстве Г.Е. Распутина. Когда император распорядился выслать Дмитрия Павловича из Петрограда и направить в корпус генерала от кавалерии Н.Н. Баратова в Персию, члены императорской фамилии коллективно хлопотали, чтобы эта кара была отменена, так как слабое здоровье молодого великого князя может пошатнуться от нездорового иранского климата. Николай II остался неумолим. «Никому не дано право заниматься убийствами», — наложил он резолюцию на письме родных. Так Дмитрий Павлович оказался удален из эпицентра революционной трагедии, начавшейся в России в феврале 1917 г. После отречения Николая II и крушения монархии Дмитрий Павлович продолжал военную службу в Британском экспедиционном корпусе в Месопотамии. Оттуда он выехал в Лондон, затем жил в Париже. Некоторыми кругами в эмиграции Дмитрий Павлович выдвигался в качестве претендента на российский престол. В 1922–1924 гг. он проявлял некоторые колебания в вопросе признания Кирилла Владимировича законным главой дома, прислушиваясь и приглядываясь к разным позициям и не выступая в поддержку кого-либо, но сам лично никогда не проявлял никаких антилегитимистских тенденций. Поддержав акт великого князя Кирилла Владимировича о принятии им титула императора в изгнании в 1924 г., Дмитрий Павлович в главном уже никогда не сходил с избранного пути⁸⁶.

⁸⁴ АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д. 15.

⁸⁵ Андрей Владимирович был членом Государева совещания, представителем его императорского величества во Франции, членом Временного совещания по военным и военно-морским делам, затем управляющим делами Совета императорского дома при великом князе Владимире Кирилловиче, прямым наследником которого он являлся в 1943–1956 гг. На научном поприще Андрей Владимирович завоевал авторитет как председатель Русского историко-генеалогического общества во Франции. В 1954 г., за два года до смерти, великий князь Андрей Владимирович стал крестным отцом великой княжны Марии Владимировны, нынешней главы Российского императорского дома.

⁸⁶ В 1926 г. в Биаррице он вступил в морганатический брак с американской подданной Анной Одри Эмери, испросив дозволение на брак у Кирилла Владимировича и получив для супруги и потомства княжеский титул с фамилией Ильинских. В 1935 г. в силу акта от 28 июля о статусе морганатических супругов и потомства Дмитрий Павлович

Великий князь
Дмитрий Павлович

Шестому в очереди престолонаследия князю Всеволоду Иоанновичу в 1922 г. было восемь лет. Его отца князя императорской крови Иоанна Константиновича 18 июля 1918 г. большевики сбросили живым в шахту в Алапаевске вместе с великой княгиней Елисаветой Феодоровной и другими алапаевскими мучениками. Вдове Иоанна княгине Елене Петровне, урожденной принцессе Сербской, удалось эмигрировать с детьми Всеволодом и Екатериной. Они поселились в Великобритании. Ужасы революции так сильно подействовали на Елену Петровну, что она не хотела, чтобы ее дети говорили по-русски, что и сбылось. В 1922 г. Всеволод Иоаннович был слишком юн, чтобы занимать какую бы то ни было позицию⁸⁷.

получил для жены и сына титул светлейших княгини и князя Романовских-Ильинских (в 1937 г. брак расторгнут). Дмитрий Павлович был членом Государева совещания, представителем его императорского величества в Париже, в 1935–1938 гг. председательствовал в Главном совете и возглавлял спортивный отдел Младоросской партии — самой массовой и активной политической силы легитимистского движения 1930-х гг., после смерти Кирилла Владимировича состоял в Совете императорского дома при великом князе Владимире Кирилловиче. Также он являлся попечителем Зарубежного союза русских инвалидов. Скончался во время Второй мировой войны от уремии в Давосе, куда приехал лечиться от туберкулеза.

⁸⁷ По достижении династического совершеннолетия он стал принимать активное участие в легитимистском движении. Князь Всеволод был назначен официальным представителем е.и.в. в Великобритании, а в 1938 г. — членом Совета императорского дома при великом князе Владимире Кирилловиче. В 1939 г. в Лондоне он вступил в морганатический брак с М. Лигон, испросив дозволение на брак у Владимира Кирилловича и получив для супруги титул светлейшей княгини Романовской-Павловской. Разведясь с ней в 1956 г., Всеволод Иоаннович сразу женился на Э. де Гостоньи (был ее четвертым мужем). В 1961 г. он снова развелся и заключил последний третий морганатический

Князь Гавриил Константинович — седьмой в порядке престолонаследия — оказался единственным из оказавшихся в руках большевиков членов дома Романовых мужского пола, которому новые власти разрешили покинуть Советскую Россию. В 1918 г. Гавриил был арестован и помещен в Петропавловскую крепость вместе с впоследствии расстрелянными великими князьями Павлом Александровичем, Дмитрием Константиновичем, Николаем Михайловичем и Георгием Михайловичем. Гавриил Константинович страдал тяжелой формой туберкулеза и находился чуть ли не при смерти. Вероятно, поэтому хлопоты его морганатической супруги А.Р. Нестеровской, на которой он женился в 1917 г., и заступничество А.М. Горького возымели действие, так как тогда казалось, что Гавриил со дня на день умрет собственной смертью. Освободившись и даже получив разрешение на выезд из страны, с 1920 г. он проживал в Париже. В 1922–1924 гг. Гавриил Константинович проявлял колебания в отношении признания прав Кирилла Владимировича, но не выступал против него. Постепенно перешел на легитимистские позиции и придерживался их до смерти⁸⁸.

Брату Гавриила Константиновича князю Георгию Константиновичу, восьмому по очереди престолонаследия, в 1922 г. было 19 лет, то есть он

брак с В. Кнюст, испросив дозволение у Владимира Кирилловича и получив для супруги титул светлейшей княгини Романовской-Кнюст. Во всех трех браках детей он не имел, и с его смертью линия Константиновичей в мужском поколении полностью угасла. В 1956–1973 гг. Всеволод Иоаннович являлся прямым наследником великого князя Владимира Кирилловича. До конца 1960-х гг. он всецело поддерживал главу императорского дома и даже некоторое время был назначен душеприказчиком на случай его кончины. В 1970 г., за два с небольшим года до смерти, он неожиданно примкнул к «фронде» и вместе с князьями Романом Петровичем и Андреем Александровичем подписал заявление, необоснованно оспаривающее законный статус великого князя Владимира Кирилловича и его семьи. Однако большую часть жизни Всеволод Иоаннович оставался приверженцем легитимизма, и его внезапный переход в оппозицию главе династии стал, возможно, следствием болезненного психоэмоционального состояния (к сожалению, он страдал хронической алкогольной зависимостью, безвременно сведшей его в могилу).

⁸⁸ В 1935 г. испросил у императора в изгнании Кирилла Владимировича и получил для супруги титул светлейшей княгини Романовской-Стрельнинской. Председатель Объединения групп частей Российской императорской армии. Член Совета императорского дома при великом князе Владимире Кирилловиче. Почетный августейший председатель Общекадетского объединения во Франции. 15 мая 1939 г. главой Российского императорского дома великим князем Владимиром Кирилловичем возведен в великокняжеское достоинство с титулом императорского высочества. Овдовел в 1950 г. В 1951 г. вступил во второй морганатический брак с княжной И.И. Куракиной. Испросил дозволение на брак у Владимира Кирилловича и получил для супруги титул светлейшей княгини Романовской-Куракиной. В обоих браках потомства не имел. Автор воспоминаний «В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи».

еще не достиг династического совершеннолетия, определенного князьям императорской крови с титулом высочества в 20 лет⁸⁹. Он эмигрировал из России вместе с матерью великой княгиней Елисаветой Маврикиевной. Обретя самостоятельность и проживая в США, Георгий Константинович не поддерживал отношений с остальными членами Российского императорского дома в изгнании, не вступил в брак и не проявлял никакой общественной активности. Его убеждения неизвестны. Он скончался от неудачной операции аппендицита в Нью-Йорке в возрасте 35 лет.

Позиция великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича — соответственно девятого и десятого в очереди престолонаследия — изложена ранее. Оба они отвергали необходимость следовать династическим законам: Николай Николаевич из желания играть абсолютно самостоятельную политическую роль «вождя», а Петр Николаевич — из солидарности с братом. Одиннадцатый — сын Петра Николаевича князь Роман Петрович на момент революции был подпоручиком Инженерного корпуса. Он эмигрировал с членами своей семьи из Крыма в 1919 г. В Антибе в 1921 г. Роман Петрович вступил в морганатический брак с графиней П.Д. Шереметьевой. Как и его отец, он поддерживал претензии своего дяди Николая Николаевича на лидерство в эмиграции и занимал враждебную позицию в отношении законных глав Российского императорского дома в изгнании. Некоторыми кругами эмиграции Роман Петрович выдвигался в качестве претендента на российский престол в обход закона о престолонаследии, но эта инициатива не получила никакого серьезного развития⁹⁰.

Двенадцатым в порядке престолонаследия был великий князь Михаил Михайлович, второй по возрастному старшинству член императорского дома. Еще в 1891 г., не получив высочайшего дозволения и родительского благословения, он вступил в Сан-Ремо в неравнородный брак с графиней Софией фон

⁸⁹ Статья 198 Основных государственных законов Российской империи.

⁹⁰ Он не испрашивал дозволение на брак у главы Российского императорского дома и отказался оформить статус своей супруги и потомства в соответствии с фамильными законами Российского императорского дома на основании акта императора Кирилла Владимировича от 28 июля 1935 г. После Второй мировой войны некоторое время старался поддерживать хорошие личные отношения с главой Российского императорского дома великим князем Владимиром Кирилловичем, но в 1970 г. подписал заявление, необоснованно оспаривающее законный статус великого князя и его семьи. В 1973—1978 гг. являлся по закону прямым наследником великого князя Владимира Кирилловича. В 1977 г. возглавил новообразованное «Объединение рода Романовых», включавшее здравствовавших на тот момент князей императорской крови и морганатических потомков членов династии, игнорирующих историческое фамильное право Российского императорского дома. Старший сын князя Романа Петровича Н.Р. Романов имеет только женское потомство, а младший Д.Р. Романов бездетен.

Меренберг, морганатической дочерью принца Николая-Вильгельма Нассауского и дочери А.С. Пушкина Н.А. Пушкиной. За это великий князь был уволен Александром III со службы и изгнан из Российской империи. До конца жизни Михаил Михайлович поселился в Великобритании. В 1899 г. Николай II восстановил его в чине штабс-капитана, затем произвел в капитаны, подполковники, полковники и во флигель-адъютанты. В годы Первой мировой войны он являлся председателем Англо-русского комитета по военным заказам. Михаил Михайлович признал законные права Кирилла Владимировича и поддерживал его. Состоял членом Государева совещания. Скончался в Лондоне.

Тринадцатый по порядку наследования великий князь Александр Михайлович внес существенный вклад в конституирование Императорского дома в изгнании и становление легитимистского движения, поэтому на его деятельности следует остановиться особо. Александр Михайлович был, как и Кирилл Владимирович, моряком. В июле 1894 г. он вступил в брак с дочерью Александра III и сестрой Николая II великой княгиней Ксенией Александровной. Александр Михайлович занимал ряд руководящих постов на флоте и в 1909 г. был произведен в вице-адмиралы и стал генерал-адъютантом. Он покровительствовал созданию российской авиации, участвовал в организации подготовки национальных авиационных кадров, подготовил «Общий план организации воздухоплавания и авиации в России». В начале Первой мировой войны великий князь состоял при командующем 4-й армией, с 1914 г. командовал авиацией Южного фронта, в 1915 г. произведен в адмиралы, с декабря 1916 г. стал полевым генерал-инспектором военно-воздушного флота. В конце 1916-го — начале 1917 г. Александр Михайлович поддерживал идею создания «министерства общественного доверия», но отвергал предлагаемую оппозицией концепцию министерства, ответственного перед Государственной думой. После Февральской революции 1917 г. он, как и другие члены династии, был уволен с военной службы Временным правительством. Некоторое время Александр Михайлович жил в Киеве, а затем в Крыму в имениях Ай-Тодор и Дюльбер, где вместе с родственниками подвергался домашнему аресту и угрозе расстрела. Эмигрировав, он продолжал общественную, научно-исследовательскую и лекционную деятельность. Несмотря на отдаленное место в престолонаследии, Александр Михайлович имел большой личный авторитет и как государственный деятель высокого ранга, и как зять двух покойных императоров и вдовствующей императрицы⁹¹, отец внучки и шести

⁹¹ Хотя супружеские отношения Александра Михайловича с Ксенией Александровной фактически прекратились и они жили в разных странах, юридически их брак сохранялся.

внуков Александра III по женской линии. Поэтому влияние великого князя на общественное сознание русской эмиграции было велико.

В ноябре 1922 г. в Париже состоялась встреча Александра Михайловича и супруги Кирилла Владимировича Виктории Феодоровны. Александр заверил Викторию в полном признании им прав Кирилла и гарантировал свою поддержку.

Суть позиции Александра Михайловича заключалась в том, что очередность наследования престола четко и безусловно установлена Основными законами: после Николая II — Алексей Николаевич — Михаил Александрович — Кирилл Владимирович — Владимир Кириллович и т.д. Но кто бы из них ни оказался на престоле, по мнению Александра Михайловича, его воцарению будет предшествовать период борьбы, скорее всего, связанный с кровопролитием. А поскольку руки царя не должны быть обгажены кровью соотечественников, лучше предоставить возглавление этой борьбы лицу, не обладающему непосредственными правами на престол, каковым является Николай Николаевич. Кроме того, самому законному государю неудобно вести какую-либо агитацию в свою пользу, и это должны делать те лица, которые подготавливают его приход. Поэтому лучше предоставить блюстительство престола Николаю Николаевичу.

С этим мнением Кирилл Владимирович согласиться не мог по ряду причин, которые он и изложил в своем глубоко доверительном и откровенном ответе.

Отношение к «переходному периоду» у Кирилла Владимировича было гораздо более реалистичным, чем у Александра Михайловича: «Ты пишешь, что то кровопролитие, которого нельзя избежать при воссоздании России, не должно касаться будущего императора. Конечно, это истина; и лучше всего было, если бы кто-нибудь из вождей не нашего Рода и не под монархическим флагом совершил кровавый переворот, а потом предоставил бы трон Императору; но ведь этого быть не может, так как Русские люди ни за кем больше не в состоянии пойти, кроме имени законного своего представителя. Если придется чинить суровую расправу, то в этом случае я не усматриваю разницы между мною и Великим Князем Николаем Николаевичем: ни он, ни я собственноручно убивать не будем, но пролитая кровь все равно будет отнесена к Престолу».

Кирилл Владимирович предполагает, что возможна и иная ситуация, когда в случае крушения режима большевиков не возглавитель борьбы с ними окажется обязанным прибегнуть к репрессиям, а сам народ начнет без разбора линчевать своих подлинных и мнимых обидчиков из прежней администрации: «Вообще трудно предрешать, каким путем

восстановится порядок в России. Не приходила ли Тебе, например, в голову мысль, что главным источником кровопролития может явиться народный самосуд. На это много показаний. Тогда с высоты Престола, не Император еще, а Блюститель его должен будет явиться умиротворителем».

По глубокому убеждению Кирилла Владимировича, недостойно и нецелесообразно перекладывать ответственность на других, а потом появляться в белых перчатках: «Раз мы не знаем, как все совершится, то мы и не можем прибегать заведомо к таким сложным построениям: кровью Россию заливают один Великий Князь, а на престол вступает другой Великий князь. Может быть, это проще в наших представлениях, но в народных массовых переживаниях это вызывает сложный процесс. Вот почему я могу стоять только на прямом пути возглавления мной всего движения от самого его начала, хотя я и предвижу, какие трудности мне предстоят и как тяжела будет моя личная жизнь».

Отдавая дань «соборной» химере, Кирилл Владимирович в тот момент исключал для себя принятие императорского титула и даже оспаривал тезис Александра Михайловича, что, в случае гибели всего мужского потомства Александра III, «Ты есть наш Император»: «У меня также как и у Тебя нет сомнений, что Царская Семья зверски замучена, но я не только теперь не могу назвать себя Императором, но, даже вернувшись с Божьей помощью в Россию, не смогу этого сделать до тех пор, пока Земский Собор не установит факта, что нет более никого из нашего Дома, старше меня по рождению». Юридическая и политическая несостоятельность этого мнения Кирилла Владимировича будет подробнее рассмотрена ниже, но данная фраза свидетельствует, что он отнюдь не стремился во что бы то ни стало стать императором, а, напротив, искал всяческие аргументы, чтобы не принимать на себя окончательно и бесповоротно всю полноту ответственности царского статуса.

Но и уклоняться от той ответственности, которая уже лежала на нем, по крайней мере, в его сознании, Кирилл Владимирович считал себя не вправе: «Мне трудно согласиться с Тобой в том, что Блюстителем Престола является В[еликий] К[нязь] Николай Николаевич. Подойдем к этому вопросу так. В сознании масс распространено мнение (а мы с Тобой его исповедуем), что только Престол с законным Императором может вновь воссоздать Россию; и история закрепит этот взгляд. Если благодаря отсутствию Блюстительства этого Престола, России еще долгие годы суждено будет пребывать в состоянии хаоса, кому будет послано обвинение? Разве В[еликому] К[нязю] Николаю Николаевичу? Нет, только мне как старшему

в Роде. И обвинение это будет правильно, ибо только мое Блюстителство юридически обосновано»⁹².

Шестеро сыновей великого князя Александра Михайловича, занимавшие с 14-го по 19-е места в порядке престолонаследия — князя императорской крови Андрей, Феодор, Никита, Дмитрий, Ростислав и Василий в ту пору не имели собственной определенной позиции и проявляли солидарность со своим отцом. В 1924 г. Александровичи, кроме отсутствовавшего Дмитрия и еще не достигшего династического совершеннолетия Василия, подписали вместе с Александром Михайлови-

Князь
императорской
крови
Феодор
Александрович

чем верноподданническое письмо в адрес императора Кирилла Владимировича. В дальнейшем, однако, они, каждый по-разному и в разное время, уклонялись от соблюдения династических законов и установлений. Андрей, Никита и Дмитрий в 1930-е гг. привлекались Кириллом Владимировичем и Владимиром Кирилловичем к исполнению некоторых династических функций. Дмитрий Александрович тогда был самым дисциплинированным из них, испросив дозволение на свой первый морганатический брак и получив для супруги титул светлейшей княгини Романовской-Кутузовой. Остальные сыновья Александра Михайловича не узаконили свои морганатические браки в соответствии с династиче-

⁹² АРИД, Ф. 8. Оп. 1. Д. 6. Письмо блюстителя государева престола великого князя Кирилла Владимировича великому князю Александру Михайловичу. Б/д., не ранее 8 марта 1923 г. Копия.

ским правом. Дмитрий Александрович продемонстрировал свою верность Кириллу Владимировичу еще и тем, что вступил в Младоросскую партию⁹³.

⁹³ Князь Андрей Александрович еще в 1918 г. заключил морганатический брак с вдовой А.А. фон Фридеричи Елизаветой Фабрициевной фон Фридеричи (урожденная княжна Руффо; погибла в 1940 г. в результате германской бомбардировки). Он не испрашивал дозволение на брак и отказался оформить статус своей супруги и потомства в соответствии с фамильными законами Российского императорского дома на основании акта Кирилла Владимировича от 28 июля 1935 г. В 1938 г. подтвердил свое признание законного статуса великого князя Владимира Кирилловича в качестве главы Российского императорского дома после кончины Кирилла Владимировича. Был членом Совета императорского дома при великом князе Владимире Кирилловиче. В 1942 г. вступил во второй морганатический брак с Н. Мак-Дугал. В 1970 г. подписал заявление, необоснованно оспаривающее законный статус великого князя Владимира Кирилловича и его семьи. В 1978–1981 гг. являлся прямым наследником главы Российского императорского дома великого князя Владимира Кирилловича. После смерти князя Романа Петровича в 1978 г. возглавил «Объединение рода Романовых», включавшее здравствовавших на тот момент князей императорской крови и морганатических потомков членов династии, игнорирующих историческое фамильное право Российского императорского дома. Оставил морганатическое потомство от обоих браков;

князь Федор Александрович в 1923 г. в Париже вступил в морганатический брак с И.П. Гогенфельзен, княжной Палей, морганатической дочерью великого князя Павла Александровича и О.В. Карнович. Не испрашивал дозволение на брак и отказался оформить статус своей супруги и потомства в соответствии с фамильными законами Российского императорского дома на основании акта императора Кирилла Владимировича от 28 июля 1935 г. Развелся с И.П. Палей в 1936 г. Поддерживал тесные дружеские связи с лидером опереточной Всероссийской фашистской партии А.А. Вонсяцким. Оставил морганатическое потомство (в мужском поколении линия угасла);

князь Никита Александрович в 1922 г. в Париже вступил в неравнородный брак с графиней М.И. Воронцовой-Дашковой. Некоторыми кругами эмиграции Никита выдвигался в качестве претендента на российский престол вопреки закону о престолонаследии. В 1932 г. написал письмо Кириллу Владимировичу с отказом ему подчиняться из-за несогласия с высочайшим Новогодним обращением 1932 г., содержащим осуждение не только коммунизма, но и капитализма. В дисциплинарном порядке был исключен из состава императорской фамилии, т.е. лишен всех династических прав, кроме неприкосновенного и неотъемлемого права престолонаследия. В силу этого не был в 1934 г. приглашен на свадьбу принца Георга Кентского с принцессой Мариной Греческой, а его поражение в правах нашло отражение в «Готском альманахе». Впоследствии написал покаянное письмо. 31 декабря 1934 г. подписал заявление: «Информации, появившиеся в русской печати и связанные с Моим именем, вынуждают меня заявить нижеследующее: 1) Я решительно осуждаю содержание брошюры, изданной г. Сычевым под заглавием “Законы о Престолонаследии в России”. 2) Я никогда не считал спорным вопрос о Престолонаследии и не мог отрицать прав на Престол Главы Российского Императорского Дома Великого Князя Кирилла Владимировича, Которому всецело подчиняюсь. Никита. 31 декабря 1934, г. Лондон». Был прощен и восстановлен в правах члена императорской фамилии. Впоследствии неоднократно менял свою политическую позицию. Не испрашивал дозволение на брак у главы Российского императорского дома и отказался оформить статус своей супруги и потомства в соответствии с фамильными законами Российского императорского дома на основании акта императора Кирилла

Владимировича от 28 июля 1935 г. В 1950–1960-х гг. выступал с заявлениями, враждебными великому князю Владимиру Кирилловичу и его семье. В 1970 г. поддержал заявление князей Всеволода Иоанновича, Романа Петровича и Андрея Александровича, необоснованно оспаривающее законный статус великого князя Владимира Кирилловича и его семьи. Оставил морганатическое потомство (ныне полностью угасло);

князь Дмитрий Александрович не подписал верноподданническое письмо на имя императора в изгнании Кирилла Владимировича, так как находился в Нью-Йорке, но, в отличие от своих братьев, поддерживал Кирилла Владимировича по убеждениям. В 1931 г. вступил в морганатический брак с графиней М.С. Голенищевой-Кутузовой. Испросил дозволение на брак у Кирилла Владимировича и на основании акта императора от 28 июля 1935 г. получил для супруги и дочери титул светлейших княгини и княжны Романовских-Кутузовых. Брак расторгнут в 1947 г. В 1935 г. с согласия Кирилла Владимировича вступил в Младоросскую партию. Был членом Совета императорского дома при великом князе Владимире Кирилловиче. Участвовал во Второй мировой войне на Британском королевском флоте. В 1954 г. в Лондоне вступил во второй морганатический брак с Ш. Чисхольм. Дозволение на этот брак у главы Российского императорского дома великого князя Владимира Кирилловича не испрашивал и титула для супруги не получал. В 1970 г. поддержал позицию, выраженную в заявлении князей императорской крови Всеволода Иоанновича, Романа Петровича и Андрея Александровича, необоснованно оспаривающем законный статус великого князя Владимира Кирилловича и его семьи. Принимал активное участие в создании и руководстве «Объединения рода Романовых». Единственная дочь от первого брака светлейшая княжна Н.Д. Романовская-Кутузова скончалась в 2001 г. Линия угасла;

князь Ростислав Александрович в 1928 г. в Чикаго вступил в первый морганатический брак с княжной А.П. Голицыной. Брак расторгнут в 1944 г. Не испрашивал дозволение на брак у главы Российского императорского дома и отказался оформить статус своей супруги и потомства в соответствии с фамильными законами Российского императорского дома на основании акта императора Кирилла Владимировича от 28 июля 1935 г. В 1945 г. в Чикаго вступил во второй морганатический брак с Э. Бекер. Брак расторгнут в 1952 г. В 1954 г. в Чикаго вступил в третий морганатический брак с Я. фон Шаппюи. В 1970 г. поддержал заявление князей Всеволода Иоанновича, Романа Петровича и Андрея Александровича, оспаривающее законный статус великого князя Владимира Кирилловича и его семьи. Работал бухгалтером. Оставил морганатическое потомство от первых двух браков;

князь Василий Александрович в 1931 г. в Нью-Йорке вступил в морганатический брак с княжной Н.А. Голицыной (от брака родилась единственная дочь). Не испрашивал дозволение на брак у главы Российского императорского дома и отказался оформить статус своей супруги и потомства в соответствии с фамильными законами Российского императорского дома на основании акта императора Кирилла Владимировича от 28 июля 1935 г. В 1970 г. поддержал позицию, выраженную в заявлении князей императорской крови Всеволода Иоанновича, Романа Петровича и Андрея Александровича, необоснованно оспаривающем законный статус великого князя Владимира Кирилловича и его семьи. В 1981–1989 гг. являлся прямым наследником великого князя Владимира Кирилловича. После смерти брата Андрея Александровича в 1981 г. возглавил «Объединение рода Романовых». В 1981 г., после рождения внука великого князя Владимира Кирилловича великого князя Георгия Михайловича, подписал заявление, необоснованно оспаривающее принадлежность августейшего новорожденного к Российскому императорскому дому. С кончиной князя Василия Александровича угасла последняя, помимо старшей линии, мужская линия Российского императорского дома, и прямой наследницей главы дома Романовых великого князя Владимира Кирилловича в силу ст. 30 Основных государственных законов Российской империи стала его дочь великая княгиня Мария Владимировна.

Подводя итог, можно утверждать, что в период блюстителства императорская фамилия была достаточно пассивна, далеко не все ее члены проявляли принципиальность, но уже тогда сам инстинкт самосохранения приводил наиболее опытных и авторитетных ее членов к идеологической близости с позицией Кирилла Владимировича, а не Николая Николаевича. Молодые члены императорского дома, не имевшие общественно-политического веса, своего мнения не высказывали. Таким образом, из 19 выживших в революцию членов династии мужского пола только два (Николай и Петр Николаевичи) активно выступали против законного главы дома, один был с ними полностью солидарен (сын Петра Николаевича Роман Петрович), а остальные относились к Кириллу Владимировичу положительно или, по крайней мере, нейтрально.

О том, каково было соотношение сил между легитимистами и «непредрежденцами» в среде эмиграции в целом, существуют различные мнения и подсчеты. Например, по поступившим в ГПУ из одного источника осведомительным данным: «К настоящему времени можно считать выявившимся, что монархическое большинство находится на стороне Кирилла Владимировича. Кирилл уже сейчас имеет за собой 80% работающих за границей монархистов и других примыкающих к ним групп»⁹⁴. Это было преувеличением. «Непредреженцы», напротив, утверждали, что Николая Николаевича поддерживает 70% эмиграции и лишь 15% верны Кириллу Владимировичу⁹⁵. В действительности, общее число николаевцев превы-

⁹⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 1. С. 293.

⁹⁵ А остальные 15% являются республиканцами или ратуют за создание собственной государственности (украинские и прочие националисты, казацки сепаратисты). Любопытно, что спустя 10 с лишним лет, в последний год жизни Кирилла Владимировича, незадолго перед резким и максимальным всплеском легитимистских настроений, последовавшим за восприятием прав и обязанностей главы Российского императорского дома молодым великим князем Владимиром Кирилловичем, в «непредреженческих» кругах приводились такие цифры: Кирилла Владимировича поддерживали 30% эмиграции, 15% называли себя монархистами, но не были легитимистами, 10% являлись русскими националистами разных оттенков, но равнодушными или враждебными к монархии, 30% — украинскими и иными националистами (некоторые из которых были монархистами или признавали возможность союза с ними), 10% — казачьим движением (с заметной долей сепаратистов, но также и с большим количеством монархистов-легитимистов) и 5% — остальные группировки (За Русь Святую. Белград: Издание Лиги русских офицеров и солдат запаса за границей, 1937. С. 7–8). Эти данные не обоснованы научно и вряд ли вполне соответствуют действительности, но они позволяют проследить некую общую динамику: легитимистское движение осталось монолитным и, по крайней мере, удвоилось в процентном отношении, а «непредреженцы» (монархисты нелегитимистских толков и националисты) измельчали и в большой мере растворились в движениях, имеющих очень мало общего и с решениями Рейхенгалльского съезда, и с Белой борьбой периода Гражданской войны, и с прочими программами и лозунгами «непредреженчества» 1920-х гг.

шало количество легитимистов, но зато легитимисты были значительно сплоченнее⁹⁶, а николаевцы гораздо более разношерстны. Достаточно ознакомиться с крайне уничижительными оценками, данными, например, И.А. Ильиным Высшему монархическому совету, чтобы понять характер раздробленности «непредрешенцев» и его непреодолимую глубину⁹⁷. В любом случае, не подлежит никакому сомнению, что количество сторонников легитимного государя было весьма велико изначально, а впоследствии, в течение всего времени, пока русская эмиграция существовала как цельное социокультурное явление, только увеличивалось⁹⁸.

Что касается качественного состава легитимистов, то и в этой области расхожие в политизированных статьях и поверхностных трудах представления имеют крайне малое отношение к действительности.

Несправедливо утверждение, что легитимизм поддерживался, в основном, представителями верхушки свергнутых классов, а у «непредрешенцев» будто бы была более широкая социальная база. Согласно догматическим марксистским штампам, в Европе «социальную основу партии легитимистов составляли преимущественно крупные землевладельцы аристократического происхождения и представители высшего (...) духовенства»⁹⁹, а в русской послереволюционной диаспоре дело обстояло так: «монархисты (...) распадаются на “непредрешенцев” и “легитимистов”. Первые из них представляют собой наиболее многочисленную и наиболее влиятельную часть эмиграции белой; под их руководством находятся все крупнейшие эмигрантские организации. Вторые, “легитимисты”, выступающие сторонниками “законного государя Кирилла I”, опираются преимущественно на обломки бывшей придворной аристократической знати и на часть высшего офицерства»¹⁰⁰. Однако согласно агентурному донесению в Иностранный отдел ГПУ, полученному 8 февраля 1923 г., «настроение кадрового офицерства в своем большинстве в пользу Кирилловской организации. Генералы и самая консервативная часть помещиков и

⁹⁶ Хотя и в их среде имели место разногласия и споры по идеологическим и тактическим вопросам.

⁹⁷ См., напр.: *Ильин И.А. Собрание сочинений. Дневник. Письма. Документы. (1903–1938)*. М.: Русская книга, 1999. С. 122, 162, 168, 221–222, 234 и др.

⁹⁸ По данным Большой советской энциклопедии, на 1934 г. организованных и активно действующих легитимистов насчитывалось от 10 до 15 тысяч (БСЭ. Гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. Т. 64. С. 168). Данные эти явно занижены, но и они показывают, что в масштабах эмиграции легитимисты обладали значительным общественно-политическим потенциалом.

⁹⁹ СИЭ. Гл. ред. Е.М. Жуков. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1965. Т. 8. С. 522.

¹⁰⁰ БСЭ. Гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. Т. 64. С. 166.

фабрикантов ориентируются в сторону группы Николая Николаевича»¹⁰¹. Не соглашаясь на 100% с этим утверждением, тем не менее, можно сказать, что тенденция уловлена правильно¹⁰².

Моральная атмосфера в легитимистском движении, конечно, не была идеальной, однако ничего катастрофического не наблюдалось. В легитимистскую среду неизбежно затесались и проходимцы, и авантюристы, и карьеристы, и агенты ГПУ, и просто недалекие и неумные люди, и эгоисты, озабоченные не столько служением кому бы и чему бы то ни было, сколько личными интересами. Но ни одно из течений эмиграции не избежало наличия подобных персонажей, и можно основательно поспорить, в каком лагере их было больше, а в каком меньше.

Идеологу «Белой идеи» И.А. Ильину, в 1920-е гг. относившемуся к легитимистам (впрочем, как и к Высшему монархическому совету) резко отрицательно, представлялось, что «кириллисты» (как он именовал легитимистов) «состоят из трех категорий: I. Восторженные юноши и женщины, страдающие недержанием монархического чувства и политическим слабоумием; II. Честные, но тупые люди, рабы прямолинейности и формального аргумента, политически близорукие служаки; III. Порочные, хитрые интриганы, делающие на сем карьере и не останавливающиеся ни перед какими средствами. Первые две группы являются “стадом”, третья группа состоит из “пастырей”. Эти “пастыри” суть люди, бывшие беспринципными реакционерами еще до революции; это люди классового интереса, крайней озлобленности и мнимого, черносотенно-крикливого патриотизма»¹⁰³. Эту цитату из сводки «О положении», представленной И.А. Ильиным генералу барону П.Н. фон Врангелю, некоторые исследователи приводят как некое авторитетное мнение, не вдаваясь в минимальный анализ ее достоверности. Для того чтобы понять, сколь бесконечно далека от объективности оценка легитимистов, данная И.А. Ильиным, достаточно ознакомиться с

¹⁰¹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 2. Несбывшиеся надежды... 1923 г. М.: Триада-Х, 2001. С. 33–34; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 457. Л. 6.

¹⁰² Этот анализ осведомителя относится к военной среде, но приблизительно такой же расклад наблюдался и в среде гражданских лиц, и в среде духовенства. Средний «служилый слой» русской эмиграции был гораздо восприимчивее к личности Кирилла Владимировича и провозглашаемым им идеям, чем верхушечная часть, не заинтересованная в признании наличия легитимного государя, которому необходимо так или иначе подчиняться, причем не по собственной воле и желанию, не из собственного понимания общественной пользы и личных интересов, а по закону.

¹⁰³ Ильин И.А. Собрание сочинений. Дневник. Письма. Документы. (1903–1938). М.: Русская книга, 1999. С. 235.

Генерал-лейтенант
Н.А. Обручев

публичными обращениями Кирилла Владимировича, не имеющими ничего общего с «реакционностью», «озлобленностью», «классовыми интересами» и «черносотенно-крикливым патриотизмом», а также рассмотреть хотя бы состав «Совещания по вопросам устройства Императорской России», или, сокращенно, «Государева совещания» — органа, в котором собрались, можно сказать, «сливки» легитимистского движения, именно его «пастыри».

Указ об учреждении «Совещания по вопросам устройства Императорской России» «для предварительного изучения предположений общего законодательства, экономических, финансовых, просветительных и вообще государственного значения»¹⁰⁴ Кирилл Владимирович подписал 19 ноября 1924 г., после принятия им императорского титула. Но в Государево совещание были зачислены в основном те люди, которые проявили себя на протяжении предшествующих лет, то есть составляли костяк легитимистского движения уже в период блюстительства.

В первый состав Государева совещания вошли великие князья Андрей Владимирович, Дмитрий Павлович и Александр Михайлович, сенаторы Н.Н. Корево (товарищ статс-секретаря по отделению Свода законов Государственного совета Российской империи) и А.В. Бельгард (губернатор Эстляндии, а затем в 1905–1912 гг. начальник Главного управления по делам печати), камергеры М.С. Толстой-Милославский и В.П. Мятлев (известный поэт), прокурор К.И. Савич и брат бывшего премьер-министра Российской империи П.А. Столыпина А.А. Столыпин. Великому князю Андрею Владимировичу было поручено председательствование на собраниях членов

¹⁰⁴ АРИД, Ф. 8. Оп. 1. Д. 1.

Совещания во Франции, А.А. Столыпину — в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Королевстве СХС), а сенатору А.В. Бельгарду — в Германии. Камергер В.П. Мятлев назначался управляющим делами Совещания.

В течение декабря 1924 г. ряды Государева совещания пополнили великий князь Михаил Михайлович, бывший член Совета министра внутренних дел Российской Империи действительный статский советник К.Д. Кафафов, бывший товарищ председателя Государственной думы Российской империи С.Т. Варун-Секрет.

В дальнейшем состав Государева совещания становился всё более широким и разнообразным. Его членами были, к примеру, действительный статский советник А.А. Башмаков (авторитетный антрополог, этнограф и публицист славянофильского направления), бывш. начальник Канцелярии Министерства императорского двора и уделов генерал-лейтенант А.А. Мосолов, генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев (начальник Академии Генерального штаба в 1907—1912 гг., затем командующий корпусами и армиями на Румынском фронте и командующий Украинским фронтом во время Гражданской войны), генерал-лейтенант Генерального Штаба Российской Империи Н.А. Лохвицкий (в годы Гражданской войны командующий Дальневосточным фронтом; брат писательницы Тэффи (Н.А. Лохвицкой) и поэтессы Мирры Лохвицкой), прославленный инженер-конструктор летательных аппаратов И.И. Сикорский, председатель Архиерейского синода Русской православной церкви за границей митрополит Антоний (Храповицкий).

Одно только это перечисление, не говоря уж о более подробном знакомстве с биографиями указанных лиц, делает излишним какие-либо комментарии к «аналитическим выкладкам» И.А. Ильина. Если бы его записка «О положении» попала на глаза членам Государева совещания, то вызвала бы у них только гомерический смех. Наверняка многие из них имели какие-то классовые предрассудки и личные недостатки, а кое-кто и вправду не вполне оправдал надежд Кирилла Владимировича. Но, совершенно точно, никто не вписывался ни в один разряд сочиненной И.А. Ильиным неадекватной схематизации.

В сфере идеологии и политической методологии легитимистское движение развивалось поступательно. В отличие от сложившихся стереотипов, согласно которым издавна считается, что легитимисты являются наиболее консервативной и реакционной частью монархического спектра, движение, сформировавшееся вокруг личности великого князя Кирилла Владимировича, никак нельзя назвать сообществом ретроградов и классических реставраторов. Наоборот, вера в божественное происхождение царской власти, приверженность к историческим устоям и убежденность в незыблемости

закона у российских легитимистов сочетаются с постоянным поиском новых идей и путей и желанием создать синтез традиции с современными пореволюционными реалиями. Кроме того, большая часть легитимистов понимала абсурдность мечты вернуться в Россию «на белом коне» и искренно желала узнать, как живут и о чем думают соотечественники, оставшиеся на родине. Необходимость этого проистекала из мысли, высказанной капитаном 1-го ранга Г.Н. Чаплиным в его докладе на имя блюстителя престола от 19 марта 1923 г.: «С точки зрения тактики необходимо стремиться, дабы Россия и русский народ признали ваше императорское высочество как единственного законного БЛЮСТИТЕЛЯ ГОСУДАРЕВА ПРЕСТОЛА, признает же ли Вас за такового русское беженство в лице разных Марковых, Треповых, Скаржинских и им подобных для дела абсолютно неважно»¹⁰⁵.

Даже в СССР, где было принято приписывать противникам советской власти самые абсурдные намерения, вплоть до стремления восстановить крепостное право, не могли обойти вниманием модернизационные тенденции российского легитимизма. В канонической статье Большой советской энциклопедии¹⁰⁶, начав с обычного для марксистов утверждения, что «легитимисты» выступают с открытым требованием реставрации самодержавия, выдвигая кандидатом на престол «законного престолонаследника» бывшего великого князя Кирилла Владимировича Романова, автор М. АLEXIN отметил так называемую «левую эволюцию» легитимизма¹⁰⁷.

Установки легитимистского движения и стремление его участников к активности давали некоторые плоды. Легитимистские эксперты полагали, что необходимо не просто «блюсти принцип», а бороться с целью свержения советской власти. О русском беженстве они были невысокого мнения, отмечая, что эмигранты готовы признать любое правительство, которое обеспечит безопасное возвращение и реституцию¹⁰⁸. Главной опорой будущей монархии они считали крестьянство, отмечая, что старый правящий

¹⁰⁵ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 2. Несбывшиеся надежды... 1923 г. М.: Триада-Х, 2001. С. 21; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 246. Л. 46–49. Доклад кап. 1 ранга Г.Н. Чаплина на имя великого князя Кирилла Владимировича от 19 марта 1923 г.

¹⁰⁶ В первом издании БСЭ недвусмысленно признавалось существование российского легитимизма как социально-политического течения русской эмиграции, тогда как в последующих изданиях стали приняты умолчание об этом и характеристика легитимизма преимущественно как зарубежного (главным образом, французского) явления. Противостояние «непредрешенчества» и легитимизма в русском зарубежье начало сводиться к конфликту между сторонниками Кирилла Владимировича и Николая Николаевича.

¹⁰⁷ БСЭ. Гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. Т. 64. С. 168.

¹⁰⁸ Кирилл Владимирович был против реституции.

слой в любом случае будет восприниматься в России негативно. Большинство населения СССР, разочаровавшись в большевиках, в то же время может видеть в возвращении монархии опасность для себя, подозревая, что многим придется отвечать за преступления, совершенные в годы революции и Гражданской войны. Поэтому нужно дать гарантии в отсутствие у легитимистов духа реваншизма.

На первое место в политической работе ставились пропаганда и связь с сопротивлением большевизму внутри России, для чего планировалось создание групп из верных беженцев. Признавалась бессмысленность компромиссов с «беженцами «обывательского типа», ибо подобная политика способна лишь создать впечатление о слабости и беспомощности: «Рассчитывать же, что уступками и великодушием возможно разбудить в наших противниках чувства благородства и бескорыстной любви к Родине, не приходится, ибо события показали, что подобные чувства у них давно заглохли»¹⁰⁹.

Источники ГПУ информировали: «Лучшая агитация исходит от Кирилла Владимировича, воззвания которого имеются во всех учреждениях, причем они печатаются в самой России по новой орфографии. По имеющимся сведениям его агенты попадают в Россию в настоящее время из Варны, где им организована особая колония, куда идут все распоряжения из Парижа, места пребывания Кирилла Владимировича»¹¹⁰.

Эти успехи преувеличены. Участник легитимистского движения, а затем начальник Канцелярии Его Императорского Величества контр-адмирал¹¹¹ Г.К. Граф свидетельствует, что особенно в начале большинство намерений и планов «были маложизненными, так как авторы неопытны в политической борьбе»¹¹². Но постепенно шло развитие. Капитан Г.Н. Чаплин писал блюстителю престола: «Дело облегчается благодаря неизменно растущей популярности имени Вашего в России, где простой народ открыто связывает с именем вашего императорского высочества понятие об их народном будущем царе. Поэтому вся наша энергия, все помыслы и все средства, до последнего

¹⁰⁹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 2. Несбывшиеся надежды... 1923 г. М.: Триада-Х, 2001. С. 22; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 246. Л. 46–49. Доклад кап. 1 ранга Г.Н. Чаплина на имя великого князя Кирилла Владимировича от 19 марта 1923 г.

¹¹⁰ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 2. Несбывшиеся надежды... 1923 г. М.: Триада-Х, 2001. С. 357; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 293. Л. 8–27. Агентурные сведения венской резидентуры Иностранного отдела ГПУ, декабрь 1923 г.

¹¹¹ В 1920-е гг. — капитан 2-го ранга.

¹¹² Граф Г.К. На службе императорскому дому России. 1917–1941. Воспоминания. СПб.: Изд-во БЛИЦ, 2004. С. 50.

сантима, должны быть в первую голову направлены к укреплению и развитию этого здорового движения в самой России путем забрасывания деревни и Красной армии листовками, воззваниями и брошюрами в тысячах и тысячах экземпляров»¹¹³. Относительно «неизменно растущей популярности» капитан Г.Н. Чаплин допускал идеализацию, но существуют достоверные данные, что агитационные материалы легитимистов попадали в Советскую Россию¹¹⁴ и имя Кирилла Владимировича было там известно¹¹⁵.

¹¹³ Русская военная эмиграция 20—40-х годов. Документы и материалы. Т. 2. Несбывшиеся надежды... 1923 г. М.: Триада-Х, 2001. С. 21; ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 246. Л. 46—49. Доклад кап. 1 ранга Г.Н. Чаплина на имя великого князя Кирилла Владимировича от 19 марта 1923 г.

¹¹⁴ Любопытный материал представлен, например, в мемуарах Ф.Т. Фомина «Записки старого чекиста». Одна из глав этой книги называется «Манифест “царя Кирилла”» (Фомин Ф.Т. Записки старого чекиста. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИПЛ, 1964. С. 189—194). Ф.Т. Фомин, очевидно, следуя данным ему установкам, сообщает много заведомо недостоверных вещей. Достаточно упомянуть, что распространение манифеста от 31 августа/13 сентября 1924 г. он приписывает РОВСу — организации, этот манифест не признавшей и до 1938 года находившейся в жесткой оппозиции легитимистам. Но Ф.Т. Фомин признает факт, что манифест Кирилла Владимировича дошел до части советских граждан и что в 1920—1930-е гг. в СССР проникали другие обращения императора в изгнании и его портреты, легитимистские листовки и пропагандистские письма частным лицам. В рассказе есть ссылки на реальных лиц и на пути и способы подпольной пересылки легитимистских материалов (упомянуты манифест 13 сентября 1924 г., а также обращения «К русскому народу» и «К русскому воинству» от 8 августа 1922 г. и портреты Кирилла Владимировича) через границу. «Как-то начальник Псковского погранотряда Д.М. Давыдов доложил мне, что по пути следования поезда из Прибалтики в большом количестве были разбросаны открытки с портретом “царя Кирилла” и его манифестом. На другой день такое же сообщение я получаю от начальника Островского погранотряда И.Я. Ильина» (Там же. С. 190). Ввозились материалы проводниками из Эстонии и Латвии. Также по свидетельству Ф.Т. Фомина, практиковалась присылка по почте на адреса из дореволюционных справочников «Вся Россия», «Вся Москва», «Весь Петроград». Среди лиц, будто бы получивших манифест по почте, упоминаются врач-терапевт профессор Шварц, председатель Ленинградского областного Осоавиахима бывший полковник императорской армии В.И. Шорин и академик И.П. Павлов.

¹¹⁵ Достаточно красноречивым свидетельством этого является глава XIV романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», написанного в 1927 г. и с тех пор выдержавшего огромное количество изданий. Главный герой — жулик О. Бендер с помощью опустившегося бывшего уездного предводителя дворянства И. Воробьянинова выманивает деньги у представителей «старого мира» г. Старгорода, вовлекая их в фиктивную подпольную монархическую организацию «Союз меча и орала». Начиная свою аферу, О. Бендер спрашивает одну из жертв мошенничества — В. Полесова: «Вы, надеюсь, кирилловец?», на что тот отвечает: «Так точно!» и «вытягивается в струну». Далее, О. Бендер рассказывает подруге молодости И.М. Воробьянинова Елене Станиславовне Боур о том, кем в настоящее время якобы является ее возлюбленный: «Кто, по-вашему, этот мощный старик? Не говорите, вы не можете этого знать. Это — гигант мысли, отец русской демократии и особа, приближенная к императору». То же самое он повторяет на «тайном собрании» остальным прежним «лучшим людям города». У дворян и купцов не возникает вопроса, к какому императору приближен Воробьянинов. Все понимают, что речь идет о Кирилле Владимировиче. Но, что

Таким образом, периодически возникающие попытки представить легитимистское движение¹¹⁶ какой-то маргинальной, раскольнической, несамостоятельной силой совершенно ненаучны, необоснованны, характеризуются игнорированием очевидных и общеизвестных фактов и поэтому не выдерживают никакой критики.

Основы идеологии российского легитимизма кристаллизовались в обращениях великого князя Кирилла Владимировича. О его первых двух актах от 26 июля/8 августа 1922 г. уже говорилось. Обозначенная в них концепция монархии как источника умиротворения и инструмента национально-примирения была развита в подписанном Кириллом Владимировичем в Каннах обращении от 2/15 апреля 1923 г. Этот документ по форме носит характер не официального обращения, а, скорее, воззвания к народу, написанного более простым и несколько лубочным¹¹⁷ языком, что, однако, не умаляет значения выраженных в нем мыслей.

После патетических слов о благоденствии отечества до революции, признания, в то же время, наличия грехов старой России и описания ужасов революции и Гражданской войны, охарактеризованных как кара за эти всеобщие грехи, Кирилл Владимирович приступил к изложению своей программы.

Он начал ее с дезавуирования тезиса коммунистической пропаганды о том, что Романовы вынашивают планы восстановления старых порядков и мести: «Я не грожу Тебе, Русский Народ, покорением, но призываю Тебя — опомнись, и пойдем вместе по пути света и правды».

Далее следовал ряд призывов и гарантий, завершавшийся фразой, являющейся вариантом трисоставного девиза¹¹⁸: «Промысел Божий, Престол Государев, Труд Народный — вот те силы, которые приведут Россию снова к светлым дням». В дальнейшем эта фраза использовалась как один из лозунгов легитимистов.

В последней части воззвания провозглашались три принципа устройства государственной и общественной жизни после свержения власти большевиков:

1. Сохранение тех институций и явлений, которые доказали свою эффективность.

гораздо более интересно, это не требует расшифровки и для читателей романа, в основной своей массе вовсе не принадлежащих к «эксплуататорским классам». Они также прекрасно понимают, кто такие «кирилловцы» и к какому императору мог бы быть приближен Ипполит Матвеевич, если бы он действительно прибыл из-за границы с тайной миссией.

¹¹⁶ Как в период бюстительства, так, тем более, по мере его развития и распространения.

¹¹⁷ Благодаря составителю проекта князю Д.П. Голицыну-Муравлину.

¹¹⁸ По типу: «За Веру, Царя и Отечество».

Капитан
Г.К. Граф.
1904 г.

2. Очищение государственного аппарата и выборных учреждений от идейных богборцев и коммунистов и социально-политическая активность сторонников возрождения традиционных ценностей.

3. Активизация приходской жизни¹¹⁹.

Обращение Кирилла Владимировича от 2/15 апреля 1923 г. можно считать некими монархическими «апрельскими тезисами», послужившими основой для разработки будущей программы легитимистов.

При главе династии начали создаваться учреждения — Канцелярия во главе с управляющим — генерал-майором Генерального штаба Е.П. Доливо-Долинским и «Главный центр», в который входили наиболее приближенные к Кириллу Владимировичу лица. Начал складываться институт гражданских и военных представителей¹²⁰ и уполномоченных блюстителя государева престола. На 1 февраля 1924 г. представители были назначены в 13 странах: Великобритании (Ф.Э. Вильчинский), Бельгии, (А.К. Прежбиано), Болгарии (князь П.З. Бажбеук-Меликов), Королевстве сербов, хорватов и словенцев (граф В.А. Бобринский), Венгрии (А.Н. Шмеман), Италии (барон К.К. фон Врангель), Румынии (М.Г. Иеропес), Швейцарии (Л.Н. Гор-

¹¹⁹ АРИД, Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Воззвание Блюстителя государева престола великого князя Кирилла Владимировича к русскому народу с покаянием и призывом к объединению на основе традиционных российских ценностей. Листовка, изданная типографским способом. Канны, 2/ 15 апреля 1923 г.

¹²⁰ После того, как выяснилось, что подобное двоевластие пагубно сказывается на результатах работы, порождает несогласованность в действиях и даже конфликты, приказом № 16 от 6 сентября 1925 г. гражданское и военное представительства были «объединены в одном лице».

ностаев), Финляндии (К.А. Гольтгоер), Греции (М.Ю. Гаршин), в США (Б.Л. Бразоль), на Дальнем Востоке (Н.Л. Жадвойн) и в Нидерландской Индии (В.К. Борнхаупт).

Легитимистское общественно-политическое движение организационно оформилось в Мюнхене. Еще в начале 1920-х гг. там образовалось довольно аморфное Монархическое объединение, в котором состояли как легитимисты, так и «непредрешенцы». Председателем Совета объединения был генерал Н.А. Епанчин — высокомерный и озлобленный человек¹²¹, всецело ориентированный на установки Высшего монархического совета¹²². После издания манифеста Кирилла Владимировича от 26 июля/8 августа 1922 г. о принятии им блюстительства престола, когда выяснилось, что ВМС занял антилегитимистскую позицию, а руководство Монархического объединения его в этом поддержало, легитимисты покинули Монархическое объединение. После обсуждения сложившейся ситуации один из видных легитимистов того времени генерал-лейтенант К.В. Сахаров отправился к Кириллу Владимировичу с докладом о планах работы. Блюститель престола одобрил подготовленные проекты и уполномочил генерала К.В. Сахарова пытаться установить связи с единомышленниками в России. Небольшую финансовую помощь русским легитимистам для организации разведывательной поездки капитана Г.К. Графа в Финляндию и прибалтийские государства оказал бывший начальник штаба главнокомандующего германской армией генерал Э. фон Людендорф, контакт с которым обеспечил генерал В.В. Бискупский. Благодаря этому путешествию Г.К. Графа у легитимистского движения появились ячейки в приграничных с Советской Россией государствах и каналы связи с родиной.

26 мая 1923 г. в Мюнхене для общественного руководства всеми легитимистскими союзами и обеспечения их агитационными и методическими материалами был образован Временный комитет Русского легитимно-монархического союза (именуемый иногда Главным легитимно-монархическим комитетом), объединивший под своим началом около 60 организаций в Европе и Северной и Южной Америке.

Комитет в течение 1923 г. выпустил 18 номеров «Вестника русского легитимизма» тиражом 18 тыс. экземпляров. Также легитимистам удалось

¹²¹ Его проникнутые самовосхвалением и мизантропией мемуары (Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996) являются весьма своеобразным источником, демонстрирующим внутренний мир некоторых представителей истеблишмента Российской империи.

¹²² Перебравшегося из Берлина в Мюнхен после подписания в апреле 1922 г. советско-германского договора в Рапалло.

Генерал-лейтенант
В.В. Бискупский

наладить выпуск еженедельных газет «Вера и Верность» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев¹²³ и «Правое дело» в США¹²⁴.

По отношению к великому князю Николаю Николаевичу легитимисты соблюдали корректный тон, стараясь объяснять его позицию в самых деликатных формах и создавать впечатление, что он сам становится жертвой различных провокаций и обманов со стороны недобросовестных политиков.

С ВМС Временный комитет полностью разорвал отношения после публикации в мае 1924 г. в вестнике «Высший монархический совет» статьи Н.Е. Маркова «Ловцы правды», в которой он сделал личные выпады против ряда руководителей легитимистского движения. В ответ на это 30 июня Комитет разослал циркуляр, в котором заявлялось: «Вр[еменный] Комитет не станет и теперь ни возражать Н. Маркову, ни полемизировать с В[ысшим] М[онархическим] Советом. Правильно понимая тактику В[ысшего] М[онархического] Совета, Вр[еменный] Комитет Р[усского] Л[егитимно-] М[онархического] Союза находит невозможным в таких условиях стремиться к общей работе с ним, и потому дальнейшие сношения с В[ысшим] М[онархическим] Советом прекращает»¹²⁵.

О том, как шел процесс организации легитимистского движения, свидетельствует циркуляр, направленный Кириллом Владимировичем из Ниц-

¹²³ Выходила в г. Нови сад в 1923–1925 гг. под редакцией К. Хаджи.

¹²⁴ Выходила в Нью-Йорке в 1922–1925 гг., издавалась союзом «Единство Руси».

¹²⁵ ГАРФ. Ф. 5763. Оп. 1. Д. 11. Л. 126.

цы своим представителям 28 марта/10 апреля 1924 г. Этот документ является не только руководством к действию на будущее, но и обобщением результатов работы за предшествующий период.

Главное, к чему следовало стремиться — это объединение соотечественников за рубежом на основе легитимизма. Легитимистские объединения не должны были никоим образом вмешиваться в политику стран проживания: «Кружки или отделы эти должны быть совершенно в стороне от политической жизни того государства, в котором они находятся, занимаясь лишь Русским делом и сохраняя полную лояльность к местному Правительству, им оказавшему гостеприимство».

Задачи, поставленные Кириллом Владимировичем перед «законопослушными» организациями, заключались в следующем:

1. Пропаганда верности закону.
2. Взаимопомощь.
3. Посильный сбор пожертвований на общественно-политическую работу.
4. Развитие и совершенствование идейной базы.
5. Формирование общественного мнения стран проживания относительно целей легитимистского движения, положения дел в России и опасности коммунизма для других государств.
6. Содействие православному духовенству в сохранении чистого православного вероучения и церковного единства, а также обеспечивать сотрудничество всех верующих в Бога в противодействии богоборчеству.

Последовательное и целенаправленное выполнение этих задач Кирилл Владимирович считал залогом полноправного участия эмигрантов в возрождении России¹²⁶.

Летом 1923 г. при финансовой поддержке великой княгини Виктории Феодоровны в Мюнхене прошел съезд легитимистской молодежи, на котором зародилось оригинальное и самобытное движение младороссов во главе с А.А. Казем-Беком. Вскоре сама Виктория Феодоровна с дочерьми Марией и Кирой посетила Мюнхен и встречалась с единомышленниками и различными русскими и германскими общественными деятелями.

23 марта/5 апреля 1924 г. в Ницце было издано новое обращение Кирилла Владимировича «Ко всем верным русским подданным, находящимся за границей». В обращении он еще более определенно и недвусмысленно, чем в циркуляре № 5114 от 12 декабря 1923 г., выступил уже не только как блюститель государева престола, но как законный право-

¹²⁶ Сборник высочайших актов и исторических материалов. Ко дню годовщины издания Его Императорским Величеством Государем Императором Кириллом I Манифеста 31 Августа 1924 г. София: Издание Представительства Его Императорского Величества в Царстве Болгарском, 1925. С. 34–35.

преемник императоров всероссийских, легитимный глава Российского императорского дома¹²⁷.

Обращение от 5 апреля 1924 г. полностью следовало в русле легитимистской идеи. По мере укрепления убежденности в том, что все старшие члены императорского дома мертвы, первый по первородству из выживших членов династии должен был всё в большей степени выступать уже не как временный хранитель, но как реальный обладатель прав и обязанностей императоров. В рамках монархического менталитета правопреемник государей не только мог, но и обязан был требовать от верных людей подчинения, а неверных рассматривать не только как политических противников его личных взглядов, но как преступников против законности. Не требуя единомыслия, предоставляя широкое право для дискуссии даже в среде наиболее близких ему организаций и лиц и не навязывая никому конкретных политических программ, Кирилл Владимирович считал, что при всей разнице мнений и видений путей развития России все соотечественники должны быть едины в подчинении Основным государственным законам Российской империи, не отмененным никакой законной властью, а просто попраным в результате череды кровавых переворотов 1917 г.

Однако то, что логично проистекало из последовательного легитимистского мировоззрения, было неприемлемо для многих деятелей русской эмиграции. И если для легитимистов уверенный тон нового обращения Кирилла Владимировича послужил к ободрению и росту энтузиазма, то ряд изданий и организаций откликнулся возмущенными и обиженными репликами, нападками и насмешками.

«Новое время», опубликовав обращение Кирилла Владимировича 22 апреля 1924 г., сопроводило его резко отрицательной редакционной заметкой, назвав этот акт «чрезвычайно оскорбительным для каждого русского человека». Слова о том, что противники законности «недостойны места в будущей Императорской России», трактовались как «угроза»¹²⁸. 30 апреля, продолжая эту тему, «Новое время» заявляло: «Мы ни малейшим образом не касались вопроса о праве Вел[икого] Кн[язя] Кирилла Владимировича на российский престол. Но мы самым решительным и энергичным образом отрицаем какое бы то ни было право Его Высочества обращаться к русской эмигрантской

¹²⁷ АРИД, Ф. 8. Оп. 1. Д. 1; Обращение Блюстителя государева престола великого князя Кирилла Владимировича «Ко всем верным русским подданным, находящимся за границей» с призывом к объединению на основе легитимизма. Машинопись. Ницца, 23 марта/ 5 апреля 1924 г.

¹²⁸ Новое время. 1924. 22 апреля. № 897.

общественности, вынесшей на своих плечах всю борьбу с большевиками, от которой Его Высочество был достаточно далек, с выражениями недопустимыми, несправедливыми и больше чем оскорбительными. Русская общественность — не холоп, с которым допустимо разговаривать таким языком»¹²⁹.

В такой оценке усматриваются внутренняя противоречивость и неадекватность. Если Кирилл Владимирович обладает правами на престол, то нельзя отрицать за ним права выступать «как власть имущему». Что касается словесной формы обращения, то о ее удачности могут быть разные точки зрения. Но, скорее всего, даже если бы мысли обращения были сформулированы в более мягком и деликатном увещательном тоне, они всё равно были бы восприняты негативно противниками легитимизма. По поводу «оскорбительности» обращения «Новое время» явно преувеличивало. В обращении подвергалась осуждению не вся эмигрантская «общественность», а лишь та ее часть, которая «продолжает разрушительную работу», но даже с ее представителями Кирилл Владимирович говорил вовсе не как с «холопами». Его слова звучат не столько как какая-то «угроза», сколько как попытка усуетить тех, кого он считал осознанными продолжателями революционной смуты.

Наряду с обещаниями, лозунгами и увещаниями Кирилл Владимирович предпринял меры для консолидации легитимистской части эмиграции. В первую очередь он обратил внимание на военное сословие, от которого можно было в первую очередь ожидать отклика на призывы сохранять верность присяге.

30 апреля 1924 г. в Ницце блюститель престола подписал приказ № 108 по военной части о создании Корпуса офицеров императорских армии и флота и утвердил «Положение о Корпусе»¹³⁰. Корпус создавался «с целью произвести отбор достойных офицеров, верных престолу и Основным законам Российской империи и объединить их под знаменем законности для предстоящего служения Родине».

Корпус мыслился как резерв, из которого «производятся назначения в активные военные группы» и выбираются отдельные люди для выполнения «поручений военного характера». Что подразумевалось под «активными военными группами» и каковы могли быть их цели, не совсем ясно. Легитимисты отвергали террористическую деятельность в России и участие в каких бы то ни было вооруженных конфликтах в других странах, а иная активность во-

¹²⁹ Там же. 30 апреля. № 903.

¹³⁰ Положение о Корпусе офицеров Императорских Армии и Флота // Правое дело (Нью-Йорк). 1924. 31 мая. № 96.

енных групп и даже индивидуальное исполнение поручений военного характера могли проявиться только в случае начала боевых действий. Возможно, предполагались разведывательные акции, обеспечение безопасности членов императорской семьи и руководителей легитимистского движения и сопровождение пропагандистской литературы при попытках ее доставки в Россию.

Несмотря на Императорский статус Корпуса, в него принимались не только офицеры гвардии, армии и флота, произведенные в чин указами императора, но и те, кто получил чин после 1 марта 1917 г. Для этих лиц, как явствует из ряда дальнейших пунктов Положения, предполагалась своего рода процедура утверждения в реальном чине со стороны законного преемника императоров.

Все зачисленные в Корпус офицеры получали удостоверение и право ношения «особого нагрудного знака».

После 1 марта 1917 г. признавались офицеры, получившие первый чин на основании приказов военных министров Временного правительства до октября 1917 г., главнокомандующих фронтами Первой мировой войны, «Временного правителя»¹³¹ адмирала А.В. Колчака, главнокомандующих фронтами Гражданской войны (Юга России, Восточного, Архангельского и Северо-Западного), а также атаманов всех казачьих войск. Однако, учитывая неразбериху Гражданской войны, оговаривалось, что эти производства дают право на зачисление в Корпус только если офицер прошел курс обучения в военном учебном заведении или пробыл в строю нижним чином не менее 6 месяцев в боевых частях или 10 месяцев вообще в строю, и только если производства были совершены военачальниками в период занятия ими перечисленных соответствующих должностей.

Корпус возглавил генерал-лейтенант Генерального штаба Н.А. Обручев. Сын Кирилла Владимировича семилетний Владимир Кириллович был символически зачислен в состав Корпуса рядовым солдатом и матросом.

В условиях изгнания Корпус стал мощной и наиболее надежной опорой легитимистского движения. Спустя некоторое время его социальная база была расширена за счет унтер-офицерского и рядового состава, и он стал именоваться «Корпус Императорских Армии и Флота».

В августе 1924 г. выступление Кирилла Владимировича в качестве законного правопреемника всероссийских императоров прозвучало на международном уровне. Еще 2 февраля 1924 г. первое в истории Великобритании лейбористское правительство Рамсея Макдональда, только что сменившее

¹³¹ Именно так адмирал А.В. Колчак именуется в Положении о Корпусе, хотя сам именовал себя «Верховным правителем».

проигравших консерваторов, признало коммунистический режим СССР «как правительство де-юре тех территорий бывшей Российской империи, которые признают его власть»¹³². С апреля в Лондоне начались англо-советские переговоры о заключении общего и торгового договора, завершившиеся подписанием этих документов 8 августа 1924 г. Торговый договор устанавливал режим наибольшего благоприятствования между двумя странами. Консервативная часть британского общества и большинство русской эмиграции были поражены и оскорблены этим соглашением едва ли не больше, чем заключением Великобританией дипломатических отношений с СССР.

Кирилл Владимирович также счел нужным высказаться по данному вопросу в обращении от 1/14 августа 1924 г.: «За последние дни я, наравне со всеми Русскими людьми, верными Отечеству, с великим недоумением узнал, что Правительство Великобритании подписало соглашение с представителями тиранической олигархии, захватившей власть в России. В этом соглашении, между прочим, обещается предоставить советской власти крупный заем.

Я, Правопреемник Императоров Всероссийских, считаю своим долгом ясно, твердо и во всеуслышание заявить следующее:

Если бы у меня был хоть луч надежды, что предстоящий заем пойдет на дело восстановления разоренной России или на помощь ее голодающему народу, я с радостью приветствовал бы эту помощь, не обращая внимания, через руки какого правительства она проходит.

Но для меня и для всех Русских нет никакого сомнения, что заем заключается не с целью помощи и пользы Русского народа, а лишь для того, чтобы укрепить и несколько продлить срок власти поработителей народа, и дать III Интернационалу возможность продолжить пагубную пропаганду в Европе, Азии, Африке и Америке. Целью этой пропаганды является мировое потрясение, т[о] е[сть] гибель Христианской цивилизации и ввержение всего света в темную пропасть дикости, нищеты и рабства, на пользу и наслаждение лишь малой группы смелых фанатиков и развратной группы людей, потерявших честь и совесть и пользующихся этим потрясением для удовлетворения своей жадности и низменной похоти.

Всякий народ обязан исправно выплачивать свои международные обязательства, раз заем заключен или покрыт гарантией его правительства, и деньги получены для нужд страны и ее блага, как то на дело обороны, на развитие путей сообщения, экономической жизни, благоустройства и т[ому] подобное.

¹³² История дипломатии/ Под ред. В.П. Потемкина. М.: ОГИЗ, 1945. Т. 3. С. 293.

Но в данном случае денежные средства от реализации займа поступают в руки правительства, признанного почти всей Европой, но не признанного Русским народом, и Европа хорошо знает, что сие мое утверждение есть правда. Кровь лучших сынов России, ежедневно террором проливаемая, утверждает это мое заявление, как печать утверждает подлинность подписи на документе. Итак, я вновь заявляю, что Русский народ никогда не признавал и ныне не признает коммунистической власти и видит в ней не свое правительство, а лишь фактическую силу, силу злую, использовавшую его временную слабость и поработившую его.

А потому обещанный Великобританией заем, о котором ныне идет речь, никогда не будет признан свободным Русским народом для себя обязательным, как долг, подлежащий оплате процентами и погашению.

Когда настанет день освобождения России, то будет установлена власть, соответствующая потребностям и мировоззрению Русского народа, и тогда Россия станет вновь Русской.

Я не буду касаться в сем Акте, обращенном к иностранцам, вопроса о том, будет ли это правительство монархическим или республиканским, ибо это мы, Русские люди, решим исключительно между собою. Но какова бы ни была форма власти в освободившейся России, эта власть будет национальной, не будет бояться народа, не будет проливать его кровь, а напротив, будет опираться на народ. И такая национальная власть никогда не захочет, да и не сможет и не дерзнет признать для себя обязательным заем и другие сделки, которые ныне обещает Великобританское правительство злейшим врагам и палачам нашей несчастной Родины.

Судьба договора ныне находится в руках Великобританского Парламента и Народа, они решат сие дело по указанию своего разума и совести, но я сказал свое слово и тем исполнил долг перед Русским народом и перед памятью моих Венценосных предков»¹³³.

Это обращение великого князя Кирилла не улучшило положения русских легитимистов в Великобритании, но и не повредило им, так как многие англичане также были возмущены соглашением с большевиками.

Вскоре скандал с так называемым «письмом Коминтерна» — обнаруженными инструкциями по разжиганию революции в Великобритании — окончательно переломил общественное мнение в пользу противников договора. 8 октября 1924 г. кабинет Р. Макдональда пал, и в ноте

¹³³ Сборник высочайших актов и исторических материалов. Ко дню годовщины издания Его Императорским Величеством Государем Императором Кириллом I Манифеста 31 Августа 1924 г. София: Издание Представительства Его Императорского Величества в Царстве Болгарском, 1925. С. 4–43.

от 20 ноября 1924 г. пришедшее к власти консервативное правительство Стэнли Болдуина известило советскую сторону об отказе ратифицировать договор от 8 августа.

Разумеется, во всех этих международных событиях не следует преувеличивать вес обращения главы дома Романовых в изгнании. Перипетии политической борьбы в Великобритании и баланс сил в Европе диктовали образ действий правительств и Р. Макдональда, и С. Болдуина, и возвания великого князя, лишённого реальной политической силы, могли рассматриваться, в лучшем случае, как некая часть общего фона публичных настроений. Но в свете рассматриваемой темы обращение Кирилла Владимировича имеет существенное значение. В нем обозначена идея, что правопреемник всероссийских императоров имеет право и обязанность выступать от имени своего народа не только как возможный будущий правитель, но даже независимо от того, «будет ли правительство монархическим или республиканским». Тем самым фиксировался принцип социокультурного суверенитета, присущего исторической династии независимо от образа правления в ее стране.

Революция отняла у дома Романовых верховную власть, которой присуще самодержавие в политическом, управительном смысле. Но никакая сила не способна лишить его самостоятельности, самодостаточности и независимости, то есть социокультурного суверенитета.

Именно социокультурный суверенитет позволяет императорскому дому сохранять внепартийный, внеклассовый и, в целом, внегрупповой статус не только во время обладания властью, но и в качестве отстраненной от власти исторической институции. Этот статус дает ему возможность в любых условиях исполнять арбитражную, интеграционную функцию.

Самодостаточность (авторитетность) носителей идеала царства заключается в том, что их статус не зависит от внешних обстоятельств, чьего бы то ни было признания или непризнания и т.п. Под словом «авторитетность» в обиходной речи иногда подразумевают популярность, что онтологически неверно. Авторитетность — это как раз способность сохранять статус и влияние, независимо от того, как к данному объекту или явлению относятся на конкретном отрезке времени. Это — истинная ценность объекта или явления, определяемая, в рассматриваемом нами случае, их историческим социокультурным происхождением и бытием¹³⁴.

¹³⁴ Аналогично, например, древнерусская иконопись не утратила своей истинной духовной, исторической культурной и материальной ценности в тот период, когда ее варварски уничтожали или распродавали за бесценок в период антирелигиозных гонений, и исследователь этой иконописи, оценивая ее, не может быть связан преходящи-

Обоснованием самодостаточности положения глав династий для них самих и для их единомышленников является вера в Божественное происхождение природы их власти, династическое законодательство, регламентирующее наследование главенства в царственных домах, и связанная с этими факторами историческая преемственность.

Из самодостаточности проистекают самостоятельность и независимость носителей монархического идеала. Иногда приходится встречаться с употреблением по отношению к главам династий, принявшим титул короля или императора в изгнании¹³⁵, прилагательного «самопровозглашенный» с негативным оттенком. Если это может иметь место в политической полемике, то с точки зрения научной оценки — бессмысленно. В истории дома Романовых (как и в большинстве прочих династий) не было ни одного «несамопровозглашенного» государя, кроме призванного на престол основателя династии Михаила I, так как закон накладывал обязанность провозгласить о начале нового царствования именно на нового монарха, наследующего предыдущему в силу самого закона о наследии, не требующего никакой дополнительной санкции. Тем более в условиях изгнания просто не может существовать иное лицо или учреждение, которое объявляет о вступлении в права главы династии, кроме него самого. Любая глава династии является императором или королем де-юре. Принимать или не принимать высший исторический титул — это его право, опять же ничем и никем не связанное. Принятие титула не обязательно связано с политическими намерениями и является, в большей степени, событием духовного и культурного порядка.

Самодостаточность, самостоятельность и независимость (социокультурный суверенитет) присущи таким историческим институциям, как Церковь, другие религиозные конфессии и царственные династии. Их внутренний статус не делегирован никакой иной властью, кроме признаваемой ими внеземной власти Бога. Но это отнюдь не означает, что они тем самым ставят себя вне правового поля республиканских и светских государств, в которых они находятся.

Разумеется, если между этими институциями и государствами существует конфронтация, в правовой и практической сферах имеет место взаимное игнорирование. Историческая институция, в большинстве

ми временными обстоятельствами. Икона письма Андрея Рублева имеет одинаковую ценность и в костре, и в хлеву, и в частной коллекции, и в музее, и в храме, независимо от чьего бы то ни было отношения.

¹³⁵ Например, Карл II (Англия), Людовик XVIII, Генрих V (Франция), Кирилл I (Россия), Отто I (Австро-Венгрия), Лека I (Албания).

подобных случаев, вообще находится вне зоны данного государства, так как ее существование на его территории невозможно, а государство отрицает факт существования исторической институции или считает ее враждебной и незаконной с точки зрения действующего в стране законодательства¹³⁶.

Если же эти институции состоят в официальных взаимоотношениях с государством, или, по крайней мере, со стороны государства к ним проявляется нейтральное или доброжелательное отношение, их социокультурный суверенитет признается в границах их социокультурной системы. Государство не вмешивается во внутренние дела указанных исторических институций¹³⁷, а исторические институции соблюдают действующее законодательство государства.

В 1920-х гг. Российский императорский дом был вне закона на своей родине, и правопреемник императоров всероссийских считал себя возглавителем освободительной борьбы и выразителем интересов народа, угнетенного террористическим тоталитарным интернациональным режимом. Но он был готов, не отрекаясь от своих убеждений и не замалчивая их, тем не менее признать не только восстановление монархии, но и любую власть, которая была бы национальной, то есть исходила бы в своей деятельности из национальных интересов российского народа. Такое «непредрешенчество» — без предательства своего собственного идеала — было несравненно честнее игры, затеянной Николаем Николаевичем и его сторонниками.

8/21 августа 1924 г. в Кобурге было издано заявление блюстителя государева престола, посвященное специальному вопросу, связанному с трагическими событиями в Екатеринбурге 1918 г., но имеющее также общеюридическое значение для императорского дома.

Как явствовало из этого обращения, еще в ноябре 1923 г. Кирилл Владимирович обратился к председателю Совета послов М.Н. Гирсу с письменным запросом о месте нахождения вещественных доказательств по делу о цареубийстве. М.Н. Гирс неопределенно ответил, что доказательства «хранятся в надежном месте» под его ответственностью. Но в 1924 г. достоянием гласности стало заявление французского генерала М. Жанэна, бывшего представителя Франции при «Верховном правителе России» адмирале А.В. Колчаке и главнокомандующем войсками стран Антанты в ходе ино-

¹³⁶ Например, положение династий в странах с коммунистическими режимами; положение религиозных организаций в Албании в период «тотального атеизма» 1969–1991.

¹³⁷ В каноническое право Церкви, в династическое законодательство царственных домов.

Кобург в начале XX века

странной интервенции во время Гражданской войны в России, о том, что вместе с вещественными доказательствами он вывез и «найденные в кострищах Священные Останки убиенных в Екатеринбурге Царственных Мучеников» и потом по распоряжению великого князя Николая Николаевича передал их М.Н. Гирсу. Тогда Кирилл Владимирович вновь обратился к М.Н. Гирсу за подтверждением или опровержением этого факта, а в случае утвердительного ответа выразил пожелание, «чтобы Останки эти были помещены в достойном хранилище и под действительною ответственностью». М.Н. Гирс не отрицал факта наличия у него останков членов императорской семьи, но уклонился от ответа на поставленные вопросы.

Тогда Кирилл Владимирович принял решение оповестить об этом общественность обращением «по поводу укрытия бывшим послом Временного правительства М.Н. Гирсом Останков Государя Императора Николая Александровича и Его Семьи». Изложив обстоятельства дела, Кирилл Владимирович заявил: «Исчерпав, таким образом, имеющиеся у Меня возможности обеспечить достойное и надежное хранение священных для всего Русского Народа Останков, я обращаюсь к Русским людям и заявляю им из глубины возмущенного сердца, что останки, столь для нас священные, принадлежат всему Русскому Народу и не могут быть присвоены и скрыты частными лицами под каким бы то ни было предлогом»¹³⁸.

¹³⁸ Сборник высочайших актов и исторических материалов. Ко дню годовщины издания Его Императорским Величеством Государем Императором Кириллом I Манифеста 31 Августа 1924 г. София: Издание Представительства Его Императорского Величества в Царстве Болгарском, 1925. С. 43–44.

Насколько известно в настоящее время, то, что генерал М. Жанн именовал «останками», на самом деле было лишь веществом, собранным следователем Н.А. Соколовым на месте сожжения тел расстрелянных членов императорской семьи на Ганиной Яме. Никакого дальнейшего развития поиск Кириллом Владимировичем места хранения останков иметь не мог. Но обращение от 8 августа 1924 г., помимо попытки выяснить судьбу останков, имело еще одно важное юридическое значение. В нем Кирилл Владимирович впервые официально и безоговорочно признал факт смерти императора Николая II и всей его семьи, в том числе, естественно, наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича. Это признание было последним шагом перед наступлением для блюстителя престола полного права принять императорский титул.

Процесс становления Российского императорского дома в изгнании подошел к последнему рубежу. Понимание своей миссии у Кирилла Владимировича сложилось, идейная база была создана, система учреждений и общественных легитимистских организаций сформировалась. Статус блюстителя государева престола уже не соответствовал реальному положению дел.

Если бы и существовала возможность собрать в России сословно-территориальное представительство, подобного соборам XVI—XVII вв., этот вариант «решения судьбы престола» мог бы реализоваться только как политический проект в духе «непредрешенчества», но не имел бы ничего общего с восстановлением законности, разрушенной революцией. Если в 1613 г. Земский собор выяснял вопрос о личности законного наследника царской власти, то это диктовалось ситуацией, когда прежняя династия пресекалась, а писаного закона о престолонаследии не существовало. И даже в этих условиях собор принял решение не избрать популярного кандидата, а призвать наиболее законного правопреемника в соответствии с религиозно-правовыми представлениями той эпохи. Теперь же династия не пресекалась, а наследование главенства в ней четко регламентировалось законом.

Г.К. Граф в своих воспоминаниях описал ход рассуждений Кирилла Владимировича и его наиболее близких сотрудников относительно правильного титулования: «Если этот титул (блюстителя государева престола. — А. З.) был неудачен, что сам Кирилл Владимирович признавал еще до подписания манифеста (от 26 июля/8 августа 1922 г. — А. З.), то какой же титул ему надо было принять? Назвать себя наследником престола было бы еще неудачнее, так как это означало бы, что монархия суще-

ствуует, и кто-то престол занимает, а Кирилл Владимирович займет его после смерти этого лица. На самом же деле монархии не существовало, и дело касалось восстановления престола. По точному смыслу положения великого князя его титул должен был бы формулироваться так: “законный правопреемник на российский императорский престол”. Но такой титул был длинный, тяжеловесный и даже недостаточно определенный. Еще можно было бы назваться “претендентом” на престол, но это категорически отвергал великий князь уже по одному тому, что это звучало не по-русски¹³⁹. Одним словом, нельзя было предложить действительно удачного титула, соответствующего положению великого князя. Правда, еще обсуждался вопрос о титуле “глава династии”, но он был отвергнут, так как не указывал неоспоримости прав на престол и стремления его занять. Этот титул, вообще, был бы даже слабее титула блюстителя престола, и если его менять, то, конечно, в сторону усиления, а не ослабления¹⁴⁰. Поэтому оставалось только одно: принять императорский титул и тем самым поставить точку над *i* в смысле убеждения в неоспоримости своих прав юридически и подчеркнуть свое желание бороться за восстановление законной монархии»¹⁴¹.

Даже такой противник монархии и династии, как В.А. Маклаков, всячески демонстрировавший свое презрение к легитимизму и лично к Кириллу Владимировичу, но бывший профессиональным юристом и по-своему честным человеком, признавал: «Кирилл, несмотря на всё свое личное ничтожество и ничтожество тех особенно, кто его окружает, есть все-таки представитель очень живучей и упорной идеи — легитимизма; конечно, самыми разными юридическими крючками можно было бы доказывать, что он не имеет права на престол; но всё это не только крючки, но скажу Вам, как адвокат, и неубедительно. Кирилл,

¹³⁹ Кроме того, это было неверно и по сути. Термин «претендент» подразумевает возможность наличия других «претендентов» с приблизительно равными правами, чего не допускает российский закон о престолонаследии.

¹⁴⁰ Данные рассуждения привязаны к конкретной политической обстановке ожидания скорого падения власти большевиков. Когда взгляды на перспективы ликвидации коммунизма и восстановление монархии станут более реалистичными, титул главы Российского императорского дома будет признан оптимальным, и именно его примет сын Кирилла Владимировича Владимир Кириллович, наследовавший отцу в 1938 г. Однако если бы Кирилл Владимирович в 1924 г. не принял императорский титул, действительно, в общественном сознании не возникло бы полной ясности, что другого императора, кроме главы династии Романовых, по закону быть не может.

¹⁴¹ *Граф Г.К.* На службе императорскому дому России. 1917—1941. Воспоминания. СПб.: Изд-во БЛИЦ, 2004. С. 93.

действительно, с точки зрения легитимизма есть уже российский император. Он не решается на этом настаивать, но исключительно спрятавшись за фикцией, что государь может быть жив. В тот день, когда это станет юридически бесспорным, он, вероятно, переименует себя в Его Величество»¹⁴².

Сохранилось свидетельство, что в России патриарх Тихон в мае 1924 г. уклонился от передачи благословения великому князю Николаю Николаевичу, испрашиваемого религиозным авантюристом «архиепископом Южно-Американским» Николаем (Соловейчиком), сославшись на то, что «Святая Церковь не может благословить вел[икого] кн[язя] Николая Николаевича, раз есть законный и прямой наследник престола — Великий князь Кирилл»¹⁴³. Патриарху Тихону, в отличие от эмигрантов, было известно, что и члены царской семьи, и великий князь Михаил Александрович, несомненно, лишены жизни. Церковь официально признала факт смерти императора Николая II в постановлении Поместного собора 1917–1918 гг. о совершении панихиды «по бывшем государе — рабе Божиим Николае»¹⁴⁴ и в слове, сказанном патриархом после панихиды в Казанском соборе Москвы 6/19 июля 1918 г. О цесаревиче Алексее и великом князе Михаиле никаких церковных решений не принималось, так как о их казни не было объявлено официально. Но у патриарха Тихона, конечно, в 1924 г. не существовало никаких сомнений, что они разделили участь государя. Патриарху были известны Основные государственные законы Российской империи, и он имел правильное представление, кто следует в очереди наследования за убиенными.

Для самого Кирилла Владимировича мысль о вероятности спасения императора, цесаревича и Михаила Александровича до некоторых пор оставалась последним препятствием на пути принятия прав и обязанностей императора во всей полноте. Но он исходил из собственных ощущений и переживаний, а не из той псевдоюридической постановки вопроса, которую предлагали великий князь Николай Николаевич, Высший монархи-

¹⁴² «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметьев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3 т. Т. 3. Июнь 1923 — февраль 1951 / Под ред. О. Будницкого. М.: РОС-ПЭН, 2002. С. 180. Письмо В.А. Маклакова Б.А. Бахметьеву из Парижа, 1 мая 1924 г.

¹⁴³ Почему вожди тихоновщины не пошли на Собор Российской Православной Церкви 1 октября 1925. Вятка, 1925. С. 4; *Цыпин В., прот.* Учебник для православных духовных семинарий. М., 1994. С. 75–76.

¹⁴⁴ Деяния Священного собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. Т. 9. Деяния 118–136. Деяние 130. М.: ГАРФ — Новоспасский монастырь, 2000. С. 150–151.

ческий совет и даже верный легитимному принципу великий князь Александр Михайлович.

Совещание ВМС в ноябре 1922 г. заявило, что «нет вполне достоверных сведений о судьбе Государя Императора и Его Августейших Сына и Брата», и на этом основании считало вопрос о престолонаследии неразрешимым.

Со стороны «непредрешенцев» и «вождистов» понятно желание затягивать, забалтывать и запутывать все правовые вопросы, особенно связанные с престолонаследием, чтобы доказать правоту своей позиции и уничтожить саму возможность появления законного правопреемника императоров. Но и члены императорского дома, сохранявшие монархические убеждения, тоже долго не видели прямого и определяемого законом пути выхода из тупика. Великий князь Александр Михайлович, признававший, что в случае гибели обоих сыновей и внука Александра III «вопрос о престолонаследовании (в случае восстановления монархии) не вызывает среди нас ни малейших разногласий, так как российские основные законы с полной ясностью указывают, что право на престол принадлежит старшему члену нашей семьи, каковым является в настоящее время Великий Князь Кирилл», тем не менее, утверждал, что «с строго государственной и юридической точки зрения, мы не имеем права считать семью Царя, а также Великого Князя Михаила погибшими». Совещание великих князей и князей крови 12/25 ноября 1923 г. сочло, что принятие Кириллом Владимировичем прав и обязанностей императора «допустимо только после удостоверения в смерти М[ихаила] А[лександровича] как законного монарха в России». Во время совещания все его участники убеждали Кирилла Владимировича, что он не должен констатировать факт смерти своих предшественников.

Но кто мог и должен был объявить о смерти императора Николая II, цесаревича Алексея Николаевича и Михаила Александровича ПО ЗАКОНУ? Если иметь в виду законы Советской России, гражданами которой, независимо от своей воли, стали оставшиеся на родине члены императорского дома, то с декабря 1917 г. это обязаны были сделать органы ЗАГС. Однако регистрация факта смерти замученных Романовых в РСФСР и СССР не производилась. Лишь в 1996–1999 гг., уже после падения коммунистического режима и распада СССР, по поручению внучки Кирилла Владимировича главы Российского императорского дома великой княгини Марии Владимировны адвокат Г.Ю. Лукьянов добился получения свидетельств о смерти всех казненных членов импера-

торского дома¹⁴⁵. Ясно, что в 1920-е гг. Кирилл Владимирович не обладал возможностью обратиться в органы ЗАГС за получением свидетельств о смерти старших родственников.

Разговоры о «комиссии первейших юристов и государственных людей России» были совершенно безосновательны и демагогичны. В этой комиссии не было никакой нужды.

Следствие под руководством Н.А. Соколова не успело завершить все действия, но факты смерти Николая II, Алексея Николаевича и Михаила Александровича установило доподлинно и доказательно. На Рейхенгалльском съезде Н.А. Соколов пытался ознакомить собравшихся с результатами расследования, но его не хотели слушать, потому что так было удобнее большинству делегатов. Очень часто следователь, продолжавший сбор информации об обстоятельствах подготовки и совершения казней членов императорского дома, сталкивался с агрессией или саботажем. В 1924 г. он умер при не до конца выясненных обстоятельствах. Но Кирилл Владимирович успел выслушать Н.А. Соколова, и у великого князя не осталось сомнений, что пермское и екатеринбургское злодеяния, действительно, совершились.

После этого оставался лишь один выход — объявить о кончине императора Николая II, цесаревича Алексея Николаевича и великого князя Михаила Александровича. Согласно Основным государственным законам Российской империи это мог сделать только один человек — их наследник и преемник. Поскольку он наследовал их права и обязанности по тем же законам, никакой другой путь, предусмотренный какими бы то ни было другими законами, тут не подходил — это было бы юридическим абсурдом. Статья 53 Свода законов Российской империи гласит: «По кончине императора, наследник его вступает на престол силою самого закона о наследии, присвояющего ему сие право. Вступление на престол императора считается со дня кончины его предшественника». До революции каждый император, вступая на престол, сам объявлял о

¹⁴⁵ В том числе свидетельство о смерти императора Николая II (Романова Николая Александровича) выдано Центральным отделом ЗАГС Санкт-Петербурга 10 июля 1996 г. (дата смерти — 17 июля 1918 г., место смерти — г. Екатеринбург, причина смерти — расстрел), свидетельство о смерти наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича (Романова Алексея Николаевича) выдано Центральным отделом ЗАГС Санкт-Петербурга 10 октября 1997 г. (дата смерти — 17 июля 1918 г., место смерти — г. Екатеринбург, причина смерти — расстрел), а великого князя Михаила Александровича (Романова Михаила Александровича) выдано Центральным отделом ЗАГС Санкт-Петербурга 9 апреля 1999 г. (дата смерти — 13 июня 1918 г., место смерти — г. Пермь, причина смерти — расстрел).

кончине предыдущего государя и о своем воцарении. О кончине великих князей в силу статьи 139 также объявлялось императорскими манифестами. В Российской империи эти акты и были «свидетельствами о смерти» императоров и великих князей.

С точки зрения Основных государственных законов Российской империи Кирилл Владимирович юридически стал императором 4/17 июля 1918 г. Но лишь 31 августа/13 сентября 1924 г., после всех описанных событий, после мучительных раздумий и сомнений¹⁴⁶ он подписал манифест, основная часть которого звучала так:

«Осенив Себя Крестным знамением, объявляю всему Народу Русскому:

Надежда наша, что сохранилась драгоценная жизнь Государя Императора Николая Александровича, или Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, или Великого Князя Михаила Александровича, не осуществилась.

Ныне настало время оповестить для всеобщего сведения: 4/17 июля 1918 года в городе Екатеринбурге, по приказанию интернациональной группы, захватившей власть в России, зверски убиты — Государь Император Николай Александрович, Государыня Императрица Александра Феодоровна, Сын Их и Наследник Цесаревич Алексей Николаевич, дочери Их Великие Княжны Ольга, Татиана, Мария и Анастасия Николаевны.

В этом же 1918 году около города Перми убит Брат Государя Императора Великий Князь Михаил Александрович.

Светлая Память Сих Венценосных Мучеников да будет нам путеводною звездою в святом деле восстановления бывшего благоденствия нашей Родины. А день 4/17 июля да будет на все времена для России днем скорби, покаяния и молитвы.

Российские Законы о Престолонаследии не допускают, чтобы Императорский Престол оставался праздным после установленной смерти предшествоющего Императора и Его ближайших Наследников.

Также по Закону нашему новый Император становится таковым в силу самого Закона о Наследии.

Наступивший же вновь небывалый голод и несущиеся с Родины отчаянные мольбы о помощи повелительно требуют возглавления дела спасения Родины Высшим законным, внесловным и внепартийным авторитетом.

¹⁴⁶ Как писал в 1929 г. митрополит Антоний (Храповицкий): «Не спеша заявил о Своей обязанности принять Царскую власть Великий Князь Кирилл Владимирович, но выждал время, когда доподлинно узнал о кончине Царя Николая II, Его Сына и Его Брата и тогда только объявил Свой манифест» (Царский вестник. № 63. 1929. 14 (27) октября (Югославия)).

А посему Я, Старший в Роде Царском, Единственный Законный Правопреемник Российского Императорского Престола, принимаю принадлежащий Мне непререкаемо титул Императора Всероссийского.

Сына Моего, Князя Владимира Кирилловича, провозглашаю Наследником Престола с присвоением Ему титула Великого Князя Наследника и Цесаревича.

Обещаюсь и клянусь свято блюсти Веру Православную и Российские Основные Законы о престолонаследии, обязуюсь нерушимо охранять права всех вероисповеданий.

Народ Русский велик и наделен обильными дарами ума и сердца, но впал в страшную беду и несчастье. Великие испытания, ниспосланные ему Богом, да очистят его и приведут к светлому будущему, возобновив и укрепив перед Всевышним священный союз Царя и Народа»¹⁴⁷.

В этом фундаментальном для Российского императорского дома акте: 1) официально констатировался факт смерти императора Николая II, всех членов его семьи, в том числе цесаревича Алексея Николаевича и великого князя Михаила Александровича; 2) день царубийства провозглашался Днем скорби, покаяния и молитвы¹⁴⁸; 3) провозглашалось продолжение действия Основных государственных законов Российской империи, утверждавших непрерывность наследования престола (статьи 25–39, статья 53 и другие статьи, касающиеся процедуры реализации статей 25–39); 4) необходимость прояснения вопроса о возглавлении освободительной борьбы мотивировалась тяжелым и ухудшающимся положением народа в России; 5) объявлялось во всеобщее сведение, что первый по порядку первородства в доме Романовых принимает принадлежащий ему по закону титул императора всероссийского (статьи 27–29 и 53); 6) объявлялось имя законного наследника престола (статья 54); 7) содержалась клятва сохранять православную веру (статьи 63–64) и охранять права других конфессий и 8) выражалась надежда на восстановление единения царя и народа.

Считать манифест Кирилла Владимировича от 31 августа/13 сентября 1924 г. неправомерным, а вернее, ошибочным, можно было бы только в одном-единственном случае — если бы император Николай II, цесаревич Алексей и великий князь Михаил (или хотя бы кто-то один из них) все-

¹⁴⁷ АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1.

¹⁴⁸ Окончательное установление этой траурной даты, ставшее вехой на пути к будущей канонизации царской семьи, произойдет 28 июня/11 июля 1929 г., когда во время пребывания митрополита Антония в Сен-Бриаке Кирилл Владимирович подпишет вместе с митрополитом акт, провозглашающий 4/17 июля «Днем всеобщей скорби русских людей» (АРИД. Ф. 8. Оп. 1. Д.1).

таки выжили и обнаружили себя. Но Кирилл Владимирович предусмотрел и этот случай и в обнародованном официальном письме вдовствующей императрице Марии Феодоровне гарантировал: «Если осуществится чудо, в которое Ты веришь, что возлюбленные Сыновья Твои и Внук остались живы, то Я первый и немедленно объявлю Себя верноподданным Моего Законного Государя и повергну всё, Мною содеянное, к Его стопам»¹⁴⁹. Чуда этого, увы, быть не могло.

Рассмотрение всех обстоятельств подготовки и ближайших последствий издания манифеста 31 августа/13 сентября 1924 г. заслуживает отдельного исследования. Сейчас настало время подвести итоги изучения периода становления дома Романовых в условиях изгнания.

Российский императорский дом сохранился после революции как историческая институция, то есть корпорация, обладающая несомненной преемственностью с момента возникновения и социокультурным суверенитетом на основе своих внутренних исторически сложившихся правовых установлений, идей и традиций.

Законный преемник прав и обязанностей императоров всероссийских — старший в порядке первородства из выживших членов императорского дома мужского пола великий князь Кирилл Владимирович — проявил готовность исполнить долг, возложенный на него Основными государственными законами Российской империи.

Не будучи полностью уверенным в кончине старших его в династическом смысле императора Николая II, цесаревича Алексея Николаевича и великого князя Михаила Александровича, Кирилл Владимирович начал свою деятельность в статусе блюстителя государева престола и, лишь убедившись в смерти указанных мужских потомков императора Александра III, принял принадлежащий ему в силу закона титул императора всероссийского в изгнании.

Попытки оспорить права Кирилла Владимировича со стороны ряда политических сил русской эмиграции не имели под собой действительных юридических оснований и не являлись причиной нежелания признать его главенство и руководство, а, наоборот, проистекали из этого нежелания.

В период блюстительства, в основном, сложилась система учреждений при Российском императорском доме в изгнании и оформилось легити-

¹⁴⁹ Сборник высочайших актов и исторических материалов. Ко дню годовщины издания Его Императорским Величеством Государем Императором Кириллом I Манифеста 31 Августа 1924 г. София: Издание Представительства Его Императорского Величества в Царстве Болгарском, 1925. С. 49.

мистское движение, ставящее своей целью восстановление в России православной законной монархии, наследственной в доме Романовых.

Упорное уклонение великого князя Николая Николаевича от любых компромиссных вариантов взаимодействия с законным главой Российского императорского дома великим князем Кириллом Владимировичем объективно постепенно привело к освобождению идеологии и практики легитимистского движения от элементов, противоречащих принципу легитимизма.

Издание манифеста от 31 августа/13 сентября 1924 г. о принятии блюстителем государева престола великим князем Кириллом Владимировичем титула императора всероссийского в изгнании завершило процесс конституирования Российского императорского дома в пореволюционных условиях, что обеспечило продолжение его существования как институции.

Ключевые слова:

дом Романовых, легитимизм, социокультурный суверенитет, престолонаследие, непредрешенчество, блюститель государева престола, император в изгнании Кирилл Владимирович, митрополит Антоний (Храповицкий), великий князь Николай Николаевич

Alexander N. Zakatov

THE FORMATION OF THE ROMANOV DYNASTY IN EXILE (PART II)

In the second part of the article, «The Formation of the Romanov Dynasty in Exile», the author analyzes the situation in the context of Russian emigration during the first half of the 1920s, the legal status and activities of the Russian Imperial House in Exile and the circumstances of the adoption in 1922 of Grand Duke Kirill Vladimirovich as the Keeper of the Sovereign Throne and in 1924, as the Emperor of Russia in Exile on the basis of historical sources from the state and departmental archives of the Russian Federation and the Archive of the Russian Imperial House in Exile (ARIH). The author studies the formation of Legitimist movement ideology and the system of institutions at the head of the dynasty, formulated and theoretically grounded in the principle of sovereignty of the sociocultural historical institutions.

 Закатов Александр Николаевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и культуры Московского государственного университета геодезии и картографии (бывш. Императорского Константиновского межевого института), член Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия

Н.Н. Омонов

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВА

1737 г. в составе Новгородской первой летописи В.Н. Татищев обнаружил текст, известный в настоящее время как Краткая Русская Правда (далее — КРП). Согласно исследователю, первая половина КРП — закон, который был «за неколико сот лет до Ярослава сочинен»; вторую половину

Краткой Правды исследователь связывал с сыновьями Ярослава¹.

Правовой памятник, называемый Русская Правда, представлен двумя основными редакциями, Краткой и Пространной (далее — ПРП)². Запись первой части Краткой Правды, так называемой Древнейшей Прав-

¹ Татищев В.Н. История Российская: В 7 т. М.; Л., 1968. Т. VII. С. 277. К точке зрения В.Н. Татищева был близок И.Н. Болтин (Правда Русская, или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. С приложением древняго оных наречия и слога на употребительные ныне и с объяснением слов и названий, из употребления вышедших. М., 1799).

² Текст и нумерация статей Русской Правды по изд.: Памятники русского права. Вып. I: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Сост. А.А. Зимин. М., 1952. Сокращенная редакция Русской Правды в настоящей статье не рассматривается, так как на основании наличия поздней терминологии и характера норм и на основании своего соотношения с Пространной Правдой она признана поздней переработкой последней (Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999. С. 335–354).

ды (ст. 1–18), многими исследователями связывается с законодательством Ярослава Мудрого (см. ниже). Точка зрения о существовании уже в начале XI в. древнерусского светского законодательного свода возникла на заре развития отечественной исторической науки и стала преобладающей³.

Началом XI в. запись первой части Краткой Правды датировал весьма широкий круг исследователей: М.П. Погодин⁴, Н.И. Ланге⁵, В.О. Ключевский⁶, М.Н. Тихомиров⁷, С.В. Юшков⁸, А.В. Черепнин⁹, Б.А. Романов¹⁰, А.А. Зимин (ученый предполагал, кроме того, что источником Русской Правды было не только устное право, но и несохранившиеся письменные законодательные установления X–XI вв.)¹¹, Л.В. Милов¹², М.Б. Свердлов¹³.

Исследования в области русского летописания позволили А.А. Шахматову построить подробную генеалогию летописных текстов, которая была использована последующими исследователями, в том числе и для обоснования присутствия КРП в самых ранних летописных сводах. Сам А.А. Шахматов считал, что Краткая Правда заменяет собой несохранившуюся грамоту, выданную Ярославом новгородцам¹⁴. Основываясь на

³ Данная точка зрения отражена в современных учебных пособиях: *Скрынников Р.Г.* Русь. IX–XVII века: Учеб. пособие для абитуриентов гуманитар. вузов и учащихся ст. кл. СПб., 1999. С. 71–75; *Кириллов В.В.* История России: Учеб. пособие. М., 2007. С. 37–39; *Земцов Б.Н.* История отечественного государства и права. М., 2009. С. 27–29.

⁴ *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории. М., 1846. Т. I: Введение. Об источниках древней русской истории, преимущественно о Несторе; М., 1846. Т. III: Норманнский период.

⁵ *Ланге Н.И.* Исследование об уголовном праве Русской Правды // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1858. Кн. I. С. 1–64; СПб., 1859. Кн. III. С. 95–128; СПб., 1859. Кн. V. С. 129–226; СПб., 1860. Кн. VI. С. 227–303.

⁶ *Ключевский В.О.* Сочинения: В 8 т. М., 1956. Т. 1: Курс русской истории. Ч. 1. С. 209, 215; М., 1959. Т. 6: Специальные курсы. С. 88–104, 219.

⁷ *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 48–61.

⁸ *Юшков С.В.* Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 277–278, 283–284, 292–293.

⁹ *Черепнин А.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // *Новосельцев А.П., Пакуто В.Т., Черепнин А.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 131–139.

¹⁰ *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М.; Л., 1966. С. 24 и сл.

¹¹ *Зимин А.А.* Правда Русская. С. 65 и сл.

¹² *Милов Л.В.* Проблемы рецепции византийского права в Древней Руси // *Милов Л.В.* Исследования по истории памятников средневекового права. М., 2009. С. 314–327.

¹³ *Свердлов М.Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.

¹⁴ *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; *Он же.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.

построениях А.А. Шахматова, И.А. Стратонов предполагал, что древнейший текст, положенный в основание КРП, читался уже в новгородской летописи 1017 г.¹⁵ Согласно А.А. Зимину, КРП была кодифицирована составителем Новгородского свода середины XI в.¹⁶ А.А. Гиппиус предположил, что в Новгородском летописном своде XI в. читалась Древнейшая Правда¹⁷.

В справедливости точки зрения о существовании древнерусского светского законодательного свода в начале XI в., однако, можно усомниться. Согласно Г.А. Розенкампу, Русская Правда складывалась как статья в составе Кормчей книги¹⁸. Вторичность Краткой Правды (и, соответственно, Древнейшей Правды) по отношению к Пространной предполагали М.Т. Каченовский¹⁹, Д.Н. Дубенский²⁰, А.И. Соболевский²¹ и Е.Ф. Карский²². А.П. Толочко отнес создание Краткой Правды (в том числе Древнейшей Правды) к XV в.²³

Изучение Краткой Правды представляет собой весьма интересную историко-юридическую ситуацию, поскольку этот предположительно древнейший свод законов (являющийся, соответственно, одним из основных источников для реконструкции права, социального и экономического строя Руси XI в. и более раннего времени) читается в составе лишь двух списков XV в. Новгородской первой летописи младшего извода (далее — НПЛМ), Комис-

¹⁵ Стратонов И.А. К вопросу о составе и происхождении Краткой редакции Русской Правды. Казань, 1920. С. 33–39.

¹⁶ Зимин А.А. Правда Русская. С. 133–150, 217–254.

¹⁷ Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Л., 1997. Вып. 6 (16). С. 62–63.

¹⁸ Розенкампф Г.А. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. СПб., 1839.

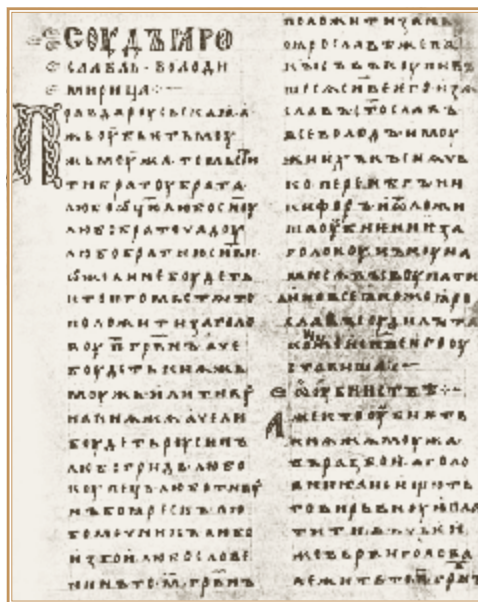
¹⁹ Каченовский М.Т. Мой взгляд на Русскую Правду // Вестник Европы. М., 1829. № 13. С. 23–29; № 14. С. 99–113; № 15. С. 278 и сл.; № 16. С. 274–285; Он же. Из рассуждений о Русской Правде // Ученые записки Императорского Московского университета. М., 1835. № III. С. 351–388; № IV. С. 3–27; Он же. Два рассуждения: О кожаных деньгах, и О Русской правде, покойного заслуженного профессора Московского университета М.Т. Каченовского. М., 1849.

²⁰ Дубенский Д.Н. Памятники древнего русского права, по харатейному списку Императорского Московского общества истории и древностей российских с вариантами, примеч. и объяснениями Д. Дубенского // Русские достопамятности. М., 1843. Ч. II; Он же. Об Ярославовой Правде XI в. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1846. Кн. 2. С. 4–22.

²¹ Соболевский А.И. Две редакции Русской Правды // Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой: 1885–1915. М., 1916. С. 17–23.

²² Карский Е.Ф. Русская Правда по древнейшему списку: Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава. Л., 1930. С. 9.

²³ Толочко О.П. Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста. Київ, 2009. (Ruthenica. Supplementum 2).

Страница
Русской
Правды.
XIII в.

сионном и Академическом. В годовой статье 1016 г. описывается борьба Ярослава со Святополком; Ярослав при помощи новгородцев садится княжить в Киеве и награждает последних деньгами, «правдой» и «уставом» («и давъ имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: “по се грамотъ ходите, якоже списах вамъ, такоже держите”»), после чего следует текст КРП. Причем в заголовке Краткой Правды имя Ярослава не читается («А се есть правда рускаа» — по Комиссионному списку, «Правда роськая» — по Академическому списку)²⁴.

Можно назвать два основных аргумента в пользу древности первой части Краткой Правды: дата, к которой отнесено ее издание в летописи, и само содержание данного памятника. Наиболее характерна в данном отношении точка зрения А.А. Зимина. Пользуясь генеалогией летописных сводов, составленной А.А. Шахматовым, ученый возводит Краткую Правду, включающую в себя Древнейшую Правду, от списков XV в. через цепочку гипотетических сводов к таким же предполагаемым летописным сводам XI в. Эта линия проходит «в обход» Синодального списка Новгородской первой летописи²⁵ и Повести временных лет (далее — ПВЛ)²⁶, в которых никаких упоминаний Русской Правды нет. Пунктом, к которому движется данная реконструкция, является 1016 г. Нормы, содержащиеся в

²⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 175–180.

²⁵ Там же. С. 13–100.

²⁶ Полное собрание русских летописей. Пг., 1923. Т. II: Ипатьевская летопись. Вып. 1; Л., 1926. Т. I: Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет.

Древнейшей Правде, исследователь считает более архаичными, чем аналогичные в Пространной²⁷.

А.А. Шахматов²⁸ и многие более поздние ученые, такие как А.А. Зимин²⁹, А.А. Гиппиус³⁰ и Т.В. Гимон³¹, возводили летописный текст Новгородской первой летописи (далее — НПЛ) за начало XI в. к гипотетическим новгородским сводам XI—XII вв., а текст Повести временных лет считали в той или иной мере вторичным по отношению к тексту, сохранившемуся в НПЛ. Аргументация здесь весьма обширна. Ученые обращали внимание, в частности, на большое число ранних известий, связанных с Новгородом, как в НПЛ, так и в составе ПВЛ, на характер ряда новгородских известий, позволяющий предполагать их систематическую запись в самом Новгороде. В качестве аргумента большей древности текста НПЛ использовалась также сама краткость ее известий, в сравнении с вариантом ПВЛ.

Следует отметить, что известия 1016–1019 гг. в Синодальном списке и НПЛМ в сравнении с Повестью временных лет и летописями так называемой «Новгородско-Софийской» группы (Новгородская Карамзинская³², Софийская первая³³ и Новгородская четвертая летописи³⁴) являются сокращенными. О сокращении редактором НПЛ в XIII в. годовых статей 1016–1019 гг. писал В.Я. Петрухин. Согласно ученому, летописец опустил рассказ о борьбе Ярослава со Святополком после битвы при Любече, в результате чего вся борьба князей описана под 1016 г. Сокращение данных статей представляется небрежным, в силу чего некоторые элементы повествования и вовсе становятся неясны. Вместо сокращенного текста летописец вставил фрагмент, который интересовал его больше: рассказ о награде новгородцев и текст Русской Правды³⁵. В.Я. Петрухин отметил вторичность версии ряда летописных текстов Новгородской первой летописи в сравнении с ПВЛ. По мнению ученого, НПЛ вовсе не отражает Началь-

²⁷ Зимин А.А. Правда Русская. С. 31–150.

²⁸ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 170–257, 491–527.

²⁹ Зимин А.А. Правда Русская. С. 133–150, 217–254.

³⁰ Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. С. 62–63.

³¹ Гимон Т.В. События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства / Отв. ред. сер. Е.А. Мельникова. М., 2012. С. 687–691.

³² ПСРА. СПб., 2002. Т. XLII: Новгородская Карамзинская летопись.

³³ ПСРА. Л., 1925. Т. V: Софийская первая летопись. Вып. 1.

³⁴ ПСРА. Пг., 1915. Т. IV. Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 1.

³⁵ Петрухин В.Я. Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 170–172.

ный свод конца XI в. лучше, чем Повесть временных лет, Начальный свод является первой редакцией ПВЛ. Относить отмеченную редакцию Новгородской первой летописи к XIII в. ученому позволяет тематическая связь текста введения к НПЛ с годовыми статьями XIII в., описывающими взятие Царьграда фригами (1204 г.) и монголо-татарское нашествие, а также ряд других аргументов³⁶.

В рамках настоящей статьи не представляется возможным предложить решение сложного вопроса о том, какой вариант ранних летописных текстов является первичным по отношению к другому. Однако само обстоя-

Битва Ярослава со Святополком при Любече.
Миниатюра из Радзивиловской летописи. XV в.

тельство, что Краткая Правда читается всего в двух поздних летописных списках XV в., не дает оснований утверждать, что она или ее составная часть переписывались в составе ранних летописей. В противном случае, данные тексты, весьма вероятно, присутствовали бы и в других летописях и в разных летописных традициях (южнорусской, московской и др.)³⁷.

Есть основания предполагать, что Краткая Правда была включена в состав летописи в начале XV в. Известие, схожее с текстом НПЛМ под 1016 г., о даровании Ярославом «правды» и «устава» новгородцам

³⁶ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995. С. 69–82; Он же. К ранней истории русского летописания: о предисловии к Начальному своду // Слово и культура: памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. II. С. 354–363; Он же. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013. С. 27–28, 57–83, 402–404.

³⁷ Ср.: Толочко О.П. Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста. С. 46–53.

присутствует также в летописях «Новгородско-Софийской» группы (начало XV в.): в Новгородской Карамзинской³⁸ — под 1020 г., в Софийской первой (далее — СПЛ) — под 1019 г.³⁹, в Новгородской четвертой летописи — под 1020 г.⁴⁰ Кроме того, в СПЛ после известия о даровании грамоты помещен обширный историко-юридический сборник, открывающийся текстом Пространной Правды Карамзинского извода (в классификации М.Н. Тихомирова⁴¹), после которой следуют Закон судный людем Сводной редакции, церковный Устав Владимира, Правила святых отец 165 на обидящая святых церкви, Правила о церковных людях и о десятинах и церковный Устав Ярослава. Сборник завершается словами «Списанъ же бысть сии свертокъ изъ великого и старого Номоканона на Москвѣ в лѣто 6911, индикта 11, мѣсяца ноября 11» (1402 г.)⁴². Отсутствие данного сборника в других летописях «Новгородско-Софийской» группы можно объяснить тем, что он был включен только в архетип СПЛ. Однако он мог присутствовать еще в общем протографе летописей этой группы, существовавшем в начале XV в.⁴³ Сборник весьма обширен, он разрывал летописное повествование и не имел прямого к нему отношения, в силу чего не был удобен для переписывания в составе летописного текста. Поэтому другие летописи данной группы сборник исключают, оставляя, однако, известие о грамоте Ярослава. В более позднем Тверском сборнике (списки XVII в.) исключение этих текстов (правда, только ПРП и Закона судного людем) даже аргументировано: «Здѣ пишеть судебникъ великаго князя Ярослава Владимирича, и потомъ его дѣтей: Изяслава, Святослава и Всеволода, и по нихъ уставъ великого князя Владимира Всеволодича

³⁸ ПСРА. Т. XIII. С. 62.

³⁹ ПСРА. Т. V. Вып. 1. С. 90.

⁴⁰ ПСРА. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 110.

⁴¹ Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. С. 167.

⁴² ПСРА. Т. V. Вып. 1. С. 91–123.

⁴³ В данном контексте не существенно, имела ли данная группа единый протограф, как считали А.А. Шахматов (*Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв.* С. 151–177) и Я.С. Лурье (*Лурье Я.С. Новгородская Карамзинская летопись // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 29. С. 207–213; Он же. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1977. Т. 32. С. 199–218; Он же. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 108–122*), или не имела, как предположил Г.М. Прохоров (*Прохоров Г.М. Летописные подборки рукописи ГПБ F.IV.603 и проблема общерусского сводного летописания // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1977. Т. 32. С. 165–198; компромиссна реконструкция А.Г. Боброва: Бобров А.Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2000. С. 93 и сл.*). Речь должна идти о наиболее раннем варианте известий за начало XI в., к которому восходят все летописи группы.

Ярослав-
законодатель.
Гравюра
Б.А. Чорикова,
XIX в.

Манамаха, и потомъ царя Костантина великаго; язъ же сіе преминухъ, множества ради»⁴⁴.

В НПЛМ, заимствовавшей некоторые тексты из летописей «Новгородско-Софийской» группы, после сокращенного текста в годовой статье 1016 г. читается Краткая Правда. А.П. Толочко писал о замене в летописях текста Пространной Правды на Краткую (точнее о сокращении Пространной), вызванной стремлением к сокращению текста⁴⁵, но ученый не обращается к сборнику в составе СПЛ и причинам его отсутствия в близких летописях. Между тем если Краткая Правда вошла в летопись в XV в., то представляла собой весьма удобный текст, переписывая который летописец не разрывал повествование не относящимися к нему обширными статьями и в то же время включал в свою летопись небольшую по объему «грамоту Ярослава».

Таким образом, известие о грамоте Ярослава, выданной новгородцам после победы над Святополком, возможно, впервые возникает в протографе летописей «Новгородско-Софийской» группы; вслед за известием помещен был историко-юридический сборник, включавший Пространную Правду. По мнению А.П. Толочко, это известие представляет собой конструкцию, созданную летописцами начала XV в.⁴⁶ Как мне представляется, известие является попыткой летописцев реконструировать обстоятельства

⁴⁴ ПСРЛ. СПб., 1863. Т. XV: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Стб. 141–142.

⁴⁵ Толочко О.П. Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста. С. 104–110. Ученый обращает внимание также на приведенный текст Тверского сборника.

⁴⁶ Там же. С. 104–106.

издания Русской Правды. С именем Ярослава Пространную Правду позволяет связать, безусловно, ее заголовок («Суд Ярославль Володимеричь»). Затем известие о грамоте Ярослава заимствуется в НПЛАМ, но с заменой обширного сборника, следующего за известием и включающего в себя ПРП, на Краткую Правду. Если КРП включена в состав летописи в начале XV в., летописная датировка 1016 г. не может указывать на существование составной части КРП, Древнейшей Правды, в начале XI в. Летописную датировку следует считать поздней конструкцией.

А.П. Толочко предположил, что Краткая Правда является сокращением, синопсисом Пространной, своего рода поддельной грамотой, составленной летописцем протографа НПЛАМ в начале XV в.⁴⁷ Однако структура (расположение статей) Краткой и Пространной Правды значительно различается⁴⁸. Совершенно неясно, чем мог руководствоваться «автор» КРП, осуществляя подобную перестановку и сокращение норм. Кроме того, обращает на себя внимание большое число дефектных и неясных чтений, содержащихся в КРП. Ниже приведены лишь некоторые примеры данных чтений.

Ст. 21 представляет собой следующий текст: «Аже убьють огнищанина у клети, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы, то убити в пса место. А то же покон и тивуницу». О краже коров («или у говяда») упоминается в начале статьи, и термин «коровья татьба» выглядит тавтологией. ПРП в ст. 40, близкой к ст. 21, содержит более понятное словосочетание «или у которое татбы»⁴⁹. То же чтение могло присутствовать в первоначальном тексте Краткой Правды. Ст. 30 КРП выглядит чужеродной в своем окружении: среди статей о штрафах за убийство и кражу зависимых людей, порчу и кражу чужого имущества находится текст «Аще же приидеть кровав мужь любо синь, то не искати ему послуха». Статья по содержанию ближе к начальному разделу Древнейшей Правды и, более того, дублирует часть нормы ст. 2 КРП. Кроме того, это единственная статья Краткой Правды, содержащая термин «послух», распространенный в ПРП. Весьма вероятно, что ст. 30 является позднейшей припиской, возникшей под влиянием ПРП⁵⁰. Вероятное дефектное чтение представляет собой слово «перетесь» в ст. 34 КРП по Академическому списку: «А иже между переореть любо перетес...» Согласно А.П. Толочко, слово «перетесь» появилось в результате искажения «перетнеть»; последнее — индивидуальное чтение Синодально-

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ См. табл. соотношения статей редакций Русской Правды: Памятники русского права. Вып. I. С. 224–225.

⁴⁹ См.: Толочко О.П. Краткая редакция Правды Руской: происхождение текста. С. 90.

⁵⁰ Ср.: Там же. С. 84.

го списка ПРП (ст. 73): «Оже доубь перетнетъ знаменныи»⁵¹. «Перетесь» действительно может являться искажением термина «перетнетъ». Но последнее могло быть заимствовано не из ПРП, а содержалось, возможно, в первоначальном тексте Краткой Правды.

В тексте КРП присутствуют и другие возможные дефекты и неясные фрагменты. Так, ст. 14: «Аще познаеть кто, не емлетъ его, то не рци ему: мое; нъ рци ему тако: поиди на свод, где еси взял; или не поидеть, то поручника за пять днии», вероятно, представляет собой неудачное сокращение более пространного текста, иначе неясно, что именно опознает («познаеть») субъект («кто») и где, а во фразе «поручника за пять днии» пропущен глагол. В ст. 35 ПРП можно найти разъяснение: опознается то, «что будетъ погубил или украдено у него что». Ст. 41 ПРП в отношении воров указывает: «...то же будетъ один, то платити ему 3 гривны и 30 кун; будет ли их много, всем по 3 гривны и по 30 кун платити». Смысл статьи вполне понятен: штраф платил каждый вор. Аналогичная норма в КРП в ст. 31 выглядит следующим образом: «да аще будетъ един крал, то гривну и тридесят резан платити ему; или их будетъ 18, то по три гривне и по 30 резан платити мужеви». Штраф непропорционально возрастает при групповой краже: вор-одиночка платит гривну и 30 резан, если же воров было несколько, каждый платит по 3 гривны и 30 резан. В первоначальном тексте КРП должно было читаться 3 гривны и 30 резан в обоих случаях. Невразумительное число 18, вероятно, следует читать как 10⁵² (как в ст. 40 КРП) в значении «много». Искаженным выглядит текст ст. 43 КРП, Урока мостникам: мостник берет «от дела ногата», так и «от городници ногата», так же оплачивается ремонт ветхого моста, причем независимо от объема работы (количества досок).

Небольшой текст Краткой Правды содержит значительное число испорченных и неясных чтений. Также следует отметить наличие в тексте КРП некоторых поздних чтений. Так, М.Н. Тихомиров предполагал, что ст. 12 и 18 были заимствованы из Пространной редакции Закона судного людем, поскольку содержание статей в обоих памятниках весьма близко, причем чтения в КРП вторичны⁵³. Наличие большого числа дефектных

⁵¹ Там же. С. 86–87. Примеч. 188.

⁵² Памятники русского права. Вып. I. С. 100–101.

⁵³ Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. С. 59. Согласно М.Н. Тихомирову, Пространная редакция Закона судного людем возникла в первой половине XIV в. (Закон судный людем Пространной и Сводной редакций / Подгот. к печати М.Н. Тихомиров, Л.В. Милов. М., 1961. С. 21, 27; см. также: Максимович К.А. Законъ соудныи людьмь. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004. С. 79–83).

чтений и ряда разновременных слоев должно свидетельствовать о длительности существования текста Краткой Правды. Сложно допустить, что все эти особенности возникли единовременно под рукой летописца, составившего КРП в XV в., что предполагает А.П. Толочко. Краткая Правда возникла раньше XV в., а несоотнесенность ее структуры со структурой ПРП означает, что она не может быть возведена к Пространной Правде. Впрочем, длительность существования Краткой Правды не означает возникновение Древнейшей Правды уже в начале XI в.

В содержании Древнейшей Правды можно найти черты большей архаичности в сравнении с ПРП⁵⁴. В тексте Древнейшей Правды в предложениях часто опущены подлежащие или другие члены предложения, а сами нормы более краткие и зачастую более неясные, чем в ПРП, что создает впечатление древнего текста. Однако более простым объяснением представляется дефектность данного текста, его небрежное сокращение. В Древнейшей Правде отсутствует упоминание князя, что, конечно, не может говорить о записи древнего докняжеского права, так как иначе следовало бы предположить существование письменности и, более того, письменного законодательства ранее X в. Причина отсутствия упоминания князя, очевидно, заключается в другом. Статьи ПРП, аналогичные статьям первой части КРП, также в большинстве своем не содержат упоминания князя. Вероятно, сам характер норм этих статей не подразумевал прямое упоминание княжеской власти. Любой штраф шел князю (через людей, взимавших штрафы), и упоминание его в тексте, как правило, было излишним. Штрафы в первой части КРП исчисляются исключительно в гривнах, что К. Цукерман считает аргументом в пользу большей ее архаичности⁵⁵. С ученым можно было бы согласиться, если бы в тексте ПРП гривны Древнейшей Правды были заменены на другие денежные единицы. Но ПРП в сравнении с Древнейшей Правдой только добавляет новые фрагменты с упоминанием кун и гривен кун. Лишь в ст. 24 ПРП указана «гривна кун» вместо гривны в ст. 9 КРП. В остальной массе случаев в ПРП в данных фрагментах остаются гривны. Наличие в первой части КРП только гривен можно объяснить самим характером норм: здесь приведены сравнительно тяжкие правонарушения, по которым штраф был высок и измерялся в гривнах, а не в кунах или других мелких денежных единицах. Текст Древ-

⁵⁴ Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. С. 192–195; Памятники русского права. Вып. I. С. 85–106, 137–189; Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. С. 106–170.

⁵⁵ Zuckerman C. On the Kievan Letter from the Genizah of Cairo // *Ruthenica*. Київ, 2011. Т. X (2011). С. 28.

нейшей Правды выглядит более кратким, но отнюдь не более ранним. Статьи Правды Ярославичей в составе КРП также чаще всего более краткие, чем аналогичные статьи в составе ПРП.

Ни одна из двух рассматриваемых редакций Русской Правды не может быть названа более древней: Пространная Правда в сравнении с Краткой дополнена иными нормами, Краткая в сравнении с Пространной — сокращена, но общие места остаются почти без изменений; таким образом, нормы Краткой Правды, в том числе Древнейшей Правды, выглядят более сокращенными, но не более архаичными. Можно предположить, что обе редакции возникли примерно в одно время. В случае, если бы создание редакций разделялось несколькими десятилетиями, общие места в редакциях различались, и такое различие свидетельствовало бы о развитии правовых норм в течение некоторого времени. Однако Краткая и Пространная Правда относительно друг друга не отражают развитие норм, но фиксируют правовую систему одного и того же времени. Различие редакций — только в краткости или пространности изложения. Краткая Правда содержит общую норму, Пространная — ту же норму без изменений, но приводит некоторые специальные нормы, дополняющие общую. В КРП многие специальные нормы исключены, вероятно, при ее сокращении. Также, с моей точки зрения, разница в структуре текстов свидетельствует против того, что Краткая и Пространная Правда имели общий протограф (таким образом, данные тексты являются отдельными памятниками, и термин «редакция» в отношении их можно употреблять только условно как общепринятый).

Точное время составления известных редакций Русской Правды представляет собой весьма сложный вопрос, который требует самостоятельного исследования. Но можно указать самый ранний период, к которому редакции могут быть отнесены. В составе Пространной Правды помещен «Устав Володимерь Всеволодича», следовательно, она не могла возникнуть раньше начала XII в. Если обе редакции хронологически близки, Краткая Правда также не могла возникнуть раньше данного времени. М.Н. Тихомиров датировал Краткую Правду временем около 1136 г. Ученый отмечал, что в заглавии Правды Ярославичей в составе КРП имена князей — Изяслав, Всеволод, Святослав — названы в порядке, не соответствующем порядку их именованию в других источниках (и, соответственно, старшинству). То, что Всеволод помещен перед Святославом, по мнению М.Н. Тихомирова, объясняется связью КРП со Всеволодом Мстиславичем (потомком Всеволода Ярославича). Также ученый привел некоторые сходные черты КРП с Уставом Всеволода и Вопрошанием

Кириковым⁵⁶. К тому же времени Краткую Правду относил Л.В. Черепнин, связывавший содержание КРП с политической борьбой в Новгороде первой половины XII в.⁵⁷ Однако вопрос о точной датировке Краткой Правды сложен, и в рамках данной статьи следует ограничиться предположением о наиболее раннем возможном времени ее возникновения: начало XII в.

Краткая Правда может рассматриваться в качестве сокращения более обширного текста (отличавшегося, однако, по своей структуре от Пространной Правды). Именно сокращением текста можно объяснить наличие неясных и испорченных чтений и общую отрывочность содержания КРП. Данная отрывочность и дефектность текста не позволяют считать, что Краткая Правда в известном виде имела практическое применение. Если летописи не воспроизводят текст КРП до XV в., а Кормчие книги вовсе не содержат Краткой Правды, можно предположить, что до включения в летопись Краткая Правда содержалась в ином, отличном от Кормчей, рукописном сборнике.

Известным редакциям Русской Правды могли предшествовать некоторые правовые тексты, включенные впоследствии в их состав. Прежде всего, обращает на себя внимание Правда Ярославичей, помещенная в составе Краткой Правды (ст. 19–40); аналогичные статьи имеются и в ПРП. Заголовок Правды Ярославичей в КРП читается следующим образом: «Правда установлена русьскои земли, егда ся съвокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко Перенег, Микыфор Кыянин, Чюдин Микула» (в ПРП данного заголовка нет). Можно заметить, что глагол в единственном числе («ся съвокупил») отнесен к нескольким лицам. Это — еще одно дефектное чтение Краткой Правды. Можно согласиться с А.А. Зиминим, что в приведенном фрагменте некогда читалось имя Ярослава⁵⁸. В данном составе князь мог собрать своих старших сыновей после 1052 г., смерти своего старшего сына Владимира⁵⁹ (отсутствует на совещании), и до 1054 г. (собственной смерти). Правду Ярославичей, таким образом, можно считать предшествующей известным редакциям Русской Правды. Краткость статей Правды Ярославичей в составе КРП в сравнении с аналогичными статьями в ПРП может свидетельствовать о том, что этот памятник был сокращен тогда же, когда сокращены тексты КРП в целом.

⁵⁶ Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. С. 215–230.

⁵⁷ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. С. 247–253.

⁵⁸ Зимин А.А. Правда Русская. С. 149. Примеч. 61.

⁵⁹ ПСРА. Т. II. Вып. 1. Стб. 148.

Наставление
Ярослава
сыновьям, 1054 г.
Гравюра
Б.А. Чорикова.
XIX в.

Правда Ярославичей, записанная в середине XI в., вероятно, была более обширной, чем ее вариант в КРП, и отражена без сокращения в ряде статей ПРП. Следовательно, для реконструкции первоначального текста Правды Ярославичей, вероятно, нужно пользоваться данными статьями ПРП.

Следует отметить, что КРП не упоминает бояр, в противоположность ПРП, где в качестве субъекта права бояре прямо упомянуты в ст. 91 — о боярском наследстве; боярские слуги и рабы упоминаются в ст. 1, ст. 66 (боярский тиун), ст. 14 (боярский рядович), ст. 46 (боярские холопы). Однако здесь также нельзя видеть свидетельства большей архаичности КРП. Статей, аналогичных ст. 46, 66 и 91 Пространной Правды, в КРП нет вовсе, что может говорить о сокращении Краткой Правды (о ст. 1 см. ниже). Ст. 14 ПРП: «А за рядовича 5 гривен. Тако же и за бояреск» — аналогична ст. 25 КРП: «А в рядовници княже 5 гривен». Боярское землевладение возникает к середине XI в.⁶⁰ Можно предположить, что в первоначальном тексте КРП (до его сокращения) и ранее в первоначальном тексте Правды Ярославичей середины XI в. боярский рядович упоминался, наряду с боярским рядовичем был упомянут княжеский; при сокращении текста КРП переписчик, вероятно, сохранил только норму, связанную с князем.

⁶⁰ Черепнин Л.В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 159–162.

Еще более ранней правовой записью следует считать ст. 1 КРП. Л.В. Черепнин⁶¹, А.А. Зимин⁶², М.Б. Свердлов⁶³ и В.Я. Петрухин⁶⁴ отмечали, что ст. 1 КРП можно связать с Новгородом начала XI в. Ст. 1 вошла в состав ПРП, где она также является первой и, кроме того, единственной формально разрешающей кровную месть, отмененную, однако, следующей статьей ПРП. Ст. 1 — одно из самых ранних постановлений Русской Правды не по времени издания, а именно по времени записи. Если бы она была записана после съезда Ярославичей, на котором было отменено даже формальное дозволение кровной мести (ст. 2 ПРП), то не включала бы уже упоминания о мести. В версии ПРП ст. 1 была дополнена упоминанием боярского тиуна; только первая статья в Краткой Правде может отражать более ранний текст, чем аналогичная статья в составе ПРП. Как и Правда Ярославичей, ст. 1 (в варианте КРП) возникла еще при Ярославе. Также при Ярославе был составлен «Покон вирный», отраженный как в КРП (ст. 42: «А се покон вирныи...»), где он заключается фразой «То ти урок Ярославль», так и в ПРП (ст. 9): «А се покони вирнии были при Ярославе...»

Таким образом, при Ярославе существовали ст. 1 (в варианте КРП), «Покон вирный» (отражен в обеих редакциях), а также, вероятно, Правда Ярославичей. Краткая Правда не содержит в заголовке имени Ярослава. Однако Пространная Правда озаглавлена «Суд Ярославль Володимеричь. Правда Русьская». ПРП содержит некоторые постановления Ярославичей, которые в отличие от Правды Ярославичей, принятой на съезде князей совместно с их отцом, нельзя отнести к законодательству Ярослава: трое князей собрались (согласно ст. 2 ПРП) вновь уже «по Ярославе». Кроме данных норм и статей, связанных с Владимиром Мономахом, остается еще некоторое число постановлений. Однако заглавие ПРП не может надежно свидетельствовать о их издании при Ярославе, поскольку под этим заглавием составитель Пространной Правды поместил и законодательство, не имеющее отношения к Ярославу. Вероятно, атрибуция Пространной Правды Ярославу возникла при составлении данной редакции и объясняется тем, что именно с Ярославом связывалось начало письменного светского законодательства. О том, что Ярослав издавал писанные законы, составителю ПРП

⁶¹ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда. С. 131–139.

⁶² Зимин А.А. Правда Русская. С. 89–98.

⁶³ Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. С. 21–35, 84–105.

⁶⁴ Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. I (Древняя Русь). С. 181–182; Он же. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. С. 284–287.

было известно из заглавия Правды Ярославичей (содержавшего, вероятно, как отмечено выше, имя Ярослава). Составитель ПРП соотнес с Ярославом весь текст созданной редакции.

Древнейшая Правда, исключая ст. 1, также, вероятно, не имеет связи с Ярославом: известие, предшествующее ее тексту в составе НПЛМ, как отмечено выше, отсутствовало в ранних летописях и является летописной конструкцией; заголовок КРП имени Ярослава не содержит; содержание самого текста первой части КРП не носит следов большей древности в сравнении с Пространной Правдой (которая возникла не раньше начала XII в.). Можно предположить, что текст, называемый Древнейшей Правдой, как самостоятельный памятник не существовал, он возник при составлении КРП, не раньше начала XII в., а затем, как и вся КРП, был сокращен. Конечно, в XI в. мог существовать некий первичный текст Древнейшей Правды, но из имеющихся источников его существование напрямую не следует. Составитель КРП (точнее ее первоначального более пространныго текста) использовал текст ст. 1, «Покон вирный» и Правду Ярославичей. Те же записи были использованы составителем Пространной Правды. При составлении обеих редакций данные записи были дополнены новыми.

К первой половине XI в. можно с уверенностью отнести только отдельные постановления — ст. 1 и «Покон вирный» (Правда Ярославичей возникла уже в начале второй половины столетия). Следовательно, можно предположить, что светских законодательных сводов до середины XI в. не существовало.

Можно сделать некоторые выводы, касающиеся истории раннего русского права. Потребность в записи светского права проявляется с начала XI в., но еще ограничивается небольшими правовыми текстами (ст. 1 и «Покон вирный»). Следовательно, еще в первой половине XI в. большая часть светских правоотношений регулируется нормами устного права. Более значительный правовой текст и, возможно, первый светский законодательный свод возникает только к середине XI в. и известен как Правда Ярославичей.

Не раньше начала XII в. произведена была запись Пространной Правды и текста, сокращением которого является Краткая Правда. Вероятно, в условиях усложняющихся правоотношений княжеские судьи могли эффективно выполнять свои задачи по обеспечению княжеской казны доходом с вир и продаж (штрафов), только имея в распоряжении систематизированный свод постановлений с подробной росписью условий взимания штрафов и их величин.

Краткая и Пространная Правда касаются лишь небольшого числа правоотношений. Представляется, что и после становления первичных

светских законодательных сводов большая часть светских социальных взаимосвязей продолжала регулироваться устным правом. Источники (как правовые, так и нарративные) не содержат свидетельств существования в Древней Руси письменной правовой системы, подобной византийской, в которой монархическая власть издает обширные собрания законов, затрагивающие самые разные аспекты жизни общества, большинство частных сделок фиксируется нотариально заверенными актами (во всяком случае, в городах), подлежат записи судебные решения⁶⁵. Запись законов и правовых актов в Древней Руси существовала, но применялась редко.

Устное право возможно реконструировать — на основании нарративных материалов, в первую очередь летописных известий. Естественно, что все построения, связанные с началом русского права, являются гипотетическими — ввиду незначительного количества имеющихся источников.

⁶⁵ См., например: *Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001; *Сильвестрова Е.В.* *Lex generalis*. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. н.э. М., 2007.

Ключевые слова:

Древняя Русь, древнерусское право, Русская Правда, Ярослав Мудрый

Nikolay N. Omonov

ON THE QUESTION OF THE BEGINNINGS OF THE RUSSIAN SYSTEM OF JUSTICE

The article represents a view on the origin and development of one of the main jural monuments of Medieval Rus' — The Short Russian Law and discusses the historiographical issues connected to the rendering of the text in chronicles. The first part of The Short Law has been regarded by many researchers to be an archaic script dated to the beginning of the 11th century, and is assumed to have been read already in the 11th century chronicles. However The Short Law has been known previously only as a part of the two minor transcripts of the First Novgorod Chronicle, which casts doubts on its possible existence within the earliest chronicles of the 11th century. The Short Law does not have those attributes of archaic language in comparison to The Expanded Law which has been dated to the beginning of the 12th century. The text of the first part of The Short Law can not be dated to the beginning of the 11th century. Comparison of The Short and The Expanded Law shows that both texts were composed about the same time. The author notes that brief transcriptions of judicial matters might have existed since the beginning of the 11th century, but the broader jural scripts appear not earlier than in the 12th century. However, The Short and The Expanded Law touch upon a very few aspects of the possible jural relationships. After compilation of the first judicial law codes, the largest part of social interactions were still regulated by verbal justice.

 Омонов Николай Нуманович

магистр истории (выпускник кафедры истории России
средневековья и раннего нового времени
Факультета архивного дела Историко-архивного института
Российского государственного гуманитарного университета)

В.А. Дуров

ОРДЕН СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ (СВОБОЖДЕНИЕ) ПРИ ПЕТРЕ I

1977 г. была опубликована работа автора настоящей статьи, посвященная русским наградным медалям 1-й четверти XVIII в.¹ Здесь, в частности, приведены иллюстрации серии отечественных медалей овальной формы разного веса с изображением на одной стороне портрета Петра I с титулатурой, на оборотной — двуглавого российского орла с географическими картами в клювах и лапах и с датой «1711». В специальной литературе еще со второй половины XVIII в. прочно утвердилось мнение, что поводом для изготовления этих медалей явилось «сооружение четырех флотов» России или «господство на четырех морях» (Балтийском, Белом, Каспийском и Черном)². Однако еще

¹ Наградные медали России первой четверти XVIII в. Нумизматический сборник ГИМ. Ч. 5. Вып. 2. М., 1977. С. 104–146. Табл. 5–12 (Труды ГИМ. Вып. 49). См. также: *Durov V. Russian Award Medals of the first Quarter of the Eighteenth Century*. «Numorum» the Internationel Numismatic Society, Washington Fall, 1980. Vol. II. № 1. P. 5–20; Washington Spring, 1981. Vol. II. № 2. P. 13–19; *Russian Award Medals of the first Quarter of the Eighteenth Century (Part IV)*. «Numorum», Summer, 1982. Vol. III. № 1. Pp. 25–33; *Russian Award Medals... (Part V)*. «Numorum», Fall, 1982. Pp. 17–28.

² Дуров В.А. Русские наградные медали за Прутскую кампанию 1711 года для балканских союзников. «Muzej primenjene umetnosti». Zbornik. № 21–23. Beograd (1977–79), 1981. С. 73–76.

в 1710 г. Россия уже обладала выходами к этим морям, и помещение даты «1711» на медалях, посвященных событию, произошедшему ранее, маловероятно.

В вышеназванной статье на основе неизвестных ранее архивных материалов доказано, что серия медалей с датой «1711» относится к событиям, связанным с неудачным так называемым «Прутским походом» Петра I, и предназначалась в награду нетурецким народам Балкан и Греции, на помощь которых в борьбе с Османской империей рассчитывала Россия.

В последнее время работа 1977 г., касающаяся «прутской» серии медалей, была уточнена и дополнена³, но и сейчас время от времени появляются публикации, в которых утверждается о выпуске этой серии медалей именно в связи с утверждением Россией «господства на четырех морях».

С Прутским походом 1711 г. связано учреждение еще одной отечественной награды, которой в этом году исполнилось 300 лет.

В ходе этого неудачного похода русские войска, насчитывавшие 38 тысяч человек, были окружены 188-тысячной турецкой армией во главе с великим визирем⁴. Лишь благодаря искусным дипломатическим переговорам и отчасти подкупу турецких военачальников удалось избежать полного разгрома русской армии. Правда, окруженные врагами войска Петра I накануне переговоров оказали им настолько сильный отпор, что на следующий день лучшая часть турецкой армии, янычары, отказалась снова идти на приступ русского лагеря. После заключения почетного для русских в их положении перемирия к турецкому визирю Мехмет-паше, командовавшему армией Порты, прискакал разъяренный Карл XII и пробовал убедить его, что выпускать русских из окружения ни в коем случае нельзя. На это визирь отвечал, «что ты де их (русских. — В.Д.) уже отвел, а и мы их видели, и буде хочешь, атакуй их своими людьми, а он миру с ним постановленного не нарушит»⁵. В тот же день русская армия покинула свой лагерь. По преданию, находившаяся вместе с Петром в походе его жена Екатерина отдала все свои драгоценности, которые она захватила с собой, для подкупа турок.

³ Краснов Р.В. (СПб), Ширяков И.В. (Москва). О наградных золотых медалях за Прутский поход 1711 г. // Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Государственный исторический музей. М., 2013. С. 178–179.

⁴ В примечаниях к «Запискам» Ю. Юля, сделанных переводчиком Ю.Н. Щербачевым в 1899 г., эти цифры уточняются: «Одних турок (не считая 70 000 татар) было 119 665, у нас же было всего 38 246 человек». Лавры Полтавы. С. 314.

⁵ История Свейской войны... Т. I. С. 373; ПиБ Петра Великого. Т. XI. Вып. 2. С. 500.

Упущенная победа стоила великому визирю собственной головы. Но, так или иначе, ни царь, ни его супруга вместе с армией не попали в плен. Несколько позднее, в 1713 г., в память этого события и в ознаменование достойного поведения в том несчастливом походе самой Екатерины был разработан статут нового ордена, который первоначально назывался орденом Освобождения («Свобождения») и предназначался в награду лишь самой Екатерине. 24 ноября следующего, 1714 г., в день тезоименитства царицы, она получила эту награду из рук самого Петра.

Такова общая схема событий, связанная с Прутским сражением, драгоценностями Екатерины и учреждением ордена Свобождения (Святой Екатерины). Оставляя в стороне собственно военные действия в этом эпизоде Северной войны, необходимо рассмотреть роль самой Екатерины на берегах Прута в 1711 г. и историю учреждения ордена.

Первым обратился к теме «Екатерина и ее драгоценности в Прутском походе» Юст Юль, не совсем внятно записав в своем дневнике в 1711 г.: «Во время сражения царица раздарила все свои драгоценные камни (вариант перевода — «драгоценности, камни». — В.Д.) и украшения (первым) попавшимся слугам и офицерам, по заключении же мира отобрала у них эти вещи назад, объявив, что они были отданы им лишь на сбережение»⁶. Как видим, здесь Ю. Юль не говорит напрямую о подкупе великого визиря и его окружения. Однако в другом месте Записок датчанин пишет более определенно, ссылаясь на рассказы очевидцев (напомним, что эта часть Записок датирована августом 1711 г.): «...если б Господь Бог чудесным образом не устроил (так), что турецкого визиря удалось склонить к миру подкупом, (из царской армии) не могло бы спастись ни одного человека»⁷.

К слову «подкуп» переводчик Ю.Н. Щербачев делает сноску: «Слово это вставлено между строк рукою самого Юля — Петр позволял Шафирову обещать визирю и другим начальным лица, в ком сила есть, большие суммы денег, а именно визирю 150000 рублей, кехая (имеется в виду кяхья-бей — помощник великого визиря, ведавший преимущественно внутренними делами Османской империи. — В.Д.) 60000, гауш-баше (имеется в виду чауш-баши — начальник корпуса чаушей — султанских придворных гонцов — чиновников по особым поручениям; по своим функциям чауш-баши — главный церемониймейстер и генерал-квартир-

⁶ Лавры Полтавы. С. 315–316; ср.: «Записки Юста Юля», датского посланника при Петре Великом (1709–1711), извлечение из Копенгагенского архива и перевод с датского Ю.Н. Щербачев. М., 1899. С. 373.

⁷ Там же. С. 314.

Екатерина I.
 Портрет работы
 Карла де Моора.
 XVIII в.

мейстер Османской империи. — В.Д.) 10000, янычарскому аге (командиру янычарской гвардии Юсуф-паше. — В.Д.) 10000, секретарю, переводчику и прочим обещаны также большие дачи». Ю.Н. Щербачев взял эти цифры из архивных документов⁸.

Второй раз по времени публикации сведения о подкупе турок содержатся в «Записках» состоявшего во время Прутского похода на русской службе бригадира И.-Н. Моро де Бразе, уволенного в том же году. Часть «Записок», касающаяся Прутского похода, была переведена самим А.С. Пушкиным⁹. Здесь Моро де Бразе, недовольный увольнением и фактически изгнанный из России, позволяет себе грубые выпады против самого Петра и искажения исторической правды, в том числе преувеличивает роль драгоценностей царицы в судьбе похода 1711 г.

Даже великий Ф.-М. Вольтер отдал дань этой не вполне достоверной легенде¹⁰.

Еще в ряде сочинений и мемуаров XVIII в. иностранных авторов содержатся подобные сведения¹¹.

⁸ См.: РГАДА. Ф. 89. «Сношения с Турцией». 1711. Д.7. Л.3–3 об.

⁹ См.: Пушкин А.С. ПСС. Т. 8. 1977. С. 388, 391–393 и др., а все описания Прутского похода опубликованы на русском языке впервые в журнале «Современник» в 1837 г. с предисловием и примечаниями А.С. Пушкина. См.: Современник. № 2. СПб, 1837.

¹⁰ См.: Вольтер Ф.-М. История Карла XII. Ч. III. М., 1804. С. 76–77.

¹¹ См., напр.: Понятовский С. Записки сподвижника Карла XII. Б.м. и г. изд. С. 49; Rabener J.G. Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Russlands. Leipzig, 1725. S.11.

Новейшие исследования позволяют предполагать, что подкуп русскими визиря и его окружения не был главной причиной его казни¹².

Екатерина, безусловно, вела себя в прутских событиях весьма мужественно, и лишь ее участие в этом походе могло бы послужить и послужило причиной установления нового ордена. Некоторое промедление с учреждением этой награды может быть объяснено тем, что Екатерина Алексеевна, до принятия православия Марта Скавронская (отчество дано по имени крестного отца, царевича Алексея), вступила в официальный брак с Петром I лишь 19 февраля 1712 г. (в тот же день были «привенчаны», т.е. признаны церковью законными детьми Петра и Екатерины их дочери — четырехлетняя Анна и двухлетняя Елизавета Петровна).

Статут награды был отпечатан в Санкт-Петербурге в 1713 г.

Орден как своеобразная корпорация должен был «содержать в себе одну первенственную персону, то есть госпожу ордина и столько дам от большого креста (первой степени. — В.Д.) сколько есть принцесс крови царской, также 12 других дам большого ж креста и 94 дамы кавалерственные, все из шляхетского урждения».

В пункте 4 Устава сообщалось, что «знак ордина будет крест белой святой мученицы Екатерины, в знаменование чистоты в поле пурпуровом, являющее тем, что каждая дама, которая будет оный носить, должна лучше умереть, нежели пренебрежи свое обещание, а в самом центре другой... крест украшенный лучами, знаменующий свет Евангельский... Между спицами крестовыми поставлены будут сии четыре буквы: D.S.F.R., которые суть слова начинающиеся в псалме 19: Господи, спаси царя» (*Domine salvum fas Regem.* — В.Д.).

Лента, на которой должен носиться орден Святой Екатерины, была первоначально белой (знак чистоты и непорочности).

Однако уже в первые годы существования ордена Святой Екатерины его Устав был несколько раз нарушен.

Во-первых, пункт о награждении этим знаком отличия дам императорской крови до конца жизни Петра I не был реализован — при жизни императора орден носила только Екатерина I, а новые награждения были произведены уже после смерти Петра. Награды получили его дочери Анна

¹² Пиб Петра Великого. Т.II. Вып.1. М., 1964. С. 572; *Энгельгардт Р.Ю.* Из истории Прутского похода Петра I. Кишиневский государственный университет. Ученые записки. Т. VI. Кишинев, 1953. С. 113—114 и др.; *Водарский Я.Е.* По поводу работы турецкого историка о Прутском походе 1711 г. История СССР. 1963. № 6. С. 211—212; *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкая война 1711 г. и ее освещение в современной турецкой историографии. Краткие сообщения Института народов Азии. Т. 77. Афганистан, Иран, Турция. История и экономика. М., 1964. С. 120—127.

Петровна 21 мая 1725 г. и Елизавета Петровна (будущая императрица) 18 декабря 1725 г., а также дочери царя Иоанна Алексеевича Екатерина, Анна и Прасковья Иоанновны (все три — 6 января 1726 г.).

Во-вторых, белый цвет орденой ленты вскоре был переименован на красный с серебряной каймой по краям.

Мы знаем несколько упоминаний знаков ордена Святой Екатерины, которые носила Екатерина Алексеевна, в основном из дневников иностранных путешественников. И почти каждый раз находим в них детали, отсутствующие в официальных документах, в том числе и в орденом Статуте.

Так, Х.-Ф. Вебер записывает в 1714 г.: «11 декабря праздновали Андреевский торжественный день». Царица также возложила на себя свой новый орден на этом празднике. Он состоял из белой ленты с надписью: «За любовь и верность Отечеству»¹³.

Судя по тексту, не исключено, что впервые Екатерина появилась публично только с лентой, без самого орденого знака. Косвенно подтверждают это предположение заметки шотландца Питера Генри Брюса, родственника(?) Я.В. Брюса¹⁴. Он пишет: «В этом (1715 г. — В.Д.) году царь учредил в честь царицы орден Святой Екатерины... Знаком ордена является медаль, украшенная драгоценными камнями и образом св. Екатерины, с девизом: “За любовь и верность”. Медаль прикрепляют к широкой белой ленте, носимой через правое плечо. Императрица получила право награждать орденом представительниц своего пола, которых сочтет достойными, и сама впервые появилась при нем на праздновании св. Андрея в нынешнем году»¹⁵.

Сравнивая этот текст с предыдущим, можно предположить, что в 1714 г. Екатерина действительно появилась на Андреевском празднике только с орденой лентой (знак еще не был готов?), а в следующем, 1715 г. на таком же празднике ее увидели уже с «медалью» (орденский знак Святой Екатерины менее других российских орденов близок по форме к кресту, а в первые годы существования часто изготавливался в виде овального медальона).

Имеются и противоречия. Так, французский путешественник Обри де ла Мотри, побывавший в конце сентября — октябре 1726 г. в Санкт-Петербурге, пишет о Екатерине I, которая в это время направлялась в Александровскую лавру: «У нее на шее(?! В.Д.) был орден Св. Екатерины на белой

¹³ Вебер Х.-Ф. Преображенная Россия. Русский архив. 1872. Стб. 1146.

¹⁴ Прослужив в России с перерывами полтора десятка лет, П.Г. Брюс, хоть и не сделал здесь карьеру (он вернулся в Шотландию в 1724 г. артиллерийским капитаном), оставил интересные наблюдения, касающиеся жизни России петровского времени.

¹⁵ Брюс П.Г. Из «Мемуаров». Цит. по: Беснятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 174–175.

ленте. Расстояние, с которого я наблюдал, не позволило разглядеть образ святой, я видел крест, сверкавший драгоценными камнями. Мне говорили, что образ — в середине на эмали, а с другой стороны девиз»¹⁶. Между тем, по свидетельству другого очевидца, Ф.-В. Берхгольца, полутора годами ранее, во время свадьбы дочери Анны Петровны с герцогом Курляндским Карлом Фридрихом 21 мая 1725 г. Екатерина I «по совершении... венчания изволила на Ее Высочество Цесаревну Анну Петровну наложить кавалерию ордена Святой Екатерины с красным бантом, которую прежде сего Ее Императорское Величество сама изволила носить»¹⁷. Если верить словам авторов этих записей, то Екатерина сначала носила свой орден на белой ленте, затем переменяла ее на красную, а позднее снова вернулась к белой. Заметим здесь же, что мы не знаем ни одного портрета Екатерины Алексеевны со знаком ордена Святой Екатерины, прикрепленным к ленте белого цвета.

Предоставим слово еще одному иностранцу, который клеймит своих коллег по перу за ошибки, связанные с орденской тематикой, будучи сам не безгрешным.

7 мая 1724 г. происходила коронация Екатерины Алексеевны. Очевидец этого события, тогда советник герцога Гольштейн-Готторпского Карла Фридриха Г.-Ф. Бассевич сообщает, что на следующий день после коронации был устроен прекрасный фейерверк: «Изображение ленты и девиза ордена Св. Екатерины составляло одну из главных частей в этом фейерверке». Авторы «Истории Петра Великого» (Ф.-М. Вольтер. — В.Д.), «Преображенной России» (Х.-Ф. Вебер. — В.Д.) и барон Нестесураной (под псевдонимом «барон Иван Нестесураной» французский публицист Ж. Руссе де Мисси издал в 1725 г. записки о времени правления Петра I. — В.Д.) утверждают, что лента этого ордена белая и что он жалуется придворным дамам, тогда как она пунцовая с серебряными каймами и за исключением княгини Сапеги (не княгиня, а графиня Софья Карловна Сапега, урожденная Скавронская, супруга польского графа Петра Сапеги, орденом Святой Екатерины награждена не была. — В.Д.), племянницы императрицы, ни на кого не возлагалась, кроме супруг царствующих особ; что же касается до царских принцесс, то им орден этот принадлежит по праву рождения. Об этой ошибке не стоило бы распространяться, если бы она не служила доказательством того, что названные авторы не всегда говорят как очевидцы или ссылаются на показания людей, посещавших двор¹⁸.

¹⁶ Цит. по: *Беспятных Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 242.

¹⁷ Юность державы. М., 2000. С. 315.

¹⁸ Там же. С. 421.

Приложения

В РГИА (СПб) в фонде 496 (Капитул Российских императорских и царских орденов) в числе других хранится документ, озаглавленный «О учреждении Ордена Святыя Екатерины или так называемого ордена Свобождения»¹⁹.

Документ заканчивается фразой: «Печатано въ Санктпетербургской типографии 1713 Года»²⁰.

Анализ документа позволяет утверждать, что его текст взят за основу при опубликовании в Полном Собрании Законов Российской Империи (ПСЗРИ) в 1830 г. Устава ордена Святой Екатерины²¹.

Однако в том же фонде 496 РГИА имеется еще один вариант Устава ордена Святой Екатерины, датированный также 1713 г.: «Писано сподлинно-

Знак ордена Святой Екатерины. Лицевая и оборотная стороны

го санктъ петерь бургского печатного листа который печатанъ 1713 году», но представляющий более раннюю его версию²².

Интересно сравнение этих двух текстов и с точки зрения истории собственно отечественной фалеристики. Так, в позднем тексте (хотя и относящемся к тому же 1713 г.) слово «орден» пишется, как и сегодня, через букву «е», а в раннем (за несколькими исключениями) — «ордин». Здесь уместно процитировать название первой книги по фалеристике на русском языке,

¹⁹ РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 2567. Лл. 212–218 об.

²⁰ Там же. Л. 218 об.

²¹ Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание 1-е. Т. V (1713–1719). СПб., 1830. С. 129–133.

²² Там же. Л. 175.

вышедшей в 1710 г., — «История о ординах или чинах воинских»²³. Подобным образом отличается написание в Статуте ордена Святой Екатерины еще одного «орденского» термина — «кавалерственная» дама во втором случае и «ковалерственная» — в раннем.

Уже упоминавшееся нами выше ПСЗРИ № 2860 1713 г. начинается с абзаца, названного «объявлением», и лишь потом идет текст Устава ордена Святой Екатерины. Удалось выяснить, откуда был взят текст «Объявления».

Закон № 2860, точнее, объявление датировано 24 ноября и озаглавлено «О возложении Ордена Св. Великомученицы Екатерины на Государыню Царицу Екатерину Алексеевну». Текст «Объявления» заимствован также из РГИА, где в числе других помещено сообщение российского посла в Голландии князя Б.И. Куракина: «(1714. Ноября 24 то есть) в день тезоименитства Ее Величества Государыни Царицы Екатерины Алексеевны, Его Царское Величество и Государыня Царица изволили быть в церкви, и по окончании Божественные Литургии в той церкви Его Царское Величество сам изволил наложить на Ее Величество Государыню Императрицу новоучиненную Кавалерию Ордена Св. Великомученицы Екатерины (публично при всех, где было множество народа)». В круглые скобки взяты слова, отсутствующие в ПСЗРИ²⁴.

Первый вариант Устава ордена Святой Екатерины (Свобождения)

Во славу Богу Всемогущему, Екатерина, Милостию Божию Царица Всероссийская и протчая.

Всемъ кому ведати надлежить, поздравляемъ.

Известно есть всемъ коимъ образомъ всемогущий Богъ благоволил свое великое щедрое благословение изобилно оказать надъ пресветлейшимъ и державнейшимъ Великимъ Государемъ Царемъ Петромъ Алексеевичемъ, милостию Божию, и протчая.

Я между протчими случаи имела честь последовать занимъ вмесяце июле 1711 году когда насупротивление супостатомъ веры беззаконно инеправедно нарушавшимъ миръ и угрожающимъ нападениемъ вроссийския земли, ускорилъ своимъ подвигомъ даже досамой реки Прута, где отъ нечисленнаго множества техъ супостатовъ веры былъ окружень, и немочно изреши вкакихъ крайностяхъ тогда мы обрешалися, ибо весьма никакой

²³ См. подробнее: Шхонебек А. История о ординах или чинах воинских паче же кавалерских. СПб., 1710. Гл. 4.

²⁴ РГИА. ... Д. 2567. Л. 176.

пропорции между Нашими силами и ихъ супостацкими (не было. — В.Д.) ктомуужь пропитание намъ всемерно отвсехъ странъ было пресечено, иоднимъ словомъ заключить, что вся храбрость которая можетъ человчески помыслиться, являлася быть бездействителна къпомощи Нашей, такчто освобождение наше отътакихъ смертныхъ страховъ не могло ниоткуда произойти, кроме отъ единого бога, которой оное намъ явно даровалъ и после бою которой продолжился три дня, ипри которомъ я присутственна иочевидная свидетелница была храбрости непобедимой благоразумия, искусства имужества героического Моего Августейшаго супруга, и поокончании того кровавого бою возымела неизреченную радость видеть яко возсияние света отъ вышняго намъ низпосланное чрезъ благополучное заключение мира, того ради идля вышеобъявленныхъ причинъ, я возжелала утвердить вечную память сего знаменитого освобождения и заблагорассудила учредить иустановить якоже действительно учреждаю ипостановляю симъ настоящимъ, ВО СЛАУ БОГУ ВСЕМОГУЩЕМУ и въ честь блаженнейшей Святой Мученице Екатерине моей Заступнице, Орден Кавалерии которой будетъ сочиненъ изъ дамъ честныхъ и богобоязныхъ замужнихъ и беззамужнихъ, последующимъ образомъ.

1. Вручаю покорно сей орденъ подъ протекцію Царя Моего Государя и прошу оной почестъ за знакъ моей горячей любви и глубокаго почтения, которое къ нему имею, и втомъ виде оной заблаго признать и подтвердить, дабы силою его Уставов Императорскихъ, оный продолженъ и содержанъ былъ вечно в империи российской.

2. Помянутой орденъ называтися будетъ Орденъ Свободения, которое всецедрый Богъ благоволилъ даровать Его Царскому Величеству въ знатной и кровавой баталии Прутской, при которой Я присутствовала и очевидница была, также ивпамять всехъ прочихъ освобождений, предшествующихъ предъ симъ.

3. Сей Орденъ будетъ содержать въ себе одну первенствующую персону то есть Госпожу Ордина, и столко Дамъ отъ большаго креста, сколько есть принцессъ крови царской, также 12 другихъ Дамъ большаго жъ креста и 94 Дамы Ковалерственныхъ, всеизшляхетского урждения.

4. Знак Ордина будетъ крестъ белой въ руку Святыя Мученицы Екатерины, въ знаменованіе чистоты въ поле пурпуровомъ являющее темъ, что каждая Дама которая будет оной носить, должна лучше умереть, нежели пренебрежи свое обещание, авсамомъ центре другой меньшей крестъ украшенной лучами, знаменующий светъ Евангелической какъ рече Пророкъ Исаия въглаве 49 се дастся възавете родомъ ивосветъ языком, яко быти тебе Спасу до конца вселенныя.

Между спицами крестовыми поставлены будут сие четыре буквы: D. S. F. R., которыя суть слова начинающияся въ псалме 19: господи, спаси царя.

Всякая дама кавалерственная будет носить свой крестъ на платьѣ полевой стороне присердце и привязанъ будетъ белою лентою, на которой будутъ написаны золотыми буквами сие слова: За любовь и отечество.

Кресты дамъ большаго креста будут большіе и инымъ манеромъ, нежели дамъ кавалерственныхъ, такожде украшение будетъ болше ценою; А крестъ первенственныхъ персоны, Госпожи Ордина, будетъ отмененъ отъ всехъ какъ великостію, такъ и украшении богатствомъ.

5. Должность каждой дамы большаго креста и каждой дамы кавалерственной имеетъ быть:

Первое благодарить Бога повся дни за милостивые освобождения, которые онъ доныне даровалъ Его Царскому Величеству, Моему Государю.

Второе молить Бога такожде по вся дни о соблюдении Его Освященной Особы, оздравии Его и многолетствии и благополучии Его оружия и дел такожде иоздравии и многолетствии всей Его Императорской фамилии.

Третье втомже намерении повся воскресные дни проговаривать 3 (трижды. — В.Д.): Отче нашъ вчестъ Святыя Троицы.

Четвертое, трудится сколко возможно о привращении несколких неверныхъ къ вере Нашей благочестивой, употребляя к тому добродетельные способы иувещания, аотнюдь никакимъ угрожениемъ ниже понуждениемъ.

Пятое, освобождать одного христианина изъ порабощения варварско-го выкупая засвои собственныя денги.

6. Сверхъ того, каждая дама, которая приметъ Орденъ, учинить торжественно обещание пребыть верной Его Царскому Величеству ичто никогда не сообщитися нивъкакой умысле противъ Его Особы ни противъ Его власти Самодержавныя. Сие обещание да учинится сприсягою насвятомъ Евангелии, въприсутствии Госпожи Ордена, и при толикихъ дамахъ большаго креста, или кавалерственныхъ сколко въто время придворе обретатися будетъ кто-мужъ призыванъ будетъ которой ниестъ изначальныхъ Духовныхъ, дабы присутственъ той присяге былъ, для отправления духовной церемонии.

Дамы которыя будутъ отсутственны, могутъ присягу свою учинить чрезъ определенныхъ къ тому а которыя весьма вомаолоетстве, оныя отого будутъ уволены дошеснатцати летъ.

7. Я предудерживаю Себе оной (следует читать «одной». — В.Д.) [опечатка, перешедшая позднее в ПСЗРИ. Исправлена (см. «Исторический очерк Российских орденов и сборник основных орденских Статутов» (сост. Е.Е. Замысловский, И.И. Петров. СПб., 1891. С.33)] и протчимъ последовательницамъ по мне, достоинство великой Госпожи Ордина.

Медаль наградная в память Прутского похода 1711 г. Позднейший оттиск в золоте подлинными штемпелями. Лицевая и оборотная стороны. Частное собрание (Канада)

8. Я признаваю к достоинству дамъ большаго креста всехъ принцессъ крови Царской объявляя оныхъ быть того Ордина отсамаго ихъ рождения, безвсякаго постановления нарочного.

9. Я предудерживаю Себе право и протчимъ Великимъ Госпожамъ Ордина, после Меня поставлять протчихъ 12 Дамъ большаго креста и всехъ Дамъ кавалерственныхъ которыя Намъ угодны суть.

10. Я предудерживаю такожде себе и всемъ Великимъ Госпожамъ после Меня, право лишать того Ордина, по изволению такую Даму большаго креста и такую Даму кавалерственную, какъ намъ угодно, нечтоже принадлежитъ о принцесахъ крови царской, тони Я, ниже протчия началныя Главы даневозмогутъ оныхъ того лишить.

11. Каждая дама при получении Ордина, получить такожде крестъ, который имеетъ носить а когда умереть, тотъ крестъ имеетъ возвращенъ быть Великой Госпоже; равенственно тожь имеетъ чинится вслучае лишения.

12. Первое издивение навсе сии кресты учинено будетъ отъ Меня иот всехъ великихъ госпожъ после Меня нокаждая дама должна будетъ содержать вцелости оной крестъ которой будетъ ей данъ.

13. После Меня, иво всякихъ случаяхъ, въ которыхъ бы могло случится занебытиемъ Госпожи Ордена тогда первая принцесса крови имеетъ отправлять Наместничество сего Ордина, и содержать оный, пока будетъ начальная Госпожа ивозможеть раздавать упалыя места, и которые впредь будутъ.

14. Однако жъ оная Принцесса Великая Наместница невозможеть лишить по воле своей никакую даму Большаго креста и никакую Даму Ковалерственную. А ежели случится, что которая ниестъ ись техъ Дамъ учинить себя недостойною своимъ непорядочнымъ поведениемъ то втакомъ случае оная принцесса Великая Наместница, о томъ подасть известие Царскому Величеству, иполучении нато отнего Указа, давозможетъ лишить такую Даму сего Ордина.

15. Лишение Ордина имеет чинится безвсякой иной церемонии, токмо что пошлется взять крестъ Ордина отътой Дамы, которая лишена будетъ, что имеет учинится чрезъ Секретаря, которой, принявъ помянутой крестъ принесетъ назадъ, и вручить Великой Госпоже, или Великой Наместнице и о томъ учинить оной свое доношение.

16. Для сего чину и пртчаго потребного къ сему Ордину, определенъ будетъ Афицеръ (sic! — В.Д.) под титуломъ Секретаря и Казначея Ордина Свобождения. Сей Офицеръ (sic! — В.Д.) будетъ держать записку подлинную о всемъ, что касаться будетъ до Ордена поуставу онаго, иовсехъ техъ персонахъ, которыя во оный приняты будутъ, такожде и о местахъ упалыхъ, которыя случатся или чрезъ смерть, или чрезъ лишение Ордина, онже да имеет попечение приказывать делать кресты, которые Великой Госпоже потребны будутъ ибудетъ иметь у себя в соблюдении все те кресты, которые останутся отъ упалыхъ, онже имеет присутствовать при обещаниях. Дамъ большаго креста идамъ кавалерственныхъ, ибудетъ писать грамоты жалованныя, которыя будутъ записаны в книгу Ордина, ктомуужь онъ будетъ отправлять все дела Ордина, по Указу Великия Госпожи, или Великия Наместницы.

Двоимъ же Хоодакам Ордина, которыхъ чины состоять будутъ в томъ, чтобъ ходить кдамамъ кавалерственнымъ собъявлениемъ, в которой день и въ которой часть оныя имеютъ быть ко двору, и для протчей равной услуги. Позволено дабудетъ Секретарю давать дамамъ Большаго креста и дамамъ кавалерственнымъ Акты, которые будутъ свидетелствовать о учиненной ихъ присяге.

А когда помянутой секретарь можетъ быть принужденъ ехать вне Двора для взятия Ордина отдамъ, которыя того лишены будутъ, тогда затот его трудъ плачено будетъ, смотря подалности места, где оныя дамы обретатися будутъ.

Сей есть Устав, на котором я учреждаю и постановляю шляхетнейший Ординъ Свобождения, моля бога, дабы благоволилъ содержать подъ своимъ Святымъ защищениемъ всехъ техъ персонъ, которыя во оный приняты будутъ, идароваль свою милость, дабы достоинственнаго могли исполнить свои должности и дабы всехъ управилъ во славу имени Своего Святого.

Писано сподлинного санктъ петерь бургского печатного листа который печатанъ 1713 году.

Ключевые слова:

Орден Святой Екатерины, Екатерина I, Петр I, Прутский поход, царевич Алексей

Valeriy A. Durov

ORDER OF ST. CATHERINE (LIBERATION) DURING THE TIME OF PETER THE GREAT

This article is devoted to the history of the establishment of the Order of St. Catherine in the year 1713 (during the reign of Peter the Great), an award which this year will celebrate 200 years. The Order was originally intended as an award for only one person — the wife of Peter the Great, Catherine (later — Empress Catherine I). It subsequently became the only Russian award specifically intended to acknowledge women. On the basis of archival documents and the memoirs of contemporaries of these events, the author analyzes the circumstances and history of the establishment of the Order relating to the merits of Catherine during an unsuccessful Russian army campaign in Pruth in 1711. The author also introduces the original version of the Charter of the Order of St. Catherine (Liberation) into scientific circulation and analyzes its differences with the later version.

 Дуров Валерий Александрович

ведущий научный сотрудник отдела нумизматики
Государственного исторического музея

Н.А. Крылова

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ФОТОГРАФИИ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Фотография довольно быстро — спустя 10–20 лет после ее фактического изобретения в 1839 г. — становится незаменимым средством в исследовании человеческого лица и тела. Механически воспроизведенные изображения порождают новые способы классификации и формы хранения информации: появляются медицинские, этнографические и криминалистические архивы.

Некоторые исследователи связывают первые опыты использования фотографии в криминальных расследованиях с деятельностью английских полицейских в 1840-х гг.¹ В 1850-е гг. появляются более масштабные проекты. В 1852–1853 гг. по заказу швейцарского правительства фотограф К. Дюрхайм выполнил серию из 220 фотографий бездомных бедняков города Берна. Предполагалось, что фотографии впоследствии будут переведены в литографии и затем предоставлены полиции, с целью облегчить опознание и поимку бродяг.

Историк фотографии М. Фризо указывал также, что в 1854 г. редактор двух ведущих французских журналов о фотографии «La lumière» и

¹ Шитова Т.Н. Фотографы Москвы (1839–1930): Биографический словарь-справочник. М., 2006. С. 16.

«Le Moniteur de la Photographie» Э. Лакан рассматривал в одном из своих эссе возможность организации полицейской фотографической службы². Это предложение так и осталось нереализованным. Дальнейшее внедрение в полицейскую практику фотографии Фризо связывает с событиями Гражданской войны в США (1861–1865 гг.) и Парижской коммуны во Франции (1871 г.).

В 1860-х гг. в крупных городах Европы и России появились первые фотографические студии при полицейских учреждениях. Снимки старались вкладывать во все важные судебные-полицейские дела, однако на практике отсутствовала четкая система фиксации и идентификации личности преступников. Как писал корреспондент журнала «Фотограф», в 1863 г. случаи применения фотографии в суде в России еще были единичны³. Но уже через два года появились первые специализированные фотографические заведения при Бобринецком (Елисаветградском) и Тираспольском уездных управлениях, а также фотографический павильон Санкт-Петербургской городской полиции при Тюремном замке (1864 г.). Чуть позже своя полицейская фотография появилась и в Москве (1867 г.)⁴.

Методы работы с карточками официально не регламентировались, складываясь во многом интуитивно, соответственно вкусу и профессионализму энтузиастов фотографии. Однако общественность явно ожидала от фотографии нечто большего, предъявляя порой чрезвычайно высокие требования. Как писал редактор журнала «Фотограф» А. Фрибес: «У нас, более чем где-либо, фотография окажет большие услуги при констатировании личности, улике не помнящих родства, при пересылке партий арестантов»⁵. Западные коллеги предлагали другой способ употребления технической новинки: «Преимущественно важно применение фотографии для ловких плутов, шулеров и подобных им обманщиков, под чужим именем посещающих воды»⁶.

Петербургское заведение при Тюремном замке ставилось в пример французским журналом «Le Moniteur de la photographie». Автор заметки с сожалением указывал, что еще в 1855 г. генеральный инспектор тюрем

² Фризо М. Дело о теле: Этнография различий // Новая история фотографии. М., СПб, 2008. С. 262–263.

³ Фотограф. 1865. № 7–8. С. 149–150.

⁴ Полицейская фотография открылась в помещении типографии и редакции газеты «Ведомости городской полиции» по адресу: Тверская часть, 3 кв., Гнезниковский переулок (Московская памятная книжка, или Адрес-календарь жителей Москвы на 1868 год. М., 1868).

⁵ Фотограф. 1865. № 7–8. С. 149–150.

⁶ Там же. С. 190.

Регистрационная карта преступника.
Россия, 1908 г.

во Франции Моро-Кристоф предложил применить фотографию для установления примет преступников, но этот проект не был признан официально. Далее он писал, что, «как видно из петербургского примера, другие государства, опередив Францию, привели уже, хотя отчасти, систему эту в исполнение»⁷.

Фотограф с 1860-х гг. становился фигурой, которая находилась в непосредственной близости от социальных изменений и технического прогресса, а нередко и сам являлся проводником и инициатором современных тенденций. В это время в России появились специальные фотографические журналы (научно-технический журнал «Фотограф», «Фотографическое обозрение», «Фотографический вестник»), которые устанавливали стандарты для профессионала нового типа: серьезные познания в области химии и посещение художественных выставок были для него так же естественны, как забота о реформировании общества. Сами фотографы не без гордости подчеркивали социальный пафос светописи (в этом смысле ее применение в судебном следствии было так же почетно, как в медицине, астрономии, архитектуре, археологии, военном деле, физиологии).

В 1865 г. журнал «Фотограф» писал о необходимости употребления фотографии как «очевидного доказательства» во время следствия по уголовным делам: «Точное изображение лица или вещи способствует к узнаванию их вернее самого подробного описания; а такое верное изображение предмета можно получить только посредством фотографии». Фотографические

⁷ Там же.

Регистрационная карта преступника.
Россия, 1908 г.

карточки не только «легко могут заменять свидетелей, необходимых для подтверждения личности преступника», но даже превосходят субъективность любого словесного описания, как в применении к живым (в случае с неточным описанием примет на паспорте), так и при опознании трупов: «Подробное описание найденного трупа всегда бывает недостаточно и фотографическое изображение дает несравненно лучшее понятие, чем тысяча описаний»⁸.

Московский обер-полицмейстер генерал-лейтенант Н.У. Арапов обосновывал свое желание открыть в Москве полицейскую фотографию следующим образом: «Полицейские розыски людей, требующихся по разным случаям, остаются нередко безуспешными по неполноте и неопределенности описания примет, в особенности если черты лица разыскиваемого человека не представляют каких-либо уклонений от обыкновенной наружности. Причины эти ведут иногда к весьма серьезным последствиям, так как, пользуясь ими, легко скрываются от преследований важные преступники. Изобретение фотографии и применение ее к розыскам, отстраняя вполне упомянутые недостатки, заменю описания примет фотографическими карточками, настолько облегчило розыски, что применение это представляется в настоящее время решительно необходимым»⁹.

Заведение было открыто в Москве в 1867 г. В этом ателье «на случай розыска снимались карточки с преступников, содержащихся в московских

⁸ Фотограф. 1865. № 7–8. С. 188.

⁹ Центральный исторический архив г. Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 16. Д. 1398. Л. 1–4.

тюремных и пересыльных замках, с некоторых из арестованных приезжих, смотря по роду преступления и большей или меньшей вероятности на побег их, копии с карточек, присылаемых к обер-полицмейстеру при сообщениях о розыске бежавших лиц, и, вообще, фотографические снимки с лиц и предметов, необходимых по разным случаям для полицейских дел»¹⁰.

Одновременно с закреплением фотографии в повседневной практике полиции устанавливался официальный надзор за коммерческими ателье. С 1862 г. открытие, закрытие, продажа, переезд, сдача в аренду фотографических заведений могли происходить только с разрешения обер-полицмейстера (в Санкт-Петербурге), генерал-губернатора (в Москве) или губернатора (в остальных городах)¹¹.

Наряду с типографиями, литографиями и металлографиями фотография попала под контроль Главного управления по делам печати, осуществляемый в столицах специальными инспекторами, а в губерниях — чиновниками для особых поручений, которые назначались губернатором¹². Владельцы фотоателье обязаны были вести шнуровые книги, «в которые вставляются по одному экземпляру всех исполняемых ими работ. Мера эта... сможет оказаться полезною... и в полиции, при разыскании лиц некогда проживавших в Москве»¹³. Надзор за исполнением работ осуществлялся как по шнуровым, так и по оригинальным образцам, которые хранились во всех заведениях в течение года в том же порядке и под теми же номерами, что и в шнуровых книгах¹⁴. Характерно, что утопическая идея поместить карточки всех без исключения городских обывателей в специальные альбомы, которые при необходимости всегда были бы доступны властям, не была забыта и в конце 1890-х гг.: «Предполагалось обязать фотографов-профессионалов иметь альбомы, в которых должны быть карточки всех снимающихся. Эти альбомы для властей могли бы служить большим подспорьем»¹⁵.

В правилах печати фотоаграфам прямо запрещались производство и продажа портретов политических преступников¹⁶, а снимки с картин или эстампов разрешалось выполнять только с цензурного дозволения. Нарушители закона наказывались изъятием продукции и штрафом. Непосредственно осмотр в ателье производили инспектора. Но направлять их по-

¹⁰ Там же.

¹¹ Мсерианц З.М. Законы о печати: Настольная справочная книга. М., 1868. С. 43.

¹² Там же.

¹³ Цит. по: Шитова Т.Н. Указ. соч. С. 16.

¹⁴ См. об этом подробнее: Шитова Т.Н. Указ. соч.

¹⁵ Васильев А. Памятная книжка фотографа. М., 1897. С. 71.

¹⁶ Мсерианц З.М. Указ. соч.

иски в особо важных случаях могло и само Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее — СЕИВК).

Отслеживать циркуляцию фотографических изображений государственных преступников Третье отделение начало еще с 1840-х гг. В 1846 г. сюда попали дагеротипы декабристов, снятые путешествовавшим по России фотографом А.Я. Давиньоном и отправленные по почте графом И.В. Поджио своей дочери в Киевскую губернию¹⁷. Этот прецедент послужил поводом к «высочайшему воспрещению» от 9 февраля 1846 г. «поселенцам из государственных

Портрет Н.Г. Чернышевского.
Фотоателье Везенберг. Спб., вторая половина XIX в.

и политических преступников снимать с себя портреты ...и о таковой монаршей воле известил начальников Тобольской и Томской губернии и Киргизской степи, ...и предложить им, чтобы немедленно были отобраны все портреты их, какие у них найдутся, а также и принадлежности дагерротипов»¹⁸.

Третье отделение СЕИВК, а в дальнейшем — Департамент полиции тщательно следили за исполнением указанных правил печати. Постепенно в архиве отделения накопилась масса изъятых карточек с противоправительственной пропагандой. Право исполнять, тиражировать и хранить портреты политических преступников (Е.И. Пугачева, декабристов, Н.Г. Чернышевского, Д.В. Каракозова, М.А. Бакунина и др.) становилось исключительной прерогативой власти.

¹⁷ Подробнее см.: *Сабурова Т.Г. Декабристы и их время*// Труды ГИМ. Вып. 88. М., 1995. С. 158–220.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 20. Д. 182. Л. 30.

В большинстве губернских городов Российской империи полицмейстеры и жандармы пользовались услугами местных фотографов. Арестованных под конвоем доставляли в обыкновенные ателье из городских полицейских управлений, губернских жандармских учреждений (далее — ГЖУ), тюремных и пересыльных замков, сыскных отделений. При этом съемка оформлялась как частный заказ — никаких специальных договоров между полицейскими и жандармскими службами и коммерческими фотографами не заключалось. Группе выдавался талон, после чего фотографии вместе со счетом отправлялись в указанное учреждение. Съемки могли производиться не только в профессиональных ателье, но и с помощью приглашенного в управление фотографа. Также фотографу оплачивали выезд для фиксации мест преступлений. Интересно, что в России, в отличие, например, от английского законодательства, портреты могли быть сделаны до вынесения официального приговора и, напротив, еще в 1880-х гг. не существовало обязательной практики фотографирования осужденных преступников¹⁹.

Влияние фотографа на процесс фиксации личности преступника, по всей вероятности, сводилось к словесным указаниям того, как должен вести себя снимающийся. Нередко арестованный намеренно старался придать своему лицу нехарактерные черты или просто смазать изображение. Известна фотография из альбома «Профессиональные преступники», который составил в 1885 г. глава нью-йоркского детективного бюро Т. Бирн. На ней изображен пример уклоняющегося от съемки преступника: мужчину удерживают на стуле четверо служителей закона, фиксируя его руки и голову²⁰.

Конечно, эта тщательно срежиссированная сцена была скорее призвана продемонстрировать возможности и силу полиции. На практике физическое сопротивление арестантов при съемке встречалось не так часто. Фотограф С.А. Юрковский, имевший опыт проведения полицейской съемки, писал, что уместно продемонстрировать сочувствие и уважение «к несчастному положению арестанта», не выказывать ни иронии, ни презрения, не позволять себе насмешки и вести съемки так, «как бы дело шло о портрете свободного джентельмена»²¹. Иногда административные снимки выходили настолько нейтральными (как отмечал Юрковский, женщины заботились о своих прическах, мужчины, по возможности, старались сняться в обыкновенных платьях²²), что заключенный мог подавать прошение на копирова-

¹⁹ Там же.

²⁰ *Tagg J. The disciplinary frame: The photographic truths and the capture of meaning. University of Minnesota, 2009. P. 25.*

²¹ Фотограф. 1884. № 3. С. 53.

²² Там же. С. 56.

Члены полиции, участвовавшие в деле Савицкого.
Россия, 1909 г. (Из полицейского альбома) ГА РФ. Ф.1742.
Оп. 7. Д.1842. Л.11 (оборот). № 299

ние карточки для своих личных нужд (и на свои средства)²³. Однако важно отметить, что именно лицо арестованного (в том числе взгляд) было самым сложным элементом, который требовалось подчинить закону.

Некоторые фотографии запечатлевали не только преступников, но и представителей власти. Их появление в кадре обуславливалось как необходимостью прямого воздействия, в случае действительной опасности преступника (тогда наряду с арестованными на снимке появляются безымянные стражники с винтовками)²⁴, так и желанием сфотографироваться на память (в серии «Дело шайки Савицкого в Могилевской губернии» 1909 г. полицейские чины стояли на фоне плетня, на котором закреплены тела поверженных разбойников)²⁵.

Характерно, что в документах 1880-х гг. тем или иным образом фиксируется «личная воля» заключенного: «...о снятии с него фотографической карточки ответил, что не дозволит снять ею. Хотя он не соглашался на снятие с него карточки, но карточка снята и изготавливается»²⁶. Документы 1900-х гг. уже четко разделяли обязанности преступников и власти: «поэтому со стороны исполнительных полицейских органов снятие в указанных случаях фо-

²³ Например, дело политического заключенного П. Ширяева (Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 109. Оп. 1. Д. 864. Л. 10).

²⁴ ГА РФ. Ф. 1742. Оп. 7. Д. 1842. Альбом с фотографиями разных лиц (представители уголовного мира г. Варшава, г. Томск, Могилевской губернии; участники революционного движения и др.). 420 фотографий.

²⁵ Там же. Л. 11.

²⁶ Там же. Ф. 102. Оп. 1883. Д. 65. Л. 176–177.

тографий и примет должно быть рассматриваемо как выполнение одной из существенных законных обязанностей полиции, а, следовательно, ко всякому уклонению или противодействию со стороны обвиняемых к снятию с них примет, следует относиться как к неисполнению законных требований власти и потому стремиться всеми законными способами принудить снимаемого подчиниться предъявляемым к нему в этом отношении требованиям»²⁷.

Целенаправленная работа по сбору и накоплению полицейского архива фотографий в Российской империи проводилась, начиная с 1880-х гг., Департаментом полиции Министерства внутренних дел — центральным учреждением государственной полиции Российской империи. Вплоть до ликвидации в 1917 г. самого Департамента полиции его сотрудники формировали и совершенствовали справочную часть для внутреннего пользования. В нее входили две важные коллекции, перешедшие в департамент из Третьего отделения СЕИВК: коллекция фотографий и коллекция нелегальных изданий. С созданием в 1898 г. в структуре департамента Особого отдела к нему перешли обе коллекции в качестве библиотеки революционных изданий и фототеки на деятелей революционного движения (20 тыс. фотографий, именные картотеки на 55 тыс. человек)²⁸.

Фототека первоначально содержала в себе разнообразный материал, связанный с ведением дел о политических и государственных преступлениях, сюда же стекались сведения об уголовных преступниках — бродягах, «не имеющих родства», без вести пропавших, скрывавшихся из назначенных им мест жительства, бежавших из-под стражи.

В самом департаменте как в наблюдательном и распорядительном органе не производилось задержаний и до 1908 г. не было собственного фотографического павильона. После его появления в нем преимущественно выполнялись заказы по копированию и увеличению писем, карт, фотографий, съемка дактилоскопических оттисков.

Карточки по заказам департамента и Санкт-Петербургского ГЖУ снимались до 1887 г. у частных фотографов (по регулярным отчетам можно установить, что за снятие фотографических карточек в 1884–1887 гг. было уплачено частным фотографам от 650 р. до 1536 р. в год, а в среднем на это уходило ежегодно около 1248 р.²⁹). В 1887 г. на основании соглашения департамента с санкт-петербургским градоначальником заказы по снятию

²⁷ Инструкция фотографирования преступников и составления карты с описанием примет (Приложение к циркуляру Департамента полиции от 29 декабря 1906 г. (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 269. Л. 31).

²⁸ *Перегудова З.И.* Политический сыск в России (1880–1917). М., 2000. С. 61.

²⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 1887. Д. 169. Л. 149.

Фотографии неизвестных, выполненные в полицейском отделении.
Россия, 1905–1917 гг. ГА РФ. Ф.1742. Оп.7 Д.713. Д.1156.

фотографий для департамента и Санкт-Петербургского ГЖУ исполнялись в фотографии при сыскной полиции «в здании Казанской части». По всей видимости, она была создана на базе бывшей фотографии городской полиции при Тюремном замке, существовавшей с 1864 г.

Причем, как писал директор департамента П.Н. Дурново: «Представляется настоятельным снабдить фотографию (при Сыском отделении. — Н. К.) таким количеством приспособлений и рабочих, чтобы она могла отпечатать до 20 дюжин копий в течение не далее трех дней. За снятие фотографических карточек для департамента и жандармского управления департамент может уплачивать ежегодно от 900 до 1000 рублей»³⁰.

Фотографический павильон Казанской части обслуживал три учреждения: Департамент полиции, Санкт-Петербургское ГЖУ и Охранное отделение. С 1893 г. на него также были возложены обязанности по изготовлению требуемого количества фотографий для распространения по губерниям, которые до того копировались на местах³¹. Что касается количества работ, то, к примеру, за 1894–1895 гг. Департаментом полиции было заказано 6678 и 8142 карточки соответственно, а Санкт-Петербургское ГЖУ заказало за два вышеупомянутых года 7680 карточек (то есть за это время в качестве обвиняемых в ГЖУ привлекалось 320 человек, и с каждого из них было снято по две дюжины карточек)³².

³⁰ Там же. Л. 4.

³¹ Там же. Л. 68–70.

³² Там же. Л. 99–100.

Одним из главных источников пополнения фототеки департамента были целенаправленно выполненные изображения. Из сыскных и охран-ных отделений, губернских управлений, пересыльных и тюремных замков присылались фотографии преступников с просьбой о помощи в их иденти-фикации или розыске (сначала согласно циркуляру департамента от 31 де-кабря 1880 г. печать производилась по числу полицейских управлений гу-берний — 18 экземпляров; с 1890 г. — 5 экземпляров по 2 снимка в фас и в профиль³³). Полученную карточку сличали с образцами из альбомов депар-тамента и оповещали об обнаружении сходства. Нередко возникали случаи, когда одно и то же лицо фигурировало под разными именами (например, преступник мог дважды попадать под следствие в разных местах или в раз-ное время, за которое он успевал сменить имя).

С 1881 г. на начальников ГЖУ возлагалась обязанность доставлять в департамент фотографические карточки всех лиц по дознаниям, имеющим своим предметом государственные преступления, а также по исследованию «политической неблагонадежности» лиц (требование не распространялось только на дознания по преступлениям, предусмотренным 246–248 статья-ми Уложения о наказании, а равно на «лиц из неинтеллигентных клас-сов, обвиняемых в передаче нелепых слухов о переделе земли, отмене по-датеи»³⁴). При этом требование «описывать, возможно, подробно приметы каждого лица» сохранялось — словесные портреты необходимо было пре-проводить в департамент отдельным приложением³⁵.

С 1882 г. департамент ограничил собираемые им фотографии только обвиняемыми «по дознаниям, имеющим своим предметом государствен-ные преступления», а также «исследования политической неблагонадеж-ности лиц». Исключались лица, находящиеся в безвестном отсутствии, скрывшиеся из назначенных им мест жительства, бежавшие из-под стра-жи и т.п.³⁶

Кроме того, с 1882 г. циркуляром регламентировалось количество ко-пий изображений политических преступников, которые теперь печатались на местах в количестве шести экземпляров (шесть карточек анфас и шесть в профиль). Один такой экземпляр хранился в жандармском управлении, а остальные пять необходимо было выслать в департамент не позже двух недель со дня привлечения к дознанию³⁷.

³³ Там же. Оп. 1881. Д. 1. Ч. 5.

³⁴ Там же. Оп. 260 Д. 24. Л. 37.

³⁵ Там же. Л. 59.

³⁶ Там же. Д. 247. Л. 28.

³⁷ Там же. Л. 86.

С этого же времени к путевым документам политических преступников, отправляемых в ссылку, стали прикладывать фотографии³⁸. За выполнением распоряжения должно было следить губернское начальство, в ведении которого находился осужденный на каторгу. Перед отправлением по назначению и после распоряжения Главного тюремного управления составлялся, наряду с описью личных вещей, по общеустановленной форме список с непременно присоединением к нему фотографической карточки, которая либо доставлялась из Главного тюремного управления, либо снималась на месте³⁹. Цель этого распоряжения объяснялась желанием властей помешать обмену именами между арестантами и предотвратить возможный побег. Также предлагалось по возможности снабжать конвоирующих унтер-офицеров фотографической карточкой пересылаемого с обязанностью передать эту карточку начальнику арестантской партии на приемном пункте. В случае отсутствия фотографии данного осужденного в фототеке карточку необходимо было также выслать в департамент.

Помимо накопления собственной коллекции, Департамент полиции регулярно рассылал по всем губерниям разыскные циркуляры, к которым прикладывались списки имен с изображениями разыскиваемых. Целью списков было сосредоточить в канцеляриях губернаторов все сведения, необходимые для немедленного удостоверения на месте, тождества задержанного лица с лицом, разыскиваемым департаментом.

В случае попыток установить личность бродяг, полученные карточки могли предоставлять обывателям, заключенным или стражникам, которые когда-то находились в контакте с разыскиваемым/задержанным. Порядок работы с подобными циркулярами был следующий: начальник ГЖУ после ознакомления (в том случае, если лицо было ему неизвестно) пересылал карточку и списки губернатору для выяснения бродяг уже с помощью чинов полиции. Далее чины уездных полицейских управлений могли показывать карточку сельским, заводским обывателям, мещанам (это было гораздо удобнее прежней системы, когда для опознания бродяги его самого приходилось перевозить за тысячи километров).

Альбомы с фотографическими карточками наиболее известных революционных деятелей также имелись у жандармских офицеров, которым главным образом и приходилось устанавливать личность задерживаемых.

³⁸ Циркуляр Департамента полиции от 28 октября 1882 г. за № 8550 (ГА РФ. Ф.102. Оп. 1887. Д. 169. Л. 205).

³⁹ Правила о порядке препровождения лиц, подлежащих высылке по делам политического свойства. 1889 г. (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 260. Д. 158. Л. 130).

Желание создать на местах собственные архивы было понято далеко не всеми. В 1893 г. в отчете департамента прозвучала попытка рационализировать подход к использованию фотографий в деле политического сыска, на производство которых уходили огромные средства: «Переснятие фотографических карточек представляется совершенно излишним, так как тринадцатилетний опыт розыскной деятельности департамента приводит к убеждению, что задержание чинами общей полиции лиц, подлежащих аресту по делам политическим, производится не при посредстве фотографических карточек, а обыкновенно или вследствие полученных указаний на прибытие данного лица в известную местность, или в виду подозрительности поведения известного лица и, главным образом, по всякого рода недоразумениям или сомнениям при предъявлении им к прописке видов на жительство. При таких условиях снабжение исполнительных чинов полиции фотографическими карточками всех разыскиваемых лиц, вызывая непроизводительный расход, обременяет лишь чинов полиции хранением значительного числа фотографий»⁴⁰.

Другим источником пополнения фототеки были фотографии наружного наблюдения. Особенно развита эта практика была за границей, где нельзя было производить задержаний. В январе 1909 г. при агентуре был учрежден особый фотографический отдел для пересъемки писем, который также использовался и для печати конспиративных снимков наблюдаемых на улице лиц⁴¹.

Кроме того, в фототеку доставлялись все карточки, полученные стихийным образом — в процессе обысков, арестов, инспекций, перлюстраций. Потенциально любая фотография могла стать единицей полицейского архива и начать свидетельствовать против своего владельца. Многие из них — бытовые портреты, сделанные в ателье с дарственными надписями на память. Они не имели прямого отношения к тому или иному субъекту. Статус «полицейский» или «политический» эти снимки приобретали уже самим фактом включения в архив и вовлечением в структуры контроля.

В 1883 г. в журнале «Фотограф» была опубликована статья, которая знакомила профессионалов и любителей фотографии с достижениями в области регистрации преступников. В Париже в 1872 г. появилась первая полицейская служба, которая занималась опознанием рецидивистов по фотографии — центральное бюро по удостоверению личности. Характер-

⁴⁰ Там же. Оп. 1887. Д. 169. Л. 70.

⁴¹ Перегудова З.И. Указ. соч. С. 148.

Портрет бродяги.
Фотоателье
Дж. Ескенберг и К.
Riga, 1880-е гг. ГА РФ
Ф. 1742. Оп. 7. Д. 519

но, что в статье обсуждается момент, когда именно следует фиксировать личность арестованного. В российской практике нередко заключенные вывозились для съемок уже из тюремных заведений или перед отправлением на этап. «Со всякого лица, доставленного в Парижскую полицейскую префектуру ... по обвинению или подозрению в преступлении, немедленно снимается фотография визитного формата, хотя бы впоследствии преступность лица не подтвердилась. Следовательно, фотографируется в том виде и платье, какое было во время арестования, отчего подобные фотографии несомненно более удовлетворяют цели, чем снятые когда уже преступник посажен в заключение и облечен в арестантскую одежду. Все карточки хранятся в справочной конторе префектуры в особенных ящиках с надписями, соответственно роду преступлений... для фотографирования вне префектуры имеется специальная фотографическая карета, стоящая 7000 франков, со всеми приспособлениями для работы на мокром слое. По отзыву английского корреспондента, фотографическое заведение при парижской полицейской префектуре не только образцовое, но и не имеет себе равного в других государствах»⁴².

Относительно правил съемки департамент долгое время ограничивался указаниями общего порядка, и на деле хорошо выполненный портрет в полицейском смысле не сильно отличался от обычного коммерческого портрета. В обоих ценились четкость, освещение, узнаваемость, естественность, не допускалась никакая «умышленная небрежность» ни в прическе, ни в

⁴² Фотограф. 1881. № 6. С. 178.

одежде. В разное время «полицейскими» фотографиями выступали такие известные в художественных кругах фотографы, как «фотограф Императорских театров» Л.И. Бутримович, фотограф Московского археологического общества И.Ф. Барщевский, ученик знаменитого А.О. Карелина «фотограф и художник Ее Императорского Высочества государыни Великой Княгини Александры Иосифовны» С.Г. Соловьев⁴³.

В конце 1890-х гг. появляется должность судебного и полицейского фотографа, окончательно складывается представление об особом характере арестантского портрета: «Практические знания, как профессиональных фотографов, так и фотографов-любителей ограничиваются обыкновенно одностороннею областью применения фотографии к воспроизведению артистически-исполненных портретов отдельных лиц (большей частью en face и 3/4), или же эффектных групп, а иногда — изображения отдельных предметов и видов местности. Все внимание каждого такого фотографа направлено к достижению наиболее красивых, эффектных снимков и таким образом главное свойство фотографического аппарата — точное воспроизведение действительности является для фотографа профессионала не столько достоинством, сколько недостатком аппарата, которыми он стремится всевозможными способами парализовать, прибегая к разнообразным и часто весьма тонким приемам ретуши, освещения и т.п., дабы смягчать резкость изображения или сделать незаметными некрасивые черты... Вот почему постигший все тонкости артистической фотографии, владеющий всеми ее секретами профессиональный фотограф очень редко будет хорошим судебно-полицейским фотографом. В силу тех же причин и применяемые в лучших фотографиях усовершенствованные и вообще очень дорогие аппараты непригодны для целей судебно-полицейской фотографии»⁴⁴.

В 1890 г. начальникам жандармских управлений были разосланы следующие указания: при снятии обвиняемые должны быть без шляп и пальто; размер головы на карточке должен быть не менее 1/2 вершка в высоту⁴⁵. Но, несмотря на все циркулярные распоряжения, в департамент от производящих дознания чинов Корпуса жандармов продолжали приходить снимки, которые «по разнообразию позы снимаемого не всегда представ-

⁴³ Имена фотографов восстановлены по распискам, хранящимся в фонде Департамента полиции (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 1881. Д. 1. Ч. 5).

⁴⁴ Лебедев В.И. Судебно-полицейская фотография: Пособие для слушателей курсов, учрежд. при Деп. полиции для начальников сыскн. отд. СПб., 1908. С. 14. (См. также: Вестник полиции. 1909 г.)

⁴⁵ Циркуляр от 15 октября 1890 г. № 3162 (ГА РФ. Там же. Оп. 260. Д. 247. Л. 86).

ляются достаточно наглядными»⁴⁶, что даже «родственники обвиняемых с трудом узнают изображенных на карточке лиц»⁴⁷.

Пожалуй, полное единство достигалось лишь в вопросах формата карточек: использовался, как правило, стандарт визитки (54 мм x 92 мм; 56 мм x 94 мм; реже 70 мм x 105 мм). На кабинетный формат (100 мм x 137 мм) могли производиться съемки мест преступлений или портреты преступников, которые развешивались в сыскных отделениях. Также кабинетный формат использовался для групповых съемок преступников в отчетных альбомах.

Фотография
Герантовского,
разыскиваемого
циркуляром
3 отделения в 1877 г.
Фотоателье
А. Бутримович.
ГА РФ. Ф. 1742. Оп. 4. Д. 82

Активная деятельность департамента с фотографией «совпала» со стандартизацией съемки преступников, которая произошла практически в одно время во многих странах. Появление «криминалистической» фотографии связано с антропометрической системой, внедряемой в 1880-х гг. под руководством шефа бюро префектуры парижской полиции А. Бертильона.

Основные положения ее исходили из того, что величина определенных частей тела и лица взрослого человека остается неизменной в течение всей жизни; Бертильон выделял 11 таких частей и утверждал, что их измерение можно проводить с помощью правильно снятой фотокарточки. Через несколько лет этот стандарт распространился и стал универсальным для полицейских служб в разных государствах. Съемка в фас и в профиль 1/7, в рост 1/20 выполнялась специальным аппаратом («камера Бертильона»).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Оп. 84. Д. 230. Л. 2.

Важным нововведением было установление единого стандарта освещения, позы, положения камеры, расстояния до объекта для всех фотографий. Полученные фотографические карточки клеивались на специальный учетный бланк, куда также заносились сведения о параметрах головы и тела и данные «словесного портрета». Особенное значение Бертильон придавал описанию и фиксации уха и, как следствие, съемке в профиль. «Всегда необходимо иметь в виду первенствующее значение профиля, ибо правое ухо и вообще фотография в профиль являются нередко единственным возможным способом точного установления тождества личности по фотографии, не дополненной другими сведениями; особенно это относится к карточкам лиц, не достигших 21 года от роду, так как моложе этого возраста антропометрические измерения не могут быть точны. Скрытное снятие моментальной фотографии... с наблюдаемого на улице возможно легче и незаметнее в профиль: при полной почти неподвижности уха и трудности существенно исказить гримасой лицо в профиль только боковые снимки и могут в таких случаях выйти достаточно удовлетворительными»⁴⁸.

Система идентификации преступников в XX в. пошла по альтернативному пути развития: трудоемкий антропометрический способ вытеснила дактилоскопия, но прежний стандарт съемки преступников в фас и в профиль оставался основой работы всех полицейских фотографов. В России, как отмечалось в «Вестнике полиции», эти две системы существовали параллельно — личность некоторых преступников фиксировалась исключительно с помощью дактилоскопической формулы, тогда как другие попадали в антропометрические картотеки. Ввиду «несовременности» и «негуманности» процедуры в 1907 г. была отменена «патологическая часть антропометрии» или «описание примет на теле человека», потому что проведение ее предполагало обнажение тела преступника⁴⁹.

Другие приемы антропометрии — «словесный портрет» и измерения регулярно подвергались аргументированной критике⁵⁰. Однако развернутая в 1914 г. на страницах журнала «Вестник полиции» полемика на предмет предпочтения одного из методов завершалась следующими словами: «В настоящее время, когда в России дело регистрации преступников путем научных методов ново, и огромное количество преступников не подвергнуто никакой регистрации, а тем более дактилоскопированию, — говорить

⁴⁸ Инструкция фотографирования преступников и составления карты с описанием примет. (Приложение к циркуляру Департамента полиции от 29 декабря 1906 г. (Там же. Оп. 260. Д. 269. Л. 31–44.)

⁴⁹ Вестник полиции. 1912. № 8. С. 232.

⁵⁰ Там же. 1913. № 25; 1914. № 2.

Томские нищие (из полицейского альбома). Россия, 1900-е гг.
ГА РФ. Ф. 1742. Оп. 7. Д. 1842. Л. 10. № 294

о том, что регистрация путем фотографии и антропометрии излишня — является, на мой взгляд, ничем необоснованным отрицанием регистрации вообще. В то время, когда дактилоскопия в России еще не применялась, в некоторых городах империи практиковалась регистрация преступников путем антропометрических измерений, и ныне довольно часты случаи установления личности преступников исключительно на основании имеющихся данных антропометрического измерения. Фотография преступников и словесный портрет важны в случае наружного наблюдения чинами сыскной полиции за подозреваемым»⁵¹. Антропометрия предоставляла неоспоримое преимущество для талантливых агентов — работу на расстоянии: выведя формулу носа и уха, они могли уточнить личность подозреваемого в регистрационном бюро. Кроме того, сам Бертильон спустя некоторое время добавил в свою систему процесс снятия отпечатков пальцев.

31 января 1903 г. департамент издал циркуляр, согласно которому все ГЖУ должны были доставлять фотографии лиц, привлеченных к дознаниям по обвинению в государственном преступлении «с разъяснением некоторых приемов правильного описания примет по известной антропометрической системе Бертильона»⁵². Эти инициативы были связаны во многом с деятельностью начальника Особого отдела департамента — С.В. Зубатова. По мнению доктора исторических наук З.И. Перегудовой, его можно по праву назвать создателем системы политического сыска предреволюцион-

⁵¹ Там же. 1914. № 6. С. 143.

⁵² Там же.

ной России. В мемуарах начальника московской охраны П.П. Заварзина о нем сказано следующее: «Зубатов первый поставил розыск в Империи по образцу западноевропейскому, введя систематическую регистрацию, фотографирование, конспирирование внутренней агентуры и т.д.»⁵³.

Однако все попытки создания централизованной системы регистрации упирались в недобросовестное выполнение правил фотографирования на местах. «Практика политического розыска за последние годы показывает, какую массу затруднений вызывает установление личности даже наиболее выдающихся и опасных преступников, хотя бы в руках полиции и имелись, как это часто оказывалось, доказательства их преступного прошлого, приметы и фотографии, но снятые настолько небрежно и бессистемно, что в нужный момент нет никакой возможности быстро использовать накопившийся о данном лице материал, разбросанный к тому же в различных делах и архивах»⁵⁴.

События 1905 г. подтолкнули власть к реформированию полиции, что отразилось, в том числе, на ужесточении правил производства фотографических карточек. В 1906 г. Министерство внутренних дел подготовило «Инструкцию фотографирования преступников и составления карты с описанием примет», которая адаптировала основные достижения Бертильона к условиям российской полиции. Сведения по антропометрической системе накапливались как в результате командировок служебных чинов (например, специально для изучения основных европейских антропометрических станций и крупных фотографических фабрик с целью выяснения наилучшего фотографического аппарата для розыскных целей был отправлен начальник 8-го делопроизводства департамента В.И. Лебедев⁵⁵; в 1907 г. сам директор департамента М.И. Трусевич для ознакомления с постановкой полицейской службы был направлен в Англию, Германию, Францию⁵⁶), так и с помощью всемирных и международных выставок.

Департамент разослал «Инструкцию по составлению регистрационной карты» с шаблоном, помогающим составлению примет, и «образцовыми» фотографическими снимками преступников. Теперь на каждое задерживаемое по какому-либо поводу или привлеченное к дознанию в качестве обвиняемого лицо предписывалось составлять особую карту с описанием примет, строго придерживаясь требуемого инструкцией порядка и указан-

⁵³ Заварзин П.П. Работа тайной полиции // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т 1. М., 2004. С. 443.

⁵⁴ ГА РФ. Там же.

⁵⁵ Лебедев В.И. Указ. соч. С. 2.

⁵⁶ Перегудова З.И. Указ. соч. С. 48–49.

Фотография
неизвестного.
Выполнена агентом
наружного
наблюдения. 1900-е гг.
ГА РФ. Ф.1742. Оп. 7.
Д.1294. Л.1

ной в прилагаемых образцах формы. Затем два экземпляра такой карты, заполненной всеми сведениями с наклеенными на нее фотографиями, не позже как на другой день изготовления карточек отсылали в департамент в регистрационный отдел. Все последующие донесения или дознания подшивались в дело на основании указаний о том, когда и под каким номером фотографии задержанных или обвиняемых были отправлены в отдел.

Съемки предписывалось проводить в день задержания или же никак не позже следующего дня, причем, кроме требуемых системой Бертильона двух фотографий в профиль и анфас, требовалось снять еще третью фотографию «во весь рост и в том самом головном уборе и верхнем платье, вообще в том внешнем виде, в каком преступник был в момент задержания»⁵⁷.

С лиц, которые были привлечены к дознанию, но не были арестованы, также необходимо было сделать снимки «при первой возможности»⁵⁸. При невозможности произвести съемки департамент настоятельно требовал, минуя процедуру фотографирования, немедленно внести в регистрационную карту все предусмотренные ее вопросными пунктами сведения о приметах. Фотографию же требовалось достать любым способом: открытой съемкой, агентурным путем и т.д.

И карту примет, и все полученные снимки необходимо было немедленно высылать в департамент, оговорив в предварительной бумаге о

⁵⁷ Циркуляр Департамента полиции по регистрационному отделу от 29 декабря 1906 г. «О правильном судебном-полицейском фотографировании и систематическом описании примет» (ГА РФ. Там же).

⁵⁸ Там же.

причинах, препятствовавших полному составлению регистрационной карты с фотографией. Добытые же при обысках или осмотрах, или иным путем фотографии лиц неизвестных, но по какой-либо причине заслуживающих внимания в интересах розыска и дознаний, следовало также (в копиях) препровождать в департамент на предмет установления личности. Опознанные, подозрительные лица вносились в особую вводимую для этого регистратуру с указанием всех относящихся к данному лицу сведений.

Фотографические отделения и антропометрические бюро стали необходимыми элементами сыскных отделений. Довольно быстро в них накопилось большое количество материалов. Такие коллекции, по мнению их создателей, служили важным вспомогательным средством для ознакомления с преступниками и способствовали раскрытию преступлений⁵⁹. При 8-м делопроизводстве департамента были организованы специальные курсы практических занятий по фотографии для начальников всех сыскных отделений.

Хранившиеся при сыскных отделениях, музеях, при канцеляриях губернаторов альбомы выдавались на руки филерам и жандармским офицерам. Альбомы с карточками «боевиков» могли высылаться прямо из департамента, с тем чтобы филеры и унтер-офицеры могли немедленно приступить к их изучению.

Понимание идеи изменчивости тела, способность распознать человека за возможными трансформациями (как связанными с естественными процессами, так и намеренными переодеваниями) были предметом долгих тренировок специальных агентов наружного наблюдения. П.П. Заварзин писал об этом следующее: «У филеров с течением времени выработывалась специальная особенность — запечатлевать и представлять себе в памяти лицо лишь по фотографическому снимку, или по точно указанным приметам как действительно ими виденного в натуре человека. Внешность наблюдаемого сохранялась в памяти у способного агента в течение многих лет, несмотря на массу лиц, которые проходили перед его глазами»⁶⁰.

Для того чтобы представить масштабы изготовления фотографий политических преступников, можно привести в пример доклад 8-го делопроизводства департамента. Так, в феврале 1913 г. (возможно, в связи с 300-летием дома Романовых) по просьбе Особого отдела было экстренно

⁵⁹ Вестник полиции. 1907. № 3. С. 20–22; Там же. 1913. № 38. С. 865–866.

⁶⁰ Заварзин П.П. Указ. соч. С.428.

изготовлено 13 518 фотографических карточек менее чем за месяц с 61 террориста⁶¹. Как писал В.И. Лебедев: «В виде экстренности исполнения этой работы и принимая во внимание, что фотография департамента в течение присутственного времени может изготовлять не более 400—500 экземпляров, необходимо для ускорения исполнения всего заказа назначить четырех чиновников вверенного мне делопроизводства на занятия в течение 15 вечеров с тем расчетом, чтобы ежедневно изготовлялось по 1000 фотографических карточек»⁶². Также Особый отдел заказал 15 тыс. карточек политических преступников в мае и июне 1912 г. (к торжествам, приуроченным

Портрет арестанта
в халате.
Россия, конец XIX в.
ГА РФ. Ф. 1742.
Оп. 7. Д. 1648. Л. 2

к открытию памятника императору Александру III в Москве) и около 4 тыс. экземпляров в июле и августе 1912 г. (к юбилею Отечественной войны 1812 г.). Но даже при самых больших расходах, как указывал Лебедев, траты фотографии не превышали 160 рублей в месяц.

В 1908 г. ввиду загруженности фотографии при Сыскном отделении заказами ГЖУ было решено разделить потоки фотографирования: пере-съемкой писем и других документов занималась фотография департамента, а в Сыскную часть направлялись лишь фотографии лиц, привлекаемых к дознаниям. Тогда же приняли решение об устройстве фотографической лаборатории и павильона при департаменте. Во всех остальных губерниях признали целесообразным возложить работу по съемке политических пре-

⁶¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 33. Д. 14. Л. 78.

⁶² Там же.

ступников на учрежденные во всех губернских городах сыскные отделения, установив определенную общую для всех плату за каждый снимок (вначале рассматривался также вариант снабдить всех начальников ГЖУ фотографическими аппаратами).

Также в 1908 г. при 8-м делопроизводстве Департамента полиции было создано «образцовое» Центральное регистрационное бюро. Сюда все сыскные отделения предоставляли подробно составленные фотографическо-регистрационные карты преступников, которые тщательно проверялись работниками бюро и затем классифицировались по системе «словесного портрета» и дактилоскопической формуле. Все сыскные отделения обязаны были в целях установки и проверки личности обращаться в бюро (правом пользоваться его услугами могли также судебные учреждения). По имеющимся отчетам можно увидеть, что работа бюро не всегда оправдывала возложенные на него ожидания. Например, из присланных за одно из полугодий 107 запросов по справкам бюро было выяснено 18 лиц, из них 10 совместно с центральным дактилоскопическим бюро при Главном тюремном управлении. Сравнительно небольшое количество случаев установок личности объяснялось «особенной трудностью наведения справок в обширном материале регистрационного бюро, при необходимой опытности и напряженности внимания лиц, наводящих справки»⁶³.

Еще одной стороной деятельности полицейских служб было знакомство публики с преступным миром посредством фотографий. При каждом сыском отделении имелись альбомы преступников, карточки в которых размещались по категориям преступлений. В некоторых отделениях в отдельных комнатах фотографии преступников развешивались прямо на стенах. «Причем, — как писал один из авторов «Вестника полиции», — для публики всегда открыты двери сыскных отделений и в любое время всякий может приходиться и по фотографиям проверить, не проникла ли к нему в дом под видом прислуги воровка, не является ли шулером тот господин, с которым он в последнее время встречался в клубе и т.п.»⁶⁴.

При полицейских учреждениях также устраивались музеи. Одним из первых был в 1900 г. открыт музей при столичной полиции (после 1905 г. переведен в Казанскую часть). Здесь, в уголовно-сыском отделе, кроме «обширных коллекции орудий убийств, краж, мошенничеств, подделок

⁶³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 35. Д. 437. Л. 2 об.

⁶⁴ Вестник полиции. 1914. № 6. С. 143.

А. Кузнецов. Лист из альбома «Типы и виды Нерчинской каторги». 1891 г.

денежных знаков»⁶⁵, хранилось 27 больших альбомов с фотографическими карточками и биографическими сведениями преступников, «причем каждому специальному виду преступников отведен специальный альбом», а также альбомы с фотографиями мест преступлений. По стенам также развешивались фотографии «типичнейших бродяг, рецидивистов, карманных воров»⁶⁶ и т.д.

Включение фотографии в практику полицейских и жандармских учреждений Российской империи привело к обновлению всей структуры ведения дел по розыску и идентификации преступников — фотографические павильоны стали обязательным элементом сыскных отделений, сотни учетных карточек со снимками с разных концов империи ежедневно отправлялись в Центральное регистрационное бюро, циркуляры с копиями изображений высылались из департамента в жандармские управления и канцелярии губернаторов.

Применение съемок в особенности отразилось на сфере политического сыска, который использовал методы наружного (бесконтактного и незаметного) наблюдения. Фотография продемонстрировала свою эффективность в качестве превентивного метода — она позволяла не только фиксировать лиц, совершивших преступления, и предотвращать рецидивы, но и следить за подозреваемыми — потенциальными правонарушителями.

⁶⁵ Там же. 1907. № 3. С. 21.

⁶⁶ Там же.

Кроме того, фотография вносила в деятельность полиции представление о временном факторе и нестабильном характере наружности. С ее помощью служебные чины тренировались опознавать личность, независимо от возраста, одежды и других «маскировочных» внешних признаков. Этот элементарный и базовый для сегодняшнего дня навык в действительности начал складываться лишь на рубеже XIX—XX вв. Неслучайно суть уголовной фотографии определялась в журналах полиции 1900-х гг. следующим образом: «Чтобы снимаемое лицо могло быть опознано при помощи сличения фотографических карточек, изображающих по предположению одно и то же лицо, но снятое в разное время»⁶⁷.

⁶⁷ Вестник полиции. 1913. № 50. С. 1118—1119.

Ключевые слова:

полицейский архив, криминалистическая фотография, Департамент полиции, метод Бертильона, идентификация

Nadezhda A. Krylova

THE HISTORY OF THE POLICE PHOTO FROM THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY TO THE BEGINNING OF THE XX CENTURY IN RUSSIA

The article explores how, from the examples of Russian documents, Russia considered changing the process of police and gendarmerie practice. Connected to this was the emergence of the photo in the middle of the XIX century as a method for registering and identifying criminals.

Particular attention is paid to the political police and political criminal figures, and the exceptional importance of photographic cards in the investigation of politically unreliable persons. Interest arises in connection with the various forms of storage and organization of this visual material — i.e. catalogs and archives. The archives of the Chief of Police of the Russian Empire are gathered under the direction of the Police Department. This article discusses some of the features related to the Bertillon method, his perception of Russian society and possible alternatives.

 Крылова Надежда Александровна

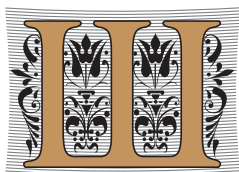
аспирант Института «Русская антропологическая школа»
Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ),
главный специалист Отдела учета и хранения
«Мультимедийного комплекса актуальных искусств»

Е.Ю. Наумов

КАРТЫ МОСКОВИИ: ГОЛОГРАФИЯ ОЧЕВИДНОГО

Рец. на кн.: *Кивельсон В. Картографии царства:
Земля и ее значения в России XVII века /*
Пер. с англ. Н. Мишаковой; науч. ред. пер. М. Кром.
М.: Новое литературное обозрение, 2012

III есть лет разделяют выход в свет монографии американского историка Валери Кивельсон «*Cartographies of Tsardom*»¹ и ее публикацию на русском языке. За это время позиционирование автора в научном сообществе существенно изменилось. В 2006 г. в «*послужном списке*» В. Кивельсон было только одно крупное исследование о русском дворянстве и политической культуре XVII в.² В последующие годы (не считая статей) она заявила о себе как соредактор научных сборников о Русской православной церкви, русской визуальной культуре и «*новой*» московской культурной истории³, а также подготовила к печати труд о колдовстве в

¹ *Kivelson V. Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Cornell University Press, 2006.*

² *Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford University Press, 1996.*

³ *Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars / Edited by V. Kivelson, R.Green. The Pennsylvania State University Press, 2003; Picturing Russia: Explorations in Visual Culture / Edited by V. Kivelson, J. Neuberger. New Haven; L.: Yale University Press, 2008; The new Muscovite cultural history: a collection in honor of Daniel B. Rowland / Edited by Valerie A Kivelson; Daniel B Rowland; et al. Bloomington, Ind.: Slavica Publishers, 2009.*

России в XVII в., который выходит из печати осенью 2013 г.⁴ В настоящее время В. Кивельсон является профессором истории Мичиганского университета США⁵.

К изучению русских карт В. Кивельсон приступила еще в 90-х гг. прошлого века, опубликовав ранние версии глав 2 и 4 будущей книги в виде статей в 1999 г. (с.14)⁶. Вслед за «Картографиями» последовали новые статьи о картах⁷, а совсем недавно, весной 2012 г. В. Кивельсон выступила с лекцией «Отображение Святой Руси: картография и иконы в России раннего Нового времени» в рамках научного симпозиума, приуроченного к открытию выставки русских карт в музее русских икон в Клинтоне (штат Массачусетс, США)⁸.

Взяв в руки «Картографии», российский читатель не предполагает, что издательство «Новое литературное обозрение» полностью изменило внешний дизайн книги. На обложке американского издания «Картографий» помещена российская карта XVII в. — окрестности Углича — из фонда Поместного приказа РГАДА; она анализируется во второй главе книги (с. 65, 70). На обложке российского издания присутствует фрагмент плана Москвы С. Герберштейна, напечатанного в Базеле вместе с его «Записками» в 1566 г.⁹; В. Кивельсон упоминает о нем единожды в первой главе (с. 37). Такое издательское решение, вероятно, выгодно с точки зрения книжного маркетинга, но чревато мистификацией покупателя. Многочисленные рецензии на «Картографии»¹⁰ показывают трудности их определения в поле

⁴ Desperate Magic: The Moral Economy of Witchcraft in Seventeenth-Century Russia. — Expected publication: October 2013 by Cornell University Press.

⁵ См.: http://www.lsa.umich.edu/history/people/faculty/ci.kivelsonvaleriea_ci.detail

⁶ Здесь и далее в скобках указаны страницы книги В. Кивельсон.

⁷ См., напр.: Kivelson V. Mapping serfdom: peasant dwellings on seventeenth-Century litigation Maps // Picturing Russia... P. 47–50.

⁸ См.: <http://museumofrussianicons.org/en/visit/what-s-happening/events-calendar/symposium-comprehensive-review-of-historic-russian-cartography/>

⁹ См.: Герберштейн С. Записки о Московии/ Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко вступ. ст. А.Л. Хорошкевич; под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 367–368.

¹⁰ См., напр.: Charles Halperin. Review of «Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia» and «Ocherki istorii rossiiskoi simvoliki: Ot tamgi do simvolov gosudarstvennogo suvereniteta» // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2007. Vol. 8. No. 4. P. 887–896; Turnbull D. Review of «Valerie Kivelson. Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2006» // Comparative Studies in Society and History. 2008. Vol. 50. P. 819–820; Берелович А. Картографии царства. Земля и ее образ в России XVII в. Итака; Лондон: Корнелл университ пресс, 2006 // Средние века. Вып. 69 (4). М., 2008. С. 49–55; Чекин А.С. Пространственные представления в Московском государстве и ориентации русских географических черте-

современного гуманитарного знания (во всяком случае, в рамки *historia Rossica*¹¹ книга вписывается с большим трудом).

На наш взгляд, это связано, прежде всего, с особенностями языка и стиля В. Кивельсон — яркого по форме и далеко не всегда внятного по содержанию. Автор свободно переходит от научных дефиниций к публицистике, иронии и юмору; не различает «своего» и «чужого», «историографического» и «исторического»; многократно варьирует одни и те же тезисы; акцентирует эмпирические детали и пропускает необходимые теоретические обобщения. В. Кивельсон как будто приглашает читателя самостоятельно сформулировать цель и задачи исследования, его теоретические и методологические основания, историографическую базу, проблемное поле и т.д., поскольку ни одна из указанных позиций не представлена в книге четко и однозначно. «Картографии» воспринимаются как принципиально незавершенный текст, отражающий определенный этап реализации многолетнего исследовательского проекта В. Кивельсон, связанного с русскими картами. Это, в сущности, не одна, а несколько книг, собранных под общей обложкой по принципу дополнительности.

Источниковая база «Картографий» включает российские карты XVII в. и связанные с ними вербальные тексты; карты Западной Европы и Нового света XVI—XIX вв. (с. 131—133, 237—242); русские и западноевропейские иконы и фрески XIV—XVII вв. (с. 152—158).

Российские карты, в свою очередь, распадаются на две разновидности. Первая разновидность — это крупномасштабные рукописные топографические карты Центральной России (всего около 500 карт)¹². Они создава-

жей второй половины XVII в. // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 2. С. 156—165; Кром М.М. В. Кивельсон. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII в. // Отечественная история. 2008. № 6. С. 150—152; Борисов В. Valerie A. Kivelson, Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006) // Ab Imperio. 2009. № 1. С. 448—455; Мильчин К. Книга Валери Кивельсон: Паранойя невиданных масштабов // Ведомости. 06.07.2012; Краснослободцев В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века — <http://mingitau.livejournal.com/184590.html>; Стахов Д. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. // Московский книжный журнал. 25.07.2012 — http://morebo.ru/newbooks/item/1343218712234?category_id=37; Мирошкин А. Чертеж цвета осени // НГ-Exlibris. 14.02.2013.

¹¹ Так, кстати, называется серия издательства «Новое литературное обозрение», в которой «Картографии» были опубликованы в России.

¹² В. Кивельсон составила карту районов происхождения этих источников, извлеченных из фонда Поместного приказа РГАДА и в основном локализующихся в центре Восточно-Европейской равнины. См. с. 21.

лись подьячими московских приказов или самыми разными грамотными людьми на местах¹³ и использовались в судебных процессах по поводу споров из-за недвижимого имущества. Подавляющая часть таких карт, подающихся датировке, относится к последней четверти XVII в. Большинство их сохранилось в составе судебных дел, что обеспечивает возможность комплексного анализа (с. 19, 43–44). Вторая разновидность — это мелкомасштабные карты Сибири или ее отдельных регионов, изготовлявшиеся в XVII в. «работниками фронта» — казаками, подьячими, дипломатами и т.д. Многие из этих карт также сохранились вместе с сопутствующими документами (с. 20, 162–163).

Историографическая база «Картографий» обширна и разнопланова: наряду с англо- и русскоязычными трудами по истории российской и мировой картографии (в том числе новейшими) она включает исторические, культурологические и историко-культурные исследования¹⁴.

Проблемное поле «Картографий» носит выраженный междисциплинарный характер, отражая «включенность» В. Кивельсон в такие направления современного гуманитарного знания, как новая культурная история (*new cultural history*)¹⁵, визуальные исследования (*visual studies*)¹⁶ и исследования пространства (*cultural studies*)¹⁷. Помимо этого, интересы автора связаны с теорией и историей картографии (мировой и российской) и историей России (особенно раннего Нового времени).

Основными элементами предметно-концептуального поля «Картографий» выступают «люди» и «места»¹⁸: варианты их взаимосвязи, по мнению В. Кивельсон, позволяют осмыслить многообразие исторического развития в Новое время (с. 23, 284). Если в Англии XVII в. «огораживания» привели к отрыву массы «людей» от их «мест», а в Новом Свете рабы не считались «людьми» и прикреплялись не к «месту», а к хозяину

¹³ В их числе местные воеводы, дворяне и дети боярские, солдаты, межевщики, писцы и др.

¹⁴ Текст книги снабжен подробными авторскими примечаниями библиографического и аналитического характера (с. 284–332), списками архивных источников и опубликованных работ (с. 333–352), а также именованным указателем.

¹⁵ См., напр.: *Cultural Studies* / Edited by Lawrence Grossberg, Cary Nelson, Paula Treichler. New York and London: Routledge, 1992.

¹⁶ См., напр.: *Mitchell W.J.T. What is Visual Culture?* // Irving Lavin, ed. / *Meaning in the Visual Arts: Views from the Outside*. Princeton, NJ: Institute for Advanced Study, 1995.

¹⁷ См., напр.: *Landscape and Power* / Edited by W.J.T. Mitchell. 2nd edition. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2002.

¹⁸ В таком контексте «место» для В. Кивельсон встраивается в синонимичный ряд с «очеловеченным» пространством, определенной территорией, где живут и трудятся люди.

(с. 131), то в России ситуация была качественно иной. За исключением холопов, у которых не было ни прав, ни «мест», и бояр, чьим «местом», по сути дела, были Кремль и царский двор (с. 281–282), все остальное население было юридически и административно прикреплено к определенным «местам» и через это прикрепление обретало свой социальный статус, становилось подданными царя и жителями одной общей страны (с. 28–29).

Цели написания «Картографий» формулируются автором по-разному: показать особую роль пространства в истории России XVII в. (с. 279); обосновать научную значимость «субъективного» чтения карт (с. 22–24); пересмотреть ряд устоявшихся историографических представлений о России, в том числе о самодержавии, крепостничестве, духовно-религиозной жизни и формировании империи (с. 24).

Теоретические основания «Картографий» представлены в их тексте косвенно, отдельными «сопутствующими» замечаниями автора. В. Кивельсон интерпретирует феномены пространства и визуальности в контексте взаимодействия «видящего мозга» и «думающего глаза»¹⁹, а к картографическим практикам подходит как к одному из способов визуально-символического присвоения пространства человеком, видя в картах не «отражение», а конструирование реальности, что, в свою очередь, позволяет им быть активными участниками общественной жизни и социальных коммуникаций. На карте человек рисует пространство таким, каким, по его мнению, оно должно быть — в соответствии с его собственными представлениями о «своем» и «чужом», «правильном» и «неправильном» и т.п., а нередко следуя корыстным личным побуждениям. Будучи созданной, карта «отрывается» от своего автора и самостоятельно включается в разнообразные человеческие практики, начиная эксплуатировать свою априорную очевидность по принципу «изображено, значит существует». Карта обнаруживает особую «трансформирующую силу» (с. 23 и след.) и может использоваться властью и населением для описания и контроля повседневной жизни; легитимации и унификации управления и суда; мобилизации и регулирования миграционных потоков; трансляции религиозных и светских смыслов и др.

Методология «Картографий», непосредственно ориентированная на анализ карт, может быть названа «субъективной»: В. Кивельсон сознатель-

¹⁹ См., напр: Zeki Z. A vision of the brain. London: Blackwell Scientific Publications, 1993; Enns J. The thinking eye, the seeing brain: explorations in visual cognition. New York: W.W. Norton, 2004.

но перемещает исследовательский фокус с выяснения достоверности и полноты карт на раскрытие заложенных в них конкретно-ситуативных и общекультурных смыслов (с. 22–23). Наряду с этим, В. Кивельсон широко использует сравнительно-исторический анализ, сопоставляя российские картографические практики с современными им практиками Старого и Нового Света.

О методике «Картографий» можно судить по особому «вопроснику», используемому В. Кивельсон. Что и почему изображается (и не изображается) на карте? Каким образом на ней выделяется главное? В чем сходство и отличия в показе природно-географического ландшафта и артефактов, созданных человеком? Как показаны субъективно-смысловые связи отдельных визуальных элементов карты? Как соотносятся «картинка» и текст на карте, что и каким образом вербализуется? Какие факторы определяют размер и форму карты? Почему составлялись черно-белые и цветные карты? Как формируется общая цветовая палитра карты, как «работает» на ней каждый отдельный цвет?

Структура «Картографий», при общей логичности, обнаруживает заметное число сюжетно-тематических совпадений между главами. Остановившись на основных этапах и социально-политическом контексте развития российской картографии (гл. 1), В. Кивельсон переходит к рассмотрению местных карт Центральной России как «участника» судебно-имущественных тяжб XVII в. (гл. 2 и 3), а затем выявляет их общекультурные смыслы путем сопоставления с религиозной живописью (гл. 4). Вторая половина книги посвящена картам и текстам Сибири XVII в., которые анализируются с точки зрения их смыслового ряда (гл. 5), репрезентации «миссии» русских переселенцев (гл. 6) и положения нерусского населения (гл. 7), а также в качестве инструментов «протоимперской» территориальной экспансии первых Романовых (гл. 8).

В главе первой В. Кивельсон отмечает, что истоки российской картографической традиции восходят к XII в. («Степанов камень»), а первой русской бумажной картой, очевидно, следует считать набросок плана Кирилло-Белозерского монастыря конца XIV — первой четверти XV в. О более или менее выраженной практике составления карт в России можно говорить начиная с XVI в. При Иване Грозном²⁰ уже составлялись уездные карты, но они не сохранились, как и «Большой чертеж» Бориса Годунова — первая попытка создать сводную карту всего государства. Во вто-

²⁰ В. Кивельсон справедливо рассматривает писцовые книги как «словесные карты государства и его ресурсов» — см. с. 39.

рой половине и особенно в последней четверти XVII в. начинается бурный рост российской картографии, обусловленный двумя важнейшими процессами эпохи: прикреплением населения к «местам» проживания и активизацией колониальной экспансии на восток. XVIII в. ознаменовался смелыми картографическими инициативами Петра I и всеобъемлющим Генеральным межеванием Екатерины II, в царствование которой научное топографическое картографирование стало неотъемлемой частью русской жизни (с. 33–47).

Во второй главе В. Кивельсон приступает к изучению местных карт в составе сохранившихся комплексов судебно-имущественных дел XVII в. из центральных районов России. Они отражают яркую картину ожесточенного столкновения противоположных интересов и устремлений, в центре которого почти неминуемо оказывается карта:

«После надлежащего разбирательства, в ходе которого приказные люди проверяли старые акты и документы, собирали сотни свидетелей, получали их показания и вместе с ними обходили границы от реки к ручью, от родника к болоту, от осины к дубу, ситуация развивалась стандартным образом. Проигравшая сторона, услышав приговор, с негодованием протестовала против коррупции и неправильного ведения расследования» (с. 75).

Аргументы сторон, как правило, создавали для представителей власти тупиковую ситуацию: в самом деле, как подтвердить или опровергнуть обвинения в том, что следователи в своих опросах ограничивались «ближними и не дальними людьми» (или наоборот); что они опрашивали свидетелей избирательно, а не поголовно; что они составили карты, ни разу не сходяв на сами земли, и т.п. (с. 75–77).

Власть, стремясь в точности следовать ею же выработанным запутанным юридическим правилам и процедурам, закрепленным в Соборном уложении 1649 г., либо отправляла дело на новое расследование, которое грозило аналогичным тупиком, либо откладывала его разрешение, — и тогда оно могло тянуться годами и десятилетиями. Изредка судьи выносили вердикт в пользу самой жалостливой или самой выгодной для них версии (с. 78).

«Государство не имело непосредственного доступа к местной “правде”, но из-за своих же правил не могло ничего решить без этой правды» (с. 79).

Судебная система первых Романовых была совершенно неэффективной, но ей удалось дистанцироваться от участников судопроизводства, занимая позицию «над схваткой». Со своей стороны, подданные охотно использовали разнообразные инструменты манипулирования судом, в том числе и с помощью карт (с. 79–83). Отношения власти и населения, следовательно, включали элементы диалога и договора, что позволяет говорить о России XVII в. как стране с «культурой высокой законности», «успешном» государстве раннего Нового времени (с. 81–86).

На предъявляемых в суды картах, отмечает В. Кивельсон в главе третьей, российские крестьяне XVII в. не предстают как рабы или имущество. Наоборот, они воспринимают себя в качестве активных и признанных членов общества, имевших не только обязанности, но и определенные права, в том числе право давать свидетельские показания, на основании которых составлялись карты, и, таким образом, участвовать в имущественной тяжбе:

«Их подписи втискиваются в любое свободное место[карт], скапливаясь по краям, появляясь на листочках бумаги, приклеенных к нижнему краю, заполняя обороты и перетекая на дополнительные листы бумаги» (с. 113–114).

Поскольку размер наделов крестьян зависел от общего земельного фонда их господина, они были кровно заинтересованы в благожелательном для него решении суда. Обосновать право на землю можно было, доказав явное присутствие на ней крепостных, и здесь карта оказывалась просто незаменимой. Наряду с церквями и деревьями, крестьянские жилища (как правило, преувеличенных размеров) всегда присутствуют на местных картах, тогда как господская усадьба — лишь иногда²¹. Предъявляя такую карту в суд, землевладелец заявлял о себе как об уважаемом собственнике заселенных владений (с. 119, 124–126).

Запутанные поземельные отношения, свойственные России XVII в., резко контрастируют с визуально-однозначными (а нередко и эстетически привлекательными) образами местных карт (с. 109).

²¹ В. Кивельсон показывает, что русские карты XVII в. похожи на современные им английские кадастровые карты, где часто изображались дома фермеров-арендаторов. На картах имений, составлявшихся в тот же период в английских колониях в Северной Америке, где рабы считались движимым имуществом, их жилища отсутствуют (с. 131–133).

Карта представляла земельную собственность как территорию с четкими границами, имеющими особые видимые ориентиры, отделяющие ее от чужих владений, пустошей и других категорий земли. Некоторые карты просто поражают своей геометрической правильностью:

«Составитель карты... должно быть, пользовался линейкой и циркулем, либо обладал невероятно твердой рукой. Каждый угол — это идеальный прямой угол, каждая окружность имеет идеальную круглую форму, а ее концы ни на миллиметр не расходятся и не перекрывают друг друга» (с. 110)²².

В ландшафты Европейской России земельная собственность, однако, «вписывалась» с большим трудом, поскольку ее граница обыкновенно шла

«...вверх по дороге. За дорогою яма, а в ней береста, а от ямы на сосну, на ней грань и от сосны старою межею...» и т.д. (с. 96).

Опознаваемые ориентиры границ, отделявшие «свое» от «чужого», стихийно стирались природой и сознательно уничтожались людьми: реки меняли свои русла, болота высыхали, низины превращались в овраги, кустарник прорастал лесом; межевые ямы засыпали или запахивали, столбы выкорчевывали или переставляли на другое место, а клейма на деревьях намеренно стирали. К тому же составители карт и их информаторы случайно или намеренно путали названия и описания участков земли.

В общем и целом, карты, конечно, не могли навести порядок в расплозавшемся, непокорном, постоянно перемещающемся ландшафте (с. 99–107). В качестве инструментов «прямого и непосредственного социального действия» они оказались совершенно неэффективны; тем не менее, они

«...постепенно способствовали росту и укреплению крепостничества как за счет создания наглядной формы для его пространственного порядка, так и ... благодаря наглядному и юридическому выражению взаимных и общих отношений к земле, которых требовало крепостничество» (с. 137–138).

²² Речь идет о карте, составленной дьяком Поместного приказа Андреем Смоляниным — см. с. 112.

В четвертой главе «Картографий» В. Кивельсон излагает свой вариант интерпретации внеситуативных (общекультурных) смыслов местных карт XVII в. Их яркий декоративизм на первый взгляд кажется явно избыточным. Ведь карта создавалась для практических целей, и ее автор, казалось бы, мог ограничиться черно-белым рисунком, деревьями без листвы и церквями без архитектурных деталей; в крайнем случае, было бы достаточно схематичных контуров и минимальных словесных пояснений (с. 141–142).

Почему же этого не происходит? В. Кивельсон рассуждает следующим образом. Создатели местных карт — это в основном представители средних слоев населения, весьма далекие от высокой столичной «книжной» культуры и к тому же непрофессиональные рисовальщики. Их визуально-культурный опыт формировался тем изобразительным материалом, с которым они постоянно сталкивались в повседневной жизни (с. 160), и в первую очередь религиозной живописью, язык которой — знакомый с детства, выразительный, упорядоченный, символически-смысловой — предоставлял в их распоряжение готовый набор образцов для изображения окружающего мира (с. 143, 146).

Появление на иконах развернутого природного и архитектурного фона и возникновение картографии в России происходили примерно в одно и то же время — во второй половине XVII в. (с. 155); религиозно-живописные и картографические практики взаимно обогащали друг друга, формируя единый визуально-культурный континуум.

«Несомненно сходство коврового рисунка лесов на картах с лесами на иконах. Похожие на цветы, многоярусные деревья, столь знакомые по иконографическим ландшафтам, несли на иконах определенный смысл. Если мы обратимся к иконографии как словарю визуальных символов, определение зеленого ландшафта будет очевидным: деревья обозначают рай — либо на земле, либо на небе» (с. 152).

Подобно иконам и фрескам, карты выражают радостное видение человеком своего места в Божьем мире и проецируют этот оптимизм на земное настоящее. Намеренно или нет, картографы изображали природу Московии одновременно как далекий отголосок потерянного Эдема — место, где живет, трудится и поклоняется Богу человек, — и как прообраз грядущего рая (с. 159).

В пятой и последующих главах «Картографий» В. Кивельсон обращается к мелкомасштабным картам Сибири, показывая их типологическую

близость к крупномасштабным картам Европейской России: обе разновидности карт репрезентируют один и тот же тип взаимодействия природы, социума и визуально-культурных практик, характерный для России XVII в.

Русские переселенцы, сравнивая природу Сибири и природу Центральной России, находили в них больше различий, чем сходства. Что же касается сибирского социума, то он, вероятно, казался им знакомым и привычным: та же самая ситуация многообразия народов, верований, типов хозяйства и форм политической жизни издревле была характерной для Восточно-Европейской равнины, и к ней вполне привыкли (с. 224–225, 228).

Поэтому в Сибири, как и в Центральной России, власть старалась административно закрепить население за определенными «местами»²³, а население идентифицировало себя «по месту», приобретая тем самым определенный социальный статус и связанные с ним права (с. 217).

Сибирским картографам не нужно было изобретать нового языка карт, поскольку в их распоряжении имелись и местные карты Центральной России, и религиозная живопись, откуда эти карты черпали свои визуальные знаки и смыслы. Они, пусть и не до конца последовательно, стремились представить сибирское пространство как привычное и узнаваемое, как продолжение Московии, «укрошая» его родными образами городов и церквей (с. 208).

Сибирские карты, как показывает анализ атласов и текстов С.У. Ремезова, были так же наполнены христианским смыслом, как местные карты Центральной России (с. 181–196). Сибирь могли изображать как ад или рай, а нередко — как тихую и счастливую отчизну, приглашавшую русских на свои просторные равнины в созданный Богом идеальный мир (с. 163, 172–178, 196).

И Европейская Россия, и Сибирь, с точки зрения создателей карт, в равной мере подтверждали чудеса Божественного творения, но первая представлялась благочестивой страной под управлением православного государя, где земля и люди были хранимы особой Божьей благодатью, а вторая — «пустым» пространством ужаса и проклятий, не озаренным Божественным светом (с. 200).

Русские переселенцы в Сибири, отмечает В. Кивельсон в шестой главе, не интерпретировали свою «миссию» в упрощенной логике «завоевания» и (или) «христианизации» (с. 202, 222):

²³ Применительно к кочевым племенам это удавалось сделать только на карте — с. 243–244.

«...русские считали, что им предназначено нести знамя православия, и достаточно было их собственного продвижения по континенту, чтобы христианство шло за ними следом» (с. 203–204).

Христианизация территории не обязательно предполагает обращение проживающего на ней языческого населения; достаточно расселить на ней русских православных людей и утвердить власть московского царя (с. 203, 208). «Христианизация без обращения» приводит, таким образом, к переплетению и слиянию «имперского» и «православного» (с. 222).

В главе седьмой В. Кивельсон изучает отношение русских переселенцев к местному населению Сибири. Колонизуя Новый Свет, европейцы ссылались на «право завоевания», «добровольное» получение территорий от местных вождей, «ненадлежащее» ведение хозяйства туземцами или важность обращения «невежественных» дикарей в «истинную» веру (с. 230). Русские переселенцы в Сибири также использовали похожие «аргументы», но чаще всего опирались на собственный исторический опыт, накопленный в Европейской России, стремясь зримо и наглядно показать свое реальное присутствие на той или иной территории: строили города, крепости и церкви (с. 231–233).

В. Кивельсон сравнивает русские карты Сибири и западноевропейские колониальные карты по трем параметрам: изображается ли местное население на карте; если изображается, то в каком контексте и каким образом. На европейских колониальных картах местное население либо полностью отсутствует, либо показано без привязки к конкретным географическим объектам: мало похожие на людей существа заполняют свободное место на листе бумаги, воспринимаясь, как экзотическая картинка или простой элемент декора (с. 237–239). Так создается впечатление незаселенной, свободной земли, которую впервые «открывают» люди — выходцы со Старого Света (с. 242).

На русских картах Сибири местное население обязательно присутствует и всегда «привязано» к определенной территории (в качестве географических ориентиров могут выступать, например, мечети и юрты); картографы приводят и местные топонимы (с. 243–244).

В. Кивельсон подмечает важную деталь: создатели сибирских карт стремились показать ее как множество «царств» с четкими внутренними границами и в то же время не акцентировали (а иногда вообще не фиксировали) государственные границы России (с. 248, 250–251).

Исторический опыт создания Российского государства путем «собиранья земель» вокруг Москвы побуждал С.У. Ремезова и других сибирских

картографов рисовать несуществующие границы несуществующих «царств», населенных несуществующими оседлыми народами (с. 254, 247–248). Сибирь должна была предстать в виде привычной мозаики разнообразных земель и пространств — завоеванных, номинально контролируемых или потенциально доступных, чтобы ее можно было упомянуть в конце официального титула царя Алексея Михайловича в качестве еще одной новой, отдельной, но неотъемлемой части Московского царства (с. 253, 257). Закрасить всю территорию Сибири одним цветом, превратив ее в огромное однородное «пятно», — так рисовали Британскую империю на картах более позднего времени — сибирские картографы не смогли бы даже в своем воображении (с. 252). Визуально присвоить пространство, не структурировав его, для них было невозможно.

В завершающей, восьмой, главе «Картографий» В. Кивельсон характеризует положение коренного населения Сибири во второй половине XVII в. Русская администрация, стремясь поддерживать «мир и порядок» в регионе, как правило, сохраняла сложившуюся там социальную организацию (с. 263). Народы Сибири, как и общественные «низы» в Европейской России, имели определенные права (с. 259, 268). Не подлежит сомнению, что русские широко применяли насилие в ходе завоевания и захвата Сибири, однако они не практиковали ни массового истребления местных племен и народов, ни их выселения с занятых территорий (с. 270, 277).

Рассчитывать на то, что в «Заключении» «Картографий» будут подведены «основные итоги исследования», можно лишь при самом поверхностном знакомстве с книгой В. Кивельсон: автор начинает «подводить итоги» уже во «Введении». Однако почти буквальное смысловое совпадение первых и последних страниц «Картографий» небесполезны для читателя, предоставляя в его распоряжение своего рода «входы» и «выходы» из пространства авторского текста:

«...москвиты воспринимали свою роль в мире в значительной степени в терминах пространства... Царское государство определяло своих подданных, их жизни и судьбы в соответствии с тем пространством, которое они занимали, а московские подданные, в свою очередь, заявляли о себе как об обитателях определенных мест» (Введение, с. 26).

«Предлагая способ понять свое буквальное и — более широко — фигуральное место в мире, пространственный анализ позволял

москвитам пустить корни в обществе, в мире и в божественном космосе, давая смысл и цель, статус и признание в обществе, которое во многих других отношениях страдало от неопределенности» (Заключение, с. 279).

 Наумов Евгений Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и технологий факультета истории, политологии и права РГГУ

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf») шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — 1–2 авторских листа (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); шрифт (кегель) — 14. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА
В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор.

Сноски

Оформление сносок:

1. Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.
2. *Иванов И.И.* История европейских стран. — М., 2002. С. 14.
Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.
3. *Иванов И.И.* К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем — 1500–2500 знаков с учетом пробелов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами:
формат TIFF или JPG;
размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

Материалы высылаются на электронный адрес: articles@historicalreporter.ru

ПОДПИСКА

Подписка на журнал возможна в любом почтовом отделении России и стран СНГ с любого месяца.

Наш индекс в каталоге «Почта России» — 83564.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Седьмой том «Исторического вестника»
будет посвящен истории уникальной
средневековой восточноевропейской державы
XIII—XVI вв. — Великого княжества
Литовского и Русского.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X-XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке